РЕПЕРТУАРЪ и ПАНТЕОНЪ.

ТЕАТРАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ,

издаваемое

В. МЕЖЕВИЧЕМЪ и И. ПЕСОЦКИМЪ.

9763
2644
Яб3

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

1844.

ГОСУДАРСТВЕН. АКАДЕМ.
Ленинград
Библиотека
имени А. В. ЛУНАЧАРСКОГО
ТЕАТР ДРАМЫ

ТОМЪ СЕДЬМОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Том VII

ОП

РЕПЕРТУАРЪ и ПАНТЕОНЪ.

1844.

КНИЖКА СЕДЬМАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ.

		Стр.
I.	Пловецъ. Стихотвореніе *Виктора К—ка*	1.
II.	Лучше-бъ я была сиротой! Драма въ трехъ дѣйствіяхъ. Сочиненіе *Графа Скарбека*. Перев. съ польскаго *С. П. Побѣдоносцева*	2.
III.	Женщина. Стихотвореніе *І. А*	43.
IV.	Евгенія Гранде. Романъ г-на *Онорé де-Бальзака*. (*Окончаніе.*)	44.
V.	*Къ ****. Стихотвореніе *І. А*	126.
VI.	Исторія драматической литературы. Карлъ Гоцци, венеціянскій Аристофанъ	127.
VII.	Ночь и утро. Стихотворенія ****	139.
VIII.	Современные сценическіе артисты. Плесси, актриса *Парижскаго Французскаго-Театра*. (Théâtre-Français)	141.
IX.	Ты и вы. (Изъ Б.). *Д. Т. Ленскаго*	148.
X.	Смѣсь. Золотая монета. (*Разсказъ, который можетъ служить сюжетомъ для водевиля*).—Краткій очеркъ жизни композитора Бертона.—Клавикорды Маріи Антоанеты.—Поклонникъ Тальмы.—Оба правы. (*Современный анекдотъ*).—Пасспортъ Боско.—Нигдѣ не напечатанное письмо Вольтера. — Корреспонденція танцовщицы Фанни Эльслеръ съ Китайскимъ Императоромъ. — Анекдоты и мелочи	150.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

М. Д. ОЛЬХИНА,

Коммиссіонера Министерства Финансовъ, Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, Главнаго Управленія Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій, Редакціи Полицейской Газеты и др.

на Невскомъ проспектѣ, противъ Арсенала Аничкова Дворца, въ домѣ Завѣтнаго и въ Гостиномъ дворѣ, по Суконной линіи, подъ № 13, поступили въ продажу слѣдующія книги:

(Цѣны на серебро.)

На сихъ дняхъ отпечатанная

ПОЛИТИЧЕСКАЯ

и

ВОЕННАЯ ЖИЗНЬ

НАПОЛЕОНА,

сочиненіе

генералъ-адъютанта, барона

Жомини,

переведенное съ французскаго

Н. Линдфорсомъ,

Съ приложеніемъ 45 листовъ картъ и плановъ сраженій и особаго къ нимъ описанія. Третье, исправленное изданіе М. Д. Ольхина; 2 тома, въ 4-ю долю листа. На лучшей веленевой бумагѣ. С. п. б., 1844 года. Цѣна за два тома и особое къ нимъ описаніе, плановъ сраженій, 10 р Вѣс. за 8 фунт.

САМОУЧИТЕЛЬ

ФРАНЦУЗСКАГО ЯЗЫКА,

или

РУКОВОДСТВО

НАУЧИТЬСЯ БЕЗЪ ПОМОЩИ УЧИТЕЛЯ ЧИТАТЬ, ПИСАТЬ И ГОВОРИТЬ ПО ФРАНЦУЗСКИ.

Въ двухъ частяхъ. С. п. б., 1844 года. На лучшей веленевой бумагѣ. Цѣна 75 коп. Вѣс. за 1 ф.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. 1844 года, іюня 30-го дня.

Ценсоръ *И. Ивановскій.*

въ типографіи К. Жернакова.

ПЛОВЕЦЪ.

Мрачно небо; воетъ буря;
Грустью сердце жметъ:
Скоро-ль, скоро-ль на лазури
Звѣздочка взойдетъ!

Скоро-ль къ пристани далёкой,
По распутью волнъ,
Утомленный, одинокой,
Мой причалитъ челнъ!

Пѣсня бури съ воемъ льётся;
Вторитъ плескъ валовъ;
Полотняный парусъ рвется —
Челнъ тонуть готовъ....

И послѣднее моленье
На устахъ дрожитъ:
Знать пловцу безъ пробужденья
Сонъ глаза смежитъ!...

Но, какъ блѣдная лампада,
Сквозь ночной туманъ,
Всходитъ звѣздочка-отрада....
Тише ураганъ....

И до пристани, къ покою,
Въ колыбели волнъ,
Тихо катится со мною
Утомленный челнъ....

ВИКТОРЪ К-КЪ.

Минусинскъ.

ЛУЧШЕ-БЪ Я БЫЛА СИРОТОЙ!

ДРАМА ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

*Графа Фридриха Скарбека**.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Старостина. **
Густавъ, сынъ ея.
Целина, ея воспитанница.
Матильда, подруга Целины.
Альфредъ.
Сосѣдка Старостины.
Эмилія, дочь ея.
Петро́ва. ***
Филиппъ, сынъ Петро́вой.
Инспекторъ полиціи.
Валентинъ, слуга Густава.
Янъ, незнакомый лакей.
Служанка Целины.
Столяръ.
Солдаты.

---

* Польская литература и въ-особенности драматическая, весьма мало знакомы у насъ, а потому съ величайшимъ удовольствіемъ и съ благодарностію почтенному переводчику помѣщаемъ мы въ нашемъ изданіи драму Графа Скарбека. *Ред.*

** Старостина, жена Старо́сты. — *Старо́ста* титулъ, который въ-старину давали польскіе короли, въ награду за услуги, вмѣстѣ съ землею, или старо́ствомъ. *Перев.*

*** Петро́ва — жена Петра. У Поляковъ, жонъ, особенно въ простонародьѣ, часто зовутъ по имени мужа. Такъ напримѣръ: Юзефо́ва, — Александро́ва — значатъ жена Юзефа, жена Александра. *Перев.*

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Дѣйствіе происходитъ въ деревнѣ, въ домѣ Старостины. Театръ представляетъ гостиную. Передъ поднятіемъ занавѣса слышенъ дуэтъ съ акомпаньементомъ на арфѣ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Целина, Густавъ, Альфредъ, Эмилія, мать Эмиліи, Старостина.

Целина *сидитъ, держа арфу, которой акорды только-что были слышны; передъ нею пюпитръ съ нотами. Подлѣ нея, съ нотами въ рукѣ, стоитъ Густавъ и смотритъ на нее съ восхищеніемъ. Альфредъ стоитъ за стульями Эмиліи и ея матери. Старостина съ безпокойствомъ смотритъ на сына.*

мать эмиліи. Прелестно! Давно не слыхала я такого голоса. (*Къ Старостинѣ*). Милая дѣвушка! Сколько красоты и таланта въ ней!

альфредъ (*тихо Эмиліи*). Взгляните на Густава: съ какимъ восхищеніемъ смотритъ онъ на Целину!

эмилія. Это нисколько не удивляетъ меня. (*Подходитъ къ Целинѣ и беретъ ее за руку*). Какой у тебя прелестный голосъ! Какое чувство въ пѣніи!...

целина (*встаетъ, Густавъ принимаетъ отъ нея арфу*). Я не заслужила вашихъ похвалъ. Отнесите ихъ не ко мнѣ, а къ сочинителю этой музыки.

альфредъ (*привѣтливо Целинѣ*). Скромность всегда подруга таланта.

(*Целина отвѣчаетъ ему улыбкой*).

мать эмиліи. И у Густава прелестный голосъ; кажется, нельзя лучше его вторить такой искусной пѣвицѣ.

альфредъ (*Целинѣ*). Особа, которой онъ вторилъ, вѣрно, умѣла одушевить его. Мы не замѣтили, чтобы выполненіе этой аріи было для него труднымъ.

густавъ (*разсѣянно.*) О, безъ-сомнѣнія!

мать эмиліи (*вставая, Старостинѣ.*) Время всегда такъ пріятно и такъ незамѣтно проходитъ для насъ въ вашемъ семействѣ. Мы позабыли о томъ, что солнце скоро зайдетъ, и что намъ предстоитъ цѣлая миля дурной дороги.

СТАРОСТИНА. Не спѣшите. Теперь смеркается очень-поздно. (*Смотритъ на Густава и зоветъ его*). Густавъ!

МАТЬ ЭМИЛІИ. Не забудьте, милая хозяйка, что намъ надобно ѣхать большимъ лѣсомъ, а ночью меня пугаетъ каждая бездѣлица.

СТАРОСТИНА. Подождите еще хоть минутку. Я хотѣла показать вамъ новое растеніе въ моей оранжереѣ. (*Тихо, взявъ за руку Густава, который подошолъ къ ней*). Густавъ, что̀ съ тобою? Ты такъ мѣшаешься, такъ разсѣянъ; ты сегодня какъ не свой....

ГУСТАВЪ. Не безпокойтесь, — ничего, матушка.

МАТЬ ЭМИЛІИ. Пойдемте въ оранжерею; тамъ всегда столько новаго!

СТАРОСТИНА. Вы, вѣрно, позволите Целинѣ остаться въ комнатѣ; она утомлена пѣніемъ, устала и можетъ простудиться на открытомъ воздухѣ.

МАТЬ ЭМИЛІИ. Останьтесь, останьтесь, милая Целина. Берегите свое здоровье; оно для всѣхъ насъ равно дорого.

ЭМИЛІЯ. Простимся съ Целиной, маменька; — надобно торопиться ѣхать. (*Прощается съ Целиной*). А мы ужъ не зайдемъ сюда изъ саду.

МАТЬ ЭМИЛІИ (*прощаясь съ Целиной*). Надѣемся, что вы и въ другой разъ не лишите насъ подобнаго удовольствія, милая Целина.

(*Всѣ уходятъ; Густавъ оглядывается на Целину.*)

ЯВЛЕНІЕ II.

ЦЕЛИНА, *одна.*

ЦЕЛИНА (*садится на прежнее мѣсто*). Отдыхаю.... Боже мой! Какое мученіе видѣть, что всѣ на меня смотрятъ, и опасаться, чтобъ они не отгадали чувствъ моихъ, по каждому движенію, по каждой перемѣнѣ въ лицѣ. (*Смотря на ноты, лежащія на пюпитрѣ.*) Да, я слишкомъ-много надѣялась на свои силы, когда отважилась пѣть этотъ дуетъ.... съ нимъ.... Всѣ должны были замѣтить мое смущеніе; мать его не спускала глазъ съ насъ обоихъ. А онъ, легкомысленный, съ такимъ чувствомъ пѣлъ о любви, какъ будто хотѣлъ присвоить себѣ слова пѣсни! О, какъ дрожалъ мой голосъ, когда надобно было отвѣчать ему! (*Замѣтивъ Густава.*) Ахъ!...

ЯВЛЕНІЕ III.

Целина, Густавъ.

ГУСТАВЪ. Не бойтесь, Целина; это я, котораго вы счастливите именемъ друга.

ЦЕЛИНА (*въ смущеніи.*) Густавъ, зачѣмъ вы оставили гостей?... Что они могутъ подумать о вашемъ отсутствіи?

ГУСТАВЪ (*приближаясь къ ней*). Целина, не удаляй меня отъ себя.... Ужели ты можешь дивиться, если я равнодушно оставляю для тебя другихъ? Целина! Наступила для меня рѣшительная минута въ жизни.... О, позволь....

ЦЕЛИНА (*смущенная, встаетъ и хочетъ идти*). Зачѣмъ этотъ жаръ.... этотъ восторгъ?... Густавъ, прошу васъ, позвольте мнѣ удалиться отсюда.... Оставьте меня....

ГУСТАВЪ (*удерживая ее*). О, нѣтъ, Целина!... Подари мнѣ еще минуту, одну минуту только. Могу-ли я молчать и терпѣть, когда сердце мое переполнено грустью и надеждой счастія?..

ЦЕЛИНА. Эмилія ждетъ васъ тамъ, Густавъ! Умоляю васъ.... оставьте меня. Матушка съ безпокойствомъ оглядывалась за вами, когда вы выходили вмѣстѣ. Она хочетъ видѣть васъ подлѣ себя; она опасается, быть-можетъ, теперь, при одной мысли, что вы здѣсь.... (*съ чувствомъ*). Густавъ! умоляю тебя именемъ твоей матери,—оставь меня,—воротись къ гостямъ!...

ГУСТАВЪ. *Ты*!... О, Целина! Какъ усладительно для меня это слово! (*Цѣлуя руку ея*). Въ первый разъ говоришь ты со мною такъ откровенно.... Скажи: голосъ сердца твоего превозмогъ голосъ разсудка?... Признайся, что то былъ голосъ сердца?...

ЦЕЛИНА (*въ сильномъ смущеніи*). О, нѣтъ; я ошиблась.... забылась. Густавъ, идите къ гостямъ: можетъ-быть, они отъѣзжаютъ;—проститесь съ ними....

ГУСТАВЪ. Нѣтъ,—ты не ошиблась, Целина!... Ты увлеклась движеніемъ чистой души твоей, способной плѣнить и осчастливить каждаго, кто въ состояніи понять ее. Я долго молчалъ, потому-что не смѣлъ высказать тебѣ чувствъ моихъ; но сегодня, но въ эту минуту, когда ангельскій голосъ твой самъ вызвалъ ихъ изъ глубины души моей, — хоть-бы цѣлый свѣтъ смотрѣлъ на меня — я сказалъ-бы передъ цѣлымъ свѣтомъ, что любовь твоя составляетъ для меня все счастье жизни, всю прелесть ея.

ЦЕЛИНА (*послѣ минутнаго размышленія, успокоивается и говоритъ хладнокровно*). Густавъ, вижу, что вы не имѣете ни жалости

ко мнѣ, ни силы надъ самимъ собою. Мнѣ-ли пристало голосомъ холоднаго разсудка утишать пылъ вашъ? И стоило-ли напрасно раздувать во мнѣ потухшія чувства, для того, чтобы усыпить ими мою совѣсть?...

ГУСТАВЪ (*съ жаромъ*). Ты раздѣляешь любовь мою, — ты сама призналась мнѣ въ этомъ.... О, Целина! Ты не возмешь назадъ своего слова,—ты не изгладишь того впечатлѣнія, какое оно произвело на меня?... Не такъ-ли? Не правда-ли?

ЦЕЛИНА (*печально*). Густавъ! Это впечатлѣніе скоро исчезнетъ; одно слово можетъ разрушить всѣ грезы счастія, которыя васъ такъ занимаютъ. Мнѣ стоитъ только напомнить вамъ о томъ, о чомъ я не могу вспомнить безъ огорченія.... о томъ, что я сирота, что глубокая тайна покрываетъ мое происхожденіе....

ГУСТАВЪ. Целина! О, не думай, чтобъ это могло разрушить образъ того счастія, которое теперь лелѣетъ меня.... Не суди такъ. Неужели въ глазахъ моихъ ты-бы могла имѣть меньше цѣны отъ того только, что не слѣпой случай, а сама ты причиной всего того, что́ такъ плѣняетъ мена въ тебѣ?...

ЦЕЛИНА. Свѣтъ судитъ иначе, Густавъ; никогда еще и никому не простилъ онъ пренебреженія къ себѣ, особенно людямъ, которые занимаютъ въ немъ такое мѣсто, какъ ты.

ГУСТАВЪ. Не столько не умолимъ этотъ свѣтъ, чтобы его не могла обезоружить Целина! И для этого свѣта, для него — мнѣ отречься отъ того счастья, котораго ожиданіе наполняло всю мою юность!... Нѣтъ! никогда въ жизни!

ЦЕЛИНА. Мечты юности создаютъ себѣ такой идеалъ совершенства, съ которымъ сравняться не въ состояніи ни одна женщина. Несчастна жена, которой недостатки и слабости безобразятъ нѣкогда обожаемый идеалъ!

ГУСТАВЪ (*взявъ ее за руку*). Целина! Могу-ли ошибаться въ тебѣ?... Молодость твоя пролетѣла вмѣстѣ съ моею, и я привыкъ любить тебя, какъ сестру; позже, когда узналъ, что родственныя связи не соединяютъ насъ, я посвятилъ тебѣ любовь мою, тебѣ одной, тебѣ первой. Это чистое, непорочное чувство спасло мои бурливые годы юности отъ разрушающаго наплыва счастія. Твой образъ неизгладимо врѣзался въ моемъ сердцѣ; онъ, какъ ангелъ-хранитель, берегъ меня въ опасныхъ обстоятельствахъ жизни. Въ-продолженіе четырехъ лѣтъ, проведенныхъ за границею, я хранилъ, какъ сокровище, одну надежду обладать тобою по возвращеніи—и теперь—теперь уже никакая сила не въ состояніи вырвать тебя изъ рукъ моихъ!

ЦЕЛИНА (*опустивъ голову на плечо его*). Густавъ! Густавъ! Ты

погубилъ несчастную сироту, которая любитъ тебя болѣе жизни, но которая никогда не будутъ твоею.... мнѣніе свѣта вырветъ ее скоро изъ рукъ твоихъ. (*Послѣ минуты молчанія отдаляется отъ него*). Безумная! Что я дѣлаю?... Густавъ! Иду къ твоей матери, къ той, которая осыпала меня благодѣяніями и которой я измѣняю теперь.... признаюсь ей въ винѣ моей.... изъ устъ ея буду ожидать приговора для насъ обоихъ!

(*Уходитъ. Густавъ печально смотритъ въ-слѣдъ за нею и потомъ въ задумчивости бросается въ кресло.*

ЯВЛЕНІЕ IV.

Густавъ, Альфредъ.

Альфредъ. Ваша матушка безпокоится объ васъ, Густавъ; спрашивала, куда вы вышли, и полагаетъ, что вы нездоровы.... вы такъ поспѣшно оставили дамъ.

Густавъ (*мрачно*). Да.... мнѣ дурно....

Альфредъ. Я, можетъ-быть, отгадываю причину вашей болѣзни.... (*Густавъ сурово смотритъ на него, но тотъ, послѣ минутнаго молчанія, продолжаетъ насмѣшливо*). Мнѣ кажется, что небезопасно оставаться долго наединѣ съ такою прелестною и съ такою занимательною особою, какова Целина....

Густавъ (*равнодушно*). Вамъ такъ кажется?

Альфредъ. Не стоитъ сомнѣваться въ томъ, что доказано, тѣмъ-болѣе мнѣ, который въ продолженіе двухъ лѣтъ вхожъ въ домъ Старостины, и который, съ ея позволенія, старается снискать для себя расположеніе ея воспитанницы.

Густавъ (*старался скрыть неудовольствіе*). И старается напрасно....

Альфредъ. Правда, что до-сихъ-поръ старанія мои были напрасны, но со-всѣмъ-тѣмъ я еще не теряю надежды, со-временемъ, найдти дорогу къ сердцу той, которая теперь отвергаетъ меня....

Густавъ (*холодно*). На чомъ-же вы основываете вашу надежду?...

Альфредъ. На томъ, что не имѣю другихъ препятствій, кромѣ собственнаго ея нежеланія; впрочемъ, я увѣренъ, что это нежеланіе обратится въ привязанность, если Целина замѣтитъ мое постоянство, мои намѣренія, мое желаніе сдѣлать ее счастливою. Что нужды, если привязанность эта откроется и послѣ свадьбы?

Густавъ. Послѣ свадьбы?... Такъ вы увѣрены, что рука Целины будетъ принадлежать вамъ?

АЛЬФРЕДЪ. И кто-бы могъ оспоривать ее у меня, когда сама ваша матушка, ея благодѣтельница, которая заступаетъ сиротѣ мѣсто матери, позволила мнѣ стараться о томъ?

ГУСТАВЪ (*въ сильномъ волненіи встаетъ съ мѣста*). А если-бы нашолся кто-нибудь, кто-бы не захотѣлъ допустить васъ до обладанія такимъ сокровищемъ?

АЛЬФРЕДЪ (*равнодушно*). Понимаю, что̀ вы хотите сказать этимъ. Это значитъ, что вы сами, возвратившись только-что изъ-за границы въ деревню, въ глушь, и не видя никого, кто-бы могъ равняться Целинѣ, вы сами, говорю, такъ много ею заняты, что рѣшились-бы противупоставить препятствія моимъ намѣреніямъ?

ГУСТАВЪ. Такъ точно; не запираюсь въ словахъ моихъ—не только теперь, но и всегда.

АЛЬФРЕДЪ (*спокойно*). Это меня нисколько не безпокоитъ, тѣмъ-болѣе, что я увѣренъ въ томъ, что вашъ пылъ, ваша горячность.... должны охладиться рано или поздно....

ГУСТАВЪ. Должны?... Почему-же должны?...

АЛЬФРЕДЪ. Потому-что о рукѣ Целины вы и думать не можете.

ГУСТАВЪ. А кто можетъ мнѣ запретить это?

АЛЬФРЕДЪ (*спокойно*). Для меня, человѣка обыкновеннаго, который никогда не имѣлъ въ свѣтѣ никакого значенія,— человѣка безъ состоянія, живущаго доходами съ одной маленькой деревеньки, для меня, говорю, Целина составитъ весьма-приличную партію, тѣмъ-болѣе, что я умѣю цѣнить и уважать ее. Но вы, съ вашимъ именемъ и состояніемъ, вы, который обязанъ уважать законы и права того общества, къ которому принадлежите, вы не можете и думать о рукѣ дѣвицы безъ достаточнаго состоянія, безъ родныхъ, даже безъ имени.

ГУСТАВЪ. И вы такъ низко обо мнѣ судите?

АЛЬФРЕДЪ (*съ жаромъ*). Напротивъ; увѣренный въ вашемъ благородномъ образѣ мыслей, я спокоенъ о будущей судьбѣ Целины, я знаю, что черезъ васъ не потеряю ее. Любовь ваша къ ней, конечно, отдалитъ минуту исполненія моихъ желаній; но я буду терпѣть; — я долженъ рѣшиться на это для сына благодѣтельницы Целины. Я увѣренъ вполнѣ, что вы не имѣете намѣренія жениться на ней, а тѣмъ-менѣе обольстить ее, и что вы не захотите заградить дорогу къ счастію тому человѣку, который вамъ не сдѣлалъ никакого зла, и который каждую минуту жизни своей окупаетъ трудомъ и пожертвованіями. (*Взявъ его за руку*). Вы, Густавъ, честны и благородны; за это я могу поручиться.... (*останавливается, увидѣвъ входящую Старостиху.*

ЯВЛЕНІЕ V.

Густавъ, Альфредъ, Старостина, Целина.

СТАРОСТИНА (*входитъ, опираясь на руку Целины*). Ты такъ поспѣшно оставилъ насъ, Густавъ; а я почувствовала большую слабость предъ самымъ отъѣздомъ гостей... Искала руки сына, на которую-бы могла опереться. Къ-счастію, подоспѣла Целина....

ГУСТАВЪ (*цѣлуя у ней руку*). Простите моему невниманію, милая матушка; я не предчувствовалъ, что могу быть вамъ нужнымъ.

СТАРОСТИНА (*садится въ кресла*). Въ мои лѣта, дѣти мои, я нуждаюсь въ вашей подпорѣ ежеминутно. (*Съ улыбкой доброты*). Но ты нынче что́-то разсѣянъ, Густавъ? Ты встревоженъ?

ГУСТАВЪ. Нѣтъ, матушка. Я только-что хотѣлъ идти къ вамъ, но приходъ Альфреда задержалъ меня.

СТАРОСТИНА. Мнѣ показалось, что вы горячо разговаривали. Что́бы могло быть между вами?... (*Целина съ безпокойствомъ смотритъ на обоихъ*).

АЛЬФРЕДЪ. Между нами, сударыня? — ничего! Уваженіе мое къ вамъ и любовь моя къ вашему сыну могутъ поручиться за то́, что между нами не можетъ быть никакого несогласія.

СТАРОСТИНА. Но, можетъ-быть, сынъ мой сказалъ вамъ что́-нибудь непріятное....

АЛЬФРЕДЪ. Густавъ не захотѣлъ-бы слѣлать мнѣ никакой непріятности; онъ не имѣетъ на то никакой причины. Я засталъ его скучнымъ, хотѣлъ развеселить и говорилъ, можетъ-быть, слишкомъ-громко — не болѣе.

СТАРОСТИНА (*смотря на Густава*). И не болѣе?

АЛЬФРЕДЪ. Не подозрѣвайте насъ, сударыня; мы оба только-что хотѣли идти къ вамъ на-встрѣчу....

СТАРОСТИНА. Такъ-ли было, Густавъ?

ГУСТАВЪ (*принимая веселый видъ*). Такъ, милая матушка. Какую-же могли мы имѣть причину къ неудовольствію?

АЛЬФРЕДЪ. Вы чувствуете себя нездоровою, сударыня, и вѣроятно, требуете спокойствія и отдыха.... (*цѣлуя у ней руку*). Позвольте мнѣ проститься съ вами и поручить себя вашей благосклонности.

СТАРОСТИНА (*удерживая его за руку*). И вы не имѣете никакого неудовольствія на моего сына?

АЛЬФРЕДЪ. Даю честное слово, что не имѣю на Густава ника-

кого неудовольствія и что съ полною довѣренностію полагаюсь на благородный образъ его мыслей.

(*Кланяется дамамъ, подаетъ съ искренностію руку Густаву и уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Старостина, Густавъ, Целина.

старостина (*по уходѣ Альфреда, Густаву*). Ты слышалъ, Густавъ: онъ полагается на твой благородный образъ мыслей: изъ этого я вижу, что вы разговаривали о предметѣ, занимающемъ васъ обоихъ. Вы говорили между собою о Целинѣ... Не такъ-ли?...

густавъ. Такъ, матушка, мы говорили о Целинѣ, о той, которую ты предназначила для него....

старостина. И которую ты, къ собственному и къ ея несчастію, увлекаешь своею безразсудною любовью?...

густавъ (*живо*). Увлекаю? нѣтъ!... Бога беру въ свидѣтели, что любовь моя къ Целинѣ не есть слѣдствіе минутныхъ восторговъ и мечтаній.... Я вмѣстѣ съ нею взросъ — и вмѣстѣ лягу въ могилу!

целина (*цѣлуетъ руку Старостины*). Я, которая привыкла отъ дѣтства звать васъ своею матерью, я огорчила, — оскорбила васъ, какъ мать того сына, въ которомъ возбудила любовь!... О, простите несчастной; — требуйте отъ нея всякой жертвы — она готова на все для васъ; она не въ-силахъ заплатить вамъ неблагодарностію!...

густавъ. Целина невинна; никогда взаимной любовью не воспламеняла она чувствъ моихъ.... я самъ таилъ ихъ передъ нею, и только сего-дня, въ первый разъ, отважился открыть ей всю силу страсти моей. Напрасно старается она укрыть тайну своего сердца; вызнавши то́, что́ составляетъ счастіе вашего сына, становится виновницею передъ судомъ матери и съ трепетомъ ожидаетъ своего приговора....

старостина (*обнимая Целину, которая падаетъ передъ ней на колѣна, и подавая руку Густаву*). О, не разстроивайте меня, дѣти мои; не заставляйте меня прижать васъ къ моему сердцу, благословить любовь вашу... замѣнить счастье жизни вашей цѣпью бѣдъ и несчастій... Не принуждайте разсудка моего умолкнуть передъ привязанностію сердца....

густавъ (*приближается къ Целинѣ и беретъ ее за руку*). Ма-

тушка! умоляю васъ — слѣдуйте влеченію вашего сердца; вѣрьте: оно укрѣпитъ наше счастіе вѣрнѣе холодныхъ разсчотовъ разсудка.....

СТАРОСТИНА. Выслушайте меня, дѣти мои... открою вамъ тайну происхожденія Целины, и потомъ отъ нея самой буду ожидать рѣшенія судьбы вашей. (*Густавъ слушаетъ, держа Целину за руку*). Слушайте... лѣтъ пятнадцать тому назадъ, я проѣзжала по одной изъ отдаленныхъ улицъ Варшавы. Кучеръ мой, по-неосторожности, едва не задавилъ лошадью маленькую дѣвочку, оставленную безъ присмотра передъ однимъ домомъ. Пораженная крикомъ дитяти и подоспѣвшей его матери, я посмотрѣла въ окошко и увидѣла бѣдноодѣтую женщину. Утѣшая плачущую дѣвочку, она осыпала бранью моего кучера. Мнѣ хотѣлось вознаградить ее за неосторожность кучера. Я вышла изъ экипажа и вошла, вслѣдъ за матерью, въ ея квартиру. Это была бѣдная работница. (*Целина освобождаетъ свою руку изъ рукъ Густава...*) Жалость подавила меня при видѣ израненнаго ребенка, при видѣ нищеты его матери. Я дала себѣ слово обезпечить судьбу дѣвочки и взять ее къ себѣ. Мать охотно согласилась на мое желаніе и призналась, что и безъ того уже собиралась отдать ее въ монастырь, потому-что, отлучаясь ежедневно на работу, она не могла оставлять ее безъ присмотра. (*Подавая Целинѣ руку*). Вотъ какимъ образомъ досталась ты мнѣ, милая Целина, на пятомъ году твоего возраста. Ты скоро забыла о своей матери, и этимъ дорогимъ именемъ привыкла называть меня. Тогда я не имѣла еще желанія поставить тебя выше твоего происхожденія; но послѣ, привязанность, которую я ощутила къ тебѣ, красота твоя и необыкновенныя способности, которыя начали развиваться въ тебѣ такъ рано, — все это побудило меня дать тебѣ свѣтское воспитаніе, которымъ ты теперь такъ воспользовалась.

ГУСТАВЪ. И вы полагаете, матушка, что ваше признаніе можетъ имѣть вліяніе на перемѣну чувствъ моихъ къ Целинѣ?...

СТАРОСТИНА. Выслушай до конца, Густавъ. Когда Целина своею привязанностію ко мнѣ, своими качествами и талантами, начинала уже услаждать жизнь мою, тогда дошли до моего слуха извѣстія объ ея фамиліи.... Эти извѣстія побудили меня скрыть передъ свѣтомъ и передъ нею самою ея происхожденіе и фамильныя обстоятельства... Я намѣрена была унесть эти тайны съ собою въ могилу, и для этого перемѣнила прежнее ея имя; выдавала ее за сироту и старалась отыскать для нея мужа, который-бы могъ обезпечить ее, осчастливить и успокоить. — Выборъ мой былъ уже рѣшонъ; я радовалась исполненію надеждъ моихъ.... а ты,

Густавъ, разрушилъ сегодня эти надежды, вынудивъ у меня признаніе, равно непріятное какъ для васъ, такъ и для меня!...

ЦЕЛИНА (*сильно-тронутая*). А тѣ фамильныя обстоятельства, о которыхъ вы только-что вспоминали?...

СТАРОСТИНА. Ихъ я не открою тебѣ никогда — довольно того, если скажу тебѣ, что эти обстоятельства полагаютъ главную преграду къ исполненію желаній вашихъ....

ЦЕЛИНА (*задумавшись, печально*). А мать моя?... Жива-ли она?

СТАРОСТИНА. Жива, но никогда не видала тебя и даже не знаетъ, гдѣ ты; — я имѣла причины скрывать отъ нея свое имя и мѣсто твоего пребыванія.

ЦЕЛИНА (*съ горькою улыбкою*). И она никогда не спрашивала о своей дочери? она никогда не старалась узнать о ней?...

СТАРОСТИНА. Когда я взяла тебя, ты была еще такъ-молода... Не дивись, если мать твоя позабыла о тебѣ.

ЦЕЛИНА (*въ волненіи*). А я? — могу-ли я также забыть объ ней, какъ она обо мнѣ?...

СТАРОСТИНА. Я никогда не забывала объ ней; я вывела ее изъ нищеты; она могла прилично содержать себя моими тайными вспомоществованіями. Ты можешь быть совершенно спокойною объ ея участи, и не зная ее лично, остаться чужою для нея особою.

ЦЕЛИНА (*съ жаромъ*). Чуждой для нея?... Дочь — чуждою для матери? — дочь, которая не признаетъ своей матери, — которая отрекается отъ обязанностей, возложенныхъ на нее самимъ Богомъ?... (*бросается на грудь Старостины*). Ахъ! неужели до этого могли довести меня ваши благодѣянія!...

СТАРОСТИНА. Успокойся, Целина. Горесть твоя и твои благородныя чувства даютъ тебѣ еще болѣе цѣны въ глазахъ моихъ. Благоразумный мужъ будетъ умѣть осуществить твои надежды и дать тебѣ средства исполнить обязанности дочери, безъ нарѣканій свѣта.

ЦЕЛИНА (*вырывается изъ объятій Старостины*). Мужъ?... для меня мужъ?... о, нѣтъ! нѣтъ! я чувствую, что мнѣ несуждено наслаждаться счастіемъ супружеской жизни; я тихо угасну на землѣ этой, угасну безъ друга, который-бы могъ усладить минуты жизни.... я не оставлю по себѣ никого, кто-бы могъ уронить слезу на могилѣ моей! (*Рыдаетъ*).

ГУСТАВЪ. Матушка! довольно, довольно объ этомъ! О, какъ должны быть тяжелы такія раны для ея сердца! (*Приближаясь къ ней*). Целина! милая Целина! Неужели и я не могу быть другомъ твоимъ? Неужели и я не буду въ состояніи дѣлить вмѣстѣ съ тобою всѣ бѣдствія и усладить жизнь твою?...

СТАРОСТИНА (*съ чувствомъ*). Прости мнѣ, милая Целина.... я огорчила тебя извѣстіемъ о твоемъ происхожденіи. Вспомни, Целина, о томъ, что я мать, — что онъ единственный сынъ мой, — что свѣтъ такъ неумолимъ; онъ невольно заставилъ меня опасаться за будущую судьбу Густава, еслибъ онъ владѣлъ рукой твоей...

ЦЕЛИНА. Не бойтесь... Целина не будетъ никогда супругою вашего сына.

ГУСТАВЪ (*съ жаромъ*). Она — или никто!...

ЦЕЛИНА. Густавъ! заклинаю тебя именемъ той любви, которую ты посвятилъ мнѣ и отъ которой ты долженъ отречься; — умоляю тебя — забудь о несчастной Целинѣ... Я должна умереть, отверженная любовью и забытая людьми. Я не могу выбрать себѣ супруга изъ того низкаго званія, къ которому принадлежу; я не въ-состояніи дѣлить съ нимъ его труды и удовольствія. Могули посягнуть на выборъ лучшій, когда тамъ ожидаетъ меня презрѣніе мужа и родныхъ его!...

СТАРОСТИНА. Не увлекайся горестью, милая Целина. Если ты чувствуешь, что Густавъ не можетъ-быть супругомъ твоимъ, то будь увѣрена, выборъ мой падетъ на другаго, — на человѣка, который могъ-бы обезпечить судьбу твою и даже осчастливить тебя. Успокойся... забудь обо всемъ.

ГУСТАВЪ. И вы, матушка, и вы можете такъ легко жертвовать мною для холодныхъ разсчотовъ приличія? Какъ?... мнѣ уступить другому Целину и опозорить мое имя, только потому, что она не можетъ принести мнѣ въ приданое знатной фамиліи и богатства?.... Нѣтъ, милая матушка, этого вы не станете требовать отъ меня. Уважаю волю вашу, — буду вамъ послушнымъ, — оставлю Целину — удалюсь отъ нея, если вы того требуете; удалюсь отъ нея только для того, чтобъ увѣрить васъ, что не минутное влеченіе, не пылъ любви руководятъ мною, а твердая увѣренность въ томъ, что одна только Целина можетъ сдѣлать меня счастливымъ... Настанетъ время, когда вы сами будете желать этого!... (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Старостина и Целина.

СТАРОСТИНА (*смотря печально въ-слѣдъ Густаву*). Онъ оставляетъ насъ съ горестью, съ неудовольствіемъ въ сердцѣ, можетъ-быть, съ неудовольствіемъ противъ своей матери! Ахъ, я не могла никогда воображать, чтобы привязанность его къ тебѣ была

такъ сильна! — Густавъ! Густавъ! воротись сюда! Боже мой!... Неужели любовь къ Целинѣ можетъ ослабить привязанность его къ матери? ..

ЦЕЛИНА (*съ чувствомъ*). Успокойтесь, моя благодѣтельница. Никакого неудовольствія не можетъ имѣть противъ васъ сынъ вашъ. Разсудокъ его скоро возметъ верхъ надъ минутнымъ влеченіемъ. Онъ скоро забудетъ меня, въ тишинѣ безмолвныхъ ночей, въ борьбѣ враждебныхъ чувствъ, возмущающихъ его сердце, въ ту минуту, когда ему придетъ на мысль сегодняшній разсказъ вашъ,— когда онъ вообразитъ себѣ мать Целины.... (*въ сильномъ волненіи*).... окруженную признаками нищеты и убожества; — когда вообразитъ, что она могла-бы быть и его матерью — о!... (*плачетъ*). Тогда онъ, навѣрно, забудетъ обо мнѣ!...

СТАРОСТИНА (*тронутая*). Целина! Ты раздираешь мое сердце.... пожалѣй обо мнѣ!

ЦЕЛИНА (*падая передъ ней на колѣна и обнимая ее*). О, помогите мнѣ!... вы, которая дали мнѣ болѣе, чѣмъ жизнь, — вы — мать Густава, — дайте мнѣ совѣтъ; скажите мнѣ, что я должна дѣлать, для того, чтобы онъ обо мнѣ и я объ немъ забыть могла?... О, еслибъ вы могли возвратить меня къ тому состоянію, изъ котораго взяли, — отнять отъ меня то образованіе, тѣ таланты, которыми надѣлили, — тогда я не могла-бы и воображать о томъ, въ чомъ теперь полагаю все мое счастіе... Для чего вы не воспитали меня, какъ простую служанку?... Я была-бы привязана къ вамъ и тогда точно также, какъ и теперь!...

СТАРОСТИНА. Целина, добрая Целина, успокойся, прошу тебя!

ЦЕЛИНА. Вы хотѣли образовать меня, хотѣли, чтобъ я не была чужда вашему обществу, хотѣли, чтобъ я могла нравиться другимъ и занимать тѣхъ, кто узнаетъ, кто пойметъ меня.... Увы! я увидѣла этотъ свѣтъ, который только сначала поразилъ меня; — я теперь не чужда этому обществу, которое только въ состояніи презирать меня;—я умѣла понравиться, но для того только, чтобъ отравить сердце матери, — показать себя неблагодарною передъ первою благодѣтельницею моей. Ахъ!... отнимите отъ меня плоды благодѣяній вашихъ.... они сдѣлали меня жертвою!... (*Бросается съ рыданіями на грудь Старостины*).

(*Занавѣсъ опускается*).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Нѣсколько мѣсяцовъ спустя. Дѣйствіе происходитъ въ Варшавѣ. Театръ представляетъ комнату въ заѣздномъ домѣ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Целина, *одна.*

ЦЕЛИНА (*сидитъ въ задумчивости передъ столикомъ и отираетъ слезы. Одѣта въ трауръ*). И вотъ прервано спокойствіе моей жизни! Я вступила какъ-будто на чужую для меня землю; я должна жить съ людьми мнѣ незнакомыми, одна, безъ покровительства, безъ друзей. Исчезли всѣ мечты мои; протекшіе годы остались для меня призракомъ утраченнаго навсегда счастія, а моя будущность.... (*задумывается*) ужасна! Смерть лишила меня благодѣтельницы, а сила предразсудковъ свѣта — друга; я осталась одна въ этомъ омутѣ свѣта, въ которомъ никогда не сыщу спокойствія, не только счастія. (*Пауза*). Какъ жестоко преслѣдуетъ меня судьба! Не довольно было отречься отъ Густава и отдалить нѣжную любовь его, надобно было сдѣлаться неблагодарною — надобно было лишиться благодѣтельницы, — той, для которой пожертвовала счастіемъ моей жизни. (*Пауза*) Я не могла даже омочить слезами гробъ ея: я-бы встрѣтила тамъ Густава!... Мнѣ нельзя было остаться въ деревнѣ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ пережила я свое счастіе — теперь тамъ Густавъ!... Слезы еще не успѣли высохнуть послѣ потери общей нашей матери, какъ уже мнѣнія свѣта и любовь вытѣснили меня изъ его дома. (*Пауза*). Нашей матери!... (*Съ глубокимъ вздохомъ*). То былъ послѣдній отголосокъ продолжительнаго моего ослѣпленія!... Но развѣ у меня нѣтъ здѣсь матери, которую я должна узнать, должна отыскать непремѣнно?... О Боже, подкрѣпи меня!... Я дрожу вся при одной мысли. (*Слышенъ шумъ у дверей*). Кто-то идетъ; вѣрно служанка, которую я послала разузнать о моей матери. (*Вставая*).... Что-то она скажетъ мнѣ?...

ЯВЛЕНІЕ II.

Целина, Густавъ, *въ трауре.*

ЦЕЛИНА (*увидѣвъ Густава, въ-сторону*). Небо! это онъ.

ГОСУДАРСТВЕН. АКАДЕМ.
Ленинградская Театральная
БИБЛИОТЕКА
имени А. В. ЛУНАЧАРСКОГО
ТЕАТР ДРАМЫ

ГУСТАВЪ. Целина! можно-ли было оставлять своего друга и оставлять въ такое время, когда онъ нуждается въ помощи....

ЦЕЛИНА (*смѣшавшись*). Густавъ, вы здѣсь?... Что привело васъ въ Варшаву?

ГУСТАВЪ. Ты, Целина; для тебя одной пріѣхалъ я сюда, умолять тебя о милости надо мною.... осиротѣлымъ....

ЦЕЛИНА. Оставляя домъ вашъ, я исполнила мою священную обязанность въ отношеніи къ вашей матушкѣ, въ отношеніи къ вамъ и въ отношеніи къ самой себѣ....

ГУСТАВЪ. И можно-ли было, безъ моего вѣдома, пускаться съ одною только служанкою, въ дорогу, въ большой городъ, въ которомъ вы не имѣете ни друзей, ни знакомыхъ....

ЦЕЛИНА (*встревоженная*). У меня здѣсь мать....

ГУСТАВЪ. Еще не пришло время увидѣть ее. Послѣ нашей общей потери вамъ надобны спокойствіе и отдыхъ. Вы могли-бы положиться на мою заботливость, я отыскалъ-бы вашу мать и привезъ-бы ее къ вамъ....

ЦЕЛИНА. А я между-тѣмъ подверглась-бы толкамъ и упрекамъ всѣхъ тѣхъ, кто меня знаетъ; каждая минута, проведенная въ вашемъ домѣ, была-бы отравлена для меня мыслію о дурныхъ слухахъ, можетъ-быть, о безславіи....

ГУСТАВЪ (*взявъ ее за руку*). Целина! не говори мнѣ этого; слова твои ужасно звучатъ въ ушахъ того, кто хотѣлъ-бы назваться твоимъ другомъ. Еслибы ты довѣрила мнѣ, еслибы могла открыть твои опасенія, я-бы удалился изъ моего дома, и нога моя не была-бы въ немъ до той самой минуты, когда мы могли-бы объявить передъ свѣтомъ о нашемъ союзѣ....

ЦЕЛИНА (*отнимая у него руку*). Эта минута не наступитъ для насъ никогда....

ГУСТАВЪ. Не повторяй мнѣ этихъ ужасныхъ словъ, Целина!... Я всегда уважалъ волю моей матери; я дивился благородному образу твоихъ мыслей, когда ты обѣщала ей забыть обо мнѣ, для того только, чтобы не огорчить той, которая воспитала тебя.... Но ты не могла, не должна была позабыть меня, Целина. И теперь, когда обожаемая матушка оставила насъ, когда всѣ земныя удовольствія и горести уже чужды для нея, — теперь, спрашиваю тебя: какія препятствія могутъ помѣшать нашему счастію?

ЦЕЛИНА. Смерть матери не освобождаетъ насъ отъ прежнихъ обязанностей, и мы должны сдержать слово передъ прахомъ ея....

ГУСТАВЪ (*съ чувствомъ*). Помнишь-ли ты, Целина, тотъ мучительный для насъ день, когда добрая матушка грустнымъ признаніемъ своимъ хотѣла разлучить насъ, хотѣла заслонить насъ

обоихъ отъ клеветы свѣта; помнишь-ли, какъ она превозмогала себя, опасаясь открыть передъ нами тайное желаніе своего сердца; — о, она тогда охотно-бы благословила насъ, еслибы мысль о мнѣніи свѣта не остановила ее....

ЦЕЛИНА (*грустно*). Это было минутное влеченіе чувствъ ея, слѣдствіе ея привязанности къ намъ, а слѣпая привязанность часто доводитъ до ошибокъ.

ГУСТАВЪ (*взявъ ее за руку*). Чувство матери превозмогало въ ней опасеніе свѣтской женщины, пользовавшейся отношеніями и правами общества. Теперь, когда чистая душа ея освобождена отъ всѣхъ ничтожествъ временной жизни, — теперь, мать моя, изъ горней обители благословитъ союзъ нашъ. (*Съ живостію*). Целина! оттуда ждетъ она моего счастія, — ты была-бы неблагодарною, еслибы не вняла ея голосу....

ЦЕЛИНА (*въ сильномъ волненіи*). Густавъ! зачѣмъ я увидѣла тебя снова! Я чувствовала надъ собой столько власти, что надѣялась утишить любовь, губительную для насъ обоихъ, а ты раздуваешь ее снова въ слабомъ сердцѣ.

ГУСТАВЪ (*съ восторгомъ*). Нѣтъ, Целина! Ты не могла отречься любви; ты любишь меня, ты будешь моею!

ЦЕЛИНА (*превозмогая себя*). Заклинаю тебя, Густавъ, именемъ любви твоей, не требуй отъ меня рѣшительнаго отвѣта.... Оставь меня одну; я должна исполнить важную обязанность. Вспомни, что матушка твоя напоминала мнѣ о моемъ происхожденіи, которое ставила главнымъ препятствіемъ нашему союзу. Всѣ мои просьбы — узнать о моей матери, были тщетны. Наконецъ, случайно узнала я отъ нея, что мать моя живетъ въ Варшавѣ, и нужно-ли говорить, какъ мнѣ хотѣлось отыскать ее, узнать всѣ обстоятельства, которыя такъ-сильно тревожили твою матушку...

ГУСТАВЪ. Только не теперь, Целина, не теперь.... Мы узнаемъ это послѣ. ..

ЦЕЛИНА. О, нѣтъ — послѣ, можетъ-быть, уже будетъ поздно; сегодня-же я должна разрѣшить всѣ сомнѣнія, должна узнать истину.... (*Съ горестію*). Хотя-бы то была и самая горестная....

ГУСТАВЪ. Поручи это мнѣ, Целина; позволь мнѣ самому отыскать твою мать; дай мнѣ приготовить ее къ свиданію съ дочерью; позволь мнѣ склонить ее ѣхать въ деревню.... тамъ уже можешь исполнить ты всѣ свои желанія ...

ЦЕЛИНА. Нѣтъ, Густавъ, — твоя привязанность могла-бы склонить меня къ пренебреженію совѣтовъ твоей матери; я должна сама узнать всю правду и потомъ уже рѣшиться на что-нибудь.

ГУСТАВЪ. По-крайней-мѣрѣ, позволь мнѣ проводить тебя, Целина.

ЦЕЛИНА. Нѣтъ.... никогда не соглашусь на это.... Я сама, только сама, должна быть тамъ. (*Входитъ служанка Целины*). Вотъ и служанка моя. Густавъ, оставь насъ. ..

ГУСТАВЪ. Исполняю волю твою, но прошу тебя, обѣщай мнѣ, что ты не рѣшишься ни на что́ безъ моего совѣта, что ты не отвергнешь моей помощи....

ЦЕЛИНА (*съ безпокойствомъ*). Обѣщаю, Густавъ; обѣщаю, хоть, можетъ-быть, и нечувствую всѣхъ силъ для такого обѣщанія. (*Густавъ уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Целина, Служанка.

ЦЕЛИНА (*по уходѣ Густава, съ живостію*). Что-жъ? узнала-ли ты, гдѣ живетъ эта женщина? отыскала-ли тотъ домъ, о которомъ я говорила тебѣ?..

СЛУЖАНКА. Насилу отыскала.... Ахъ, сударыня, еслибъ вы знали, въ какомъ онъ захолустьѣ....

ЦЕЛИНА. Видѣла-ли ты ее?... Говорила-ли ты съ ней?..

СЛУЖАНКА. Нѣтъ; я узнала объ ея квартирѣ отъ какого-то человѣка, который стоялъ у воротъ.

ЦЕЛИНА (*въ сильномъ волненіи*). Пойдемъ-же, ты проводишь меня

СЛУЖАНКА. Но.... сударыня.... неужели вы рѣшились идти туда?...

ЦЕЛИНА. Рѣшилась, я должна идти; проводи меня. (*Подумавши*). Ты не войдешь за мною въ избу; ты останешься на улицѣ и тамъ подождешь меня.... слышишь-ли?

СЛУЖАНКА. Вы войдете одни, сударыня?...

ЦЕЛИНА (*прерывая ее*). Да, да, пойдемъ-же. (*Выходятъ*).

Перемѣна декорацій.

Жилище Петровой. Простая изба. На-лѣво, въ глубинѣ театра большой столъ; на-право постель и подлѣ нея сундукъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Петрова, Филиппъ.

ПЕТРОВА. Такъ тебя не видалъ никто, какъ ты выбѣжалъ изъ того дома?

Филиппъ (*кладя лѣвую руку на чорный платокъ, который виситъ у него на шеѣ*). А хоть-бы и видѣлъ кто, — велика бѣда! Тогда я былъ переодѣтъ въ лакейскую ливрею,—а теперь я нищій и колѣка. (*Показывая на руку*).

ПЕТРОВА. Какъ будто тебя не знаютъ! вѣдь не первый разъ попадаешься къ нимъ въ руки! Э, охъ! ужъ надѣлаешь ты мнѣ бѣды; лучше-бы пошолъ куда-нибудь въ другое мѣсто, — въ какой-нибудь другой городъ....

ФИЛИППЪ. А! хочешь сбыть меня.... небось, вамъ худо со мной, небось, мало наносилъ я вамъ всякой всячины?

ПЕТРОВА. По мнѣ ужъ лучше имѣть дѣло съ чужими, чѣмъ съ своимъ сыномъ. Развѣ мало ты мнѣ навелъ страху, когда, назадъ тому два года, потянули меня въ судъ, какъ мать твою....

ФИЛИППЪ. А я развѣ не отперся отъ тебя? развѣ впуталъ тебя въ мое дѣло?.... а?... Я таскалъ два года кандалы, а тебя никто и пальцомъ не тронулъ....

ПЕТРОВА. Ну, смотри, Филиппъ. Помни пословицу: повадился кувшинъ по волу ходить, тамъ ему и голову сломить.

ФИЛИППЪ. Спрячь-ка лучше, матушка, куда-нибудь подальше тѣ ложки, что́ я принесъ сегодня, чѣмъ переливать изъ пустаго въ порожнее...

ПЕТРОВА. Спрятала ихъ подъ постелью.... вечеромъ понеси ихъ на рынокъ, да одну-то оставь для меня.

ФИЛИППЪ. Нѣтъ; надобно ихъ всѣ растопить; лучше возьму за нихъ деньги, да потомъ подѣлюсь съ тобой.

ПЕТРОВА. О, ужъ подѣлишься ты—таковской!

ФИЛИППЪ. Тсъ!... кто-то идетъ...

(*Садится на край стола и надвигаетъ шляпу на брови*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣже и Янъ.

(*Вслѣдъ за нимъ входятъ два работника и садятся за столъ*).

ЯНЪ. Добраго утра, Петрова!... а нѣтъ-ли тамъ для меня чего-нибудь кисленькаго?... Тьфу, пропасть! такъ хочется спать, какъ чортъ знаетъ кому....

ПЕТРОВА. Есть, батюшка, борщъ, да еще какой знатный. Гдѣ-же ты, мой голубчикъ, такъ загулялся сегодня?

ЯНЪ. Да всё на этомъ проклятомъ балѣ. Не повѣрите, пани Пе-

трова, что̀ это за канальская служба! Человѣкъ и безъ того цѣлую ночь на ногахъ, а тутъ еще встань рано, убери комнаты, да потомъ трясись за экипажемъ. Теперь оставилъ барина въ одномъ домѣ, а самъ (*зѣваетъ*) пришолъ сюда перекусить чего-нибудь; въ глазахъ такъ и туманится....

ПЕТРОВА (*ставя передъ нимъ миску*). Что̀-жъ? развѣ нельзя было перекусить чего-нибудь на этомъ балѣ-то?

ЯНЪ. Э, гдѣ тамъ перекусить! Дадутъ что́-нибудь эти лакеи; — расхватали сами всё, что̀ ни осталось (*Начинаетъ пить*). А еслибъ ты, матушка, знала, что̀ тамъ была за суматоха?

ПЕТРОВА. А что́ такое, мой батюшка?

ЯНЪ. Да изволишь видѣть.... втерся между дворовыми какой-то воръ, и въ то время, какъ мы собирали со стола, укралъ нѣсколько серебряныхъ ложекъ. (*Филиппъ надвигаетъ шапку на брови*).

ПЕТРОВА. И, полно!... Ну, и поймали его?...

ЯНЪ. Гдѣ тамъ! Видно, что старый мастеръ; разумѣется, взялъ ложки при всѣхъ насъ, а потомъ и сгинулъ, какъ камень въ водѣ.

ПЕТРОВА. А видѣлъ ты его, мой батюшка?

ЯНЪ. Да также, какъ тебя теперь. — Попадись онъ мнѣ гдѣ-нибудь, такъ узнаю какъ разъ. (*Петрова показываетъ безпокойство*).

ФИЛИППЪ (*смѣло обращаясь къ Яну*). Эхъ, еслибъ, сударь, наткнулись вы на него, кулабы какъ не худо отправить молодца въ полицію. За этихъ мошенниковъ нашъ братъ, бѣднякъ, не упроситъ себѣ у господъ ни куска хлѣба; покажись только въ домѣ, такъ какъ-разъ примутъ за вора да и вытолкнутъ за двери....

ЯНЪ. Да и у насъ, у дворовыхъ людей, эти канальи отнимаютъ хлѣбъ; украдетъ одинъ, а господа недовольны всѣми. Ну, представь себѣ, если онъ въ-самомъ-дѣлѣ лакей, тотъ мошенникъ, что укралъ ложки.

ФИЛИППЪ. Э! а можетъ онъ былъ переодѣтъ лакеемъ, они мастера и на это!

ЯНЪ. Можетъ и такъ; — а какъ сниметъ ливрею, кто его тамъ узнаетъ.

ФИЛИППЪ. Разумѣется; кто тамъ его узнаетъ!

ЯНЪ (*переставъ пить*). Ну, Слава Богу, подкрѣпился немного; — теперь надобно немножко вздремнуть; глаза такъ и липнутъ.... (*Опирается локтями на столъ и засыпаетъ*).

ПЕТРОВА. Усни себѣ немножко, на здоровье. (*Даетъ знакъ Филиппу, и когда тотъ подошолъ къ ней, говоритъ ему тихо*). Убирайся ты отсюда скорѣй; и такъ уже не малаго навелъ ты мнѣ страху....

ФИЛИППЪ. Поди-ка, напередъ, матушка, да взгляни на улицу, нѣтъ-ли тамъ кого-нибудь изъ нихъ,—изъ этихъ полицейскихъ... могу-ли я пройти безопасно?...

ПЕТРОВА. Ну, ступай же за мною слѣдомъ.... (*хочетъ выдти, какъ вдругъ отворяется дверь*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣже, ЦЕЛИНА.

ЦЕЛИНА (*поспѣшно входитъ, но останавливается послѣ перваго шагу, съ выраженіемъ безпокойства и робости*).

ПЕТРОВА. Это что? Какая-то барыня. (*Подходитъ къ Целинѣ, которая не смѣетъ приблизиться къ ней.*) Вы, сударыня, вѣрно, изволили ошибиться,—кого вамъ угодно, сударыня?

ЦЕЛИНА (*дрожащимъ голосомъ*). Здѣсь живетъ... Петрова?.. та, что содержитъ шинокъ?

ПЕТРОВА. Точно-такъ, здѣсь, сударыня; я Петрова, къ вашей милости.

ЦЕЛИНА (*смотритъ на нее, потомъ обводитъ безчувственнымъ взглядомъ все окружающее, дрожитъ вся и слабѣетъ. По минутномъ молчаніи*)... Милая.... прикажи мнѣ подать стулъ.... мнѣ дурно.... (*Филиппъ подаетъ стулъ; Целина садится и теряетъ чувства на рукахъ Петровой.*)

ПЕТРОВА. Вотъ прекрасно! Пришла сюда, чтобъ заболѣть,—что я стану съ ней дѣлать. — Еще умретъ пожалуй, такъ тутъ не оберешься хлопотъ.

ФИЛИППЪ. Постой-ка; протрезвится она у меня, дай только хорошенько стисну ей лѣвую руку. (*Жметъ ей руку; Целина приходитъ въ чувства; смотритъ на него пристально и отталкиваетъ его съ угрозой; обращается къ Петровой, всматривается въ нее, и потомъ закрываетъ глаза рукою. Въ тоже время выпускаетъ она изъ рукъ богатый ридикюль, въ которомъ брякнули деньги. Филиппъ снимаетъ шапку и, будто ненарочно, бросаетъ ее на ридикюль*).

ФИЛИППЪ. О, какъ ей помогло это!... Видишь, очнулась.... А когда она отталкиваетъ меня, то и я пойду себѣ прочь. (*Поднимаетъ шапку съ ридикюлемъ, прячетъ его и отходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣже, *кромѣ* ФИЛИППА.

ПЕТРОВА. Что съ вами сударыня?

ЦЕЛИНА (*смотря на нее пристально, тихо*). Сама не знаю.... Ахъ, какъ здѣсь душно!

ПЕТРОВА. А вотъ я открою сейчасъ окошко на улицу.

ЦЕЛИНА. На улицу?.. (*удерживаетъ ее*). Нѣтъ, ненадобно. (*Со страхомъ*). Меня могъ-бы кто-нибудь увидѣть....

ПЕТРОВА. А что̀жъ тутъ такого, еслибъ и увидѣлъ кто вашу милость?... А!... Понимаю!... Не отворю теперь; будьте спокойны! Но, осмѣлюсь спросить, кто вы такія, сударыня, — дѣвушка, что-ли? за-мужемъ-ли, или, можетъ-быть, на какихъ условіяхъ....

ЦЕЛИНА (*приходя въ себя, въ задумчивости*). Кто я? (*смотритъ на нее, и по-минутъ молчанія*). Ахъ!... я несчастная, слишкомъ-несчастная!... (*закрываетъ глаза*).

ПЕТРОВА. Несчастная?... А.... вотъ что̀ — вилишь ты! Этого однакожъ, никто-бы не сказалъ, взглянувъ на ваше платьице. Но чего-жъ вы, сударыня, хотите отъ меня? Пани изволили меня спрашивать?...

ЦЕЛИНА. О, не говори мнѣ такъ.... тебѣ не годится такъ говорить со мной; ты не такъ должна отвѣчать мнѣ....

ПЕТРОВА (*въ-сторону*). Вѣрно еще дѣвушка: обижается когда ее считаютъ замужнею, когда зовутъ панею вслухъ. Но, когда такъ, скажите-же мнѣ, что̀ васъ привело ко мнѣ?...

ЦЕЛИНА (*оглядывалась съ безпокойствомъ*). Здѣсь столько незнакомыхъ людей. ..

ПЕТРОВА. Что̀ на нихъ смотрѣть.... Тѣ-вонъ работники; они обѣдаютъ и не обращаютъ ни на кого вниманія, а этотъ лакей спитъ, и потому ничего не услышитъ. А тотъ, что привелъ васъ въ чувство. (*Оглядывается*). Видно вышелъ.

ЦЕЛИНА (*въ-задумчивости*). Ахъ, какъ я боюсь всего.... каждый взглядъ ужасаетъ меня....

ПЕТРОВА. Не диво... Всѣ мы люди грѣшные!...

ЦЕЛИНА (*всё въ задумчивости, не оглядываясь*). Тѣ люди — смотрятъ-ли они на меня?

ПЕТРОВА. Нѣтъ; — да вотъ ужъ они и уходятъ. (*Работники встаютъ и уходятъ. Въ-сторону*). Какая-то трусиха! (*Въ-слухъ*). Э, да говорите-же, сударыня, чего вамъ отъ меня надобно?... У меня и такъ мало времени, да къ тому-же неровно подойдетъ какой-нибудь дозорщикъ, такъ будетъ имѣть насъ въ подозрѣніи.,..

ЦЕЛИНА (*выходя изъ задумчивости*). Дозорщикъ?... Въ подозрѣніи?... Да развѣ я сдѣлала что̀-нибудь худое! Какъ?... Такъ ты опасаешься, чтобы я не навлекла на тебя какого-нибудь подозрѣнія?...

ПЕТРОВА. И, моя матушка, — кроешься передъ людьми, мѣшаешь-

ся и говоришь такія вещи, что никакъ ихъ не согласишь однѣ съ другими; — такъ немудрено, что боюсь; впутаешь еще меня въ какую-нибудь бѣду.... Отчего не скажешь мнѣ по-просту, чего тебѣ надобно отъ меня?

ЦЕЛИНА (*стараясь превозмочь себя*). Правду говоришь ... Мнѣ надобно было съ перваго разу сказать тебѣ, что́ привело меня сюда.... Дай только собрать свои мысли.... (*Минутное молчаніе*). Вотъ видишь, одна барыня, которая жила въ деревнѣ, не присылала-ли тебѣ.... когда-нибудь.... какого-нибудь вспомоществованія?

ПЕТРОВА. А.... такъ, правда. Какая-то добрая барыня, потому-что я видѣла ее всего только одинъ разъ, и съ того времени она не забывала меня....

ЦЕЛИНА. Увы! Она уже болѣе не вспомнитъ объ насъ! (*Съ плачемъ*). Она оставила насъ навсегда....

ПЕТРОВА. Что? умерла, можетъ? Право, жалко ее; добрая была барыня; упокой Господи ея душу!...

ЦЕЛИНА. Но она, кажется, взяла твою дочь на воспитаніе и не отдала тебѣ ее назадъ?...

ПЕТРОВА. Такъ, такъ, правда. Дай Богъ ей за это царствіе небесное!

ЦЕЛИНА (*въ волненіи*). И ты не жалѣла никогда объ этой дочери?

ПЕТРОВА. Э.... моя матушка — отчего-жъ мнѣ было жалѣть объ ней? Развѣ тамъ обижали ее? Ужъ вѣрно, ей было тамъ лучше, чѣмъ у меня или въ какомъ-нибудь монастырѣ, между подкидышами...

ЦЕЛИНА (*съ жалостію*). Такъ ты ее, вѣрно, не любила, когда рѣшилась-бы помѣстить ее между подкидышами?

ПЕТРОВА. Когда бѣда на носу, такъ гдѣ тутъ думать о дѣтяхъ,— тогда подумаешь о томъ, какъ-бы сбыть ихъ.

ЦЕЛИНА. Но теперь, когда ты въ достаткѣ — неужели-бы ты не хотѣла принять къ себѣ своей дочери?...

ПЕТРОВА. Смѣкаю я, къ чему идетъ все это... Теперь, видно, какъ умерла ея благодѣтельница, когда ей бѣда, такъ она вспомнила обо мнѣ и хочетъ навязаться на мою шею...

ЦЕЛИНА. А еслибъ и такъ было, хотѣла-ли-бы ты взять ее къ себѣ?

ПЕТРОВА. Э, отстань ты отъ меня, моя матушка... Ужъ если моя дочь не вспомнила обо мнѣ, когда ей было хорошо,—ужъ когда столько лѣтъ не спросила даже, жива-ли я,—такъ пусть ее себѣ не вспоминаетъ, когда ей худо.

ЦЕЛИНА (*сильно тронутая*). А еслибъ оказалось, что дочь твоя вовсе не знала, есть-ли у нея въ живыхъ мать, — если она о томъ узнала только-что передъ смертію своей благодѣтельницы, и если, не имѣя теперь никакого пристанища, она хотѣла-бы вернуться къ своей матери?

ПЕТРОВА. А что́-бы я тутъ стала съ ней дѣлать?... Вѣрно, она привыкла ко всѣмъ выгодамъ, — вѣрно служила тамъ какою-нибудь горничной или компаньйонкой у той барыни — хотѣла-бы, вѣрно, Богъ вѣсть, чего; работать-бы не могла. Откуда я возьму на ея содержаніе?

ЦЕЛИНА. А еслибъ она и того не требовала?... еслибъ сама хотѣла предложить тебѣ приличное содержаніе, — еслибъ сама хотѣла освободить мать свою отъ тяжолой работы и отъ всѣхъ хлопотъ? (*Взявъ ее за руку*). Еслибы эта невинная и несчастная дочь захотѣла-бы мать свою осчастливить?...

ПЕТРОВА (*слыша сильный шумъ у дверей*). Тсъ!.. Тише... Ну, сударыня, договаривай скорѣе... Кто-то идетъ. (*Видя входящихъ*). Боже мой!... Полиція!... Ахъ я несчастная!... (*Целина въ изумленіи отступаетъ; Петрова въ замѣшательствѣ смотритъ на постель и сундукъ*).

ЯНЪ (*пробуждается вдругъ*). Что́ это значитъ? Гдѣ я?

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ТѢЖЕ и ИНСПЕКТОРЪ ПОЛИЦІИ, *съ солдатами, изъ которыхъ двое держатъ Филиппа.*

ИНСПЕКТОРЪ. Не выпускать никого изъ этой комнаты. (*Къ Петровой, указывая на Филиппа*). Былъ онъ тутъ сегодня? (*Филиппъ даетъ матери отрицательный знакъ*).

ПЕТРОВА. Не припомню, вельможный инспекторъ, —не припомню.

ЯНЪ (*всматриваясь въ Филиппа*). Былъ, сударь, былъ; сидѣлъ вотъ тутъ, напротивъ меня.

ИНСПЕКТОРЪ. А ты кто таковъ?

ЯНЪ. Я, сударь, лакей г. президента; пришолъ сюда пообѣдать, да и вздремнулъ на лавкѣ.

ИНСПЕКТОРЪ (*смотря на Целину*). А эта госпожа—кто она?

ПЕТРОВА. Этого не могу сказать вамъ, вельможный инспекторъ; пришла, ни съ того, ни съ сего; не знаю ее вовсе...

ИНСПЕКТОРЪ. Судя по вашей наружности, сударыня, не мало дивлюсь, заставъ васъ въ такомъ подозрительномъ мѣстѣ...

ЦЕЛИНА (*пораженная*). Въ подозрительномъ мѣстѣ?... Какимъ образомъ могло быть это?... Гдѣ-же я?..

ИНСПЕКТОРЪ. Не хочу осуждать васъ, сударыня, но вы должны сами согласиться, что я имѣю справедливыя причины къ строжайшему допросу всѣхъ тѣхъ особъ, которыхъ засталъ здѣсь: есть подозрѣніе, что этотъ человѣкъ, нынѣшнею ночью, укралъ серебро, и что оно спрятано въ этомъ домѣ.

ЦЕЛИНА. Боже мой! Нѣтъ!... Это подозрѣніе должно быть несправедливо.

ИНСПЕКТОРЪ. Этотъ человѣкъ давно извѣстенъ какъ воръ; его схватили, когда онъ выходилъ отсюда и нашли при немъ этотъ дамскій ридикюль, (*показывая его*) который не могъ быть его собственностію.

ЦЕЛИНА (*увидѣвши ридикюль*). Это мой ридикюль.. Такъ у меня здѣсь украли его?

ИНСПЕКТОРЪ. Для того, чтобъ я могъ повѣрить этому, вамъ надобно объявить мнѣ, кто вы таковы и къ кому пришли сюда?...

ЦЕЛИНА (*въ сильномъ волненіи*). Клянусь вамъ Богомъ, что я невинна, что одно только стеченіе несчастныхъ обстоятельствъ привело меня въ этотъ домъ.

ФИЛИППЪ. Не вѣрьте ей, г. инспекторъ; она пришла сюда спрятать вотъ эти деньги, которые въ ридикюлѣ; смѣкнувши это, я взялъ его у ней съ тѣмъ, чтобы доставить въ полицію.

ИНСПЕКТОРЪ. Слишкомъ-грубая ложь, чтобъ можно было повѣрить ей. Но прежде всего, мы обыщемъ эту комнату, не спряталъ-ли ты тутъ чего-нибудь? (*Къ людямъ*). Отворите-ка этотъ сундукъ. (*Петровой*). Дать мнѣ отъ него ключъ! (*Петрова отдаетъ ему ключъ*).

ЦЕЛИНА (*быстро приближаясь къ инспектору*). И развѣ можетъ быть виновата хозяйка этого дома, если нашолся у ней одинъ недобрый человѣкъ? Развѣ можно было осуждать ее въ соучастіи съ нимъ?

ИНСПЕКТОРЪ. Я не осуждаю никого безъ основательныхъ на то причинъ. Этотъ человѣкъ извѣстный мошенникъ, а (*указывая на Петрову*) эта женщина—мать его.

ЦЕЛИНА (*бросаясь на стулъ съ восклицаніемъ*). Боже!... Лучше-бъ я была сиротой!... (*Закрываетъ лицо руками. Солдаты обыскиваютъ сундукъ, достаютъ изъ него ливрею*).

ИНСПЕКТОРЪ. Что значитъ эта ливрея въ сундукѣ и чья она.

ПЕТРОВА. Одинъ лакей намедни оставилъ ее у меня.

ЯНЪ (*всматриваясь въ ливрею*). Осмѣлюсь доложить, г. инспекторъ, тотъ воръ, что укралъ вчера на балѣ серебро, былъ ни дать ни взять, въ точно такой ливреѣ.

ИНСПЕКТОРЪ (*указывая на Филиппа*). Пусть онъ примѣряетъ ее! (*Петровой*). Если окажется, что онъ отдалъ сюда спрятать эту ливрею, то тутъ-же должно быть и серебро.

(*Целина поднимаетъ голову и безчувственными глазами смотритъ на Петрову и на Филиппа*).

ЯНЪ (*когда на Филиппа надѣли ливрею*). Онъ, г. инспекторъ; это онъ укралъ серебро.—готовъ присягнуть, что онъ!

ИНСПЕКТОРЪ (*къ своимъ людямъ*). Ищите вездѣ серебра, ворочайте все; оно должно быть здѣсь; не въ первый разъ эта пріятельница прячетъ краденыя вещи ..

ЦЕЛИНА (*въ совершенномъ помѣшательствѣ, повторяетъ тихо, едва внятно послѣдніе слова*). «.....Прячетъ краденыя вещи...»

ЯНЪ (*который рылся вмѣстѣ съ прочими людьми, доставая изъ постели ложки*). А вотъ и серебряныя ложки!

ИНСПЕКТОРЪ (*Петровой*). Ясное доказательство того, что и ты участвовала въ воровствѣ сына.

ЦЕЛИНА. «....Участвовала въ воровствѣ сына»...

ИНСПЕКТОРЪ. Обязанность моя заставляетъ меня открыть всѣ слѣды преступленія и арестовать всѣхъ тѣхъ, на кого падаетъ подозрѣніе. Въ-слѣдствіе этого отправьте мать вмѣстѣ съ сыномъ въ тюрьму...

ЦЕЛИНА (*смотритъ на нихъ совершенно-безчувственными глазами и повторяетъ печально*). «...Мать вмѣстѣ съ сыномъ въ тюрьму...»

ИНСПЕКТОРЪ (*Целинѣ*). Такъ-какъ я засталъ васъ въ обществѣ негодныхъ людей и кромѣ того, нашолъ дорогія вещи въ ридикюлѣ, который, какъ кажется, не можетъ принадлежать особѣ, пришедшей пѣшкомъ къ женщинѣ, уличенной въ сообществѣ съ ворами, то по этому вы, сударыня, не взирая на приличную одежду вашу, должны идти съ ними и явиться передъ...

(*Целина, слушавшая инспектора съ выраженіемъ совершеннаго помѣшательства, прерываетъ его громкимъ и пронзительнымъ смѣхомъ*).

ИНСПЕКТОРЪ. Что это? что значитъ этотъ ненатуральный смѣхъ?

ЦЕЛИНА (*въ совершенномъ помѣшательствѣ, встаетъ и беретъ Инспектора за руку*). Поди, поди сюда.... Только тише, чтобъ не разбудить ее.... здѣсь... здѣсь,—стань на колѣни — прочтемъ молитву... Густавъ! прочтемъ молитву за душу твоей матери—ну-же, стань на колѣни!—Читай тише.... не разбуди ее.... (*Становится на колѣни и молится про себя*).

ИНСПЕКТОРЪ. Она или помѣшалась.... или мастерски притворяется!..

ЦЕЛИНА (*встаетъ*). Не отталкивай меня отъ себя, не выгоняй меня изъ своего дому.... Я умѣю шить — я буду шить для тебя.... Нѣтъ! нѣтъ!—я должна уйти—бѣжать изъ твоего дому.... Густавъ! Не ходи за мной, — не смотри на меня — я сестра вора.... Нѣтъ, нѣтъ, неправда! — Я вовсе не сестра его, — она не мать мнѣ.... (*плачетъ*).

ПЕТРОВА. Боже! умилосердись надо мной!... Ужъ не дочь-ли моя?...

ЦЕЛИНА (*съ живостію бѣжитъ впередъ*). Дочь?... Кто сказалъ, что я дочь?... Я ни дочь, ни сестра, — у меня не было матери. (*прячется за кресла*). Они меня хотятъ сдѣлать дочерью, — хотятъ дать мать и брата! (*бѣжитъ къ Инспектору*). Густавъ! Помоги!... (*падаетъ безъ чувствъ на руки окружающихъ ее людей*).

(*Занавѣсъ опускается.*)

—

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ. Дѣйствіе происходитъ въ деревнѣ, въ домѣ Густава. Театръ представляетъ комнату бель-этажа, съ двумя боковыми дверями ; посрединѣ стеклянныя двери, выходящія на балконъ, черезъ которыя видно небо и верхи деревьевъ, растущихъ въ саду.

ЯВЛЕНІЕ I.

ВАЛЕНТИНЪ, СТОЛЯРЪ.

СТОЛЯРЪ (*стоитъ у отворенаго окна балкона, занятый работою*). Чертовски высоко! такъ высоко, что страшно и посмотрѣть внизъ. Ужъ довольно бы, кажется, того, что домъ стоитъ на горѣ. А то еще первый этажъ; какъ взглянешь внизъ, такъ вотъ у тебя и закружится въ головѣ. Терраса покатая, а подъ террасой рѣка. О, если упасть отсюда, такъ и косточки-бы не осталось!

ВАЛЕНТИНЪ (*убирая въ комнату*). А вотъ для того, чтобы кто не упалъ туда, баринъ и приказалъ тебѣ придѣлать къ балкону новыя перила на мѣсто тѣхъ, которыя сгнили и обвалились....

СТОЛЯРЪ. По-моему, лучше-бы совсѣмъ задѣлать окно,

ВАЛЕНТИНЪ. А что́-жъ, если балконъ такъ нравится нашей барышнѣ; говорила, что на немъ весело сидѣть съ работой и любоваться на рѣку; баринъ готовъ сдѣлать для нея все, чего-бы она не пожелала, хоть-бы ему сто́ило цѣлыхъ тысячь.

СТОЛЯРЪ. Не приложу я тутъ уму-разуму — что́ эта барышня, родня она нашему барину — что́-ли? Да она никакъ жила въ домѣ покойной барыни?...

ВАЛЕНТИНЪ. Э, какая тутъ родня! она, видишь, только воспитанница покойной барыни. Еслибъ была родня, то нашъ баринъ не имѣлъ-бы за нее такихъ исторій....

СТОЛЯРЪ. А!... такъ онъ, вѣрно, только ухаживаетъ за ней; ужъ не хочетъ-ли жениться?

ВАЛЕНТИНЪ. Можетъ и такъ. Будь жива покойница, такъ изъ этого-бы не вышло ничего,—а теперь кто имъ запретитъ!...

СТОЛЯРЪ. Да никакъ она уѣхала изъ той деревни послѣ смерти покойницы — барыни; — откуда-же взялась потомъ здѣсь!

ВАЛЕНТИНЪ. Да, уѣхала; послѣ того, какъ покойница скончалась, ей нельзя-же было оставаться съ молодымъ кавалеромъ, — что́-бы стали говорить люди...

СТОЛЯРЪ. Когда уѣхала, такъ зачѣмъ-же было ворочаться опять? Можетъ, только говорили, что она уѣхала....

ВАЛЕНТИНЪ. А нашъ баринъ, видишь, не могъ и жить безъ нее;— тотчасъ поѣхалъ, — отыскалъ ее въ Варшавѣ, да она бѣдняжка, захворала.... только, смотри, не проболтайся никому объ этомъ.

СТОЛЯРЪ. И, полно, съ чего мнѣ болтать,...

ВАЛЕНТИНЪ. Такъ что́-то у нее повернулось въ головѣ, знаешь, какъ у человѣка, который сойдетъ съ ума. Лечили ее сперва тамъ, а потомъ, какъ доктора присовѣтовали ей жить на чистомъ воздухѣ, такъ баринъ и назначилъ для нея этотъ домъ, и потому-то самъ не живетъ въ немъ. Ѣздилъ къ ней часто, пока еще была больна, а теперь, какъ начала поправляться, такъ рѣдко когда пріѣдетъ, и то только навѣдаться объ ея здоровьѣ.

СТОЛЯРЪ. Не диво, что баринъ любитъ ее; она такая добрая, всѣ люди не нахвалятся ею.

ВАЛЕНТИНЪ. Добрая-то она, правда, да видишь-ли что́: не годится, чтобы такой баринъ, какъ нашъ, женился на такой барышнѣ, которая сама не знаетъ, кто она такая; ему надобно-бы было жениться на какой-нибудь знатной, да богатой....

столяръ. А можетъ онъ и не хочетъ жениться на ней, а только такъ....

валентинъ. Э, гдѣ тамъ! когда-бы не хотѣлъ жениться, не сталъ-бы за ней такъ ухаживать. Вотъ, видишь, недавно взялъ для ней какую-ту барыню, чтобы была при ней неотлучно, занимала-бы, да веселила ее....

столяръ. А я думалъ, что эта барыня, просто служанка.

валентинъ. Какая служанка! — барыня; какая-то, видишь, вдова, давнишняя пріятельница нашей барышни — училась съ ней вмѣстѣ въ пансіонѣ. А что тутъ для нихъ обѣихъ выдумокъ, да прихотей! И чего это все стóитъ нашему барину?...

столяръ. Э, заговорился я съ тобой; совсѣмъ изъ головы вонъ, что надобно спѣшить съ тѣми перилами; обѣщалъ барину кончить ихъ къ завтраму. (*Уходитъ.*)

валентинъ (*идя за нимъ*). Спѣши, спѣши, батюшка; да чтобы перилы-то были крѣпки, — упаси Господи какого несчастія!...

ЯВЛЕНІЕ II.

Целина *и* Матильда *входятъ изъ боковой комнаты, по правую сторону.*

целина. Какая погода! (*Валентину, который хочетъ закрыть окно на балконъ.*) Нѣтъ, Валентинъ, не закрывай окна; мы отдохнемъ здѣсь, на свѣжемъ воздухѣ.

валентинъ. Да еще нѣтъ перилъ на балконѣ, сударыня.

целина. Это не мѣшаетъ; поставь намъ тутъ два стула.

валентинъ. Гдѣ, сударыня? — на балконѣ?... Да сохрани меня Богъ.... у васъ-бы, того и гляди, закружилась головка. (*Послѣднія слова произвели на Целину непріятное впечатлѣніе.*)

матильда. Не на балконѣ, Валентинъ, а только передъ окномъ. (*Валентинъ ставитъ втулья.*)

целина. А что, Валентинъ, вы ждете сегодня барина?

валентинъ. Нѣтъ, сударыня, въ послѣдній разъ, какъ отъѣзжалъ, ничего не изволилъ сказать — будетъ-ли сегодня или нѣтъ.

целина. Ступай, любезный Валентинъ, только дашь намъ знать, если кто пріѣдетъ.

(*Валентинъ уходитъ въ боковую дверь на-лѣво.*)

ЯВЛЕНІЕ III.

Целина *и* Матильда, *обѣ сидятъ передъ окномъ.*

целина. Какое прелестное утро! Какая свѣжесть въ воздухѣ!

Запахъ цвѣтущихъ деревьевъ доходитъ даже сюда. Какъ тамъ всё обновляется новою жизнію! Посмотри, Матильда, туда, за рѣкой, на рядъ плуговъ, которыми земледѣльцы бороздятъ землю.... Эти волы, которые проходятъ одинъ за другимъ.... отсюда невидно ни ихъ усилій, ни ярма, которое тяготитъ шеи.... Такъ и мы иногда: кажемся счастливыми, — тогда, какъ несчастіе гнетётъ насъ въ душѣ....

МАТИЛЬДА. И всегда объ этомъ несчастіи! На какой-бы пріятный предметъ ты не смотрѣла, Целина, всегда стараешься найти въ немъ дурную, грустную сторону.

ЦЕЛИНА. Расположеніе духа невольно кладетъ печать грусти или веселости на тѣ предметы, которые обращаютъ на себя наше вниманіе. А въ моей душѣ запала грусть навсегда! Свобода, веселость, счастіе.... стали на всю жизнь для меня чуждыми...

МАТИЛЬДА. Видишь, какъ ты дурно дѣлаешь, Целина, какъ ты не сдерживаешь даннаго Густаву слова? Развѣ ты не обѣщала ему удалять отъ себя грусть и скуку? Только въ его присутствіи принимаешь ты на себя веселый видъ.

ЦЕЛИНА. Ахъ, Матильда, ты не знаешь, чего мнѣ стóитъ это! Каждая улыбка для меня горечь, и вѣрь мнѣ, сколько разъ я обрадую Густава веселымъ словомъ, столько-же разъ обману его....

МАТИЛЬДА. Кàкъ?... Теперь, когда уже ничтò не препятствуетъ вашему союзу, когда будущность открыта для васъ, ты все еще сомнѣваешься въ вашемъ счастіи?

ЦЕЛИНА (*взявъ ее за руку*). Выслушай меня, Матильда; тебѣ могу открыть мое сердце. Наступилъ рѣшительный для меня день; — сегодня всѣ узнаютъ мои желанія, всѣ увидятъ мои непремѣнныя намѣренія.

МАТИЛЬДА. Чтò ты хочешь этимъ сказать, Целина?....

ЦЕЛИНА (*съ глубокою горестію*). Сегодня пріѣдетъ сюда Альфредъ, тотъ самый, кого предназначила для меня мать Густава....

МАТИЛЬДА (*удивленная*). Откуда ты знаешь объ этомъ? Зачѣмъ ему пріѣхать сюда?

ЦЕЛИНА. Я сама объ этомъ просила письмомъ; — онъ пріѣдетъ сюда принять отъ меня залогъ той руки, которую назначила для него мать Густава....

МАТИЛЬДА. Целина! Такъ ты измѣнишь Густаву!

ЦЕЛИНА. Я еще болѣе измѣнила-бы ему, если-бы поступила иначе, еслибы, слушая голосъ своего сердца, исполнила наши желанія и вышла за него за-мужъ....

МАТИЛЬДА. Какъ?... Ты измѣнила-бы ему, утвердивъ его счастіе?....

ЦЕЛИНА. До-тѣхъ-поръ, пока я была воспитанницей Старостины, пока меня считали за сироту, которую ея благодѣянія поставили наряду съ особами равными ей, — до-тѣхъ-поръ я могла еще льстить себя надеждою — тронуть когда-нибудь свѣтъ за себя и за мужа; но теперь, когда почти всѣмъ извѣстно мое происхожденіе.... извѣстно — что мать и братъ мои въ тюрьмѣ, теперь, когда болѣзнь, переполнившая мѣру моихъ несчастій, лишила меня всей прежней цѣны.... (*съ безчувственнымъ взглядомъ*).... когда всякой видитъ во мнѣ одно только несчастное, полу-умное твореніе.

МАТИЛЬДА (*поспѣшно прерывая ее*). Целина!... перестань, успокойся, умоляю тебя.

ЦЕЛИНА (*помолчавъ съ минуту, и какъ-будто желая собрать мысли, смотритъ передъ собою и потомъ говоритъ спокойно.*) Ты говоришь правду, Матильда.... докторъ велѣлъ мнѣ остерегаться всякаго волненія и безпокойства, и особенно заклиналъ меня не вспоминать никогда о томъ.... что было.... что есть еще.... но только тамъ.... (*оглядывается съ безпокойствомъ*). Тамъ... впереди... вдали....

МАТИЛЬДА. А ты не слушаешь ни совѣтовъ лекаря, ни просьбъ искренней подруги твоей. Зачѣмъ тебѣ было просить сюда Альфреда?

ЦЕЛИНА. Ахъ, милая Матильда! Я не въ-состояніи продолжить свое терпѣніе и муки, которыми терзаюсь ежеминутно. Густавъ безпрестанно осыпаетъ меня новыми благодѣяніями; — я часто вижу его, онъ возобновляетъ прежнія свои просьбы о свадьбѣ, — требуетъ отъ меня, чтобъ я, какъ можно скорѣе, рѣшилась на нашъ союзъ.... Нѣтъ, Матильда, силы ума моего такъ истощены, что я не въ состояніи противостать всему бремени....

МАТИЛЬДА. Отчего-жъ ты не можешь исполнить желанія Густава, когда онъ въ обладаніи тобою полагаетъ все свое счастіе?

ЦЕЛИНА. Любовь увлекаетъ его, — онъ заблуждается и забываетъ о самомъ мучительномъ чувствѣ презрѣнія, котораго нельзя избѣгнуть....

МАТИЛЬДА. Неужели ты полагаешь, что Густавъ когда-нибудь могъ-бы презирать тебя?...

ЦЕЛИНА. О нѣтъ, этого я не опасалась никогда, — да еслибы, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, онъ и смотрѣлъ на меня не такъ, какъ теперь, — еслибъ онъ тогда и подалъ поводъ къ пренебреженію и даже презрѣнію — я приняла-бы отъ него всё это съ покорностію, какъ отъ моего благодѣтеля. Но онъ самъ, вмѣстѣ со мною, былъ-бы предметомъ презрѣнія. Еслибъ онъ показался со мною въ обществѣ, — люди стали-бы издалека указывать на него пальцами;

они сказали-бы другъ-другу : вотъ тотъ безразсудный, беззаботный о своей доброй славѣ, — сказали-бы : вотъ тотъ Густавъ, который женился на....

МАТИЛЬДА (*прерывая ее*). Целина, милая Целина! Опять ты забываешься....

ЦЕЛИНА (*по минутномъ молчаніи*). Да.... я должна беречь, должна охранять его; лучше я подвергнусь сама его упрекамъ, его презрѣнію, его укоризнамъ въ неблагодарности, чѣмъ сдѣлаюсь на всю жизнь причиною его униженія и горести!....

ЯВЛЕНІЕ IV.

ЦЕЛИНА, МАТИЛЬДА, ВАЛЕНТИНЪ, *послѣ* АЛЬФРЕДЪ.

ВАЛЕНТИНЪ. Пріѣхалъ, сударыня, тотъ самый господинъ, что бывалъ прежде въ домѣ покойной барыни.

ЦЕЛИНА (*встревоженная, Матильдѣ*). Это Альфредъ! Матильда! не отходи отъ меня, поддерживай мѣня....

ВАЛЕНТИНЪ. Онъ хочетъ васъ видѣть, сударыня; — что̀ ему прикажете отвѣчать!

ЦЕЛИНА. Проси его, Валентинъ.

ВАЛЕНТИНЪ. А баринъ нашъ приказывалъ говорить всѣмъ, кто-бы къ вамъ ни пріѣхалъ, что вы нездоровы и что васъ нельзя видѣть.

ЦЕЛИНА. Проси его; не бойся барина.... (*Валентинъ уходитъ*).

МАТИЛЬДА. Хорошо-ли, что ты, безъ вѣдома Густава, хочешь видѣться съ Альфредомъ?

ЦЕЛИНА. Я должна его видѣть.... Вотъ онъ идетъ.... Матильда, не оставляй меня!

АЛЬФРЕДЪ (*входитъ, кланяется и говоритъ холодно, обращаясь къ Целинѣ*). Я пріѣхалъ сюда, исполняя ваше приказаніе. Выраженія вашего письма удивили меня. Долженъ-ли вѣрить тому, что вы еще не позабыли меня?

ЦЕЛИНА (*смѣшавшись*). Особа, которая мнѣ нѣкогда.... была назначена доброю моею благодѣтельницею.... не можетъ такъ легко выдти у меня изъ памяти....

АЛЬФРЕДЪ. Всегда такъ мало пользовавшись вашимъ дорогимъ для меня расположеніемъ, я осмѣливался судить иначе, но теперь вижу....

ЦЕЛИНА. Время измѣняетъ многое, уноситъ съ собой наши безразсудныя желанія, уничтожаетъ по-немногу наши намѣренія...

АЛЬФРЕДЪ (*холодно*). Могу-ли вѣрить тому, что время измѣнило не только намѣренія, но и чувства ваши?

ЦЕЛИНА (*смѣшавшись*). Открыла вамъ.... все это въ моемъ письмѣ.... Долгъ признательности, возложенный на меня тою, которая воспитала меня, велитъ мнѣ чтить ея волю....

АЛЬФРЕДЪ. Влеченіе ваше вполнѣ благородно, но не слишкомъ-ли тяжела для васъ жертва, которой оно требуетъ!

ЦЕЛИНА (*съ трепетомъ*). Я.... не дѣлаю.... никакого пожертвованія....

АЛЬФРЕДЪ. Ваше замѣшательство, Целина, выраженіе вашего лица, заставляютъ меня думать иначе. Мнѣ кажется, что вы покоряетесь только одной мучительной для васъ крайности, а это не можетъ предвѣщать мнѣ счастія.

ЦЕЛИНА. У меня нѣтъ столько силы разсудка, ни столько притворства, чтобы наружною веселостью я могла покрыть грусть, которая послѣ такихъ несчастій совершенно овладѣла мною; но я всегда полагала найти въ васъ то снисхожденіе ко мнѣ, и то уваженіе, которыя въ-состояніи облегчить мое положеніе.

АЛЬФРЕДЪ. Вы можете быть всегда совершенно увѣрены въ полномъ моемъ къ вамъ уваженіи.... Но, признаюсь вамъ, мнѣ больно теперь получить несчастіемъ, крайностію и холодною обязанностію то́, чего я прежде домогался получить единственно однимъ только вниманіемъ и расположеніемъ вашимъ....

ЦЕЛИНА. Уваженіемъ моимъ вы пользовались всегда, — расположеніе могло наступить со-временемъ....

АЛЬФРЕДЪ. Мнѣ кажется, что это время не наступитъ для меня никогда. Извините моей откровенности: скажу, что́ думаю и что́ намѣренъ исполнить. Я пріѣхалъ сюда, не желая огорчить васъ неисполненіемъ вашей просьбы; я не прельщался надеждою, увидѣть въ существенности то́, о чомъ было говорено въ письмѣ вашемъ. Время, на которое вы ссылались, измѣнило только обстоятельства ваши, а не чувства. Не требую многаго, требую только того, на что́ имѣетъ право каждый благородный человѣкъ. Обратите на васъ самихъ ваше вниманіе, углубитесь, — всмотритесь въ себя, — и вы увидите, отчего не можетъ быть исполнена воля покойной вашей благодѣтельницы....

ЦЕЛИНА (*въ сильномъ волненіи, взявъ Матильду за руку*). А.... понимаю васъ, сударь.... жертва и съ вашей стороны была-бы слишкомъ велика.... виновата передъ вами.... ошиблась.... обидѣла васъ.... забылась, писавъ къ вамъ письмо о томъ, кто я, и какой твердости души надобно тому, кто рѣшится принести мнѣ въ жертву чувства свои... (*къ Матильдѣ*). Матильда, проводи меня...

(*Уходятъ въ боковую комнату.*)

ЯВЛЕНІЕ V.

Альфредъ, *одинъ, смотря за ней вслѣдъ.*

Целина! не полагай, чтобы у меня не достало твердости. Твои несчастія могли-бы возбудить отвращеніе только въ ничтожномъ и мелкомъ умѣ. Твое происхожденіе, — негодные поступки твоихъ родныхъ, — минутныя мученія, которымъ ты была подвержена,— ничто-бы не отвратило меня отъ тебя, еслибы я видѣлъ нѣжность въ сердцѣ, а не на устахъ твоихъ. Я взялъ-бы тебя изъ убогаго дома твоей матери, въ виду моихъ насмѣшниковъ, еслибъ ты подала мнѣ, по-крайней-мѣрѣ, хоть слабую надежду расположенія... Но изъ дому Густава, изъ того мѣста, гдѣ онъ осыпаетъ тебя благодѣяніями... нѣтъ! никогда!...

ЯВЛЕНІЕ VI.

Валентинъ и Альфредъ.

валентинъ (*таинственно*). Баринъ нашъ пріѣхалъ, сударь.

альфредъ (*сурово*). Что-же?...

валентинъ. Я думалъ, что вы поторопитесь убраться съ глазъ; онъ, видите, сударь, не любитъ, чтобы кто былъ у барышни.

альфредъ. Я развѣ украдкой пришолъ сюда?

валентинъ. Какъ вамъ угодно, сударь.... А вотъ и баринъ идетъ.... (*Отворяетъ Густаву двери и уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Альфредъ *и* Густавъ.

густавъ (*останавливается, увидѣвъ Альфреда*). А! вы здѣсь, государь мой? Никакъ не полагалъ застать васъ въ этомъ домѣ....

альфредъ. Ручаюсь вамъ, сударь, что я пріѣхалъ сюда не за тѣмъ, чтобы нарушить ваше спокойствіе или противустать вашимъ намѣреніямъ...

густавъ. Хочу вѣрить вамъ, и по этому страннымъ мнѣ кажется пріѣздъ вашъ къ особѣ, которой здоровье весьма-сомнительно и для которой каждая мысль о прошедшемъ опасна и даже убійственна. Не мѣшало-бы принять въ соображеніе ея слабость и

удалить отъ нея малѣйшее душевное волненіе, которое могло-бы повредить ея здоровью....

АЛЬФРЕДЪ. Я имѣлъ все это въ виду и не пріѣхалъ-бы сюда никогда, еслибы сама Целина не просила меня.

ГУСТАВЪ (*удивленный*). Какъ сама Целина? Зачѣмъ-же она просила васъ?

АЛЬФРЕДЪ (*смотря на него сурово*). Вы удивляетесь этому, государь мой? Такъ, видно, это сдѣлалось безъ вашего вѣдома?

ГУСТАВЪ. Не только удивляюсь, но даже съ трудомъ могу вѣрить.

АЛЬФРЕДЪ (*съ гордою улыбкою*). О! между нами, сударь, негодятся такія хитрости; я не ребенокъ и не слишкомъ-легковѣрный человѣкъ, чтобы могъ попасться въ силки, которые на меня разставляютъ.

ГУСТАВЪ (*живо*). Я совсѣмъ не понимаю васъ, государь мой, и не знаю, кто-бы имѣлъ намѣреніе разставлять для васъ силки....

АЛЬФРЕДЪ (*вынимаетъ письмо и подаетъ его Густаву*). Это письмо объяснитъ вамъ всё. (*Густавъ вырываетъ его*). Читайте его, сударь, или, по крайней-мѣрѣ, дѣлайте видъ, что читаете и что досихъ-поръ вы вовсе не знали о немъ...

ГУСТАВЪ (*пробѣгая письмо, съ сильнымъ смущеніемъ, въ-сторону*). Целина! что̀ это значитъ? Ты измѣняешь мнѣ, хочешь покинуть меня?...

АЛЬФРЕДЪ (*иронически*). Да! покидаетъ васъ, — и мнѣ даетъ преимущество...

ГУСТАВЪ. Не понимаю... (*Альфреду*)... Вы были у нея, сударь, и требовали отъ нея исполненія обѣщаній моей матери?

АЛЬФРЕДЪ (*съ неудовольствіемъ*). Прошу васъ, сударь, еще разъ, не говорить при мнѣ давно выученной роли и не разыгрывать комедіи; — этимъ вы не проведете меня.

ГУСТАВЪ (*живо*). Что̀ вы хотите сказать этимъ? Какую-бы я имѣлъ причину хитрить передъ вами и обманывать васъ? Не знаю за собой ничего, что̀-бы могъ таить и скрывать передъ кѣмъ-нибудь. Хочу жениться на Целинѣ и по этому дивлюсь, если кто-нибудь другой осмѣливается входить въ права мои.

АЛЬФРЕДЪ (*съ насмѣшливою улыбкой*). Входить въ ваши права, сударь? Ни вы, ни ваши люди, не видали меня, чтобы я вкрадывался какъ любовникъ въ домъ вашъ, чтобы старался отвлекать Целину отъ чувствъ, которыми она вамъ пожертвовала... (*Съ си-*

лою). Не вхожу въ права ваши, но и не хочу также служить плащомъ для прикрытія вашихъ.... низостей....

ГУСТАВЪ (*съ гнѣвомъ*). Моихъ низостей?... прошу васъ, сударь, объяснить мнѣ это.

АЛЬФРЕДЪ (*холодно*). Объясненіе мое будетъ ясно и понятно: когда я видѣлся съ вами, въ послѣдній разъ, въ домѣ покойной вашей матери, я объявилъ вамъ, что полагаюсь на ваше благородство и увѣренъ, что вы не имѣете намѣренія ни жениться на Целинѣ, ни обольстить ее....

ГУСТАВЪ. Никогда не давалъ вамъ слова въ томъ, что не хочу жениться на ней...

АЛЬФРЕДЪ. Не говорю, чтобы вы совсѣмъ не имѣли тогда этаго намѣренія... И прежде показалось-бы странною вещью, еслибы вы взяли за себя сироту, — но теперь, даже никто не повѣритъ, чтобы вы хотѣли жениться на дѣвушкѣ, которой фамилія связана съ преступленіемъ и темницею, и которая сама только-что вылечилась отъ сумасшествія....

ГУСТАВЪ (*въ пылу гнѣва*). О, какъ это мучитъ!... какъ терзаетъ меня!... но подожду еще... Доканчивайте, сударь, — говорите, какія-же были въ то время мои намѣренія?...

АЛЬФРЕДЪ (*сильно*). Навязать мнѣ ее женою и покрыть добрымъ моимъ именемъ ея собственное и ваше безчестіе!

ГУСТАВЪ (*съ гнѣвомъ*). Нѣтъ!... это уже слишкомъ! — такая обида и въ собственномъ моемъ домѣ... вы, милостивый государь, вѣрно, не откажетесь дать мнѣ удовлетвореніе, — но сейчасъ-же, тутъ-же, безъ всякой отсрочки...

АЛЬФРЕДЪ. Этого только я ждалъ и этимъ только хочу разорвать съ вами всѣ сношенія, которыя между нами существовали. Я пріѣхалъ сюда для того только, чтобы смыть нанесенныя мнѣ обиды.... намѣреніе ваше — лишить меня счастія, и неуваженіе къ моему имени, которое могло-бы покрыть ваши низости... Были люди, которые предупреждали меня о вашихъ намѣреніяхъ — письмо Целины подтвердило ихъ опасенія....

ГУСТАВЪ (*прерывая его*). Тише, сударь, прошу васъ; не встревожьте то несчастное существо, которое такъ безстыдно оклеветали. Ожидаю васъ тамъ — на берегу рѣки — около замка — въ саду — подъ липами. — Выбирайте и приносите оружіе; я приду съ человѣкомъ....

АЛЬФРЕДЪ (*уходя*). Надѣюсь, что вы не заставите ждать себя.

ГУСТАВЪ. О! не бойтесь, — не истощу вашего терпѣнія!...

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Густавъ одинъ, въ сильномъ волненіи, идетъ къ дверямъ боковой комнаты, беретъ за ручку, но удерживается.

Нѣтъ, нельзя; она увидѣла-бы по лицу моему, что̀ у меня на сердцѣ. — Однакожъ — не видѣть ее?... не посмотрѣть на нее еще разъ?... (*Пауза*) Нѣтъ! она удержала-бы меня, я-бы не могъ оторваться отъ нея. (*Мрачно*).... опоздалъ-бы, можетъ-быть.... (*Пауза*). А если?... что̀ съ нею будетъ тогда? (*Пауза*). Но для чегоже она призывала его къ себѣ?... для чего хотѣла меня покинуть?... Я долженъ узнать всё! (*Идетъ къ дверямъ, которыя въ тоже время отворяетъ Матильда; она удерживаетъ его*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Матильда, Густавъ.

матильда. Постойте, Густавъ — теперь нельзя; она была такъ встревожена! — насилу я успокоила ее, уснула немного.

густавъ. Ради Бога, скажите мнѣ, для чего она призывала Альфреда? (*Показывая ей письмо*). Для чего писала къ нему это письмо? Или она мнѣ измѣняетъ — или разлюбила меня!...

матильда. Она хотѣла пожертвовать собою для того, чтобы охранить васъ отъ презрѣнія свѣта, еслибы вы женились на ней.

густавъ (*съ горестью*). О, несчастная Целина! Неужели эта тягостная мысль презрѣнія никогда не истребится изъ души твоей? (*По минутномъ молчаніи, живо беретъ Матильду за руку*). Матильда! теперь болѣе, чѣмъ когда-нибудь нужна мнѣ ваша помощь; — умоляю васъ: берегите Целину, смотрите за ней неусыпно; пусть она не безпокоится обо мнѣ — я черезъ минуту возвращусь.... а если-бы не воротился... будьте ей подругой на всю жизнь! Въ бумагахъ моихъ найдете обезпеченіе судьбы ея. (*Хочетъ идти, но удерживается*). О Целина! зачѣмъ я не могу прижать тебя къ своему сердцу! (*Выбѣгаетъ*).

ЯВЛЕНІЕ X.

Матильда, *послѣ* Целина.

матильда. Что̀ это значитъ? Ужъ не вышло-ли чего между ними? (*увидя входящую Целину*). Ахъ!... она....

ЦЕЛИНА (*неспокойная, выходитъ поспѣшно изъ своей комнаты*). Онъ тутъ былъ!... я слышала голосъ его — онъ звалъ меня по имени. — Былъ онъ тутъ, Матильда? звалъ онъ меня?

МАТИЛЬДА (*смѣшавшись*). Нѣтъ; здѣсь никого не было, никто не звалъ тебя.

ЦЕЛИНА (*беретъ ее живо за руку и сердито смотритъ на нее*). Матильда! ты скрываешь отъ меня! Онъ меня кликалъ; я не спала, — я мечтала о немъ, — мечтала о немъ одномъ, какъ вдругъ его голосъ прервалъ мои мечтанія

МАТИЛЬДА. Ты о немъ думала, — не мудрено, что тебѣ послышался его голосъ....

ЦЕЛИНА. Нѣтъ, нѣтъ! то былъ не обманъ, — я слышала ясно, слышала. Целина! (*Береть Матильду за руку, оглядывается кругомъ и прислушивается*)... Всё тихо.... Постой! (*Съ горестью.*) Нѣтъ не слыхать ничего.... (*По минутомъ молчаніи, бросается въ объятія Матильды*). Матильда! Пожалѣй меня, скажи мнѣ правду: — былъ онъ здѣсь?

МАТИЛЬДА. Успокойся, Целина. Для чего-бы я стала таить отъ тебя пріѣздъ его?...

ЦЕЛИНА (*вырываясь изъ ея объятій*). Для чего?... Я сейчасъ скажу тебѣ.... догадалась теперь... Онъ пріѣхалъ сюда, засталъ тутъ Альфреда, поговорилъ съ нимъ, разсердился, поссорился.... И, можетъ-быть, пошолъ съ нимъ... (*Хочетъ выбѣжать*).

МАТИЛЬДА (*останавливая ее*) Целина! заклинаю тебя любовью Густава — успокойся! Ты такъ встревожена, — могла-бы простудиться на открытомъ воздухѣ.... Огорчила-бы этимъ Густава....

ЦЕЛИНА (*останавливаясь*). Огорчила-бы его — говоришь ты! — Но скажи мнѣ: былъ онъ здѣсь? Куда вышелъ отсюда?

МАТИЛЬДА. Повторяю тебѣ, что не былъ, — тебѣ только послышался его голосъ.

ЦЕЛИНА. Нѣтъ, нѣтъ! — Я не ошиблась; — я не могла ошибиться. (*Бѣжитъ къ столику*).... Однакожъ, развѣ нѣтъ людей въ домѣ?... (*Звонитъ и ждетъ*). — Никого!... Куда-жъ они всѣ дѣвались? (*Звонитъ въ другой разъ сильнѣе и потомъ прислушивается*). Что-жъ это значитъ? неужели мы одни въ домѣ? Развѣ нѣтъ никого?... Что̀ за нерадивые, несносные люди! (*Въ гнѣвѣ схватываетъ колокольчикъ, звонитъ еще сильнѣе прежняго и прислушивается. Въ эту минуту раздается выстрѣлъ. Целина испускаетъ пронзительный крикъ и выбѣгаетъ въ боковыя двери, на лѣвую сторону*).

МАТИЛЬДА (*бѣжитъ вслѣдъ за нею, старалась удержать ее*). Це-

лина! Куда ты? Целина! (*Въ дверяхъ*). Не пускайте ее! Держите ее!... (*Вбѣгаетъ Валентинъ*).

валентинъ. Помогите, сударыня, помогите моему барину!

матильда. Целина! Целина!... Для чего ты не удержалъ ее!

валентинъ (*всхлипывая*). Мой баринъ.... мой дорогой баринъ упалъ послѣ перваго выстрѣла.... Ему надобно помочь скорѣе, можетъ-быть, еще онъ живъ.... Стрѣлялись за домомъ, въ саду — я видѣлъ ихъ изъ окна моей горенки.... Подите, матушка, помогите.... Ради Бога помогите моему доброму барину...

матильда. Боже! Что̀ будетъ съ Целиной! (*Выходитъ съ Валентиномъ*).

ЯВЛЕНІЕ XI.

Целина *одна.*

Сцена съ минуту пуста; слышны бѣготня и говоръ людей. Целина, въ совершенномъ помѣшательствѣ, вбѣгаетъ черезъ средніе двери. Въ рукахъ у нее окровавленный платокъ, который она прижимаетъ къ сердцу.

целина. Не дамъ — не дамъ! Одно только осталось мнѣ по немъ — и это еще хотѣлъ-бы ты отнять у меня! (*Бѣжитъ по сценѣ*). Бѣжишь, подлый убійца, — боишься моего мщенія!... (*останавливается у столика, схватываетъ колокольчикъ и звонитъ*). Кто тамъ?... Никого.... всё тихо... Еще разъ! (*Звонитъ*).— Теперь выстрѣлятъ — (*Смѣется безумнымъ смѣхомъ*). Чтожъ вы на меня такъ смотрите?... Развѣ меня не знаете? А!... да, да.... Я дочь Петровой, Петрова была моя мать — а ея сынъ былъ воръ — а у ней было серебро въ постелѣ.... (*Сложивъ руки, по минутномъ молчаніи*).... О, не берите меня въ тюрьму, — я ни въ чомъ невиновата!... ничего не украла, — спросите у Густава! (*Садится на полъ, напротивъ отвореннаго окна на балконъ и смотритъ печально на платокъ*). Это его кровь... (*По минутномъ молчаніи, начинаетъ пѣть похоронымъ голосомъ*).

Какъ зарница блещетъ ночью,
Какъ звукъ флейты замираетъ,
Роза вянетъ съ стебелечкомъ, —
Такъ бѣжитъ меня надежда....

* * *

Что́жъ не-йдешь ко мнѣ, другъ милый?
Гдѣ увижу я тебя?...
Ахъ! свиданье то въ могилѣ, —
Скоро.... скоро.... жди меня....

(*Пауза*). Тсъ!... Тише! — Кто-то зоветъ меня. Слышите! «Целина! Целина!» (*Вскакиваетъ съ мѣста*). Это Густавъ зоветъ меня. (*Показывая на балконъ*). Туда.... туда.... иду.... бѣгу.... (*Бѣжитъ на балконъ и бросается внизъ*).

МАТИЛЬДА (*вбѣгаетъ на сцену*). Целина! Целина! (*Съ крикомъ ужаса подбѣгаетъ къ балкону*). Помогите ей! Спасите ее, ради Бога! — Ахъ, какая ужасная смерть! (*Падаетъ въ кресла*).

(*Занавѣсъ опускается*).

Съ польскаго **СЕРГѢЙ ПОВѢДОНОСЦЕВЪ.**

ЖЕНЩИНА.

(посвящено.....)

Вся сѣтью лжи причудливаго сна
Таинственно опутана она,
И, можетъ-быть, мирятся въ ней одной
Добро и зло, тревога и покой....
И пусть при ней душа всегда полна
Сомнѣніемъ мучительнымъ и злымъ,
Зачѣмъ и кѣмъ такъ лживо создана
Она, дитя причудливаго сна?
Но въ этотъ сонъ такъ вѣрить мы хотимъ,
Какъ никогда не вѣримъ въ бытіе....
Волшебный кругъ, опутавшій ее,
Намъ странно-чуждъ порою, — а порой
Знакомою издѣтства стариной
На душу вѣетъ.... Дѣтской простотой
Порой полны слова ея, и тихъ
И нѣженъ взглядъ, — но было-бъ вѣрить въ нихъ
Безумiемъ.... Нежданный хладъ рѣчей
Невѣріемъ обманутыхъ страстей
За ними въ-слѣдъ такъ странно изумитъ,
Что душу вновь сомнѣнье посѣтитъ:
Зачѣмъ и кѣмъ такъ лживо создана
Она, дитя причудливаго сна?

1843.

1. 4.

ЕВГЕНІЯ ГРАНДЕ.

РОМАНЪ Г-НА ОНОРЕ ДЕ-БАЛЬЗАКА.

(Окончаніе.)

ГЛАВА IV.

Обѣщанія скряги. Клятвы любви.

Въ отсутствіе отца, Евгенія могла, сколько хотѣла, заниматься своимъ милымъ кузеномъ, могла излить на него всѣ сокровища своего сердца — участіе и состраданіе. Въ этихъ двухъ добродѣтеляхъ было все торжество, все проявленіе любви ея, и ей хотѣлось, чтобы чувствовали эти добродѣтели.

Три или четыре раза навѣдывалась она, спитъ-ли Шарль, или уже всталъ. Когда-же онъ сталъ просыпаться, то опять пошли тѣ-же хлопоты, какъ и на-канунѣ. Сама она выдала тарелки, стаканы, сливки, кофе, яйца, фрукты. Потомъ опять взбѣжала на верхъ; опять пріостановилась, чтобы послушать въ дверяхъ.... Что-то онъ теперь дѣлаетъ? Одѣлся-ли онъ? Плачетъ-ли онъ опять? Наконецъ она постучалась.

— Братецъ!

— Это, вы, сестрица?

— Да, Шарль. Гдѣ вы хотите завтракать, внизу или здѣсь, въ вашей комнатѣ?

— Гдѣ вамъ угодно, сестрица.

— Какъ вы себя чувствуете?

— Признаюсь вамъ со стыдомъ, милая сестрица, я голоденъ.

Этотъ разговоръ сквозь замочную скважину былъ цѣлымъ эпизодомъ изъ романа Евгеніи; по-крайней-мѣрѣ для нея.

— Такъ мы вамъ принесемъ завтракать сюда, чтобы не мѣшать послѣ батюшкѣ.

Она побѣжала въ кухню.

— Нанета, поди, прибери его комнату.

Ветхая, чорная лѣстница вдругъ оживилась, заскрипѣла. Сколько воспоминаній рождала и погомъ эта лѣстница въ сердцѣ Евгеніи; какъ часто она взбѣгала по ней! Даже сама старушка, добрая и сговорчивая, не въ-силахъ была противиться желаніямъ и маленькимъ капризамъ своей дочери, и когда Нанета возвратилась сверху, обѣ пошли къ Шэрлю, чтобы утѣшить бѣдняжку и потолковать съ нимъ. Посѣтить Шарля посовѣтовало имъ христіанское братолюбіе, и обѣ онѣ не замѣчали, что уже другой день толкуютъ и вкось и вкривь Евангеліе, примѣняясь къ обстоятельствамъ.

Шарль Гранде́ могъ оцѣнить теперь всѣ заботы, всѣ попеченія, на него изливаемыя. Его уязвленное сердце узнало теперь сладость дружбы и необходимость сочувствія и состраданія. Евгенія и мать ея знали, что́ такое тоска и страданіе, и поспѣшили осыпать его всѣми сокровищами своего сердца, дружбою и утѣшеніемъ. По праву родства, Евгенія принялась прибирать и устанавливать всѣ вещи Шарля, укладывать его бѣлье, всѣ туалетныя принадлежности и могла вдоволь насмотрѣться на всѣ роскошныя бездѣлки и прихоти моднаго дэнди, на всѣ золотыя игрушки, попадавшіяся ей подъ-руку. Она брала ихъ по очередно и каждую долго разсматривала. Съ глубокимъ чувствомъ признательности принималъ Шарль цѣлительное участіе своей тётки и кузины; онъ зналъ, что въ Парижѣ онъ встрѣтилъ-бы вездѣ одну холодность и равнодушіе. Онъ понялъ тогда всю прелесть сердца и души Евгеніи. Онъ удивлялся дѣтской наивности ея характера, надъ чѣмъ еще вчера такъ безсмысленно насмѣхался. И когда Евгенія, взявъ взъ рукъ Нанеты фаянсовую чашку съ кофеемъ, поднесла ее своему кузену, со всею прелестію дружеской услуги, и привѣтливо улыбнулась ему, то глаза его наполнились слезами; онъ схватилъ ея руку и поцѣловалъ.

— Что́, что̀ съ вами? спросила она.

— О, это слезы благодарности, сестрица.

Евгенія быстро обернулась къ камину, чтобы взять съ него подсвѣчники. — Возьми, убери ихъ, Нанета.

Когда она опять взглянула на Шарля, то щеки ея горѣли, какъ огонь, но глаза уже могли лгать; они не выдавали сердца, и радости, заигравшей въ немъ.

Стукъ молотка возвѣстилъ отбой старушкѣ и дочери, и обѣ едва успѣли сойти и усѣсться на своихъ мѣстахъ. Гранде вошолъ вовремя, но не будь онѣ у окна, у старика тотчасъ явились-бы подозрѣнія.

Чудакъ нашъ проглотилъ щепоточку чего-то, что величалось завтракомъ.—Послѣ завтрака явился Корнулье, лѣсной сторожъ и егерь господина Гранде; жалованье было ему обѣщано, но только еще обѣщано; онъ явился изъ Фруафонда, неся въ рукахъ зайца и куропатокъ, застрѣленныхъ въ паркѣ.

— А-а! ну, вотъ и нашъ Корнулье! Съ добычей, дружокъ? Что-же это вкусно, хорошо? а?

— Да, мой добрый, милостивый господинъ, свѣжее, только-что застрѣлилъ утромъ.

— Ну, ну, Нанета, вертись скорѣе! вотъ тебѣ провизія; сегодня у меня будутъ обѣдать двое Крюшо.

Нанета вытаращила глаза и смотрѣла на всѣхъ съ недоумѣніемъ.

— Ну, а гдѣ-же я возьму коренья и зелень?

— Жена, дай ей шесть франковъ, да припомни мнѣ сходить въ погребъ, выбрать вина получше.

— Такъ вотъ что, добрый, милостивый господинъ мой, началъ Корнулье, между-тѣмъ приготовившій свою рѣчь и просьбу о жалованьѣ: такъ-вотъ что милостивый и добрый господинъ мой.....

— Та, та, та, та! заговорилъ скупой, знаю про что ты поешь; ты братъ славный малый; я подумаю... но теперь я, видишь самъ, занятъ, теперь некогда. — Жена! дай ему экю! и старикъ убѣжалъ.

Бѣдная жена рада была, поплатившись одиннадцатью франками за спокойствіе и миръ. — Она знала, что Гранде молчалъ цѣлыхъ двѣ недѣли, стянувъ у ней нѣсколько франковъ.

— Возьми, Корнулье, сказала она, подавая ему десять франковъ: когда нибудь мы припомнимъ твои услуги.

Нечего было дѣлать Корнулье; онъ отправился.

— Вотъ, сударыня, возьмите эти три франка назадъ: мнѣ болѣе трехъ не понадобится, сказала Нанета, надѣвая свой темный чепчикъ и взявъ въ руки корзину.

— Постарайся получше обѣдъ приготовить, Нанета: братецъ тоже будетъ вмѣстѣ съ нами обѣдать.

— Право, сегодня необыкновенный день, сказала госпожа Гранде:

вотъ всего третій разъ послѣ нашей свадьбы, какъ мужъ мой зоветъ къ себѣ гостей обѣдать.

Около четырехъ часовъ, когда Евгенія кончила накрывать на столъ, а старикъ воротился изъ погреба, неся съ собою нѣсколько лучшихъ завѣтныхъ бутылокъ, Шарль появился въ залѣ. — Онъ былъ блѣденъ; его жесты, его походка, взглядъ, всё, даже звукъ голоса, всё носило отпечатокъ глубокой, благородной грусти и тихой задумчивости. — Онъ не притворялся, онъ дѣйствительно страдалъ, и страданіе, разлитое на лицѣ его, придавало ему какую-то увлекательную прелесть, которая такъ нравится женщинамъ. Евгенія полюбила его еще болѣе; можетъ-быть, ихъ сблизило одно несчастіе; и въ-самомъ-дѣлѣ, Шарль уже не былъ болѣе тѣмъ щеголеватымъ, недоступнымъ красавцемъ, какимъ онъ явился къ нимъ въ первый разъ. Нѣтъ! Это былъ бѣдный, всѣми покинутый родственникъ, а бѣдность равняетъ всѣхъ. У женщины то общее съ ангелами, что всѣ страдальцы, всѣ мученики принадлежатъ ея сердцу. Шарль и Евгенія взглянулись и объяснились взглядомъ; сирота, падшій дэнди, сталъ въ углу комнаты спокойный и гордый; отъ-времени-до-времени ему встрѣчались нѣжные, ласковые взгляды Евгеніи, и онъ успокоивался, онъ покорно ловилъ отрадный лучъ надежды, блиставшій ему въ этомъ взорѣ, улеталъ далеко воображеніемъ и отдыхалъ въ тихихъ, блестящихъ мірахъ неясныхъ грезъ и мечтаній.

Въ эту минуту въ Сомюрѣ только и говорили, что объ обѣдѣ у господина Грандé; забыли уже объ его вчерашнемъ предательствѣ при продажѣ вина. — Еслибы хитрецъ задавалъ обѣды съ тою цѣлью, которая стóила хвоста собакѣ Альцибіадовой, то онъ прослылъ-бы, можетъ-быть, великимъ человѣкомъ; — но Грандé нѣкогда было и думать о Сомюрѣ.

Де-Грассены, услышавъ про банкрутство и самоубійство Вильгельма Грандé, рѣшились отправиться къ старику послѣ обѣда, пожалѣть его, поскорбѣть съ нимъ вмѣстѣ, утѣшить, если можно и нужно, и, между-прочимъ, разузнать подъ-рукою, на что позвали обоихъ Крюшо, и зачѣмъ скряга тратился, чтобы кормить ихъ обѣдомъ.

Ровно въ пять часовъ Президентъ де-Бонфонъ, съ дядею Нотаріусомъ явились, разодѣтые въ-пухъ и въ-прахъ, по парадному. Гости сѣли за столъ и стали преисправно кушать. Грандé былъ важенъ и задумчивъ, Шарль молчаливъ, Евгенія ничего не говорила, г-жа Грандé не сказала ничего лишняго, такъ, что обѣдъ былъ настоящей монастырской трапезой.

Когда встали изъ-за стола Шарль сказалъ дядѣ и теткѣ:

— Позвольте мнѣ уйти въ мою комнату; мнѣ нужно заняться долгой перепиской...

— Ступай, ступай, племянничекъ.

Потомъ, когда чудакъ разсчиталъ по пальцамъ время, нужное Шарлю, чтобы дойти въ свою комнату и сѣсть за свои письма, чудакъ покосился на жену.

— Г-жа Гранде, что̀ мы теперь будемъ болтать съ пріятелями, будетъ для васъ, всё сполна, чистѣйшая латынь. Уже семь часовъ съ половиною: пора-бы вамъ на-боковую, а? Прощай, Евгенія. Онъ поцѣловалъ дочь и обѣ онѣ вышли.

Тогда-то началась знаменитая сцена, въ которой Гранде выказалъ всю свою ловкость, искусство и навыкъ справляться съ людьми, словомъ всё то̀, за что̀ ему дано было лестное прозваніе *старой собаки*, тѣми, которые попробовали его зубовъ. — Еслибы старый меръ города Сомюра былъ честолюбивъ, еслибы при томъ ему помогли обстоятельства, доведя его до высшихъ степеней государственной администраціи, то, безспорно, Гранде оказалъ-бы много пользы отечеству, когда-бы для него употребилъ хоть половину своей ловкости и смѣтливости. Впрочемъ, можетъ-быть, чудакъ былъ рожденъ дивить только свой муравейникъ; можетъ-быть, съ умами случается тоже, что̀ и съ нѣкоторыми животными— безплодіе въ другихъ климатахъ.

— Го-госпо-динъ П-п-резидентъ! вы го-ого-ворили, что банк-банк-банк-рутство....

Притворное заиканье старика, которому почти всѣ вѣрили за долголѣтіе и естественность, также, какъ и глухота, на которую онъ жаловался по-временамъ, въ сырую погоду, было такъ несносно въ эту минуту нетерпѣливымъ, любопытнымъ Крюшо̀, что они невольно, въ комическомъ нетерпѣніи, ломались, гримасничали и поводили губами, какъ будто-бы хотѣли проговорить фразу, завязшую на зубахъ старика. Здѣсь необходимо разсказать исторію заиканья и глухоты господина Гранде.

Никто, въ цѣлой провинціи, не выговаривалъ и не слышалъ лучше старика Гранде.—Когда-то, не-смотря на всю свою хитрость и лукавство, скряга былъ оплутованъ однимъ жидомъ. — Во-время торга, жидъ поднесъ руку къ своему уху такъ натурально, и такъ ловко заикался, что Гранде изъ состраданія, подобно обоимъ Крюшо̀, началъ сначала пошевеливать губами, потомъ помогать жиду, подсказывать слова, фразы, а наконецъ началъ совсѣмъ говорить вмѣсто жида, началъ самъ съ собой торговаться вмѣсто жида, самъ изъ Гранде обратился въ проклятаго жида. — Странный бой, изъ котораго первый разъ въ жизни своей старикъ вышелъ не по-

бѣдителемъ, а побѣжденнымъ. Но, потерявъ барышъ, Грандé разсчолъ, что онъ не въ-убыткѣ, что онъ лишь дорогонько заплатилъ за урокъ, но урокомъ положилъ воспользоваться непремѣнно, при случаѣ.

Посему случаю чудакъ кончилъ тѣмъ, что благословилъ жида отъ чистаго сердца, научившись у него искусству утомлять противника, заставлять его говорить за себя, а слѣдовательно, сбиваться съ собственнаго плана, съ собственныхъ мыслей. Никогда еще не представлялось ему болѣе удобнаго случая развернуться вполнѣ, показать въ полной силѣ свои таланты по-части заикальнаго искусства и глухоты, какъ теперь. Во-первыхъ ему не хотѣлось ясно высказаться; во-вторыхъ ему самому хотѣлось управлять разговоромъ; наконецъ, въ-третьихъ скрыть отъ своихъ слушателей свои настоящія намѣренія.

— Господинъ де-Бон-бон-бон-бонфонъ....

Въ цѣлые три года второй разъ посылалъ теперь Грандé Президенту — *де-Бонфона*. Президентъ думалъ, что старикъ, по-крайней-мѣрѣ, хочетъ теперь предложить ему руку своей дочери.

— Такъ вы говорили, что банк-банк-банк-рутства могли-бы быть уничтожены....

Могутъ-быть уничтожены коммерческими судами; да, это случается почти каждый день, перебилъ Президентъ, подхвативъ оборвавшуюся идею Грандé и думая, что совершенно угадалъ ее.—Слушайте!

— Слушаю, смиренно отвѣчалъ хитрецъ, смѣясь внутренно, какъ дитя надъ учителемъ своимъ въ школѣ.

— Вотъ положимъ, что человѣкъ почтенный и уважаемый, какъ вашъ покойный братецъ въ Парижѣ.

— Мой братъ! а? да, да, ну!

— Вотъ если такой человѣкъ видитъ неминуемое паденіе своего дома....

— Па-а-аденіе, вы говорите—па па-деніе?...

— Да; и когда банкрутство неотразимо, то коммерческій судъ (слушайте хорошенько), тотъ коммерческій судъ, отъ котораго онъ ближайшимъ образомъ зависитъ, имѣетъ право назначить, для затушенія непріятностей, переговорщиковъ. Переговаривать и торговаться, еще не значитъ обанкрутиться, понимаете? банкрутъ обезславленъ, а этотъ остается честнымъ человѣкомъ.

— Ра-разумѣется э-это-то лучше, еслибы то-только дороже не с-с-с-стои-ло.

— Да! но сговариваться можно и безъ коммерческаго суда. На-

примѣръ, какъ объявляется банкрутство? сказалъ президентъ, растирая пальцами щепоточку табаку.

— Да—да—я и-и не-не знаю, проговорилъ Грандé.

— Во-первыхъ, началъ Президентъ: сложеніемъ баланса въ судейскую канцелярію, что́ дѣлается или черезъ самого купца, или чрезъ его уполномоченнаго; — во-вторыхъ показаніями и доносами кредиторовъ.—Такъ если самъ негоціантъ не выдаетъ своего баланса, если ни одинъ кредиторъ не объявляетъ вышесказаннаго негоціанта банкрутомъ, такъ что́-же можетъ выйти изъ такого хода вещей?

— Ну, да, да! что́-же выйдетъ?

Тогда его семейство, его представители, наслѣдники, или даже самъ негоціантъ, если онъ не умеръ, или друзья, у которыхъ онъ спрятанъ, начинаютъ за него переговаривать и торговаться съ кредиторами.—Можетъ-быть, вы желаете устроить дѣла вашего покойнаго брата? спросилъ старика Президентъ.

—Ахъ! другъ Грандé, закричалъ нотаріусъ: какъ это будетъ прекрасно, благородно! Вы докажете, что есть истинное благородство въ нашей провинціи, когда вы спасете свое имя отъ позора; потому-что здѣсь страдаетъ и ваше имя, Грандé... О! вы будете тогда, вы будете...

— Великодушнымъ человѣкомъ! закричалъ Президентъ, перебивая своего дядю.

— Да, конечно, мой б-б-ратъ на-назывался Грандé, также, какъ и я. Э-это п-правда! — Не-не-скажу-жу нѣтъ. И э-это будетъ поле-езно моему пле-пле-племяннику во всѣхъ отношеніяхъ. — Но мы по-посмотримъ... Я не-не знаю э-этихъ па-парижскихъ собакъ... Я-я въ Со-сомюрѣ... са-сами зна-аете! У-умения ви-вино, лу-луга, за...занятія; я никогда къ-тому-же не писалъ векселей; что́ такое ве-вексель? У-у меня м-много этой бу-бумаги, а самъ я не не...пи...пи...сывалъ ихъ ни-и-никогда, ла и небу...у... ду... Во-вотъ и всё! Я слы-слышалъ, что можно купить би-би-билеты.

— Да, да; можно купить векселя на биржѣ, давъ столько-то на сто. Поняли?

Грандé поморщился и приложилъ ладонь къ уху; Президентъ повторилъ.

— Да, да-вѣдь мно-ного заботы! Въ мо-мои лѣта, что́ я ту тутъ по...нимаю! Я долженъ смотрѣть за по...по...лями. Что́ соберешь съ нихъ, такъ тѣмъ и заплатишь, а...сбо...боры п-прежде всего. У меня теперь преза-занимате-тельныя дѣла въ Фру...фру... фруанфондѣ. — Я, я не могу о-оставить дома для всей этой чер-

чер-чертовщины, въ которой я ничего не с-смыслю. А вы-вы говорите, что-о мнѣ нужно бы-быть въ Па-парижѣ. А развѣ мо-можно быть въ двухъ мѣста...тахъ, ка-какъ пти-ти-ти-тичка?...

— А! понимаю, закричалъ нотаріусъ. Гранде! у васъ есть друзья, вѣрные, старые друзья, они васъ не выдадутъ.

— Да ну-же, ну-же, думалъ старикъ, рѣшайтесь, дураки.

— Такъ если кто-нибудь поѣдетъ за васъ въ Парижъ, — отыщетъ главныхъ кредиторовъ вашего брата, и скажетъ...

— Ми-и-нутку! прервалъ чудакъ : Что-о такое скажетъ? Что-то-нибудь такое: Господинъ Г-Гранде та-такой-то, го-господинъ Г-г...ран-дѐ сякой-то! лю-любитъ бърата. Хо-хо-хорошо тор-торторгуетъ. Не объявляете банк-банкрутства; соберитесь и на-назначьте сами отъ себя у-у-полномммоченныхъ и пер-пере-переговорщиковъ. Тогда старикъ Г-Гранде по-по-посмотритъ.—Ва-вамъ же будетъ вы-выгоднѣе, чѣмъ напу-пу-стить полиц-ц-цейскихъ. — Не-не-не-такъ-ли?

— Именно такъ, отвѣчалъ Президентъ.

— По-потому, что вы вилите-ли, го-господинъ де-Бо-бобо-бобонфонъ, нужно сначала по-посмотрѣть а-а-а-а...потомъ уже рѣш...шиться. Кто не можетъ, такъ тому и нельзя. Не-нену-ужно разоряться, забирать-ся с-сверхъ си-силъ. Та, та, такъ-ли?

— Разумѣется, сказалъ Президентъ: я думаю, что за извѣстную сумму, разомъ выплаченную, можно очень-скоро сойтись съ кредиторами и выкупить бумаги. Покамѣсть банкрутство необъявлено, а вы скупили векселя, бумаги у васъ въ рукахъ, то вы спасены, дѣло обдѣлали ловко, сами не замарались и бѣлы, какъ снѣгъ.

— Какъ снѣгъ, сказалъ Гранде, приставляя руку къ своему уху : какъ снѣгъ?... Ч-ч-что-то такое снѣ-гъ ? я в-васъ не не понимаю.

— Такъ слушайте-же меня, прокричалъ ему взбѣшенный Президентъ.

— Да-съ, слушаю.

— Всякое дѣло товаръ, у котораго своя цѣна. Такъ опредѣляетъ Іеремія Бентамъ, говоря о ростовщикахъ. Знаменитый публицистъ доказалъ, что предразсудокъ, преслѣдующій ростовщиковъ—сущій вздоръ.

— Yes, отвѣчалъ чудакъ.

— Итакъ примемъ по Бентаму, что деньги тоже товаръ, и что ихъ замѣняетъ тотъ-же товаръ. Слѣдовательно, если векселя, естественно подверженные вліянію торговыхъ оборотовъ, плодятся или исчезаютъ на биржѣ, дорожаютъ или дешевѣютъ, то коммерческій судъ можетъ рѣшить... Ну, вѣдь вотъ я-то дуракъ! толкую еще!

Да вы, просто, можете скупить векселя вашего брата съ уступкою 75 процентовъ на сто, то-есть, всего-то по 25!

— Его зовутъ Іеремія Бентамъ?... А-а-а-нгличанинъ?

— Этотъ Іеремія поплачетъ за насъ въ этомъ дѣлѣ, а насъ спасетъ отъ лишнихъ слезъ, сказалъ, смѣясь, нотаріусъ.

— Э-эти Англичане не совсѣмъ глу-глупы; такъ, если слѣдуя Бе-ентаму, ве-ве-векселя мо-мо-его брата сто́ютъ... и... или нѣтъ или да... я... я я говорю, что-то такъ это-то ясно, к-кредиторы бу-будутъ, нѣ-нѣ-нѣтъ не будутъ... П-п-право не-не понимаю.

— Дайте я вамъ объясню все это, сказалъ Президентъ.

— Если у васъ въ рукахъ всѣ векселя изъ домъ покойнаго Грандé, то братъ вашъ или его наслѣдники не должны никому ничего. Такъ?

— Та-такъ, повторилъ Грандé.

— Теперь, если векселя вашего брата разойдутся на биржѣ, будутъ *продаваться* (*продаваться*, замѣтьте это слово) съ значительною уступкою, и если кто изъ друзей вашихъ пройдетъ мимо, поторгуется да купитъ, то кредиторы, продавъ векселя добровольно, такимъ образомъ отказываются отъ всѣхъ своихъ требованій на домъ Грандé парижскаго?

— П-правда! дѣ-дѣла дѣлами, сказалъ бочаръ: это-то такъ... Но вы по-понимаете, что-то это тт-т-трудно. У меня нѣтъ ни деденегъ, ни времени.

— Разумѣется, вамъ нельзя самимъ. Ну, такъ я къ вашимъ услугамъ; я поѣду за васъ въ Парижъ (обойдется въ пустяки,— мы сдѣлаемъ маленькій счотецъ). Я поговорю съ кредиторами, прижму ихъ и все дѣло уладится, разумѣется, съ подбавкою вещественнаго къ переговорамъ и срочному платежу, который мы имъ обѣщаемъ: все это чтобы выкупить векселя.

— Но, но, но, у-увидимъ; я я не хочу, я я не могу пуститься въ дѣ-дѣло безъ, безъ... пони-понимаете.... Это-то такъ. У меня и теперь го-голова разболѣлась оттого, что вы та-тамъ наговорили. Это пе-первый разъ въ жизни, что-то я связываюсь съ зако-конами.

— Правда, правда, вы *беззаконникъ*.

— Я, я, я бѣдный виногра-градчикъ, и не совсѣмъ васъ понимаю. Нужно-бы еще разъ по-по-по...

— Такъ слушайте-же, сказалъ Президентъ, и хотѣлъ начать сначала, но дядя остановилъ его.

— Племянникъ, закричалъ нотаріусъ, покачивая головою.

— Что такое, дядюшка.

— Оставь въ покоѣ господина Гранде; пусть онъ самъ объяснитъ свои намѣренія. Это вещь нешуточная, и нашъ другъ...

Тутъ стукъ молотка возвѣстилъ о прибытіи де-Грассёновъ; входъ и взаимныя затѣмъ привѣтствія не дали времени Крюшо окончить своей рѣчи. Нотаріусъ былъ впрочемъ весьма-доволенъ, что ему помѣшали. Онъ видѣлъ, какъ Гранде бросалъ на него свирѣпые взгляды; онъ предузнавалъ грозу по судорожному движенію его мускуловъ и шишки на носу его. Благоразумный нотаріусъ во-первыхъ, находилъ неприличнымъ для Президента суда первой инстанціи ѣхать въ Парижъ, чтобы возиться съ кредиторами господина Гранде, и вдаваться въ дѣло не совсѣмъ-то праведное. Наконецъ Гранде еще не сказалъ ни полслова, не изъявилъ ни малѣйшаго желанія, хоть что-нибудь заплатить; вотъ почему онъ внутренно содрогался, видя, какъ неосторожно племянникъ его протягиваетъ шею въ петлю. Только-что вошли де-Грассёны, онъ незамѣтно толкнулъ Президента и отвелъ его въ-сторону, въ амбразуру окна.

— Полно, не горячись, племянникъ. Ты и такъ довольно себя высказалъ; тебя ослѣпляетъ желаніе богатой невѣсты. Но ненужно и ходить съ завязанными глазами. Теперь я проведу судно сквозь отмелей, а ты только исподволь помогай маневру. Ну, твоели дѣло, тебѣ, Президенту суда первой инстанціи, ввязываться въ такую двусмысленную роль?...

Но онъ не кончилъ: говоря, онъ слышалъ всё, и, слѣдовательно, слышалъ слова де-Грассёна:

— Мы слышали, Гранде, ужасное несчастіе, постигшее домъ Вильгельма Гранде, и смерть его. Мы пришли сюда изъявить вамъ все дружеское участіе и соболѣзнованіе, которое принимаемъ въ этомъ дѣлѣ.

— Другаго несчастія нѣтъ, какъ только смерть г-на Гранде младшаго, перебилъ нотаріусъ. Да и это горе тоже не случилось-бы, еслибъ Вильгельмъ Гранде заблаговременно обратился къ почтенному другу нашему, своему брату. Нашъ другъ благороденъ и великодушенъ; онъ хочетъ заплатить долги покойника. Президентъ, мой племянникъ, предлагаетъ ему во избѣжаніе судебныхъ издержекъ и мытарствъ, отправиться за него въ Парижъ, уговорить кредиторовъ, и всё устроить и уладить, какъ слѣдуетъ.

Де-Грассёны были изумлены словами Крюшо, подкрѣпленными мимикою старика, преспокойно и самодовольно поглаживавшаго свой подбородокъ; де-Грассёны почти всю дорогу толковали о скупости Гранде-сомюрскаго, и обвиняли его едва-ли не въ братоубійствѣ.

— Неужели! о, я предчувствовалъ это, закричалъ де-Грассéнъ. Жена! а? что̀ я тебѣ говорилъ дорогою? Да! повторяю, нашъ другъ Грандé честенъ, великодушенъ; онъ не потерпитъ малѣйшаго пятна на своемъ честномъ имени! Что̀ богатство безчестія! Прекрасно, прекрасно Грандé. Я старый солдатъ, я не притворщикъ, я прямъ! Это превосходно, Грандé, да! превосходно!

— И и пре-превосходно и до-орого, отвѣчалъ старикъ, пока-мѣстъ банкиръ съ жаромъ трясъ его руку.

— Но знаете-ли мой другъ, это дѣло—прошу извиненія у господина Крюшò — это дѣло чисто торговое; нужно человѣка, знающаго, дѣловаго, купца. Нужно, чтобы онъ зналъ разсчитывать, не даваться въ просакъ, и, если нужно, повернуть дѣло по-своему. Я на-дняхъ ѣду въ Парижъ по собственному дѣлу, и, право, я не прочь, я возьмусь устроить и ваше.

— Да я бы—бы и самъ не прочь; то-только не не хочу рисковать, нужно по-о-осторожнѣе. А вотъ господинъ Президентъ ужъ и денегъ у меня просилъ на дорогу. Послѣднее старикъ произнесъ не запкаясь.

— А я-бы и сама заплатила за одно удовольствіе побывать въ Парижѣ! сказала госпожа де-Грассéнъ и мигнула своему мужу, давая знать, чтобы онъ во-что-бы то ни стало отбилъ порученіе; потомъ она насмѣшливо взглянула на обоихъ Крюшò, у которыхъ вытянулись лица.

Грандé схватилъ де-Грассéна за пуговицу и потащилъ его въ уголъ.

— Разумѣется, я гораздо-больше довѣряю вамъ, чѣмъ Президенту. Кромѣ того есть кое-что и другое. Мнѣ нужно купить нѣсколько тысячъ франковъ доходу въ государственномъ банкѣ, а не хочется давать болѣе восьмидесяти за сто. Говорятъ, что черезъ мѣсяцъ будетъ уже поздно. Такъ вы мнѣ обдѣлаете это? а?

— Такъ, стало-быть, всего-то и дѣла, что купить вамъ нѣсколько тысячъ франковъ....

— Правда не много для начала. Между нами сказать, я хочу вести дѣла въ тайнѣ. Въ мѣсяцъ-то вы, вѣрно, всё обдѣлаете, а? Только не говорите ничего Крюшò; они, пожалуй, обидятся. Кстати, ужъ въ Парижѣ вы загляните и въ дѣла моего бѣдняжки племянника.

— Хорошо, хорошо! Я завтра-же возьму почтовыхъ лошадей, сказалъ громко де Грассенъ и къ вамъ зайду за послѣдними наставленіями въ.... въ которомъ часу?

Въ пять часовъ передъ обѣдомъ, сказалъ бочаръ, потирая руки.

Соперники остались еще нѣсколько времени у Грандé.

Послѣ нѣкотораго молчанія, де-Грассенъ потрепалъ по плечу старика и сказалъ ему:

— Хорошо имѣть такихъ родственниковъ, какъ вы, Гранде.

— Да, вотъ что, отвѣчалъ бочаръ, я добрый семьянинъ, хоть и не тѣмъ кажусь. Я любилъ брата... готовъ доказать, что люблю... да вѣдь это будетъ дорого стóить....

— Прощайте Гранде, сказалъ банкиръ, къ-счастію остановивъ его на недокончанной фразѣ : такъ-какъ я теперь спѣшу, то есть кое-какія дѣлишки дома.

— Хорошо, хорошо. Я самъ хочу пообсудить еще кое-что, касательно того, о чомъ говорилъ съ вами, и удаляюсь въ свою *палату совѣщаній*, по выраженію господина *Президента Крюшо*.

— Ага! я уже теперь не *де-Бонфонъ*, подумалъ убитый Президентъ, и лицо его выразило недовольную мину судьи, утомленнаго въ своихъ судейскихъ креслахъ.

Предводители обѣихъ партій отправились вмѣстѣ. Ни тѣ, ни другіе не упоминали уже болѣе о недавнемъ предательствѣ Гранде, но выпытывали другъ у друга, что затѣялъ теперь старикъ; потому-что изъ нихъ никто не понималъ его.

— Не зайдете-ли вы съ нами къ госпожѣ Дорюнваль, господа? сказалъ де-Грассенъ, обращаясь къ нотаріусу.

— Мы будемъ къ ней попозже; а теперь, съ позволенія дядюшки, я зайду сперва къ госпожѣ Грибокуръ....

— Такъ до свиданія-же, господа, сказала госпожа де-Грассенъ.

— Когда Крюшо отошли на нѣсколько шаговъ, Адольфъ де-Грассенъ сказалъ отцу:

— Надули этихъ Крюшо; они съ порядочнымъ носомъ!

— Полно, Адольфъ, отвѣчала г-жа де-Грассенъ: они еще могутъ услышать; да къ-тому-же, мой милый, ты говоришь, какъ настоящій школьникъ...

— Что дядюшка, закричалъ Президентъ въ свою очередь: началось съ *де-Бонфона*, а свели на *Президента Крюшо*.

— Знаю, знаю, братецъ, отвѣчалъ ему дядя. Де-Грассены торжествуютъ, да пусть ихъ! ужъ и ты то братецъ толковалъ, толковалъ... Пускай де-Грассены вѣрятъ, какъ дураки въ его «*увидимъ*». Будъ покоенъ, другъ мой; ты женишься на Евгеніи!

Въ минуту слухъ о великодушномъ поступкѣ Гранде распространился уже въ трехъ домахъ.

Въ цѣломъ городѣ только и говорили, что о примѣрномъ братолюбіи старика, и всякій отъ чистаго сердца простилъ ему недавнее вѣроломство, удивляясь мнимой честности и великодушію. Минутный энтузіазмъ есть элементъ французскаго характера. Неуже-

ли общества, народы, словомъ, всё собирательное лишено памяти?

Когда Гранде затворилъ за гостями дверь, то кликнулъ свою вѣрную Нанету.

— Не спускай собаки, да и сама не ложись! Нужно работать. Въ одиннадцать часовъ Корнулье пріѣдетъ за мной изъ Фруафонда. Жди его; отопри ему поскорѣе, чтобы онъ не стучался долго: во-первыхъ полиція запрещаетъ шумѣть по-ночамъ, а во-вторыхъ никто и знать не долженъ, что я уѣзжаю.

Сказавъ это, Гранде поднялся въ свою лабораторію, и Нанета услышала, какъ старикъ рылся, ходилъ, считалъ. Онъ работалъ осторожно и тихо, чтобы не разбудить жены и дочери, а главное, спастись отъ любопытства племянника, котораго проклиналъ онъ сквозь зубы, увидя свѣтъ въ его комнатѣ.

Въ полночь Евгенія, мечтавшая о Шарлѣ, вдругъ услышала стонъ, и ей показалось, что это изъ его комнаты. Ужъ не убился-ли онъ? онъ былъ такой блѣдный и мрачный... Въ-мигъ накинула она чепчикъ, завернулась въ мантилью и хотѣла выйти. Но ее пріостановилъ свѣтъ, проникавшій сквозь щели дверей ея комнаты; скоро она ободрилась, услышавъ тяжолую походку Нанеты, и голосъ ея, вмѣстѣ съ шумомъ и ржаніемъ приведенныхъ лошадей.

— Ужъ не увозятъ-ли Шарля, не уѣзжаетъ ли онъ? подумала Евгенія и осторожно отворила дверь въ корридоръ.

Она вздрогнула, встрѣтивъ взглядъ отца, взглядъ озабоченный, холодный, разсѣянный. Старикъ и Нанета держали на плечахъ толстое коромысло, къ которому на канатѣ былъ прикрѣпленъ небольшой бочонокъ, работы самого Гранде, въ часы отдохновенія или бездѣлья.

— Дѣва Пречистая! да сколько-же это вѣситъ? сказала Нанета почти шопотомъ.

— Да жаль, душа моя, что всё мѣдь, отвѣчалъ старикъ: берегись, не задѣнь свѣчки.

Сцена была освѣщена однимъ сальнымъ огаркомъ, поставленнымъ на лѣстницѣ.

— Съ тобой-ли пистолеты, Корнулье? спросилъ Гранде у своего лѣсничаго.

— Нѣтъ, сударь! да чего тутъ и бояться-то? вѣдь не деньги.

— Разумѣется, разумѣется, ничего.

— Къ тому-же я повезу васъ скоро; кони знатные! для васъ, сударь, выбрали что ни есть лучшихъ лошадей.

— Хорошо, хорошо; а ты-же сказалъ имъ, куда мы ѣдемъ.

— Да я и самъ-то не зналъ, сударь.

— Хорошо, хорошо! а крѣпка-ли повозка?

— Повозка то крѣпка-ли? Еще-бы, сударь! Да въ ней хоть три тысячи можно увезти мѣдью. Сколько въ вашихъ боченкахъ-то?

— Я по вѣсу узнала, сказала Нанета: здѣсь вѣрныхъ тысячавосемьсотъ франковъ.

— Замолчишь-ли ты, Нанета! Женѣ скажешь, что я отправился въ деревню. Къ обѣду я возвращусь. Живѣе, живѣе, Корнулье! Къ девяти часамъ нужно быть въ Анжерѣ.

Повозка покатилась, Нанета заперла ворота, спустила собаку, и улеглась.

Въ городѣ никто не зналъ ни про отъѣздъ, ни про цѣль путешествія старика Гранде, потому-что скряга былъ остороженъ донельзя. Въ домѣ его никто и копейки не видалъ, а между-тѣмъ въ домѣ были кучи золота. Услышавъ утромъ на пристани, что золото вздорожало въ цѣнѣ, въ-слѣдствіе большаго требованія въ Нантѣ, и что партія спекулянтовъ скупаетъ его въ Анжерѣ, бочаръ захлопоталъ, занялъ лошадей у своихъ фермеровъ и отправился ночью продавать свое золото на банковые билеты, которыми уже онъ распорядился на покупку доходовъ съ государственнаго банка.

— Батюшка уѣзжаетъ, подумала Евгенія, видѣвшая и слышавшая всё съ своей лѣстницы.

Скоро тишина воцарилась по-прежнему; шумъ колесъ отъѣзжающей повозки затихалъ мало-по-малу и наконецъ затихъ совершенно; тогда Евгенія услышала опять тихій стонъ; тонкая струя свѣта шла изъ комнаты Шарля и, прорѣзывая тьму, лилась на перила лѣстницы.

— Онъ тоскуетъ, подумала Евгенія, и взбѣжала на-верхъ.

Второе стеианіе заставило ее дойти до самой комнаты Шарля, въ которую дверь была полуотворена. Евгенія отворила еще болѣе. Шарль спалъ въ своихъ креслахъ; голова его склонилась на грудь, перо выпало изъ свѣсившейся руки его. Прерывистое, тяжолое дыханіе спящаго устрашило Евгенію; она быстро вошла къ комнату. Вѣрно, онъ очень усталъ, подумала Евгенія, взглянувъ на дюжину запечатанныхъ писемъ, на которыхъ она прочла лишь адрессы: Г-ну Жану-Роберту, сѣдельщику, Господину Бюиссону, портному.

— Онъ устроиваетъ дѣла свои; онъ скоро, стало-быть, уѣзжаетъ.

Вдругъ взоры ея остановились на двухъ незапечатанныхъ письмахъ; одно изъ нихъ начиналось словами:

— «Безцѣнная Анета!»

Евгенія едва не упала въ обморокъ. Ноги ея приросли къ полу.

— Его Анета! Онъ любитъ, онъ любимъ!! о, нѣтъ, нѣтъ болѣе надежды! — Что-же онъ ей такое пишетъ?

Всё это разомъ пробѣжало въ умѣ ея. Слова, прочитанныя ею, блистали огненными буквами въ ея глазахъ. Она видѣла, читала всюду слова эти: на столѣ, на стѣнахъ, на полу....

— Какъ! забыть теперь все! отказаться отъ всѣхъ надеждъ! Я уйду, я не прочту; нѣтъ, нѣтъ! О, еслибы я могла прочитать эти письма....

Она взглянула на Шарля, взяла его за голову и нѣжно, заботливо приподняла ее на спинку креселъ. — Какъ дитя, принималъ Шарль ея попеченія, какъ дитя отъ заботливой матери, не пробуждаясь отъ привычныхъ ласкъ ея. — И какъ мать ходила за нимъ Евгенія, бережно приподняла она свѣсившуюся руку его, и поцѣловала его волосы.

«Безцѣнная Анета...» Какой-то демонъ шепталъ ей слова эти.

— Я прочту это письмо; я знаю, что это будетъ дурно....

Благородная гордость заговорила въ ней. Евгенія отвернула голову отъ роковаго письма. Это была первая борьба добра и зла въ ея сердцѣ; до-сихъ-поръ она не краснѣла ни за какой поступокъ свой, но страсть и ревность превозмогли; она читала, читала и не могла оторваться. — При каждомъ словѣ сердце кипѣло и билось въ ней — сильнѣе, и сильнѣе, и мучительнѣе чувствовала она боль въ бѣшеномъ припадкѣ ревности.

«Моя безцѣнная Анета! Ничто не могло-бы меня разлучить съ тобою, но несчастіе разразилось надъ головою моею, несчастіе, никѣмъ непредвидѣнное: мой отецъ застрѣлился, я лишился моего богатства. — Я сирота, и по-образу воспитанія моего — ребенокъ, но я долженъ выдти побѣдителемъ изъ глубокой бездны, куда ввергла меня судьба моя.

Я всю ночь эту размышлялъ и разсчитывалъ. Если оставить Францію съ именемъ незапятнаннымъ, на что я рѣшился уже, то у меня не останется и ста франковъ на то, чтобы начать новую жизнь, попробовать счастія въ другой части свѣта, въ Индіи. Да, бѣдная моя, я ѣду туда, гдѣ убійственнѣе климатъ, гдѣ смерть вѣрнѣе и скорѣе. — Я не въ-силахъ остаться въ Парижѣ. — Я не смогу перенесть хладнокровно обидъ, оскорбленій, тайныхъ или явныхъ, холодности, которыми заклеймятъ нищаго, сына банкрута. Боже мой! быть должнымъ три милліона!... но не пройдетъ и пяти дней, какъ я буду убитъ на дуэли. Я не возвращусь въ Па-

ряжъ. Даже твоя любовь, твоя нѣжная, чистая любовь не въ-силахъ будетъ меня завлечь туда. О другъ мой! Дочего я дожилъ? У меня даже нѣтъ такой суммы, чтобы прилетѣть къ тебѣ, и у ногъ твоихъ вымолить послѣдній, прощальный поцѣлуй, въ которомъ-бы я могъ почерпнуть силу, бодрость, — въ чомъ я такъ нуждаюсь теперь.»

— Бѣдный Шарль, прошептала Евгенія, отирая слезы свои: я хорошо сдѣлала, что прочла письмо это. У меня есть золото, я всё отдамъ ему.

Она читала далѣе:

«Я не зналъ до-сихъ-поръ, что̀ такое бѣдность. У меня осталось еще сто лундоровъ на переѣздъ въ Индію, но ни копейки для того, чтобы обзавестись всѣмъ нужнымъ.— Но-что̀ я? Нѣтъ; у меня нѣтъ ни одного лундора; тогда начну считать, когда заплачу долги свои. Если у меня ничего не останется, то я дойду пѣшкомъ да Нанта, и тамъ опредѣлюсь на корабль простымъ матросомъ, начну новую жизнь. — Съ самаго сегодняшняго утра, я хладнокровно началъ смотрѣть на мое будущее. — Да, моя будущность ужасна, ужаснѣе, чѣмъ у послѣдняго несчастливца. Избалованный матерью, меня обожавшею, любимый лучшимъ изъ отцовъ, встрѣтивъ въ веснѣ своей тебя, милая Анета, я, я былъ знакомъ только съ однимъ счастіемъ, рвалъ одни цвѣты на полѣ жизни! Но несуждено было мнѣ быть счастливымъ!... Однако я благодарю природу, чувствуя теперь въ себѣ силы и мужества болѣе, нежели я надѣялся, нежели можно было надѣяться беззаботному счастливцу, какъ я, любимцу прелестнѣйшей женщины, избалованному счастіемъ семейнымъ, котораго всѣ желанія были закономъ для несравненнаго отца.... О! батюшка, батюшка! Его нѣтъ, его нѣтъ болѣе на свѣтѣ!»

«Я размыслилъ хладнокровно о своемъ положеніи и о твоемъ также, безцѣнная Анета! Я постарѣлъ въ эти сутки. Безцѣнный другъ мой! ежелибы ты пожелала не разставаться со мною, еслибы ты даже пожертвовала для меня всѣмъ, всѣми наслажденіями своими, туалетомъ, ложею въ Операѣ, то и тогда мы не имѣли-бы достаточныхъ средствъ для жизни нашей; но я не въ состояніи принять подобной жертвы.... Намъ нужно разстаться, Анета, и разстаться съ сего-же дня на-вѣки.»

— Онъ оставляетъ ее! Боже, столько счастья!

Евгенія вспрыгнула отъ радости, но вдругъ побѣднѣла отъ-ужасу: Шарль пошевелился; но къ-счастію ея онъ заснулъ опять: она продолжала : «Когда возвращусь я? Я не знаю. Европеецъ старѣется скоро въ климатѣ индѣйскомъ, особено Европеецъ работящій. — Положимъ, я возвращусь черезъ десять лѣтъ. Твоей дочери

тогда будетъ восемнадцать, она будетъ подругой твоей и твоимъ соглядатаемъ. — Для тебя жизнь будетъ ужасна, и дочь, родная дочь ненавистна. — Мы видали примѣры, знаемъ, какъ безпощаденъ свѣтъ, какъ безпощадны родныя дѣти наши; итакъ воспользуемся нашей опытностію. — Храни въ глубинѣ душевной прекрасное воспоминаніе четырехлѣтняго блаженства и будь мнѣ вѣрна, если можешь. Я не могу, я не смѣю даже требовать этого, милая Анета, потому-что самъ долженъ смотрѣть другимъ взглядомъ на жизнь свою.—Я долженъ думать о женитьбѣ, это необходимо въ теперешней жизни моей, и признаюсь тебѣ, что здѣсь, въ Сомюрѣ, въ домѣ стараго дяди моего, я нашолъ дѣвушку, мою кузину, которой характеръ и наружность даже тебѣ-бы понравились. Къ-тому-же кажется у ней есть»... Здѣсь Шарль остановился.

— Вѣрно, онъ очень усталъ, когда не докончилъ письма своего, подумала Евгенія.

И она его оправдывала! Но могло-ли это невинное созданіе замѣтить тонкую холодность, разлитую въ каждой строчкѣ письма этого? Для дѣвушекъ, подобныхъ Евгеніи, всё сіяетъ, всё блеститъ любовью, когда забьется она въ ея собственномъ сердцѣ. — Тогда они окружены какимъ-то небеснымъ сіяніемъ; торжественно тиха душа ихъ; и онѣ вѣрятъ въ любовь, онѣ вѣрятъ въ любовника, вѣрятъ, что и его душа также свѣтла, также чиста, также полна любовью. Заблужденія женщины происходятъ, и почти всегда, отъ ея ненарушимой вѣры въ добро и справедливость. Слова: «*Безцѣнная Анета*» звѣнѣли страстнымъ, волшебнымъ лепетомъ для ея слуха, и пронзали ея душу, какъ нѣкогда въ дѣтствѣ святые звуки, «Venite adoremus», органа соборной ихъ церкви. Наконецъ и благородная чувствительность Шарля, слезы его на гробѣ отца, выказывали чистоту и невинность сердца; все это очаровываетъ молодыхъ дѣвушекъ.

Могла-ли она понять, что если Шарль дѣйствительно оплакиваетъ отца своего, могла-ли она понять, что сожалѣніе это шло нестолько отъ чистаго, уязвленнаго сердца, сколько отъ воспоминаній отцовской доброты, отцовскаго баловства. Видя, съ какимъ нетерпѣніемъ отецъ и мать его наперерывъ старались утолять его малѣйшія прихоти и желанія, ему нѣкогда было разсуждать и разсчитывать, какъ дѣлаетъ это бездна парижскихъ молодыхъ людей, увлеченныхъ вихремъ роскоши и моды, и лишенныхъ средствъ утолять свои желанія и страсти; эти молодые люди разсчитываютъ обыкновенно на смерть своихъ родителей. —Отецъ Шарля былъ нѣженъ и добръ къ своему сыну до такой степени,

что успѣлъ вложить въ его сердце любовь непритворную, истинную.

И хотя Шарль былъ еще дитя — но Парижанинъ, уже заразившійся заразою нравовъ парижскихъ, даже вліяніемъ самой Анеты на свой характеръ; онъ зналъ свѣтъ довольно-хорошо, и сердцемъ былъ уже старикъ, прикрытый цвѣтущею маскою молодости. Много перенялъ и усвоилъ онъ въ томъ обществѣ, въ кругу такихъ людей, гдѣ часто въ одинъ вечеръ, въ дружескихъ собраніяхъ, словами, совершается болѣе преступленій, нежели сколько разбираетъ ихъ судія въ своихъ засѣданіяхъ; и гдѣ острота убиваетъ великую идею, гдѣ силенъ тотъ, кто умѣетъ жить, — а умѣть жить значитъ не вѣрить ни въ чувства, ни въ людей, ни даже въ то, что̀ есть дѣйствительно. Умѣть жить значитъ умѣть жить на чужой счотъ, уклоняться и гнуться отъ бѣды, ничему не удивляться, ни красотамъ искусства, ни поступкамъ великихъ людей, и обожать одного идола—самого-себя.

Въ промежуткахъ между шутками и любовію, Анета учила его мыслить серьёзно.—Играя его кудрями, говорила съ нимъ о будущности, и свивая и развивая ихъ, высчитывала ему всю жизнь, какъ по счотамъ. — Она дѣлала его болѣе и болѣе женоподобнымъ — развратъ вдвойнѣ, но развратъ по модѣ, утонченный и принятой всѣми.

— Вы еще ребенокъ, говорила она Шарлю: право не знаю, какъ и приняться передѣлывать васъ. Зачѣмъ вы дурно обошлись съ господиномъ Жеронтомъ? Знаю, что онъ не очень-то достоинъ вашего уваженія; но подождите, онъ еще въ-силѣ; послѣ, презирайте его въ-глаза и сколько угодно.

Шарль былъ слишкомъ-привязанъ къ обществу, слишкомъ балованъ судьбою, слишкомъ разнѣженъ жизнію, чтобы дать покой и свободу душѣ своей, и развить въ ней пышно и величаво благороднѣйшія чувства и добродѣтели человѣческія. Золотыя сѣмена, посѣянныя матерью въ его сердцѣ, не дали прекраснаго плода, будучи подавлены и заглушены разсѣянностію и развратомъ парижской жизни. Но ему было всего 21-й годъ, а въ этомъ юномъ возрастѣ чистота и юность души кажутся нераздѣльными съ чистотою и юностію тѣла. Его голосъ, взглядъ, лицо, были еще послушны чувству. Самый строгій судья, самый неумолимый законъ, самый жестокій ростовщикъ, поколебались-бы повѣрить разврату и очерствѣлости сердца и души, смотря на чистое, юное чело Шарля, еще необезображенное морщинами.

Шарль зналъ и понималъ свѣтскіе законы и уставы, но досель не имѣлъ случая приложить ихъ къ своей жизни, и былъ непо-

роченъ, слѣдственно, своею неопытностію. —Но въ сердцѣ его уже зрѣлъ эгоизмъ. Законы и правила парижскаго общества были посѣяны въ немъ, и ждали только случая, развиться вполнѣ, случая когда Шарль перемѣнитъ свою роль на жизненной сценѣ, и изъ зрителя великой драмы, сдѣлается самъ актеромъ.

Почти всѣ молодыя дѣвушки увлекаются наружнымъ блескомъ. Какъ-же не увлечься и Евгеніи? И хотя она была не Парижанка, хотя сердце ея судило строже и осторожнѣе, чѣмъ сердце дѣвушки въ разсѣянномъ и суетливомъ кругѣ общества, какъ было не увлечься ей, когда всё, рѣчи, движенія, поступки, всё въ ея Шарлѣ дышало чувствомъ или подъ тактъ сердцу, дышало его теплотою? Наконецъ случай, злая судьба, привела Евгенію принять на сердце свое послѣдній отголосокъ, послѣдній крикъ его сердца, еще юнаго и неиспорченнаго.

Кончивъ чтеніе письма этого, для нея полнаго любви и чувства, она взглянула на спящаго Шарля. — Для нея лицо его цвѣло еще отроческою красотою, было воспламенено вдохновенными порывами юности. Сердце ея обреклось навсегда любить его.

Потомъ она начала читать другое письмо, не останавливаясь въ своей нескромности. Но она жаждала новыхъ доказательствъ, новыхъ примѣровъ благородства и возвышенности чувствъ своего друга, котораго облекла она ослѣпительнымъ блескомъ всего великаго и прекраснаго, какъ сдѣлала-бы всякая любящая женщина.

«Любезный Адольфъ! У меня нѣтъ болѣе друзей въ эту минуту, но сомнѣваясь во всѣхъ, я ни мало не усомнился въ твоей дружбѣ. Обращаюсь къ тебѣ, и прошу послѣдней дружеской услуги—заняться моими дѣлами въ Парижѣ и устроить ихъ для меня, какъ можно выгоднѣе.—Тебѣ, безъ-сомнѣнія, извѣстно мое положеніе. У меня нѣтъ ничего, и я отправляюсь въ Индію. — Вмѣстѣ съ письмомъ къ тебѣ, отправляю письма ко всѣмъ, кому я долженъ. Въ письмѣ моемъ найдешь реестръ всѣхъ долговъ моихъ; я сдѣлалъ его на память. Для уплаты долговъ, вѣроятно, станетъ моей библіотеки, мебелей, экипажа и лошадей. Оставляю себѣ только одно необходимое и малоцѣнное. Въ случаѣ запрещеній, я пришлю довѣренность по всей формѣ. Пришли мнѣ все мое оружіе. Британа дарю тебѣ; никто не оцѣнитъ достойнымъ образомъ это прекрасное животное. Робертъ окончилъ мнѣ прекрасную дорожную карету; но еще не обилъ ее. — Уговори его, чтобы онъ взялъ ее назадъ. Если онъ не согласится, устрой такъ, чтобы честь моя нисколько не страдала. — Я проигралъ 6 лундоровъ Англичанину — отдай ему....»

Она не могла окончить.

— Милый Шарль! прошептала она, и взявъ со стола одну изъ зажженныхъ свѣчей, выбѣжала изъ комнаты.

Придя въ свою спальню, она радостно отперла ящикъ своего коммода изъ дубоваго дерева, прекрасной работы, въ такъ-называемомъ вкусѣ «возрожденія». На немъ еще виднѣлась королевская саламандра.—Изъ ящика вынула она туго-набитый красный кошелекъ, вышитый канителью, съ золотыми застежками, доставшійся ей отъ покойной бабушки.

Горделиво свѣсила она его на рукахъ своихъ и съ наслажденіемъ стала пересчитывать свое сокровище.

Сперва отдѣлила она 20 португальскихъ червонцевъ, вычеканныхъ еще при Іоаннѣ V, въ 1725 году. Они стоили, по-крайней-мѣрѣ, 168 франковъ 64 сантима, какъ цѣнилъ ихъ старикъ отецъ. —Но настоящая цѣна ихъ была въ 180 франковъ, по красотѣ и рѣдкости монеты.

Потомъ пять генуэзскихъ червонцевъ, ходившихъ по сту ливровъ въ Генуѣ, стоившихъ на обмѣнъ 87 франковъ каждая; но для любителей, монета цѣнилась и во сто франковъ. Они достались Евгеніи отъ покойнаго старичка Ла-Бертельера. Далѣе три золотыхъ испанскихъ кадрюпля, временъ Филиппа V-го, вычеканенныхъ въ 1729 г.; подарокъ г-жи Жантили, которая каждый разъ, даря ихъ, говорила:

— Этотъ хорошенькій червончикъ, этотъ жолтенькій милушка стоитъ девяносто-восемь ливровъ. Береги, душенька; это красавчикъ изъ твоего сокровища.

За-тѣмъ, и что наиболѣе нравилось старику Грандé (потому-что золота было въ каждой монетѣ 23 карата) 100 голландскихъ червонцевъ, вычеканенныхъ въ 1756 году, и ходившихъ по 12 франковъ.

Собраніе медалей и рѣдкой монеты, драгоцѣнное для нумизматиковъ и скупыхъ : три рупіи со знаками Вѣсовъ и пять рупій со знаками Дѣвы, цѣльныя, чистаго золота, въ двадцать-четыре карата; каждая изъ нихъ стоила 37 франковъ, 40 сантимовъ по вѣсу; но для охотниковъ не менѣе 50 франковъ.

Наконецъ наполеондоръ, полученный третьяго-дня отъ отца, и небрежно брошенный Евгеніею въ красный кошелекъ.

Сокровище это состояло изъ монетъ чистенькихъ, свѣтленькихъ, изящныхъ; старикъ Грандé часто любовался ими, часто засматривался на нихъ, и по цѣлымъ часамъ толковалъ дочери о красотѣ ихъ; изъяснялъ ей ихъ рѣдкость, чистоту обрѣза, блескъ поля, изящество буквъ, еще свѣжихъ, блистающихъ, неизглаженныхъ временемъ.

Но Евгенія и не думала теперь объ ихъ рѣдкости и достоинствѣ, не думала объ отцѣ, не думала объ опасности ввѣрить свое сокровище Шарлю; она думала только о нуждѣ и бѣдствіяхъ его.

Послѣ нѣсколькихъ ошибокъ въ счотѣ, она наконецъ добралась до итога: всего было около пяти тысячъ восьмисотъ франковъ, по ходячей цѣнѣ, или на охотника около двухъ тысячъ экю.

При видѣ такого богатства, Евгенія, какъ дитя, захлопола въ ладоши отъ радости.

Такимъ-образомъ, отецъ и дочь, каждый пересчитывали въ эту ночь свое золото: онъ поѣхалъ продавать свое; она бросала свое въ море любви и состраданія.

Она вложила свое золото въ кошелекъ, взяла его, понесла наверхъ. Несчастія Шарля заставили ее позабыть и ночь, и приличія; но она была тверда своею совѣстію, самоотверженіемъ и счастіемъ.

Въ ту минуту, какъ она переступала черезъ порогъ комнаты, держа въ одной рукѣ свѣчу, въ другой кошелекъ, Шарль вдругъ проснулся, увидѣлъ Евгенію и окаменѣлъ отъ изумленія. Евгенія приблизилась къ нему, поставила подсвѣчникъ на столъ, и сказала ему голосомъ, дрожащимъ отъ внутренняго волненія:

— Я должна просить у васъ прощенія въ важномъ проступкѣ, братецъ: мнѣ и Богъ проститъ, ежели вы простите.

— Что̀ такое? сказалъ Шарль, протирая глаза.

— Я прочла эти письма.

Шарль вспыхнулъ.

— Какъ это сдѣлалось?... Какъ я вошла сюда?... я не знаю, я не помню. Но я не раскаяваюсь, что прочла эти письма; они высказали мнѣ ваше сердце, ваши чувства, и....

— И что̀ еще? спросилъ Шарль.

— Ваши намѣренія... вашу нужду....

— Но, милая кузина...

— Стъ! тише, тише, любезный Шарль; вы всѣхъ разбудите. Вотъ, сказала она, развязывая кошелекъ, вотъ что̀ успѣла сберечь бѣдная дѣвушка, которая, право, ни въ чомъ не нуждается; Шарль, примите это. Еще сегодня я не понимала, я не знала цѣны деньгамъ; но теперь я знаю: деньги только средство, больше ничего. Вы мнѣ братъ, почти братъ; вы можете взять въ-займы у сестры вашей.

Шарль не отвѣчалъ; бѣдная, неопытная Евгенія не предвидѣла отказа.

— Что̀-жъ? спросила она,

Шарль потупилъ голову.

— Вы мнѣ откажете? продолжала она, и сердце ея такъ билось, что Шарль могъ слышать удары его.

Нерѣшительность Шарля унижала Евгенію: она понимала это; но нужда и бѣдность его представились снова ея сердцу. Она склонила колѣна.

— Я не встану до-тѣхъ-поръ, пока вы не примете, братецъ, сказала она. Братецъ! Ради Бога отвѣчайте-же! Чтобъ я знала, что вы меня уважаете, что вы великодушны, что...

Благородный крикъ уязвленнаго сердца Евгеніи потрясъ душу Шарля; онъ схватилъ за руки Евгенію, чтобы поднять ее, и горячія слезы полились изъ глазъ его.

Евгенія схватила кошелекъ, и высыпала на столъ свое золото.

— Да, да, не правда-ли? говорила она, и слезы радости задрожали на ея прекрасныхъ рѣсницахъ.

— О братецъ, братецъ! вы будете счастливы, вы разбогатѣете. Это золото принесетъ вамъ успѣхи, счастіе: вы возвратите мнѣ его когда-нибудь; притомъ вы не должны такъ много цѣнить этого.

Наконецъ Шарль могъ говорить.

— Да, да, Евгенія; я-бы былъ очень-малодушенъ, не принявъ вашего дара. Впрочемъ залогъ залогомъ, довѣренность довѣренностію.

— Что, что такое? сказала испуганная Евгенія.

— Милая Евгенія, вотъ здѣсь у меня....

Онъ снялъ съ коммода четыреугольный ящичекъ, въ кожаномъ футлярѣ.

— Эта вещь мнѣ дороже жизни моей. Этотъ ящичекъ память, подарокъ моей доброй матери. Утромъ еще, сегодня утромъ я думалъ, что еслибы мать моя могла выдти изъ гроба, утѣшить несчастнаго сына своего, то она сама продала-бы золото, которымъ обдѣланъ этотъ медальйонъ; но *я* не могъ, *я* не рѣшался на это.

Евгенія сжала, въ порывѣ сильнаго чувства, руку Шарля.

— Нѣтъ, продолжалъ онъ послѣ минутнаго молчанія: я не могу ни продать этого золота, ни рисковать потерять эту драгоцѣнность въ путешествіи. Милая Евгенія, сохраните этотъ залогъ. Никогда другъ не довѣрялъ такъ много своему другу... судите сами, Евгенія.

— Онъ вынулъ медальйонъ изъ футляра, открылъ его и показалъ удивленной Евгеніи. Работа была такъ-хороша и изящна, что придавала двойную цѣну золоту.

— Но это еще ничего, сказалъ онъ: вотъ что мнѣ дороже всего на свѣтѣ. Шарль пожалъ пружину.

Открылись два портрета, кисти знаменитой де-Мирбель. Они были окаймлены жемчугомъ.

— О, какая прекрасная дама! неправда-ли, это, вѣрно, та, къ которой вы писали?

Нѣтъ, это не она, сказалъ Шарль, улыбнувшись: это портретъ моей покойной матушки; вотъ портретъ и отца моего. Это ваши дядя и тетка Евгенія; я на колѣнахъ умоляю васъ сохранить эти изображенія. Золото-же пусть будетъ для васъ залогомъ въ случаѣ моей смерти. Вы достойны сохранить эти два портрета, и я только однимъ вамъ довѣряюсь, Евгенія. Въ случаѣ, въ несчастномъ случаѣ Евгенія, вы ихъ сожжете, уничтожите, чтобы они не достались никому, не перешли въ чужія руки... Евгенія молчала.

— Да, да? Не правда-ли?

Слыша слова, ею-же передъ этимъ сказанныя, она подняла на своего кузена взоръ, блистающій страстью, глубокой любовью, взоръ влюбленной женщины. Шарль взялъ ея руку и поцѣловалъ.

— Ангелъ, ангелъ, Евгенія! не правда-ли, между нами деньги, золото — ничто. Одно святое чувство, только одна глубокая благодарность будутъ говорить теперь за мое сердце.

— Вы похожи на матушку вашу, не правда-ли? У ней былъ такой-же тихій, нѣжный голосъ....

— О гораздо, несравненно нѣжнѣе!

— Это для васъ, сказала она, потупивъ взоръ свой... Но вы устали Шарль; лягте въ постель; я хочу, я требую, чтобы вы легли тотчасъ-же. До свиданія, Шарль!

И она тихонько высвободила руку свою изъ руки своего кузена. Шарль взялъ со стола свѣчку, чтобы проводить Евгенію.

Когда она пришла къ дверямъ комнаты, Шарль вскричалъ:

— О, для чего я теперь бѣденъ и разоренъ!

— Но мой батюшка, кажется, очень-богатъ.

— Нѣтъ, сестрица. Тогда не застрѣлился-бы братъ его; онъ, вѣрно, не допустилъ-бы до этого; вы сами жили-бы лучше, чѣмъ теперь.

— Но батюшка купилъ Фруафондъ.

— А что стоитъ Фруафондъ?

— Не знаю, — но у насъ есть еще Нойе.

— Какая-нибудь ферма!

— У него виноградники и луга....

— Пустяки, сказалъ Шарль презрительно. Еслибы у отца вашего

было хоть 80,000 ливровъ доходу, то вы-бы не жили въ такихъ холодныхъ, голыхъ комнатахъ.

— Ступайте-же спать, сказала Евгенія, нежелая допустить Шарля въ свою неубранную комнату. Шарль удалился, простившись улыбкой съ Евгеніею. Они оба заснули наконецъ; обоимъ снились почти одни и тѣже сны. Отрада познакомилась наконецъ съ измученнымъ сердцемъ Шарля.

Утромъ, передъ завтракомъ, г-жа Гранде съ изумленіемъ увидѣла свою дочь и племянника однихъ, вмѣстѣ прогуливающихся въ саду, въ ожиданіи завтрака. Шарль былъ еще грустенъ, какъ человѣкъ, подавленный и разбитый тяжкимъ бременемъ своихъ несчастій, какъ человѣкъ, измѣрившій всю глубину бездны, разступившейся предъ его ногами.

— Батюшка воротится не раньше обѣда, сказала Евгенія, замѣтивъ безпокойство въ лицѣ своей матери.

Легко можно было замѣтить по всему, по выраженію голоса, по выраженію лица Евгеніи, что между нею и Шарлемъ возникла тихая, нѣжная взаимность.—Они привязались уже другъ къ другу, всѣмъ сердцемъ, тогда-какъ, можетъ-быть, не успѣли еще испытать всей силы страсти, возникшей между ними.

Шарль оставался все утро въ залѣ, по-прежнему грустный и задумчивый. Мать и дочь не тревожили его молчаливой грусти. У всѣхъ было свое дѣло. Такъ-какъ Гранде уѣхалъ, не позаботившись о дѣлахъ, то въ домѣ явилась куча разнаго народа. Красильщики, каменьщики, столяры, плотники, фермеры; одни для сдѣлокъ по ремонтной части, другіе для уплаты за-наемъ. Госпожа Гранде и Евгенія суетились, бѣгали, выслушивали безконечные объясненія мастеровыхъ и поселянъ. Нанета складывала въ кухнѣ нанесенные фермерами поборы. Она ничѣмъ не располагала самовластно, и ожидала рѣшенія своего господина, который обыкновенно назначалъ, что оставлять для дома, что продавать на рынкѣ. Старый чудакъ, слѣдуя правилу почти всѣхъ помѣщиковъ, ѣлъ только одну гниль изъ своихъ плодовъ, а пилъ самое дешовое вино.

Около пяти часовъ, Гранде воротился изъ Анжера, имѣя съ собою на двадцать съ чѣмъ-то тысячъ франковъ оставшагося золота, и бумажникъ, туго набитый векселями и банковыми билетами. Корнулье остался въ Анжерѣ, чтобы дать вздохнуть загнаннымъ лошадямъ, послѣ чего, не спѣша, долженъ былъ возвратиться съ ними домой.

— Я сейчасъ изъ Анжера, жена, сказалъ старикъ. Ѣсть хочется, такъ что.... обѣдать, скорѣе обѣдать!

Нанета закричала ему изъ кухни:

— А вы ничего не кушали со вчерашняго дня, сударь.

— Ничего, ничего, Нанета, обѣдать!

Супъ подали. Только-что всѣ усѣлись, явился де-Грассенъ за послѣдними наставленіями. Гранде забылъ было совсѣмъ о своемъ племянникѣ.

— Обѣдайте, обѣдайте Гранде; я не помѣшаю. Поболтаемъ немного. Знаете-ли, почомъ ходитъ теперь золото въ Анжерѣ? Я сейчасъ хочу послать.

— Не посылайте, отвѣчалъ Гранде: и безъ вашего золота тамъ довольно; я вашъ искренней другъ, и не посовѣтую вамъ дурнаго.

— Да вѣдь червонецъ ходитъ 13 франковъ, 50 сантимовъ.

— Было такъ, а теперь....

— Да откуда-же такъ скоро достали столько золота?

— Я ночью ѣздилъ въ Анжеръ, сказалъ Гранде, понизя голосъ.

Банкиръ обомлѣлъ отъ изумленія.

Потомъ они стали разговаривать тихо, ухо-на-ухо, изрѣдка поглядывая на Шарля. Наконецъ Гранде просилъ его позаботиться о покупкѣ двухъ-сотъ тысячь ливровъ доходу. Де-Грассенъ былъ внѣ себя отъ изумленія.

— Я отправляюсь въ Парижъ, сказалъ онъ Шарлю: и если у васъ есть туда какія-нибудь порученія....

— Никакихъ, сударь; весьма благодаренъ вамъ, отвѣчалъ Шарль.

— Поблагодари-ка получше, племянничекъ. Г-нъ де-Грассенъ ѣдетъ хлопотать о дѣлахъ торговаго дома покойнаго Вильгельма Гранде.

— Какъ? развѣ еще есть надежда? спросилъ Шарль.

— Какъ? закричалъ бочаръ, съ ловко-разыгранною гордостію: Да развѣ вы не племянникъ мой? Ваша честь развѣ не касается моей чести? Развѣ вы не называетесь также, какъ и я, — Гранде?

Шарль бросился къ старику, сжалъ его крѣпко въ своихъ объятіяхъ и быстро вышелъ изъ комнаты, поблѣднѣвъ отъ внутренняго волненія. Евгенія съ изумленіемъ смотрѣла на своего отца.

— Нутка, нутка, де-Грассенъ, теперь за дѣла; смотрите-же, сдавите мнѣ ихъ хорошенько.

Оба дипломата пожали другъ у друга руки.

Бочаръ проводилъ банкира до самыхъ дверей; затворивъ ихъ за нимъ, онъ воротился въ залу и велѣлъ Нанетѣ принесть бутылку *касси*.

Послѣ того Гранде протянулся въ креслахъ.

Но слишкомъ-взволнованный недавними происшествіями, онъ

вскочилъ, взглянулъ на портретъ покойнаго своего тестя Ла-Бертельера, запѣлъ, засвисталъ, перебирая въ тактъ ногами, *выдѣлывалъ танцовальныя па*, по опредѣленію Нанеты.

Нанета, госпожа Грандé и Евгенія переглянулись другъ съ другомъ. Восторженная радость стараго скряги не разъ уже ихъ пугала, когда случалось доходить до такой странной степени изступленія.

Вечеръ прошолъ очень-скоро. Грандé заблагоразсудилъ лечь пораньше, а когда онъ ложился, такъ ужъ все должно было спать, подобно тому, какъ въ Польшѣ, когда король Августъ пилъ, такъ ужъ вся Польша должна была быть пьяна. Нанета, Шарль и Евгенія тоже едва на ногахъ держались отъ усталости. Что-же касается до госпожи Грандé, она спала, ѣла, пила, ходила, двигалась точь-въ-точь, какъ и мужъ ея. Впрочемъ, въ двухъ-часовой промежутокъ между обѣдомъ и сномъ, Грандé, бывшій совершенно въ духѣ, наговорилъ много остротъ и поучительныхъ вещей, и все по-своему, на свой ладъ. Примѣръ.

Проглотивъ стаканъ касси, онъ сказалъ, посматривая на пустое донышко :

— Только къ губамъ приложишь — и пустъ! Вотъ вся наша жизнь; настоящее смѣняется будущимъ. Золото таетъ въ карманахъ и поминутно вывѣтривается ; иначе жизнь была-бы очень-сладка; жирно-бы слишкомъ было.

И веселъ и милостивъ былъ онъ.

— Ты устала, сказалъ онъ Нанетѣ : брось-ка свою самопрялку.

— Ну, вотъ! скучно будетъ, отвѣчала вѣрная Нанета.

— Бѣдняжка Нанета! хочешь касси, дружочекъ?

— Ахъ, касси! дѣло другое; вотъ это такъ не наскучитъ; барыня дѣлаетъ его лучше, чѣмъ продажный у аптекарей; у нихъ онъ словно микстура.

— Сахару, сахару много кладутъ у нихъ, — отъ-того и микстура.

На-завтра всѣ, собравшись къ завтраку, были дружны, согласны, почти счастливы. Несчастіе сблизило Шарля, госпожу Грандé и Евгенію. Нанета не была лишнею въ этомъ союзѣ и невольно раздѣляла горе и радость господъ своихъ. Что касается до стараго чудака, онъ былъ счастливъ по-своему и равнодушно смотрѣлъ на семью свою, не вмѣшиваясь въ чужое счастіе; онъ былъ радъ тому, что избавляется наконецъ отъ *красавчика*, поплатившись бездѣлицей, — давъ денегъ на дорогу до Нанта. Итакъ, онъ оставилъ дѣтей, какъ онъ называлъ Шарля и Евгенію, совершенно на свободѣ, ввѣривъ ихъ нравственность попеченію г-жи Грандé, которую, въ этомъ отношеніи, онъ дарилъ полною своею довѣ-

ренностію. Занимали его только планировка луговъ, пересадка тополей у Луары, и зимнія работы на фермахъ въ Фруафонѣ. Тогда-то начались для Евгеніи дни блаженства, дни первой любви. Вмѣстѣ съ золотомъ, которое она отдала Карлу, она отдала ему и свою любовь. Секретъ ихъ общей тайны сближалъ ихъ болѣе и болѣе; они увлекалась чувствомъ, увлекалась болѣе и болѣе во внутреннюю жизнь души своей, и вмѣстѣ забывали цѣлый свѣтъ. Родство ихъ помогало имъ не мало. Оно оправдывало и нѣжность ихъ взглядовъ и тихую рѣчь. Евгенія была счастлива, увлекая своего Шарля въ міръ любви изъ бездны страданія.

Не замѣтятъ-ли люди сходства между началомъ жизни и началомъ любви? Дитя лелѣютъ тихою пѣсенкой, нѣжнымъ взглядомъ, разсказываютъ надъ колыбелью его чудныя исторіи, и надъ спящимъ летаютъ золотые сны и надежда златитъ волшебнымъ блескомъ его отдаленную будущность. Вотъ онъ вамъ капризный, своенравный, плачетъ вдругъ за что?—за карточный домикъ, за цвѣты, за бумажное государство; онъ плачетъ, а тихая радость быстро гонитъ печаль, и уже свѣтится сквозь горькія слезы его. И тужить-то ему нѣ-когда, и плакать нѣтъ времени. Его тянетъ будущность и жадно спѣшитъ онъ въ жизнь, въ отдаленную, въ шумную, въ бурную жизнь.

Любовь вовсемъ сходна съ дѣтствомъ; любовь тоже дѣтство, тотъ-же счастливый возрастъ нашего сердца. Онъ начался для сердецъ Шарля и Евгеніи; страсть пришла съ своими любовными причудами, съ своею очаровательною, дѣтскою радостію. Тѣмъ обольстительнѣе была для нихъ любовь, чѣмъ черньѣе зіяла за ними бездна прошедшихъ несчастій. Любовь улыбнулась имъ отрадою, уврачила сердца ихъ, и была чудесна, таинственна въ нѣдрахъ тихой, смиренной ихъ жизни, въ ихъ старомъ, уединенномъ жилищѣ.

Часто въ ихъ маленькомъ садикѣ обмолвливались два, три слова любви; часто Шарль и Евгенія сидѣли по цѣлымъ часамъ, до солнечнаго заката, на дерновой скамейкѣ, говорили долго, говорили о всемъ, что́ свято для любви, чѣмъ дорожитъ она, а вокругъ нихъ было все тихо, торжественно, какъ подъ священными сводами величавой старинной церкви. Шарль понималъ всю торжественность любви, узналъ ея святость, узналъ, что прежняя мятежная его страсть въ Парижѣ была не любовь, и онъ забывалъ эту страсть, кокетливую, капризную и блестящую, тѣснилъ ее изъ своего сердца, для страсти новой, чистой и прекрасной.

Онъ вставалъ рано и являлся въ садъ, сказать два, три слова съ Евгеніей до прихода Гранде за хозяйствомъ и провизіей. Эти у-

треннія свиданія, маленькія преступленія, даже неизвѣстныя матери, и поощряемыя притворною недогадливостію Нанеты, завлекали ихъ простую, невинную любовь заманчивостію опасности, заманчивостію запрещеннаго плода. Наконецъ, когда, послѣ завтрака, старикъ Гранде отправлялся по полямъ и по работамъ, Шарль садился между теткой и кузиною, помогалъ имъ въ ихъ работѣ, разматывалъ нитки, вдѣвалъ ихъ въ иголки, и съ неизъяснимымъ, сладостнымъ трепетомъ, по цѣлымъ часамъ, глядѣлъ на Евгенію и заслушивался рѣчей ея. Тихость, безмятежность этой монастырской жизни тронула его душу, и онъ понялъ чистую прелесть святой простоты и невинность этихъ нравовъ и умовъ. Онъ не могъ вѣрить, чтобы во Франціи могли быть такіе характеры: онъ вѣрилъ имъ прежде баснословно, по однимъ романамъ Августа Лафонтена, полагалъ ихъ гдѣ-нибудь, въ какомъ-нибудь темномъ закоулкѣ Германіи. Евгенія стала для него идеаломъ Гётевой Маргариты, но еще непорочной, не-преступной Маргариты. Наконецъ со-дня на-день взгляды и рѣчи увлекали сердце молодой дѣвушки болѣе и болѣе, и она, какъ-будто несясь въ волнахъ потока, съ жадностію хваталась за случай, за минуту блаженства, какъ утопающій за слабую вѣтку. Забота и грусть о будущемъ, о разлукѣ, мрачили ясные часы короткихъ, незамѣтныхъ дней любви. Всякій день что-нибудь напоминало имъ о разлукѣ сильнѣе и сильнѣе. Сначала, три дня послѣ отъѣзда де-Грассена, Гранде торжественно сводилъ Шарля въ судъ первой инстанціи, чтобы дать письменное отреченіе отъ наслѣдства по матери. Потомъ у Крюшо нужно было совершить двѣ довѣренности, одну для де-Грассена, другую для Альфонса, которому была поручена продажа вещей и маленькаго имущества Шарля. Наконецъ, когда получено было простое траурное платье изъ Парижа, Шарль продалъ весь бывшій гардеробъ свой, гардеробъ бывшаго dandy, сомюрскому портному. Старику чрезвычайно былъ по-сердцу поступокъ Шарля.

— Ага! ну вотъ ты теперь человѣкъ, какъ слѣдуетъ, какъ надобно, когда хотимъ сколотить копейку, сказалъ Гранде, разглядывая рединготъ Шарля изъ толстаго, прочнаго сукна. Это такъ! люблю! хорошо!

— Смѣю увѣрить васъ, любезнѣйшій дядюшка, что я понимаю мое положеніе и чувствую, какъ мнѣ должно теперь вести себя...

— Ага!... а!... вотъ! вотъ.... Что это такое?! запѣлъ старикъ, увидѣвъ кучу золота въ рукахъ Шарля. Глаза старика сіяли, горѣли...

— Я собралъ всѣ мои бездѣлки, кольца, запонки, цѣпочки, все,

что только стоитъ сколько-нибудь, но... не зная никого въ Сомюрѣ... я-бы осмѣлился попросить васъ...

— У тебя купить это? закричалъ Гранде, прерывая его.

— Нѣтъ, дядюшка, чтобы вы мнѣ помогли отыскать честнаго человѣка, который-бы...

— Да ты дай ужъ мнѣ, племянникъ, только дай мнѣ, я тамъ на верху это свѣшаю, въ сантимѣ не ошибусь; ужъ ты понадѣйся на дядю.—Золото для вещей... продолжалъ онъ, разсматривая длинную цѣпь : кажется... нѣтъ, такъ, не ошибаюсь, 19 или 20 каратовъ...

Чудакъ схватилъ золото и убѣжалъ съ нимъ къ себѣ на-верхъ.

— Сестрица, сказалъ Шарль: позвольте мнѣ предложить вамъ, въ память обо мнѣ, эти двѣ бездѣлки, двѣ запонки... Они могутъ служить вмѣсто браслетовъ ; такіе браслеты теперь очень въ модѣ...

— Я принимаю не отговариваясь, сказала Евгенія, обмѣнявшись съ нимъ значительнымъ взглядомъ.

— Тётинька, вы мнѣ тоже не откажете : вотъ наперстокъ моей покойной матушки; я хранилъ его, какъ драгоцѣнность.

Госпожа Гранде уже десять лѣтъ мечтала о такомъ напсрсткѣ; подарокъ былъ принятъ съ глубокой признательностію.

— Нѣтъ словъ для изъявленія моей благодарности, сказала старушка, отирая слезы. Утромъ и вечеромъ, каждый день, за молитвой, я помяну и объ васъ, поминая *недугующихъ и путешествующихъ*. Когда я умру, Евгенія, то пусть къ тебѣ перейдетъ эта драгоцѣнность...

— Все это стоитъ тысячу-девятьсотъ-восемдесятъ-девять франковъ, семдесятъ-пять сантимовъ, закричалъ Гранде, отворяя двери. Но зачѣмъ-же продавать это? все лишнія хлопоты! .. я отсчитаю тебѣ эту сумму—*ливрами*.

Слово — *ливрами*, значитъ, на языкѣ сдѣлокъ и оборотовъ, что экю въ шесть ливровъ долженъ быть взятъ за шесть франковъ, безъ спору и безъ всякой добавки до настоящей суммы.

— Я не смѣлъ вамъ предложить этого, любезнѣйшій дядюшка, сказалъ Шарль: но, признаюсь, мнѣ было-бы очень-неловко продавать всѣ эти вещи въ здѣшнемъ городѣ. Грязное бѣлье нужно полоскать въ своей семьѣ, по словамъ Наполеона.— Весьма-благодаренъ вамъ за эту услугу, любезнѣйшій дядюшка.

Гранде почесалъ себя за ухомъ. Шарль продолжалъ послѣ минутнаго безмолвія:

— Любезнѣйшій дядюшка...

Шарль безпокойно поглядывалъ на дядю, боясь оскорбить его разборчивость.

— Любезнѣйшій дядюшка! тётинька и сестрица были такъ-добры, что не отказались принять отъ меня двѣ бездѣлки, въ память, въ знакъ моего уваженія.—Не откажите-же и вы: вотъ двѣ булавки для галстуха; онѣ ненужны мнѣ болѣе; примите ихъ. Они напомнятъ вамъ бѣднаго Шарля, который всегда будетъ съ любовью вспоминать о миломъ семействѣ вашемъ, о своихъ единственныхъ родныхъ....

— Душа моя, душечка, ну зачѣмъ-же такъ разоряться!... А что у тебя, жена? сказалъ онъ, жадно оборотившись къ госпожѣ Грандé: а! золотой наперстокъ. А ты дочечка? ага! брильянтовые аграфы. Ну, душка, такъ и я возьму твои пуговки, сказалъ онъ, сжимая руку Шарля.... Но за это ты позволишь мнѣ заплатить за твое путешествіе да.... да, да, ну хоть.... ужъ пожалуй до Индіи. Да, мой другъ, я заплачу за твое путешествіе. Потому-что — видишь-ли другъ мой, — я оцѣнилъ эти вещи только по вѣсу, а, можетъ-быть, будетъ барышъ на работѣ. Ну, такъ сказано, сдѣлано! Ужъ я размотаю мошну, дамъ тебѣ этакъ съ-тысячу экю.... *ливрами*. Крюшó далъ въ-займы; у меня нѣтъ ни шелега, другъ мой, ей-Богу нѣтъ ни шелега; развѣ Перорре заплатитъ за ферму; онъ просрочилъ; а вотъ пойду, повидаюсь съ нимъ....

Онъ схватилъ перчатки, надѣлъ шляпу и вышелъ изъ комнаты.

— Такъ вы отъ насъ ѣдете? грустно сказала Евгенія.

— Надобно, сестрица.

Съ нѣкотораго времени, видъ, слова, движенія Шарля, все обнаруживало въ немъ глубокую, молчаливую грусть; но, какъ человѣкъ, обреченый судьбою на тяжкіе труды и обязанности, онъ находилъ и въ самомъ несчастіи своемъ новыя силы. Онъ уже не плакалъ, не вздыхалъ болѣе, онъ возмужалъ. Туть только Евгенія увидѣла его характеръ, идеалъ своего Шарля. Она любила смотрѣть на его грубое платье, темный покрой котораго шолъ къ его блѣдному лицу и къ мрачной задумчивости. Въ этотъ день госпожа Грандé и Евгенія надѣли трауръ и слушали всѣ вмѣстѣ въ соборѣ Requiem, исполненный за упокой души покойнаго Вильгельма Грандé. Въ полдень Шарль получилъ изъ Парижа письма

— Что братецъ, довольны-ли вы вашими извѣстіями? тихо спросила Евгенія.

— Этого никогда недолжно ни у кого, спрашивать, дочка, сказалъ Грандé: замѣть себѣ это. Вѣть я-же съ тобой не болтаю о своихъ дѣлахъ, такъ къ-чему-же соваться въ чужія? Оставь его въ покоѣ, другъ мой.

— Да у меня нѣтъ секретовъ, сказалъ Шарль.

— Та, та, та, та, племянничекъ! поторгуешь, научишься держать язычокъ на привязи за зубами.

Когда двое любящихся сошлись въ саду, Шарль усадилъ Евгенію на дерновую скамью подъ орѣшникомъ, и сказалъ ей:

— Альфонсъ славный малой. Онъ прекрасно обдѣлалъ всѣ дѣла мои. Онъ повершилъ все честно и благоразумно. Я ничего не долженъ въ Парижѣ. Всѣ мои вещи проданы, и на вырученыя за всѣмъ три тысячи франковъ, Альфонсъ, по совѣту одного флотскаго капитана, сдѣлалъ мнѣ нѣсколько тюковъ съ бездѣлушками, съ европейскими вещицами, заманчивыми для туземцовъ. Тамъ мнѣ дорого дадутъ за все это. Онъ отправилъ уже это все въ Нантъ, гдѣ стоитъ судно, назначенное въ Яву. Черезъ пять дней намъ нужно разстаться, Евгенія, и если не на-вѣкъ, такъ на-долго, очень-на-долго.— Мой товаръ и 10000 франковъ: это хорошо для начала; я возвращусь не скоро, сестрица. Не думайте-же обо мнѣ, забудьте меня, вѣдь я могу умереть.... можетъ-быть, вамъ выйдетъ выгодная партія....

— Любите-ли вы меня? спросила Евгенія.

— О! да, да! отвѣчалъ Шарль.

— Такъ я буду ждать тебя, мой возлюбленный!... Боже мой! батюшка на насъ смотритъ изъ окна, вскричала она, отводя рукой Шарля, который бросился обнять ее..

Она остановилась въ корридорѣ. — Шарль побѣжалъ за ней. Замѣтивъ это, Евгенія взошла на лѣстницу и отворила дверь.— Не зная, что́ дѣлала, не помня болѣе себя, она очутилась возлѣ комнаты Нанеты, въ самомъ темномъ углу корридора. Шарль схватилъ ее за руку, обнялъ ее и прижалъ въ своему сердцу. — Евгенія не сопротивлялась болѣе и размѣнялась съ нимъ самымъ чистымъ, самымъ пламеннымъ поцѣлуемъ.

— Ты будешь моею, ты моя, Евгенія, говорилъ Шарль.

— Аминь! скрѣпила Нанета, быстро отворивъ дверь свою.

Испуганные любовники кинулись въ залу; Евгенія схватила работу, а Шарль началъ читать псаломъ Пресвятой Богородицѣ, въ молитвенникѣ госпожи Гранде.

— Ага! сказала Нанета: мы всѣ теперь за молитвами.

Когда былъ объявленъ срокъ отъѣзду Шарля, Гранде захлопоталъ, чтобы выказать всѣмъ, какъ дорогъ ему племянникъ. Гдѣ не нужно было тратить денегъ, тамъ онъ былъ щедръ до-нельзя. — Сыскалъ Шарлю столяра, потому-что потребовалось сколотить нѣсколько ящиковъ; но подъ предлогомъ, что съ него запросили дорого, началъ самъ строгать и точить коробки изъ гнилыхъ досокъ. Съ ранняго утра, онъ вставалъ, рѣзалъ, точилъ, стругалъ, мѣрялъ

прикладывалъ и сработалъ славные ящики; самъ уложилъ въ нихъ всѣ вещи племянника, и взялся ихъ отправить на баркѣ внизъ по Луарѣ, и къ-сроку доставить въ Нантъ.

Съ эпохи поцѣлуя часы летѣли, какъ молнія, для бѣдной Евгеніи. Иногда ей приходило въ голову ѣхать вмѣстѣ съ Шарлемъ. Тотъ, кто испыталъ пламя страсти на сердцѣ своемъ, пламя страсти внезапной, которая разомъ перерождаетъ человѣка, сгоняетъ и болѣзни, и время, и возрастъ, тотъ поймете мученія Евгеніи. Часто, рыдая, бѣгала она по дорожкамъ маленькаго сада; но онъ былъ для нея тѣсенъ; домъ ихъ былъ для нея тѣсенъ, — сердце ея рвалось на свободу, далеко, на безпредѣльныя равнины моря, въ-слѣдъ за своимъ Шарлемъ.

Наконецъ насталъ и предпослѣдній день отъѣзда. Утромъ, въ отсутствіе Грандѐ и Нанеты, драгоцѣнный медальйонъ Шарля былъ торжественно перенесенъ въ коммодъ Евгеніи, въ которомъ лежалъ теперь пустой кошелекъ ея. — Нужно-ли упоминать, что залогъ Шарля былъ омоченъ слезами и осыпанъ поцѣлуями? Когда Евгенія спрятала ключъ на грудь свою, она не могла воспрепятствовать Шарлю поцѣловать мѣсто его теперешняго хранилища.

— Здѣсь ему мѣсто, другъ мой.

— Вмѣстѣ съ моимъ сердцемъ, отвѣчалъ Шарль.

— Ахъ! братецъ, братецъ, сказала Евгенія....

— Развѣ мы уже несоединены, моя возлюбленная? ты дала мнѣ свое слово, возьми-же и мое.

— Навсегда! Навсегда!

Два раза съ обѣихъ сторонъ было произнесено это торжественное слово, и ни одинъ обѣтъ не могъ быть ни чище, ни святѣе этого. Цѣломудренная прелесть Евгеніи освятила и любовь Шарля.

Грустенъ былъ утренній завтракъ передъ отъѣздомъ; даже сама Нанета, добрая, вѣрная Нанета не могла удержаться отъ слезъ, не смотря на утѣшеніе, т. е. на золотой халатъ и хорошенькой крестикъ, подаренный Шарлемъ.

— Бѣдняжечка молодой баринъ! Шутка-ли? ѣхать за море! Помоги Господи!

Въ половинѣ двѣнадцатаго всѣ пошли провожать Шарля до нантскаго дилижанса. Нанета спустила собаку, заперла ворота и отправилась вмѣстѣ со всѣми, неся чемоданы Шарля. Всѣ купцы Старой-улицы выбѣжали смотрѣть на процессію, къ которой присоединился и нотаріусъ Крюшо на площади.

— Смотри, не заплачь Евгенія, шепнула ей мать.

— Ну, племянникъ, сказалъ Грандѐ, обнявъ Шарля: уѣзжаешь

бѣднякомъ, воротись богачомъ; честь отца твоего будетъ сохранена, и когда ты воротишься....

— Ахъ, дядюшка! вы облегчаете мою грусть; вотъ драгоцѣнный подарокъ для бѣднаго сироты, за который онъ ничѣмъ не въ-состояніи заплатить вамъ.

Не понявъ словъ старика, прерваннаго въ самомъ интересномъ мѣстѣ, Шарль излилъ словами всю свою благодарность, и оросилъ слезами руки стараго скряги. Евгенія судорожно сжимала руки отца и своего двоюроднаго брата.

Одинъ нотаріусъ улыбался, удивляясь хитрому притворству старика; онъ одинъ постигъ и разгадалъ его.

Долго еще оставались всѣ четверо возлѣ кареты; наконецъ она тронулась; вотъ уже она на мосту, вотъ уже почти совсѣмъ исчезла изъ виду, и когда гулъ отъ колесъ замеръ въ отдаленіи, старикъ Гранде прошепталъ: Счастливый путь!

Къ-счастію, одинъ Крюшо слышалъ это восклицаніе. Евгенія съ матерью пошли далѣе на набережную, откуда еще виднѣлся удаляющійся дилижансъ, и махали своими платками. Шарль отвѣчалъ тѣмъ-же.

Дилижансъ скрылся изъ глазъ.

Теперь, чтобы не прерывать нити нашего разсказа, необходимо бросить взглядъ на распоряженія господина Гранде въ Парижѣ, черезъ уполномоченнаго своего, господина де-Грассена.

Что касается до дѣлъ Вильгельма Гранде, то было все такъ, какъ угадалъ и разсчиталъ его почтеннѣйшій братецъ.

Во французскомъ банкѣ, какъ всѣмъ извѣстно, можно всегда получить самыя вѣрнѣйшія свѣдѣнія о богатствѣ и о состояніи богатѣйшихъ капиталистовъ, какъ Парижа, такъ и всѣхъ Департаментовъ. Имена де-Грассена и Феликса Гранде была знамениты, и пользовались тѣмъ уваженіемъ, которое оказывается въ торговыхъ сношеніяхъ преимущественно тѣмъ, чьи капиталы обезпечены землями и владѣніями, нигдѣ незаложенными. Пріѣздъ сомюрскаго банкира, взявшаго на себя всѣ хлопоты по дѣламъ Гранде-парижскаго, пріостановилъ всѣ требованія и протесты, постыдные для памяти покойнаго.

Въ присутствіи кредиторовъ сняли печати, и нотаріусъ началъ реестръ всему оставшемуся, движимому и недвижимому. Скоро въ собраніи всѣхъ капиталистовъ единогласно положено было выбрать въ главные распорядители дѣла, на все время, сомюрскаго банкира, придавъ ему въ товарищи главнаго кредитора Гранде, одного изъ богатѣйшихъ парижскихъ капиталистовъ. Имъ дали

право и полномочіе устроить дѣла упадшаго дома, спасти честь его, и вмѣстѣ съ тѣмъ спасти самихъ кредиторовъ.

Не мало способствовали дѣлу всѣмъ извѣстный кредитъ Грандѐ-сомюрскаго, и надежда, поданная всѣмъ кредиторомъ черезъ де-Грассена; такимъ образомъ, никто не противился новому, неожиданному обороту дѣла. Никто не захотѣлъ законнымъ образомъ предъявить свои требованія, и всякій говорилъ: Намъ заплатитъ господинъ Грандѐ-сомюрскій.

Прошло шесть мѣсяцевъ. Кредиторы скупили всѣ векселя на домъ покойнаго Вильгельма Грандѐ, ими-же прежде выпущенные, и съ надеждою набили свои карманы бумагой, въ ожиданіи коечего повещественнѣе. — Таковъ былъ первый результатъ операціонныхъ дѣйствій стараго скряги. Его-то и ожидалъ онъ.

Черезъ девять мѣсяцевъ послѣ перваго собранія кредиторовъ, каждому изъ нихъ было выдано, въ уплату долга по 22 на 100. Де-Грассенъ выручилъ эту сумму, продавъ вещи, домъ, имѣніе, все принадлежавшее покойнику, и честно раздѣлилъ это между кредиторами.

Честность и точность перваго дѣла произвели впечатлѣніе: всякій надѣялся, хвалилъ Феликса Грандѐ. Потомъ, нахвалившись досыта, потребовали еще денегъ. Написали съ этою цѣлью письмо въ Сомюръ отъ имени всѣхъ кредиторовъ.

— Ну вотъ, наконецъ-то, сказалъ Грандѐ, бросивъ письмо въ каминъ. Терпѣніе, друзья мои, терпѣніе!

Въ отвѣтъ на это посланіе, Грандѐ потребовалъ общей складки всѣхъ векселей и всѣхъ требованій, существующихъ на домъ господина покойнаго Грандѐ-парижскаго, въ контору одного нотаріуса; вмѣстѣ съ тѣмъ потребовалъ и квитанціи на выплаченныя уже суммы. «Съ тѣмъ намѣреніемъ», писалъ онъ, «чтобы яснѣе разобрать и повѣрить счоты, и яснѣе изложить состояніе дѣла.» Тысячи возраженій посыпалось со всѣхъ сторонъ

Вообще кредиторъ есть какое-то *perpetuum mobile*.

Сегодня онъ согласенъ на все, завтра все рветъ и мечетъ. Сегодня у него все такъ-покойно въ домѣ, все такъ-ладно, хорошо: жена весела и послушна, у маленькаго прорѣзались зубки; что-же? мой кредиторъ неумолимъ; не хочетъ дать ни копейки. На-завтра дождь, на дворѣ грязь и слякоть; бѣдняжка задумчивъ, печаленъ и на все соглашается. Послѣ завтра, пожалуйте залогу, черезъ мѣсяцъ палачъ потащитъ васъ на расправу. Кредиторъ похожъ на воробья, которому сыплютъ на хвостъ соли. Тоже самое кредиторъ говоритъ про свою квитанцію. Тамъ еще хоть хвостъ есть, а у кредитора — кукушка за моремъ.

Гранде прилежно слѣдилъ за всей стаей и зналъ, откуда вѣтеръ. Наконецъ онъ всѣхъ привелъ въ повиновеніе. Сначала нѣкоторые раскричались, разсердились и на-чисто отказались исполнить требованія хитраго скряги.

— Словно, чудесно! говорилъ Гранде, читая письмо де-Грассена, и съ радости потирая свои руки.

Другіе согласились, но съ условіями: обезпечить всѣ свои права и требованія, и, на худой конецъ, сохранить права объявленія банкрутства. Новая переписка.

Наконецъ Гранде согласился на всѣ условія и обезпеченія, и выдача векселей совершилась. Кредиторы сами другъ друга уговаривали.

Впрочемъ не совсѣмъ перестали роптать.

— Да онъ и надъ нами и надъ вами смѣется, говорили они де-Грассену.

Почти черезъ два года послѣ смерти Вильгельма Гранде, нѣкоторые изъ кредиторовъ, въ вихрѣ спекуляцій и коммерческихъ сдѣлокъ, охладѣли и даже забыли о всѣхъ своихъ надеждахъ и требованіяхъ.

— Кажется, поговаривали они мимоходомъ, двадцать-то два на сто было все, чѣмъ они насъ полакомили.

Старикъ расчислялъ время. Время добрый чортъ, говорилъ онъ, но чортъ все-таки чортъ. Къ концу третьяго года де-Грассенъ увѣдомилъ Гранде, что кредиторы соглашаются выдать всѣ векселя и уничтожить ихъ, если получатъ только по десяти на сто, на сумму остальнаго долга, т. е. двухъ милліоновъ, четырехъ-сотъ тысячъ франковъ.

Гранде отвѣчалъ, что стряпчій и нотаріусъ его покойнаго брата, разорившіе его, живутъ припѣваючи, что они совершенно поправились и что не худо-бы было и ихъ потормошить немножко.

Въ концѣ 4-го года успѣли уменьшить сумму до двухъ милліоновъ. Обѣ стороны говорили и спорили, опять говорили и спорили; все это продолжалось полгода. Наконецъ старикъ былъ доведенъ до крайности. Переговоры были кончены, нужно было платить.

Гранде отвѣчаетъ, что племянникъ увѣдомилъ его о счастливомъ ходѣ своихъ дѣлъ, что племянникъ его обогатился въ Индіи, и что наконецъ племянникъ его ревностно желаетъ заплатить долгъ своего отца *сполна*. «Какъ-же мнѣ-то платить вамъ, не переписавшись и не посовѣтовавшись съ племянникомъ?» писалъ Гранде кредиторамъ: «подождите немного.»

И наконецъ, въ половинѣ пятаго года, кредиторы все еще ожи-

дали уплаты *сполна*. А бочаръ смѣялся по-тихоньку, да изрѣдка приговаривалъ: *Ужъ эти мнѣ Парижане*!

Вотъ въ какомъ положеніи застанемъ мы кредиторовъ и дѣла Вильгельма Грандé, когда происшествія нашей повѣсти заставятъ насъ опять обратиться къ нимъ.

Когда фонды покупались по 109, то Грандé свои продалъ и получилъ изъ Парижа четыре милліона-триста-тысячъ франковъ золотомъ. Эти милліоны присоединились къ полутору-милліона франковъ, вырученныхъ за анжерское золото.

Де-Грассенъ жилъ въ Парижѣ безвыѣздно, и вотъ по какой причинѣ: во первыхъ его выбрали въ депутаты; во-вторыхъ, потому-что онъ, де-Грассенъ, банкиръ, почтенныхъ лѣтъ, отецъ семейства, влюбился по-уши въ одну премиленькую актрису Театра Герцогини Орлеанской. Поведеніе его надѣлало въ Сомюрѣ много соблазна и шума; всѣ осудили безнравственность де-Грассена. Женѣ его удалась выхлопотать раздѣлъ по имѣнію, и она, къ-счастію своему, не потерялась въ отсутствіе мужа, сама занялась дѣлами и мало-по-малу поправила состояніе, пострадавшее отъ глупостей главы семейства. Въ-слѣдствіе происковъ, наговоровъ и стараній Крюшó съ ихъ компаніей, госпожѣ де-Грассенъ не удалось порядочно пристроить своей дочери, а о Евгеніи и думать было нечего.

Адольфъ отправился къ отцу въ Парижъ и сдѣлался порядочнымъ повѣсою. Крюшò торжествовали.

— Мужъ вашъ съ ума сошолъ, говорилъ Грандé госпожѣ де-Грассенъ, отсчитывая ей въ-займы, подъ вѣрные залоги, какую-то сумму. Жаль мнѣ васъ; а вы право предобрая бабёнка.

— Ахъ, Грандé! Кто бы могъ подумать, что въ тотъ день, когда онъ отправился по дѣламъ вашимъ въ Парижъ, онъ устремился къ своей вѣрной гибели!

— Да ей Богу-же, сударыня, я употреблялъ всѣ усилія, чтобы отвратить его отъ этой поѣздки. Президентъ Крюшò хотѣлъ-же, во чтò-бы ни стало, перебить у него.... Теперь понятно отъ-чего вашему мужу такъ сильно хотѣлось услужить мнѣ.

Такимъ-образомъ хитрецъ отдѣлался отъ всего, даже отъ благодарности де-Грассенамъ за услуги.

ГЛАВА V.

Семейныя горести.

Во всѣхъ грустныхъ обстоятельствахъ жизни, женщина страдаетъ сильнѣе и терпитъ болѣе мужчины. Послѣдній найдетъ новыя силы въ своей дѣятельности; онъ занятъ, онъ думаетъ, разсчитываетъ, дѣйствуетъ; ему улыбается надежда; тоже самое было и съ Шарлемъ.

Но чѣмъ разсѣетъ, чѣмъ разгонитъ женщина свое горе? Оно передъ нею всегда, за нею повсюду, неизмѣнное, безнадежное, ужасное. Робко измѣряетъ взоръ ея глубины разверзтой передъ нею бездны, и ей остаются одни стенанія и слезы. Вотъ удѣлъ, который достался и Евгеніи, и она безропотно покорилась судьбѣ своей. Чувствовать глубоко, любить, и почти всегда страдать любовью своей, вотъ судьба, вотъ удѣлъ женщины. И Евгеніи досталась полная чаша скорби, безъ отрады и утѣшенія; не суждено ей было испытать счастія полнаго, нераздѣльнаго.

Печали и горе были не за горами, и скоро настало грустное время для бѣдной Евгеніи.

Всё въ въ домѣ осталось по-прежнему по отъѣздѣ Шарля, только не для одной Евгеніи. Комнату Шарля оставили въ такомъ-же видѣ, какъ и во-время пребыванія его, разумѣется, утаивъ это отъ отца. Госпожа Гранде и Нанета съ охотою вступили въ этотъ маленькой заговоръ.

— Кто знаетъ, можетъ-быть, онъ и скоро воротится? сказала Евгенія.

— Ну, барышня, и я-бы порадовалась, отвѣчала Нанета: да что это за добренькой, миленькой баринъ, красавчикъ такой, словно красная дѣвушка.

Евгенія взглянула на добрую служанку....

— Ахъ, Господи! да что это съ вами, барышня? какъ вы этакъ смотрите? Ну, точно васъ тотчасъ въ гробъ клади; полноте, полноте барышня!

Съ этого дня лицо Евгеніи заблистало новою красотою. Какая-то строгая торжественность сообщилась всѣмъ чертамъ ея, и, проникнутая любовію, душа свѣтилась въ очахъ.

На-другой-день по отъѣздѣ Шарля, Евгенія, возвращаясь отъ обѣдни, зашла въ книжную лавку и купила путевую карту. Она повѣсила ее въ своей комнатѣ, возлѣ зеркала, и каждый день от-

мѣчала мысленно по ней путь своего дорогаго Шарля; каждый день мечтала она о немъ, встрѣчалась съ нимъ за далекими морями, носилась съ нимъ на одномъ кораблѣ по бурному океану, говорила съ нимъ, спрашивала его: счастливъ-ли ты, думаешь-ли ты обо мнѣ, шлешь-ли мнѣ привѣтъ съ каждымъ облачкомъ, бѣгущимъ въ родимую сторону? По утрамъ она долго одна просиживала въ саду, подъ старымъ орѣшникомъ, на той самой старой, источенной червями лавкѣ, гдѣ они нѣкогда говорили другъ съ другомъ, мечтали, шутили, гадали о будущемъ. И теперь она мечтала о будущемъ, и грустно глядѣла на небо, на старую стѣну, на окно въ комнатѣ, прежде занимаемой Шарлемъ.

Это была страдальческая, уединенная любовь, скрытая глубоко въ сердцѣ, сросшаяся съ сердцемъ, съ мыслями, съ жизнію Евгеніи; любовь сдѣлалась для нея вещественнымъ началомъ, силою жизненною.

По вечерамъ, когда всѣ, кто назывались друзьями стараго Гранде, собиралась въ ихъ темной залѣ, за карточнымъ столикомъ, Евгенія была, какъ и всегда, весела, разговорчива; по-утрамъ она по цѣлымъ часамъ только и говорила, что о Шарлѣ, съ своею матерью и Нанетою. Нанета поняла, что была въ-силахъ, не измѣнивъ впрочемъ старому господину своему, облегчить страданія Евгенія, перемолвивъ съ ней слово о Шарлѣ, и польстивъ отдаленной надеждой.

Такъ прошли два мѣсяца, и жизнь трехъ женщинъ, прежде скучная и единообразная, какъ-то оживилась занимательностію ихъ тайны, ихъ дружескихъ секретовъ. Все въ этихъ скучныхъ, мрачныхъ комнатахъ, все еще живо напоминало имъ Шарля, какъ-будто онъ и не оставлялъ ихъ. Утромъ и вечеромъ Евгенія открывала завѣтный ящичекъ и по цѣлымъ часамъ смотрѣла на изображенія Шарля и родителей его. Разъ, въ одно воскресенье, мать застала ее, въ сладкомъ упоеніи воспоминаній, надъ образомъ ея суженаго; тогда-то открыто было все госпожѣ Гранде, обѣты Шарля и Евгеніи, и размѣнъ залоговъ.

— Какъ, ты отдала ему все свое золото! вскричала испуганная старушка. А что скажетъ твой отецъ, когда, въ новый-годъ, по обыкновенію, онъ захочетъ посмотрѣть на твои червонцы?

Евгенія окаменѣла отъ ужаса. Двѣ бѣдняжки не смѣли взглянуть другъ на друга цѣлое утро. И до-того дошло ихъ смущеніе, что онѣ прослушали благовѣстъ къ ранней обѣднѣ, и пошли только къ поздней.

Черезъ три дня наступало 1-я января 1820; черезъ три дня въ этомъ домѣ начнется страшная драма, драма мѣщанская, безъ

крови, безъ кинжала и яда, но страшнѣе всѣхъ кровавыхъ эпизодовъ изъ драматической исторіи знаменитой фамиліи Атридовъ.

— Что съ нами будетъ? говорила г-жа Гранде, — и работа выпадала изъ рукъ ея.

Происшествія, въ два мѣсяца скопившіяся надъ этой семьею, до такой степени измѣнили весь образъ жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ и привычки доброй старушки, что шерстяныя зимнія рукава ея еще не были окончены. Это, по-видимому, ничтожное обстоятельство было причиною огромнаго несчастія въ семействѣ. Старушка простудилась и занемогла серьёзно во-время страшной катастрофы, страшнаго гнѣва скупаго скряги старика Гранде.

— Я вздумаю, дитя мое, что еслибы ты не таилась отъ меня, а призналась-бы мнѣ во всемъ съ самаго начала, то у насъ, можетъ-быть, достало-бы еще времени написать въ Парижъ г-ну де-Грассену. — Онъ, вѣрно, отыскалъ-бы намъ точно такія-же монеты, хоть, правда, трудно было-бы и обмануть отца: онъ очень-хорошо знаетъ твое золото.

— А гдѣ-же мы взяли-бы столько денегъ?

— Я-бы дала изъ *моихъ собственныхъ*. — Притомъ господинъ де-Грассенъ долженъ ...

— Уже поздно, отвѣчала Евгенія дрожащимъ отъ тревожнаго волненія голосомъ. Все рѣшится завтра-же утромъ, когда мы пойдемъ поздравлять его съ новымъ-годомъ.

— Но, милая моя, не пойдти-ли посовѣтоваться съ господиномъ Крюшо?

— О нѣтъ, ни за что! тогда мы будемъ отъ нихъ въ тяжкой зависимости. Притомъ-же я рѣшилась; я ни въ чомъ не раскаяваюсь, я хорошо сдѣлала, и Богъ меня не оставитъ; да будетъ-же Его святая воля! Ахъ! матушка, вы тоже бы сдѣлали, еслибы тогда, въ ту ночь, какъ и я, прочитали его письма.

На другой день, 1-го января 1820, мать и дочь были въ такомъ ужасѣ, что не осмѣлились идти поздравлять старика съ новымъ годомъ. Зима двадцатаго года была очень-холодна; снѣгъ густо лежалъ на крышахъ. Когда Гранде зашевелился въ своей комнатѣ, старушка закричала ему изъ-за перегородки:

— Гранде, сдѣлай милость, прикажи Нанетѣ развести немножко огня въмоей комнатѣ; здѣсь такъ-холодно; я мерзну подъ одѣяломъ. — Ужъ я стара, другъ мой, мнѣ нужно болѣе беречься.

— Притомъ-же, прибавила она, послѣ минутнаго молчанія: Евгенія придетъ сюда одѣваться. Бѣдненькая простудится въ такой

морозъ.—Потомъ мы сойдемъ внизъ и поздравимъ тебя съ новымъ-годомъ.

— Та, та, та, та! вотъ язычокъ-то! Ну, ну! какъ ты начинаешь новый годъ, мадамъ Грандѐ! Да ты никогда столько не говорила? а? Ужъ не покушала-ли ты хлѣбца съ виномъ, душа моя?

Молчаніе.

— Ну, мадамъ Грандѐ, душа моя, я сдѣлаю по-вашему. Ты славная бабенка, и я не хочу, чтобъ съ тобой приключилась бѣда настарости. — Впрочемъ живучи вы всѣ Ла-Бертельеры, гмъ! не правда-ль? Народъ не такой, чтобъ умирать, не поживши порядкомъ. Но я имъ прощаю ихъ долгую жизнь, все-таки наконецъ мы ихъ наслѣдники.

Старикъ закашлялся

— Вы веселы сегодня, сударь, грустно сказала госпожа Грандѐ.

— Я, какъ рыба въ водѣ, прибавилъ онъ, входя къ женѣ уже совсѣмъ одѣтый.

— Да, да, правда, здѣсь таки порядочно холодно. Брръ! Мы славно позавтракаемъ, женушка. Де-Грассенъ прислалъ мнѣ пастетъ изъ гуся съ трюфелями; я пойду за нимъ въ контору дилижансовъ. Просилъ также я его прислать червончикъ для Евгеніи, душа моя, сказалъ онъ ей на-ухо: что̀ дѣлать? У меня въ ящикахъ ни капли золота. — Было недавно сколько-то залежалыхъ, старинныхъ, я могу тебѣ открыться; да все отдалъ на-дняхъ въ оборотъ.

И ради торжественнаго дня, старикъ торжественно поцѣловалъ жену свою въ лобъ.

— Евгенія! закричала добрая старушка, когда ушолъ Грандѐ. Грандѐ видно всталъ на правую ногу; онъ такъ веселъ сегодня; ну дай Богъ! можетъ-быть и съ рукъ сойдетъ.

— Ну, что̀ это съ бариномъ сдѣлалось? сказала Нанета, внося въ комнату вязанку дровъ. Сперва онъ мнѣ сказалъ: здравствуй, съ новымъ-годомъ, старая чертовка! Разложи-ка огня у жены; она мерзнетъ, бѣдняжка. Потомъ.... да я, просто, одурѣла какъ пень, когда онъ мнѣ далъ цѣлый экю въ шесть франковъ, и такой новенькой, свѣтленькой! Ну, посмотрите, сударыня, посмотрите! Охъ добрый, добрый баринъ! Вѣдь вотъ на другихъ посмотришь, такъ чѣмъ старѣе, тѣмъ злѣе; а этотъ такой добрый, такой тихой, такой милостивый.... Ну да ужъ дай Господи ему здоровья, хорошему барину!

А весь-то секретъ веселости старика была радость его объ окончаніи совершенно-удавшейся спекуляціи. Де-Грассенъ, получивъ въ Парижѣ проценты съ капиталовъ Грандѐ, и вычтя изъ нихъ тѣ суммы, которыя старикъ былъ ему долженъ, за размѣнъ голландскихъ банковыхъ билетовъ и за покупку 250,000 ливровъ

доходу, причомъ онъ долженъ былъ поплатиться изъ своего кармана за недостаткомъ надлежащей суммы, отсчитанной ему Гранде, посылалъ ему остатокъ, около 30,000 франковъ серебромъ. Присемъ приложилъ онъ табличку возвышенія фондовъ, бывшихъ тогда по 89 (и которые черезъ мѣсяцъ продавались по 92). Такимъ-образомъ, Гранде бралъ по 12-ти на сто съ своихъ капиталовъ, и каждый мѣсяцъ могъ получать 1,000,000 франковъ, безъ хлопотъ, безъ бумагъ и безъ переписки. — Онъ понималъ эти обороты совершенно и пользовался ими прекрасно. Итакъ въ перспективѣ, лѣтъ черезъ пять, черезъ шесть, у него было-бы отъ шести до семи милліоновъ, нажитыхъ безъ большаго труда; и если прибавить сюда оцѣнку его недвижимаго имѣнія, то составилось-бы состояніе колоссальное.—Шесть франковъ, подаренные Нанетѣ, были плата, довольно худая, за услугу, оказанную своему господину въ ночь, когда онъ ѣздилъ въ Анжеръ съ своимъ золотомъ.

— Охъ, охъ! да куда это такъ рано бѣжитъ старикъ Гранде, словно на пожаръ, говорили купцы, отворяя свои лавки. Но когда его видѣли возвращающагося, вмѣстѣ съ почтамтскимъ служителемъ, нагруженнымъ тугими, толстыми мѣшками, то всё объяснилось.

— Да, онъ ходилъ за деньгами, сказалъ одинъ изъ купцовъ.

— А Богъ знаетъ, откуда къ нему не приходятъ деньги, примолвилъ другой: изъ Парижа, изъ Фруафонда, изъ Бельгіи!

— Да, онъ скоро купитъ Сомюръ, замѣтилъ третій.

— Вотъ видишь! и холодъ, и жаръ ему ни по-чомъ: онъ всегда за работой, говорила жена своему мужу.

— Эй, послушайте-ка, г. Гранде, кричалъ старику толстый сосѣдъ его, хозяинъ суконной лавки: если тяжелы очень мѣшки-то, такъ давайте ихъ сюда, я имъ найду мѣсто.

— Да вѣдь это все мѣль, отвѣчалъ ему скряга.

— Серебро, сказалъ про себя навьюченный работникъ.

— Молчи ты, дуракъ; держи языкъ за зубами, ворчалъ старикъ, отворяя калитку.

— Ахъ ты, старая лисица... а вѣдь я подумалъ, что онъ глухъ, какъ тетеревъ.... или онъ въ морозъ только слышитъ.

— Вотъ тебѣ двадцать су за твои труды, болванъ, и убирайся. — Нанета, что, бабы въ церкви?

— Да, сударь.

— Такъ скорѣе-же, скорѣй за работу, закричалъ старикъ, наваливая мѣшки на плеча Нанеты.

Потомъ, когда мѣшки были перенесены въ его кабинетъ, старикъ заперся въ немъ на-ключъ.

— Когда готовъ будетъ завтракъ, ты постучись у дверей, закричалъ онъ Нанетѣ.

Завтракъ былъ готовъ къ десяти часамъ.

— Богъ милостивъ, отецъ твой не спроситъ о золотѣ, сказала госпожа Грандé своей дочери: и къ дню твоего рожденія мы какъ-нибудь достанемъ точно-такія-же деньги.

Только-что Грандé вошолъ въ залу, жена и дочь поспѣшили поздравить его съ наступающимъ годомъ; Евгенія, нѣжно ласкаясь, бросилась къ нему на шею. Госпожа Грандé поздравила его серьёзно и съ приличною торжественностію.

— Ну, ну, моя красоточка, сказалъ скряга, цѣлуя нѣсколько разъ свою дочь: работалъ, и работаю для тебя, для твоей будущности, для твоего счастія, а для счастія нужны деньги, душа моя; безъ денегъ *пасъ!* Вотъ, на, возьми-ка этотъ наполеондоръ; какъ тутъ поспѣлъ къ тебѣ изъ Парижа; нарочно выписывалъ, а здѣсь у меня нѣтъ ни соринки золота. Вотъ у тебя, такъ другое дѣло; ты богатая! у тебя много золота; а покажи-ка мнѣ, жизненочекъ, свое золото? а? дружочекъ, дочечка! Бррръ, какъ холодно; ну, начнемъ-те-же завтракать; нашъ толстякъ де-Грассѐнъ прислалъ чудесную штуку; кушайте, милыя, кушайте, дѣти, ничего не стоитъ, даровое! Молодецъ де-Грассѐнъ! Славно работаетъ по дѣлу племянника, а что всего лучше, работаетъ даромъ. У-у-уахъ! уахъ! сказалъ онъ, прищелкнувъ языкомъ. Славное кушанье! Отвѣдай-ка, жонушка, отвѣдай. — Этимъ кускомъ можно, по-крайней-мѣрѣ, цѣлыхъ два дня быть сытымъ. Я самъ впрочемъ неголоденъ; много не ѣмъ, всякой знаетъ; кушай-же, кушай, мадамъ Грандé, не бойся, больна не будешь, на здоровье! а Ла-Бертельеры-то всѣ здоровяки; вотъ и ты желтѐнька немножко, да это ничего; я люблю желтый цвѣтъ.

Ожиданіе позорной казни не могло-бы сравниться съ тѣмъ, что ощущали госпожа Грандé и Евгенія, предчувствуя, чѣмъ кончится завтракъ. Чѣмъ веселѣе и шутливѣе былъ Грандé, тѣмъ сильнѣе стучало сердце бѣдняжекъ. Евгеніи было легче; любовь ее воодушевляла и вливала въ нея новыя силы.

— О, для него, для него, думала она: я готова перенести всё на свѣтѣ.... И при этой мысли взоръ ея оживлялся и блисталъ твердостію и неустрашимостію.

— Убери, убери всё это, Нанета, закричалъ старикъ, когда кончили завтракать. А столъ намъ оставь. Намъ будетъ здѣсь лучше, удобнѣе, прибавилъ онъ, поглядывая на Евгенію: посмотримъ-ка теперь твое маленькое сокровище; — маленькое! Боже сохрани! да у тебя золотомъ на 5,959 франковъ; такъ, такъ.... да приба-

вимъ 40 франковъ, что́ я далъ сегодня, такъ выйдетъ шесть тысячь франковъ безъ одного; ну, ла, я дамъ тебѣ этотъ франкъ, мы пополнимъ сумму, потому-что, видишь-ли, дочечка.... А ты что́ насъ слушаешь, Нанета? нутка, покажи намъ пятки; маршъ! за работу!

— Послушай, милушечка, малюточка моя, Евгенія, отдай-ка мнѣ мое золото, сей-часъ? вѣдь ты не откажешь своему папашкѣ, моя дочечка.

Мать и дочь, обѣ были точно къ смерти приговоренныя.

— У меня нѣтъ больше золота; было, было, не спорю, но теперь нѣтъ, ничего нѣтъ. Я тебѣ отдамъ, дочка, отдамъ всѣ шесть тысячь франковъ — *ливрами*, и самъ постараюсь повыгоднѣе помѣстить ихъ. О *дюжинѣ* и думать нечего; вотъ, когда мы замужъ выйдемъ (а мы скоро выйдемъ за-мужъ, дочечка), тогда женишокъ подаритъ тебѣ такую дюжинку, что вся провинція заболтаетъ. Ужъ я найду такого женишка. Ну, такъ что́-же, душа моя? а? Какъ-же мы рѣшаемся? Видишь-ли, ангелъ мой, есть прекрасный случай въ виду; можно положить 6000 франковъ въ государственный банкъ, и каждыя шесть мѣсяцовъ ты будешь получать 200 франковъ процентовъ, почти 200 франковъ, и безъ крючковъ, безъ бумагъ, безъ обязательствъ; доходъ чистоганчикомъ. Можетъ-быть, ты не хочешь разстаться съ своимъ золотомъ, душечка, ангелъ мой? Ну, да хоть принеси мнѣ его сюда; видишь-ли, я самъ послѣ подарю тебѣ точно такія-же монеты. Достану тебѣ и голландскихъ червонцевъ, и португальскихъ червонцевъ, и рупій восточныхъ. Вотъ увидишь, что въ три года я соберу тебѣ, по-крайней-мѣрѣ, половинку нашего крошечнаго, маленькаго, миленькаго золотаго сокровища. А? что́? что́-же, дочечка. Подыми-же головку, поди, принеси его сюда, нашего малюточку! Да ты-бы должна была всѣ глазки выцѣловать своему папашѣ, за то, что онъ такъ хорошо знаетъ, да и тебѣ открываетъ всѣ штучки, продѣлки, секреты этихъ злодѣевъ, червончиковъ. А вѣдь и въ-правду, денежки тоже живутъ, да еще не хуже нашего брата; тоже возятся, катаются, ходятъ, потѣютъ, работаютъ!

Евгенія встала и пошла къ дверямъ; но, вдругъ обернувшись къ своему отцу, смѣло сказала, прямо глядя ему въ глаза:

— У меня нѣтъ болѣе золота.

— Нѣтъ золота!!! завопилъ старикъ, вскочивъ съ креселъ и вздрогнувъ, какъ боевой конь, оглушенный выстрѣломъ изъ орудія, въ десяти шагахъ: нѣтъ золота?

— Да! У меня уже нѣтъ его болѣе.

— Но ты.... ты, вѣрно, ошиблась, Евгенія....

— Нѣтъ, не ошиблась, батюшка.

— Клянусь *серпомъ моего отца*!

Когда бочаръ клялся *серпомъ своего отца*, то даже стѣны дрожали въ его домѣ.

— Господи, Боже мой! Создатель мой, барыня въ обморокѣ, закричала вбѣжавшая Нанета.

— Гранде, я умру Гранде, простонала бѣдная старушка.

— Та! та! та! та! вздоръ! вы живучи... Ла-Бертельеры не умираютъ! Евгенія! куда ты дѣвала свое золото?! закричалъ онъ, бросившись къ своей дочери.

— Батюшка, сказала дочь, стоя на колѣнахъ возлѣ своей матери; посмотрите, какъ страдаетъ бѣдная матушка; не убивайте ее!

Гранде почти испугался, увидавъ смертельную блѣдность на желтомъ лицѣ старушки.

— Нанета, помоги мнѣ дойти до постели, сказала госпожа Гранде: Боже! я умираю.

Нанета и Евгенія взяли ее подъ-руки и съ величайшимъ трудомъ довели ее до постели; всходя на лѣстницѣ, она постепенно теряла свои силы.

Гранде остался одинъ въ залѣ; черезъ нѣсколько минутъ онъ взбѣжалъ шесть или семь ступенекъ на-верхъ и закричалъ Евгеніи:

— Евгенія, когда уложишь мать, сойди сюда.

— Хорошо, батюшка.

Она не замедлила прійти, разувѣрившись сначала мать свою.

— Ну, дочка, скажи-ка теперь, гдѣ твое золото?

— Батюшка, хладнокровно отвѣчала Евгенія, взявъ съ камина подаренный ей наполеондоръ и отдавая отцу: батюшка! ежели вы мнѣ дѣлаете подарки, которыми я располагать невластна, то возьмите ихъ назадъ.

Гранде схватилъ наполеондоръ и сунулъ его въ свой карманъ.

— Да, ужъ я думаю, что больше ничего тебѣ не подарю, дружочекъ, — вотъ, столько не подарю, сказалъ онъ, показывая самую маленькую часть на своемъ мизинцѣ: такъ вы презираете отца вашего; вы даже не знаете, что такое отецъ, сударыня! Да, ежели онъ для васъ не всё, сударыня, такъ онъ ничего. Гдѣ ваше золото, гдѣ золото?!!!

— Я люблю и уважаю васъ, батюшка, даже и теперь, когда вы на меня сердитесь; но позвольте вамъ замѣтить, батюшка, что мнѣ уже 23 года; вы сами очень-часто замѣчали мнѣ, что я давно уже совершеннолѣтняя. Съ деньгами я сдѣлала то, что мнѣ было угодно, и повѣрьте, что прекрасно употребила ихъ.

— Куда употребили вы ихъ, сударыня?

— Это мой секретъ, батюшка, важный, священный секретъ; вѣдь у васъ есть свои секреты?

— Я глава семейства, сударыня, у меня свои дѣла, своя политика....

— Точно также и у меня есть свои дѣла, батюшка.

— Вѣрно, дурныя дѣла, сударыня, когда вы ихъ отцу родному открыть не можете.

— Дѣло весьма-хорошее, батюшка, и я вамъ не могу открыть его.

— По-крайней-мѣрѣ, когда-же ты отдала свое золото?

Евгенія сдѣлала отрицательный знакъ головою.

— Былъ-ли онъ въ домѣ, въ день вашего рожденія?

Евгенія, наученная любовью, сдѣлалась также хитра, какъ и отецъ ея.

Опять тотъ-же знакъ головою.

— Да видано-ли было такое упрямство? слышалъ-ли кто о подобномъ воровствѣ? закричалъ Гранде, возвышая болѣе и болѣе свой голосъ, такъ, что наконецъ онъ раздался по цѣлому дому.

— Какъ, здѣсь, въ собственномъ домѣ моемъ, кто-то укралъ золото, единственное золото въ цѣломъ домѣ! И я въ-сторонѣ, мнѣ не хотятъ сказать этого! Да, золото дорого, вѣдь золото не пустячки, сударыня. Вѣдь ты дала-же его кому-нибудь, а?

Евгенія была неумолима.

— Да видалъ-ли кто такую упрямицу! Я-ли, я-ли отецъ твой? Но если ты отдала деньги куда-нибудь въ оборотъ, такъ должна-же быть у тебя росписка, квитанція?!

— Но вѣдь золото было мое; развѣ я невольна была истратить его на что захочу?

— Да вѣдь ты дитя!

— Совершеннолѣтнее.

Пораженный логикою дочери, Гранде блѣднѣлъ, трясся, онѣмѣлъ отъ злости; наконецъ, выйдя изъ мгновеннаго остолбѣненія, онъ закричалъ :

— Змѣя подколодная! Она знаетъ, что я ее люблю, и рада возло употреблять мою слабость; она готова зарѣзать отца своего. Но, чортъ возьми! ежели ты отдала свои деньги этой обезьянѣ въ лакированныхъ сапогахъ, то клянусь всѣмъ, что есть на свѣтѣ, такъ-какъ я не могу тебя лишить наслѣдства, то я тебя проклинаю, тебя, дѣтей, твоій родъ и твоего Шарля въ придачу; будешь меня помнить! Ну, ежели это Шарль!... Но нѣтъ, не можетъ-быть!... этотъ тряпичникъ, лоскутникъ, дрянь, чтобъ онъ налулъ меня!

Онъ взглянулъ на дочь. Евгенія была молчалива и спокойна по-прежнему.

— Она какъ ни въ чомъ не бывала, не поморщится!... да она упрямѣе меня, Гранде, да и всѣхъ Гранде вмѣстѣ. — По-крайней-мѣрѣ не даромъ-же ты отдала свои деньги; ну! какъ-же?

Евгенія насмѣшливо взглянула на отца, старикъ обидѣлся.

— Знайте, сударыня, что вы здѣсь въ моемъ домѣ, въ домѣ отца вашего, сударыня?

Евгенія склонила голову въ знакъ согласія.

— Вы меня обижаете, сударыня, а я хочу видѣть васъ не иначе, какъ покорною и послушною дочерью. Ступайте въ свою комнату, извольте оставаться тамъ до-тѣхъ-поръ, пока я васъ самъ не выпущу. Нанета будетъ приносить вамъ воду и хлѣбъ.... Слышали? ступайте-же сударыня!

Евгенія залилась слезами и вышла вонъ изъ комнаты.

Гранде побѣжалъ въ садъ. Пройдясь нѣсколько разъ взадъ и впередъ, по колѣна въ глубокомъ снѣгу, онъ вздумалъ, что дочь, вѣрно, не въ тюрьмѣ а у постели больной матери; желая къ чему-нибудь придраться, чтобы излить гнѣвъ свой, обрадовавшись случаю застать въ-расплохъ непослушную дочь свою, онъ осторожно, на цыпочкахъ, пробрался по лѣстницѣ и очутился въ спальнѣ жены своей въ ту самую минуту, когда госпожа Гранде сжимала дочь въ объятіяхъ и цѣловала ея длинные и прекрасные волосы.

— Утѣшься, милый другъ мой, говорила старушка: отецъ перестанетъ сердиться....

— Нѣтъ у нея отца, закричалъ Гранде. И это наша дочь, госпожа Гранде? Непослушная, непокорная? Прекрасное воспитаніе, религіозное воспитаніе, нечего сказать! А вы, сударыня, вы не подъ замкомъ еще? Подъ-арестъ, подъ-арестъ, сударыня, маршъ, безъ объясненій!

— Неужели вы хотите отогнать дочь отъ постели больной матери, Гранде? сказала старушка; лицо ея пылало лихорадочнымъ жаромъ.

— А! ежели ужъ вамъ такъ нужна ваша дочь, такъ возьмите ее, возьмите ее, сударыня, и убирайтесь обѣ, вонъ изъ моего дома! Чортъ возьми, гдѣ деньги? гдѣ золото?

Евгенія гордо посмотрѣла на своего отца и ушла въ свою комнату. Старикъ самъ заперъ ее на-ключъ.

— Нанета! закричалъ онъ, затуши въ залѣ огонь.

Онъ сѣлъ въ креслахъ и придвинулъ ихъ къ камину. — Она, вѣрно, отдала свои деньги этому низкому обольстителю Шарлю; мошеннику только и нужны были однѣ деньги.

Госпожа Гранде, страдая за дочь свою и понимая опасность ея положенія, нашла довольно въ себѣ силы, чтобъ притвориться хладнокровною, глухою и нѣмою.

— Я ничего не знала объ этомъ, сказала она, не глядя на мужа и уклоняясь отъ его рысьяго взгляда.

— О! я такъ страдаю отъ вашихъ жестокостей, что, кажется, если вѣрить предчувствіямъ, я умру, умру непремѣнно. Хоть-бы теперь вы пощадили меня, сударь; я васъ никогда такъ не огорчала, подумайте объ этомъ; ваша дочь любитъ васъ нѣжно и я увѣрена, что она невинна, какъ пятилѣтній ребенокъ; не мучьте ее, смягчите вашъ приговоръ. Теперь холодно, она можетъ простудиться въ нетопленой комнатѣ.

— Я не хочу ни видѣть, ни слышать ее; она будетъ подъ арестомъ до-тѣхъ-поръ, пока не согласиться отвѣчать на мои вопросы. Чортъ возьми, кажется, глава семейства долженъ знать, куда дѣвалось золото, бывшее въ домѣ. У ней были рупіи! да въ цѣлой Франціи не найдти теперь ни одной рупіи! а генуэзскіе червонцы! а голландскіе червонцы!

— Но Евгенія, единственное дитя наше, и, право, еслибы она въ воду бросила деньги...

— Въ воду!!! закричалъ старикъ: деньги бросить въ воду? да ты съ-ума сошла, госпожа Гранде! Нѣтъ! сказано, сдѣлано. Если хотите, чтобы все уладилось, допросите ее, допытайте ее!... вы, бабы, лучше знаете, какъ приниматься за это. Ну, отчего не сказать отцу, куда дѣвались деньги? не съѣмъ-же я ее! Что она— боится меня, что-ли? Хоть-бы она позолотила своего братца, такъ что-жъ мнѣ то дѣлать? вѣдь онъ теперь за морями!

— Вотъ видишь-ли Гранде...

Но вдругъ, въ ту минуту, какъ она хотѣла мужу открыть всю тайну, она замѣтила, по внезапному судорожному движенію лица его, всю необдуманность своего поступка. Несчастія дочери и любовь къ ней удвоили ея осторожность.

— Вотъ видишь-ли, Гранде, посуди самъ, послушается-ли она меня, когда уже тебя не послушалась.

— Ну, ну, какой у тебя язычокъ сегодня, мадамъ Гранде. Та, та, та, та, та, та! да вы меня не обманываете-ли, сударыня! вотъ бьюсь объ закладъ, что онѣ обѣ въ заговорѣ.

— Право, Гранде, я умру, если вы будете продолжать такимъ образомъ. Но все-равно, хотя-бы мнѣ это и жизни стóило, я все-таки скажу вамъ, что поведеніе ваше съ Евгеніей несправедливо, что она благоразумнѣе васъ, сударь. Деньги были ея собственныя, истратила она ихъ, вѣроятно, на доброе дѣло, а только одинъ Богъ

можетъ судить, каковы дѣла наши. Гранде, умоляю тебя, прости Евгенію; ты смягчишь этимъ жестокость удара мнѣ нанесеннаго; можетъ-быть, возвратишь мнѣ жизнь и здоровье. Гранде, прости свою дочь, возврати мнѣ мою Евгенію...

—Я бѣгу съ поля битвы! закричалъ Гранде: домъ мой падаетъ... зданіе подкопано.... заговоръ.... мать и дочь болтаютъ, болтаютъ, болтаютъ... бррръ! бррръ... Да, Евгенія, много горя нанесла ты мнѣ! Да, да, плачь, плачь! тебя замучитъ угрызеніе совѣсти... Вотъ ты увидишь сама, чего стоитъ твой Шарль съ своими лакированными сапогами и съ постной рожицей... У него нѣтъ ни души, ни сердца; а то могъ-ли-бы онъ унесть, украсть золото у бѣдной дѣвушки, безъ согласія ея родителей?

Когда уже было поздно и на ночь заперли ворота, Евгенія вышла изъ своей комнаты и подошла къ постели матери.

— Гдѣ вы взяли столько твердости, матушка, чтобы вынести столько для вашей бѣдной дочери?

— Вотъ видишь-ли, дитя мое, къ чему ведетъ насъ скрытность и неосторожность; я должна была солгать, чтобы спасти тебя, другъ мой.

— О! я приму на себя наказаніе Господне.

— Правда-ли, сказала испуганная Нанета, вбѣжавшая въ комнату, что барышня теперь на всю жизнь на водѣ и на хлѣбѣ?

— Ну, что-же такое? спокойно сказала Евгенія.

— Какъ, что такое? я буду есть какъ царица, тогда-какъ барышня будетъ кушать хлѣбъ черный. Нѣтъ, нѣтъ!

— Полно, замолчи, Нанета.

— Пожалуй; я буду нѣма какъ рыба, но вы увидите, увидите.

Гранде обѣдалъ одинъ, въ первый разъ въ-продолженіе тридцати лѣтъ своей жизни.

— Вотъ вы теперь точно вдовецъ, сударь, сказала Нанета. Грустно быть вдовцомъ, когда есть и жена и дочь въ домѣ.

— А съ тобой говорятъ, что-ли? а? Молчать!... Или я прогоню тебя. Что это у тебя тамъ кипитъ въ кострюлькѣ?

— Да это жиръ, сударь.

— Подай свѣчу, придутъ гости сегодня.

И дѣйствительно, въ восемь часовъ явились Крюшо и г-жа де-Грассѣнъ съ своимъ сыномъ; всѣ удивились, не видя ни госпожи Гранде, ни Евгеніи.

— Жена больна сегодня, Евгенія сидитъ вмѣстѣ съ нею, спокойно отвѣчалъ старикъ.

Часъ спустя, когда гости наговорились до-сыта, госпожа де-

Грассенъ, ходившая на-верхъ навѣстить больную — возвратилась. Всякій поспѣшилъ узнать о здоровьи хозяйки.

— Очень, очень-плохо: и въ ея лѣта болѣзнь чрезвычайно-опасная. Нужно вамъ позаботиться, Гранде.

— Посмотримъ, посмотримъ, сказалъ старикъ разсѣянно.

Наконецъ всѣ откланялись; когда вышли изъ дому, госпожа де-Грассенъ сказала Крюшо:

— У нихъ какая-то новость и что-то не ладно. Матери очень-дурно, а дочь съ заплаканными глазами. Ужъ не выдаютъ-ли ее за мужъ противъ воли?

Когда старикъ легъ спать, Нанета на цыпочкахъ пробралась въ комнату Евгеніи и показала ей готовый пастетъ въ кострюлькѣ.

— Кушайте-ка, сударыня, сказала добрая служанка: Корнулье принесъ мнѣ зайца, и я сдѣлала изъ него начинку. Вы такъ-мало кушаете, сударыня, что этого вамъ на восемь дней достанетъ; а на такомъ холодѣ онъ и не испортится. По-крайней-мѣрѣ не будете на одномъ хлѣбѣ сударыня, а то заболѣете, пожалуй.

— Добрая Нанета! сказала Евгенія, пожимая ей руки.

— Пирогъ-то я сдѣлала славно, вкусно, сладко, а *онъ* и не замѣтилъ. Зелень, коренья, всѣ это я купила на свои деньги; вотъ ужъ я-то имъ полная хозяйка.

Нанета выбѣжала на цыпочкахъ; ей послышался голосъ стараго скряги.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Гранде постоянно приходилъ къ женѣ, но все въ разное время дня; никогда онъ не говорилъ о дочери, никогда не было ни-малѣйшаго намека на судьбу ея. Госпожа Гранде не сходила съ своей постели; день-отъ-дня ей дѣлалось хуже. Ничто не могло разжалобить старика; онъ былъ непоколебимъ, холоденъ и безчувственъ, какъ гранитъ. По-прежнему хлопоталъ онъ по дѣламъ своимъ, только уже не запкался болѣе, говорилъ мало, и въ сдѣлкахъ былъ скупѣе и неумолимѣе прежняго. Иногда въ счотахъ его проскакивали ариѳметическія ошибки.

— Что нибудь случилось у нихъ въ домѣ, говорили въ Сомюрѣ.

— Не знаете-ли что такое у Гранде? вотъ былъ главный вопросъ, главная тема разговоровъ цѣлаго города. Евгенія продолжала ходить въ церковь, но всегда вмѣстѣ съ Нанетой. Случалось, что госпожа де-Грассенъ заговаривала съ Евгеніей обиняками, при выходѣ изъ церкви; но она всегда отвѣчала общими фразами на всѣ вопросы.

Впрочемъ невозможно было скрываться болѣе двухъ мѣсяцовъ. Крюшо и де-Грассены провѣдали наконецъ о заточеніи Евгеніи. Бывали случаи, когда старикъ не находилъ отговорокъ безпрыв-

ному отсутствію дочери. Потомъ вдругъ, неизвѣстно какимъ образомъ, весь городъ узналъ, что въ первый день новаго года, Евгенія, по приказанію отца своего, была заперта въ холодной комнатѣ, на водѣ и на хлѣбѣ; что Нанета, тихонько, по ночамъ, доставляла ей пищу, и даже узнали, что дочь не смѣла видѣться съ больною матерью, когда Гранде былъ дома.

Поведеніе господина Гранде осудили торжественно. Весь городъ отвергнулъ его единогласно; стали припоминать всѣ его жестокости, хитрости, скупость; когда онъ проходилъ по улицѣ, всякій указывалъ на него пальцемъ.

Когда-же Евгенія показывалась на улицахъ, вмѣстѣ съ Нанетой, провожавшей ее къ обѣднѣ или къ вечернѣ, всѣ бросались къ окнамъ, смотрѣть на бѣдную дѣвушку, на богатѣйшую невѣсту въ цѣлой провинціи, удивлялись ея постоянству и любопытно смотрѣли на тихія и спокойныя черты лица ея, блиставшаго ангельскимъ добродушіемъ. Заключеніе и гнѣвъ отца, все это переносила она терпѣливо; она смотрѣла на карту, смотрѣла изъ окна своего на скамейку въ саду, на древнюю стѣну, и еще на устахъ ея не остылъ поцѣлуй ея милаго Шарля.... Нѣсколько времени она не замѣчала и не подозрѣвала городскихъ толковъ, также, какъ и самъ Гранде. Съ чистою и непорочною совѣстію, она въ-силахъ была сносить жестокости отца своего.

Но въ глубинѣ ея сердца таился зародышъ тяжкаго горя, заглушавшій всѣ мученія ея. Каждый день, ея мать, ея бѣдная мать видимо угасала, умирала на рукахъ своей возлюбленной дочери. Часто проклинала себя Евгенія, упрекала себя, какъ причину тяжкой, жестокой болѣзни своей матери. Старушка утѣшала неутѣшную дочь свою, мирила ее съ совѣстію, и Евгенія болѣе и сильнѣе чувствовала свою неминуемую потерю. Каждое утро, когда Гранде уходилъ, Евгенія садилась у изголовья своей матери; тутъ-же являлась и Нанета съ завтракомъ. Евгенія со слезами указывала Нанетѣ на лицо страдалицы матери, заливаясь слезами. О Шарлѣ она и говорить не смѣла. Госпожа Гранде, сама, первая заговорила о немъ.

— Гдѣ-же онъ? отчего онъ не пишетъ къ тебѣ?

Ни мать, ни дочь понятія не имѣли о разстояніяхъ.

— Будемъ думать о немъ матушка, но говорите меньше, умоляю васъ; я вижу, какъ вы страдаете; вы мнѣ дороже всего.

А все — это былъ *онъ*.

—Я не жалѣю о жизни, дитя мое. — Богъ подкрѣпилъ меня, и въ послѣдніе дни моей жизни вдохнулъ радость и спокойствіе въ мое сердце.

Слова этой женщины были благочестивы и святы. Въ первые мѣсяцы года, когда мужъ въ часъ завтрака приходилъ въ ея комнату, она съ ангельскою кротостію, но вмѣстѣ и съ твердостію женщины, доживающей послѣдніе часы своей жизни, просила, умоляла своего мужа о прощеніи своей дочери.

— Благодарю васъ за участіе ваше въ моемъ здоровьѣ, говорила она старику: но если вы хотите облегчить мои страданія, усладить послѣднія минуты моей жизни, то простите бѣдную Евгенію, бѣдную дочь вашу. Покажите, что и вы хорошій отецъ, супругъ и благочестивый христіанинъ.

Когда жена начинала говорить, то Грандé усаживался преспокойно въ креслахъ, подлѣ постели госпожи Грандé, и смотрѣлъ въ уголъ комнаты. Въ такія минуты онъ обыкновенно бывалъ похожъ на прохожаго, который, желая избѣгнуть грозы и дождя, становится въ воротахъ перваго встрѣчнаго дома и прехладнокровно смотритъ, какъ мокнутъ другіе на улицѣ. И когда самыя нѣжныя, самыя трогательныя просьбы лились изъ устъ умирающей жены его, онъ обыкновенно отвѣчалъ, помолчавъ немного.

— Да, бѣдненькая, ты такъ блѣдна сегодня.

Казалось, что онъ совсѣмъ забылъ о своей дочери. Никакія просьбы, никакія увѣщанія не могли разгладить морщины нахмуреннаго лба его; даже слезы, горькія слезы, текшія по блѣдному, изнуренному лицу жены его, вызванныя холодностію и жестокосердіемъ старика, ни мало его не трогали.

— Да проститъ васъ Богъ, Грандé, такъ-какъ я васъ прощаю, говорила умирающая. Когда-нибудь и вы почувствуете нужду въ прощеніи и состраданіи.

Хотя, со времени болѣзни жены своей, Грандé не смѣлъ уже начинать рѣчей своихъ, страшнымъ та, та, та! но деспотизмъ его ни мало не смягчился ангельскою кротостію жены его. Лицо старушки сіяло небесною кротостію; прекрасная, тихая душа ея перелилась въ изнуренныя черты лица ея, и украсила ихъ торжественною предсмертною красотою. Казалось, духъ ея радостно покидалъ свою земную оболочку. Молитва смягчала черты лица этого, обыкновенно грубыя и рѣзкія. Кто не замѣчалъ этого блистательнаго преображенія, на лицахъ мучениковъ жизни, въ предсмертные часы ихъ? Зрѣлище этого видимаго перехода изъ земной обители въ лучшую дѣйствовало, хотя очень-слабо, на старика Грандé; но онъ не поддавался; онъ былъ твердъ, какъ желѣзо, и отыгрываясь молчаніемъ, отстаивалъ свое достоинство, достоинство главы семейства.

Едва Нанета появлялась на рынкѣ, тотчасъ раздавались вокругъ

нея насмѣшки, порицанія, угрозы ея господину; но хотя общее мнѣніе гласно осуждало стараго бочара, вѣрная служанка ревностно отстаивала честь своего господина.

— Ну, такъ что-жъ, говорила она крикунамъ: всѣ мы подъ старость становимся не много потверже; ну, вотъ такъ и съ моимъ старикомъ; а вамъ какое дѣло? Молчите-ка лучше и не клевещите на добрыхъ людей. Барышня живетъ какъ царица, въ добрѣ и довольствѣ! А что она одна въ заперти, такъ что-же? большой бѣды нѣтъ въ этомъ; ей самой хочется сидѣть подъ замкомъ. А притомъ и не намъ съ вами судить объ этомъ. У господъ есть свои причины, свои тайны, которыхъ вы никогда не узнаете.

Наконецъ въ одинъ вечеръ госпожа Гранде, изнуренная горемъ болѣе чѣмъ болѣзнію, послѣ тщетной попытки поколебать сердце своего мужа, рѣшилась прибѣгнуть къ совѣтамъ господъ Крюшо.

— Какъ это можно! посадить подъ замокъ совершеннолѣтнюю дѣвушку! вскричалъ президентъ, и еще безъ всякой причины? да это самовластіе, насиліе и она можетъ протестовать...

— Ну, ну, полно племянникъ, брось свое казенное краснорѣчіе. А вы, сударыня, будьте покойны; завтра-же окончится заточеніе вашей дочери. Услышавъ слова стараго нотаріуса, Евгенія вышла изъ своей комнаты.

— Господа, сказала она съ благородною гордостію: прошу васъ не вмѣшиваться въ это дѣло. Мой отецъ — господинъ въ своемъ домѣ, и до-тѣхъ-поръ, пока я нахожусь подъ этой кровлей, я не могу ни въ чемъ противиться волѣ отца моего. Никто въ свѣтѣ не имѣетъ права охуждать его поступковъ со мною; одинъ Богъ властенъ судить ихъ. Вашею дружбой къ намъ умоляю васъ молчать обо всемъ этомъ. — Осуждать отца моего значитъ обижать насъ всѣхъ. Благодарю васъ, господа, за дружеское участіе, принимаемое вами въ моемъ горѣ; но вы еще болѣе меня обяжете, когда постараетесь опровергнуть обидные слухи, которые носятся по всему городу, и о которыхъ я узнала случайно.

— Она правду говоритъ, сказала добрая старушка.

— Сударыня, почтительно отвѣчалъ ей старый нотаріусъ, пораженный благородною красотою лица ея, красотою, еще ярче просіявшею среди уединенія, грусти и мечтаній любви: сударыня, лучшій способъ заставить свѣтъ замолчать — есть ваша свобода.

— Да, милое дитя мое, позволь господину Крюшо устроить наши дѣла; ты слышала, онъ отвѣчаетъ за успѣхъ. Онъ знаетъ твоего отца, знаетъ, какъ нужно взяться за это дѣло. — Если хочешь осчастливить послѣднія минуты моей жизни, то не противься ихъ желанію помирить тебя съ отцомъ твоимъ.

Утромъ, на другой день, Гранде, вѣрный своимъ привычкамъ, вышелъ походить по саду. Для прогулки онъ всегда выбиралъ ту минуту, когда Евгенія убирала свою голову и разчесывала волосы. Старый чудакъ прятался за орѣшникъ и оттуда смотрѣлъ на свою дочь; ему хотѣлось обнять свое дитя, онъ колебался, но обыкновенно упрямство побѣждало.—Часто онъ садился на маленькую скамеечку, на ту самую, гдѣ Шарль и Евгенія нѣкогда поклялись другъ-другу въ вѣчной любви. Евгенія замѣчала все и въ свою очередь поглядывала на своего отца. Если онъ вставалъ и начиналъ прохаживаться, она садилась у окна и смотрѣла на старыя стѣны, красиво увитыя плющомъ и молодыми растеніями. Въ этотъ день, въ прекрасное іюньское утро, Крюшо явился, противъ обыкновенія, весьма-рано и пошолъ прямо въ садъ. Старикъ сидѣлъ на скамеечкѣ и смотрѣлъ на свою Евгенію.

— А Крюшо! что новаго? закричалъ Гранде, увидавъ нотаріуса.

—Да вотъ нужно поговорить съ вами о дѣлахъ.

— Ахъ! вы, вѣрно, достали золота и пришли размѣнять на серебро.

— Нѣтъ не то; дѣло-то не въ серебрѣ, а въ вашей дочери. Всѣ только и говорятъ, что объ ней, да объ ней.

— А что за дѣло всѣмъ? *И трубочистъ господинъ въ своемъ домѣ.*

— Правда, правда; что хочетъ, то и дѣлаетъ; хоть пожалуй повѣсится, или, что еще хуже, побросаетъ деньги въ воду.

— Деньги въ воду... Что это съ вами, Крюшо?

— Другъ мой, ваша жена очень, очень-больна; вамъ нужно-бы посовѣтываться съ докторомъ Бержереномъ. Право, она при смерти, и если, чего Боже сохрани! умретъ, такъ вы, вѣрно, не будете совершенно покойны, не взявши никакихъ предосторожностей во время болѣзни ея.

— Та, тэ, та, та! Да вы сами настоящій докторъ.—Да знаете-ли, что впусти разъ къ себѣ этихъ лекаришекъ, такъ ихъ и палкой не выгонишь; будутъ таскаться по пяти по десяти разъ на день.

— Хорошо, хорошо, Гранде, дѣлайте тамъ, какъ хотите; я долженъ былъ предувѣдомить васъ; мы съ вами старые друзья, и въ цѣломъ Сомюрѣ не сыщете человѣка вамъ болѣе преданнаго. Будь что будетъ; вы, слава Богу, человѣкъ опытный; знаете, какъ вести себя. Впрочемъ цѣль моего прихода другая. — Дѣло немного поважнѣе — для васъ... можетъ-быть. Видно, что вы и не думаете, въ какихъ отношеніяхъ вы будете къ вашей дочери по смерти госпожи Гранде. — Вамъ нужно будетъ дѣлиться съ Евгеніей, потому-что вы въ имѣніи половинщикъ съ супругою вашей. Ваша дочь, если захочетъ, можетъ потребовать раздѣла, можетъ продать Фру-

афондъ. Вѣдь она наслѣдница послѣ своей матери, а не вы, старый другъ мой.

Слова Крюшо́ какъ громомъ поразили Гранде́; старикъ былъ знатокъ въ коммерціи, но не въ законахъ. — Никогда и мысль о раздѣлѣ не приходила въ его голову.

— Вотъ почему я-бы вамъ совѣтывалъ получше обращаться съ своею дочерью.

— Да знаете-ли вы, Крюшо́, что́ она надѣлала?

— А что́? сказалъ нотаріусъ, обрадовавшись, что наконецъ-то узнаетъ всю тайну.

— Она отдала свое золото.

— Ну, что́-же? вѣдь это была ея собственность.

— Вотъ они всѣ таковы, закричалъ Гранде́, трагически опустивъ свои руки: всѣ поютъ одно и тоже.

— Такъ неужели-же вы изъ-за такихъ пустяковъ захотите повредить себѣ по смерти госпожи Гранде́.

— А, такъ для васъ пустячки 6000 франковъ? Гмъ! пустячки!

— Ахъ, другъ мой Гранде́; да знаете-ли, что́ будетъ сто́ить одна перепись имѣнія и издержки по раздѣлу, если потребуетъ его Евгенія?

— А что́ будетъ сто́ить?

— Да 20,000, 30,000 франковъ, можетъ быть и 50,000, даже 60,000. Вѣдь вамъ нужно-же будетъ представить въ палату всю опись имѣнія вашего, и платить за казенныя издержки, расходы, хлопоты? тогда, какъ въ полюбовной сдѣлкѣ...

— Клянусь серпомъ моего отца! закричалъ поблѣднѣвшій старикъ, и бросился въ изнеможеніи на скамью. Мы увидимъ, Крюшо́. Подождите.

Послѣ минутнаго молчанія, послѣ минутной агоніи, Гранде́ началъ снова, взглянувъ на нотаріуса.

— Тяжела, горька наша жизнь Крюшо́; много, много въ ней тяжкихъ горестей. — Крюшо́! сказалъ старикъ торжественнымъ голосомъ: вы, вѣрно, меня не обманываете? Поклянитесь мнѣ по чистой совѣсти, что все, что́ вы сейчасъ распѣвали, написано въ законахъ; да, я хочу видѣть самъ книгу, хочу посмотрѣть въ сводѣ законовъ! дайте мнѣ сводъ законовъ!

— Да неужели-же я не знаю моей должности, моего ремесла, Гранде́?

— Такъ это правда? Это правда? Меня обокрадутъ, убьютъ, зарѣжутъ, съѣдятъ, высосутъ кровь мою, жизнь мою!.. и все это дочь, все это родная дочь! Она наслѣдница послѣ матери; да для чего-же эти наслѣдники, для чего дочери? Жена — дѣло другое!

Я люблю жену, я обожаю жену мою! — Она хорошаго здоровья, она крѣпкаго сложенія, она урожденная Ла-Бертельеръ!

— Да ей не прожить и мѣсяца.

Гранде ударилъ себя въ лобъ, прошолъ нѣсколько шаговъ, потомъ опять воротился, и бросилъ ужасающій взглядъ на Крюшо.

— Что дѣлать? спросилъ онъ.

— Видите-ли: Евгенія, если захочетъ, можетъ просто и прямо отказаться въ вашу пользу, отъ наслѣдства по матери; вѣдь вы-же не захотите потомъ лишить ее наслѣдства, неправда-ли? Но чтобы заставить ее согласиться на это, не нужно поступать съ нею жестоко; вѣдь что я вамъ теперь говорю противъ моего-же интереса, старый другъ мой. Вѣдь мнѣ-же выгода; я буду совершать купчія, дѣлать записки, писать обязательства...

— Хорошо, хорошо, полно объ этомъ Крюшо; вы разрываете мое сердце на части. Что, достали-ли вы золота?

— Нѣтъ, но у меня есть нѣсколько старыхъ луидоровъ, —такъ, съ десятокъ; я, пожалуй, поменяюсь съ вами. — Ахъ другъ мой! помиритесь-ка съ вашей дочерью; въ городѣ чуть каменьями въ васъ не бросаютъ.

— Глупцы.

— Фонды теперь по 97, 75. Будьте хоть разъ въ жизни довольны.

— 97, 75! неужели? Крюшо?

— Да, да!

— 97, 75! ну, ну! повторялъ старикъ, провожая своего друга до воротъ.

Сильно взволнованный неожиданною новостію, старикъ не могъ быть спокойнымъ. Онъ побѣжалъ къ женѣ.

— Ну, старушка, я ѣду въ Фруафондъ. Прощай! Чтобы тебѣ было не скучно, позови Евгенію. Будьте-же безъ меня умницы, не шалите. Сегодня годовщина нашей сватьбы, милый другъ мой; вотъ возьми-ка себѣ 10 экю, на престолъ къ празднику Спасителя. Вѣдь ужъ какъ тебѣ хотѣлось самой убрать престолъ къ этому дню, старушка; ну, веселитесь-же безъ меня, забавляйтесь, пойте, играйте; ну, прощайте-же, милыя! да здравствуетъ веселье!

Онъ высыпалъ 10 шестифранковыхъ монетъ на постель жены своей, взялъ ее за голову, поцѣловалъ.

— Что, бѣдняжечка, тебѣ лучше, неправда-ли?

— Какъ можете вы призывать Бога милосердаго въ домъ свой, тогда, какъ сердце ваше закрыто для любви и милосердія, сказала больная съ сильнымъ чувствомъ и упрекомъ.

— Та, та, та, та! запѣлъ Грандé, но уже на новый ладъ: мы посмотримъ старушка, мы и объ этомъ подумаемъ.

— Господь милосердый! Евгенія, Евгенія, закричала бѣдная мать, и краска выступила на блѣдномъ лицѣ ея; бѣги, бѣги сюда; твой отецъ прощаетъ тебя, Евгенія!

Но чудакъ убѣжалъ; онъ не шолъ, а летѣлъ по полямъ своимъ, старался собрать, успокоить разбитыя мысли.

Грандé начиналъ 72-й годъ своей жизни; но только въ продолженіе двухъ послѣднихъ годовъ, его скупость, его ужасающая страсть, достигла въ немъ крайняго развитія, обратилась въ неподвижную идею. Слѣдуя наблюденіямъ надъ характеромъ скупцовъ, честолюбцовъ и словомъ, всѣхъ тѣхъ, чье сердце было опустошаемо сильною страстію, можно сказать утвердительно, что всѣ способности, всѣ чувства его сосредоточились на одномъ — на золотѣ.

Блескъ золота, обладаніе золотомъ, вотъ что̀ стало предметомъ всѣхъ его желаній, всѣхъ помышленій. Деспотизмъ и упрямство возрастали въ его душѣ вмѣстѣ съ пагубною страстію, и лишиться половины имѣнья своего, отдать кому-нибудь золото, казалось ему дѣломъ неестественнымъ, противнымъ всѣмъ законамъ природы. Какъ? ему, Грандé, давать отчоты въ коммерческихъ дѣлахъ своихъ, дѣлать разсчоты, протоколы, списки всего богатства, движимаго и недвижимаго!

— Нѣтъ! лучше горло перерѣзать себѣ, закричалъ онъ въ глубокомъ отчаяніи, окидывая взоромъ своимъ поля и пустоши.

Наконецъ онъ рѣшился и явился въ Сомюрѣ къ обѣду.

Онъ рѣшилъ: уступить, смириться передъ дочерью, польстить ей, поласкаться къ ней, поподличать, но умереть на своихъ милліонахъ, со скипетромъ неограниченной власти своей. Въ ту минуту, когда онъ на цыпочкахъ взбирался въ комнату жены своей, Евгенія принесла медальйонъ на постель своей матери. Обѣ, радуясь своей свободѣ, разсматривали портретъ Шарля, были довольны, счастливы.

— Это онъ! какъ двѣ капли воды! его волосы, лобъ, губы, говорила Евгенія. Старикъ отворилъ дверь, госпожа Грандé видѣла взглядъ, брошенный имъ на золото.

— Господи, сжалься надъ нами! закричала она въ смертельномъ испугѣ.

Старикъ бросился на медальйонъ, какъ тигръ, и выхватилъ его изъ рукъ Евгеніи.

— Что̀, что̀ это такое? говорилъ онъ, унося къ окну свою

добычу? Золото! чистое золото! много, много золота! Здѣсь три или четыре фунта! А-а-а-а!

—Такъ ты, стало-быть, промѣнялась съ Шарлемъ, дочка? хорошо, хорошо! очень-хорошо, прекрасно; да зачѣмъ-же ты прежде мнѣ не сказала объ этомъ? Да это славное дѣло, да это прекрасная сдѣлка, безподобная сдѣлка, другъ мой, милушечка дочечка! да! я узнаю въ этомъдочь мою! Это достойно моей дочери! Я узнаю тебя, дитя мое, мое сок-ро-вище!...

Евгенія дрожала какъ листъ.

— Неправда-ли, вѣдь это Шарль далъ тебѣ, душечка?

— Да, батюшка, да, это не мое; это моего брата; это залогъ, священный залогъ.

— Та, та, та, та! онъ взялъ-же твои денежки! Нужно и тебѣ съ нимъ квитаться!

— Батюшка!

Гранде вынималъ изъ кармана свой ножикъ, чтобы выломать портреты, и положилъ медальйонъ на стулъ. Евгенія кинулась къ нему, хотѣла схватить медальйонъ, но отецъ смотрѣлъ на всё разомъ; на ножъ, на дочь, на золото, вилѣлъ всѣ движенія Евгеніи, схватилъ ящичекъ и сильно оттолкнулъ бѣдную дѣвушку; Евгенія упала на постель своей матери.

— Гранде, Гранде, закричала больная, силясь привстать съ кровати. Гранде вынулъ ножъ и началъ было ломать медальйонъ.

— Батюшка! закричала Евгенія, бросившись передъ нимъ на колѣна и простирая къ нему руки: именемъ всѣхъ святыхъ, именемъ Пресвятой-Дѣвы, и именемъ Христа, за насъ пострадавшаго, вашимъ вѣчнымъ спасеніемъ, жизнію моею, заклинаю васъ не трогать медальйона! Это вещь не ваша и не моя! она принадлежитъ Шарлю, бѣдному Шарлю, онъ вручилъ мнѣ ее на сохраненіе; я должна ее отдать ему!!

— А зачѣмъ-же смотрѣть на вещь, когда она священный залогъ? Смотрѣть хуже, чѣмъ трогать.

— Батюшка! не ломайте медальйона!

— Батюшка! вы обезчестите меня; слышите-ли, батюшка?

— Ради Бога, Гранде! закричала мать.

— Батюшка, батюшка! повторяла въ отчаяніи Евгенія.

Нанета вбѣжала внѣ себя отъ испуга въ комнату.

Вдругъ Евгенія бросилась на ножъ, лежавшій на столѣ и схватила его.

— Что, что сказалъ Гранде, улыбаясь недовѣрчиво.

— Вы убиваете меня, закричала госпожа Гранде.

— Батюшка! если вы только дотронетесь до медальйона, я за-

колюсь въ глазахъ вашихъ. Вы убили уже мать мою; убейте-же и дочь! Теперь ломайте, ломайте!

Ножикъ Гранде лежалъ на медальйонѣ; старикъ взглянулъ нерѣшительно на дочь свою:

— Неужели ты готова на это, Евгенія? сказалъ онъ.

— Да, сударь! она готова, увѣряю васъ, сказала несчастная мать.

— Непремѣнно, непремѣнно, закричала Нанета: хоть разъ въ жизни уступите, сударь.

Гранде смотрѣлъ то на дочь, то на свою добычу; борьба продолжалась; госпожа Гранде упала въ обморокъ.

— Ахъ, Боже мой! Боже мой! посмотрите-ка, сударь; барыня, добрая барыня умираетъ! закричала Нанета. — Гранде вскочилъ, какъ сумасшедшій, и бросилъ медальйонъ на постель умирающей.

— Возьми, возьми, на, вотъ возьми его, Евгенія; не будемъ ссориться за пустяки, за дрянь! А ты, Нанета, бѣги къ господину Бержерену. Ну, ну, мамаша, полно, говорилъ старикъ, дрожа отъ страха: мы пошутили... вздоръ; вотъ мы и помирились; вѣдь мы помирились, дочка! Теперь конченъ постъ, — кушай себѣ все, что угодно. А! она очнулась, мама, мамаша-мамъ мамаша! ну-же ну душечка, посмотри, вотъ я обнимаю Евгенію, мою дочку, мою милую дочечку; плутовочка любитъ красавчика Шарля; пусть любитъ, пусть любитъ; пусть выйдетъ за него за мужъ, я позволяю; я радъ, я доволенъ! Медальйонъ она сбережетъ; она сбережетъ свое сокровище! Ну не умирай-же, живи, живи, мамаша. Къ празднику Спасителя у тебя будетъ такой жертвенникъ, что въ цѣломъ Сомюрѣ не найдешь подобнаго.

— Боже мой! Боже мой! Какъ можете вы такъ жестоко шутить съ женою и дочерью?

— Не буду, не буду, мамаша, подожди, вотъ ты увидишь, сейчасъ увидишь.

Онъ побѣжалъ въ свою комнату и въ-мигъ воротился съ двумя пригоршнями червонцевъ. Онъ бросилъ ихъ на постель.

— Здѣсь сто луидоровъ, сто луидоровъ, мамаша, сто луидоровъ, Евгенія! Здоровѣй, веселись, мамаша, купайтесь въ-довольствѣ, конченъ постъ! Вотъ сто луидоровъ, Евгенія! вѣдь ты ужъ ихъ-то не отдашь никому, плутовочка? Никому, плутовочка, дочечка!

Госпожа Гранде и Евгенія въ изумленіи глядѣли другъ на друга.

— Возьмите ихъ назадъ, батюшка: намъ не нужно вашего золота; возвратите намъ одну любовь вашу, вашу нѣжность, батюшка!

— Ну вотъ и прекрасно, ну вотъ и чудесно, и именно такъ! закричалъ старикъ, съ жадностію подбирая червонцы. — Зачѣмъ

деньги между родными; дружба! святая дружба соединитъ теперь насъ; мы заживемъ теперь, какъ счастливцы; будемъ обѣдать вмѣстѣ, играть въ лото каждый вечеръ по два су фишку! шалить, играть, чудесить, проказничать! А! жонушка.

— Рада-бы, милый мой, отвѣчала больная: но не встать мнѣ уже болѣе.

— Бѣдняжечка! сказалъ старикъ: о, еслибы ты знала, какъ я люблю тебя, и тебя тоже, дочечка, голубушка, красавица, дочечка.

Онъ цѣловалъ Евгенію; онъ сжималъ ее въ своихъ объятіяхъ.

— А! какъ сладко обнять свою дочь, послѣ примиренія! дочечка, милочка! Посмотри ка мамаша, мы теперь за-одно, мы за-одно, Евгенія; мы съ тобой, какъ рыба съ водой, — ангельчикъ Евгенія. Поди, возьми, убери свое сокровище, свой медальйонъ; и не дотронусь до него, и не спрошу о немъ болѣе; буду молчать, буду дѣлать, что́ тебѣ угодно.

Г. Бержеренъ, искуснѣйшій врачь Сомюрскій, явился немедленно по призыву.—Посмотрѣвъ на больную, онъ отвелъ старика въ сторону, и напрямики объявилъ ему, что жена его не встанетъ болѣе съ постели; умретъ непремѣнно! Но что спокойствіе, діэта и хорошій уходъ, могутъ еще продлить ея жизнь до конца осени.

— А дорого будетъ сто́ить? прервалъ старикъ: много-ли нужно лекарства?

— Мало лекарствъ, отвѣчалъ докторъ съ усмѣшкою, которой не въ-силахъ былъ скрыть: но много попеченій, ухода.

— Ну вотъ, вы честнѣйшій, безкорыстнѣйшій докторъ, любезнѣйшій Бержеренъ, увѣряю васъ.—Вы благороднѣйшій человѣкъ! я ввѣряюсь вамъ совершенно; приходите къ намъ, посѣщайте больную, когда вы разсудите. Сохраните, спасите нашу бѣдняжку; я люблю мою старушку, докторъ, очень люблю; я только такъ твердъ снаружи, не очень-чувствителенъ; но внутри, докторъ!.. ахъ, внутри, мое сердце пополамъ рвется, кровью обливается. — Печаль неотступно со мною, съ-тѣхъ-самыхъ-поръ, какъ застрѣлился мой бѣдный братъ. Вотъ уже сколько я пересыпалъ-то за него денегъ, ужасъ! волосы дыбомъ! Прощайте, сударь, прощайте; ахъ! еслибы вы спасли мою старушку! Право, ничего не пожалѣю, ей-Богу! Хоть-бы это сто́ило мнѣ 500, 1000, даже 2000 франковъ.

Но не-смотря на теплыя молитвы, усердно вызсылаемыя господиномъ Гранде о здоровьѣ жены своей; не-смотря на старанія, на неусыпныя, безпрестанныя попеченія, госпожа Гранде стояла уже надъ отверзтой могилой. — Она гасла, слабѣла каждый день. — Ея существованіе походило на трепетаніе осенняго, жолтаго листка,

хруплаго, изсохшаго, едва держащагося на деревѣ. И какъ солнце, пробиваясь лучами сквозь рѣдкіе осенніе листы, осыпаетъ ихъ златомъ и пурпуромъ, такъ и лучи небеснаго блаженства и духовнаго спокойствія озаряли лицо умирающей страдалицы. Такая смерть была достойна увѣнчать праведную жизнь ея. Это была смерть христіанская, кончина славная и торжественная!

Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1820 года, ея ангельская кротость, ея примѣрное терпѣніе приводили въ удивленіе приходившихъ къ болѣзненному одру ея. Она умирала безъ стоновъ, безъ жалобъ. Тихо, какъ кроткій агнецъ, душа ея воспарила къ небу, и только плакала по скорбной подругѣ земнаго бытія своего. Мать жалѣла только дочь свою; она предчувствовала ея муки, несчастія. Она боялась оставить эту овечку, одну посреди хищной стаи волковъ. — Люди ждали ея золота, дрожали надъ ея золотомъ, и кому было защитить ее?

— Дитя мое, сказала она, умирая: ты узнаешь когда-нибудь, что счастіе не здѣсь, а на небѣ!

По смерти матери новыя, нѣжныя связи приковали сердце Евгеніи къ родительскому дому. Эти цѣпи были вмѣстѣ и грустныя и сладкія, это были воспоминанія. Здѣсь жила, страдала мать ея, и здѣсь тихо скончалась праведница. — Евгенія не могла безъ слезъ смотрѣть на опустѣлую залу, на опустѣлыя кресла старушки. — Странными показались ей нѣжность и заботливость отца ея. — Старикъ неотступно ухаживалъ за нею, водилъ ее къ столу, смотрѣлъ на нее ласковымъ, нѣжнымъ взглядомъ; онъ не отковывалъ отъ нея глазъ своихъ, какъ будто-бы его Евгенія была изъ чистаго золота. — Такъ-мало походилъ старикъ самъ на себя, онъ такъ дрожалъ передъ своею дочерью, что Нанета и вся секта Крюшотистовъ, замѣтившіе перемѣну и слабость старика, боялись за его разсудокъ, и странности его приписывали его маститой старости. Но въ тотъ день, когда въ домѣ надѣли трауръ, послѣ обѣда, на который былъ приглашонъ нотаріусъ Крюшо, единственный человѣкъ, понимавшій Гранде, поведеніе старика стало открытымъ, и всё объяснилось.

— Милое дитя! сказалъ онъ Евгеніи, послѣ обѣда, когда со стола сняли скатерть и заперли двери : вотъ, ты теперь наслѣдница своей матери; у васъ съ тобой есть маленькія дѣла, требующія окончанія немедленнаго. Такъ-ли, Крюшо?

Голосъ старика дрожалъ отъ внутренняго волненія.

— Да, отвѣчалъ нотаріусъ : совершенная правда.

— Но неужели нельзя отложить дѣла до завтра, батюшка; развѣ

ужъ такъ важны они, что и въ этотъ день нельзя обойтись безъ нихъ?

— Да, да, дочка; да, мое сокровище, необходимы. Вѣдь ты не захочешь огорчить старика отца твоего, дочь моя?

— О, милый батюшка!

— Такъ мы сейчасъ примемся за нихъ, милый другъ мой.

— Но что мнѣ нужно дѣлать? Скажите скорѣе, батюшка.

— Но, душечка, это не мое дѣло. Другъ Крюшо объяснитъ тебѣ всё.

— Сударыня, началъ нотаріусъ : батюшкѣ вашему не хотѣлось-бы ни дѣлиться, ни продавать своихъ владѣній, ни тратить напрасно огромныхъ суммъ на расходы при раздѣлѣ имѣнія, Батюшка вашъ не желалъ-бы дѣлать никакихъ отчотовъ и не выдѣливать имѣнія, которымъ вы владѣете теперь съ нимъ вмѣстѣ и нераздѣльно.

— Крюшо! закричалъ старикъ : но увѣрены-ли вы, что все это правда, что все это законно?...

— Позвольте, позвольте, Гранде....

— Да, да, мой другъ, мой старый, вѣрный другъ, ни ты, ни моя дочь, примѣрная, добрая дочь, не захотите въ конецъ разорить меня. Не правда-ли, ангелъ мой?

— Но, сударь, сказала Евгенія, обращаясь къ Крюшо; скажите мнѣ, что нужно дѣлать для этого?

— Вотъ, сказалъ нотаріусъ: нужно подписать этотъ актъ, которымъ вы отрекаетесь совершенно отъ требованія на выдѣлъ вамъ наслѣдства послѣ вашей матушки, предоставивъ все, безъ раздѣла, вашему батюшкѣ въ полное управленіе.

— Право, я не понимаю васъ совершенно, сказала Евгенія: покажите мнѣ мѣсто, гдѣ подписаться, и дайте перо.

Старикъ Гранде дрожалъ всѣми членами. Крупный потъ катился по лицу его; онъ терпѣлъ адскія муки, и, въ тяжкой агоніи смотрѣлъ попеременно на дочь и на актъ, на актъ и опять на дочь свою.

— Ангельчикъ мой, сказалъ онъ : этотъ актъ дорого обойдется намъ. Еслибы ты, душечка, прямо захотѣла подписать совершенное отреченіе отъ наслѣдства послѣ нашей бѣдной покойницы, и показать этимъ всю довѣренность, всю любовь къ отцу своему, такъ это было-бы гораздо-лучше. Тогда, милый другъ, каждый мѣсяцъ я-бы выдавалъ тебѣ по 100 франковъ. Послушай, Евгенія! сто франковъ въ мѣсяцъ! подумай ка, дочечка. — Ты тогда будешь въ-состояніи заказывать столько обѣденъ, сколько душѣ

угодно, молиться вдоволь за всѣхъ, за кого ты тамъ молишься. Га! сто франковъ, вѣрныхъ сто франковъ — *миврами*.

— Я согласна, батюшка, на все, что̀ вамъ угодно.

— Сударыня, я долженъ вамъ замѣтить, что вы сами себя разоряете....

— Такъ что́-же, что́-же такое?

— Молчи, молчи, Крюшо̀; молчи, старый другъ; кончено, сказалъ онъ торжественно, ударяя рукой по рукѣ своей дочери; вѣдь ты не отопрешься. дочка, ты не отдумаешь потомъ, сдержишь-ли свое слово, свое честное слово; вѣдь ты честная дѣвушка, Евгенія.

— О, милый батюшка!

Старикъ схватилъ свою дочь, судорожно сжалъ въ своихъ объятіяхъ, цѣловалъ, какъ безумный, чуть чуть не задушилъ ее поцѣлуями.

— Дитя мое! кровь моя! ты спасла жизнь отцу своему; ты отдаешь ему то̀, что̀ онъ далъ тебѣ; мы сквитались, ты ничего не должна мнѣ болѣе; вотъ какъ дѣлаются дѣла, Крюшо̀! Вѣдь вся жизнь человѣческая сдѣлка и спекуляція, старый другъ мой. Благословляю тебя, добродѣтельная, примѣрная дочь моя; ты любишь своего папашу. Теперь дѣлай все, что̀ тебѣ угодно будетъ. Такъ до завтра, Крюшо́, сказалъ онъ, взглянувъ на остолбенѣвшаго отъ изумленія и испуга нотаріуса, до завтра, другъ мой; приготовь намъ форменный актъ, а завтра мы его подпишемъ.

На другое утро, въ полдень, было подписано отреченіе Евгеніи отъ наслѣдства послѣ матери.

Однако Гранде́ не сдержалъ своего слова; въ концѣ перваго года, старикъ не выдалъ дочери ни копѣйки изъ ста франковъ, обѣщанныхъ за каждый мѣсяцъ. Но когда Евгенія въ шутку напомнила ему объ этомъ, онъ покраснѣлъ, какъ ребенокъ. Тотчасъ побѣжалъ онъ на верхъ и воротился, держа въ рукахъ около трети золотыхъ вещицъ, купленныхъ у Шарля.

— Вотъ, бѣдненькая, вотъ тебѣ, сказалъ онъ съ насмѣшкою; хочешь ты это вмѣсто своихъ 1200 франковъ.

— Батюшка! какъ, вы отдаете мнѣ это? вы будете такъ добры?

Старикъ высыпалъ всѣ въ передникъ Евгеніи.

— Столько-же ты получишь и на будущій годъ, и, наконецъ, у тебя будутъ всѣ его игрушки, прибавилъ онъ, потирая съ радости руки, и довольный тѣмъ, что удалась спекуляція съ сердцемъ родной своей дочери.

Впрочемъ, старикъ, хотя все еще здоровый и бодрый, почувствовалъ наконецъ необходимость, посвятить дочь свою во всѣ

тайны домашняго управленія. Цѣлыхъ два года училъ онъ ее наукѣ хозяйственной, по собственной своей методѣ. — Евгенія стала сама принимать деньги, приносимыя фермерами, и мало-по-малу выучила всѣ названія отцовскихъ фермъ и полей.

Наконецъ, къ концу третьяго года послѣ смерти госпожи Грандé, старикъ такъ-хорошо умѣлъ внушить Евгеніи свои правила домашняго хозяйства, такъ ловко умѣлъ вселить въ нее скупость, что скупость обратилась наконецъ у нея въ привычку. Старикъ посвятилъ ее самъ въ званіе управительницы и хозяйки дома, и торжественно вручилъ ей ключи свои.

Прошло пять лѣтъ, пять лѣтъ жизни тихой, спокойной. Всё въ домѣ было заведено въ порядкѣ хронометрическомъ; всё было однообразно и равномѣрно, какъ маятникъ. Глубокая скорбь бѣдной, любящей Евгеніи не укрылась отъ людей; но хотя могли догадываться и на свободѣ заключать, о чомъ было угодно, но никогда, ни словомъ, ни дѣломъ, Евгенія не подала повода къ вѣрному выводу изъ путаницы толковъ, слуховъ и догадокъ. Домашними по-прежнему были трое Крюшо и нѣсколько ихъ послѣдователей, незамѣтно введенные въ разные сроки въ гостиную г-на Грандé. Евгенія принуждена была выучиться игрѣ въ вистъ и играла почти каждый вечеръ.

Въ 1825 году отецъ ея, чувствуя себя день отъ дня слабѣе и немощнѣе, принужденъ былъ наконецъ открыть Евгеніи настоящую цѣну и величину всего своего недвижимаго имѣнія, и на всякой случай указалъ на Крюшо, совѣтуя обратиться въ затруднительномъ случаѣ къ нему, къ своему старому и вѣрному другу, честность котораго была имъ не-разъ испытана. — Въ концѣ этого года, когда старику минуло 77 лѣтъ, онъ внезапно былъ разбитъ параличомъ. Бержеренъ приговорилъ его къ смерти.

Евгенія чувствовала, что скоро останется совершенно одинокою на свѣтѣ, и тѣмъ-сильнѣе привязалась къ дряхлому и больному старику. — Съ самою нѣжною заботливостію ухаживала она за нимъ. Способности старика начали тупѣть, умъ ослабѣвать, но скупость была сильнѣе прежняго. Смерть старика мало различествовала съ жизнію.

Съ-ранняго-утра онъ приказывалъ подвозить себя къ дверямъ своего кабинета, гдѣ хранилось его золото; здѣсь онъ просиживалъ цѣлые часы и безпокойно посматривалъ то на входящихъ въ комнату, то на дверь кабинета. Малѣйшій шумъ въ домѣ тревожилъ старика до-тѣхъ-поръ, пока ему не объясняли причину шума; къ-величайшему удивленію своего друга Крюшо, старикъ могъ слышать на дворѣ ворчаніе своей собаки Въ тѣ дни и часы, когда онъ,

бывало, принималъ своихъ фермеровъ и разчитывался съ ними, онъ какимъ-то чудомъ оживлялся; мысли его яснѣли, и онъ выходилъ изъ состоянія нравственной безчувственности. — Тогда его подвозили къ дверямъ кабинета; онъ отдавалъ дочери ключъ, та при немъ отворяла кабинетъ, входила въ комнату и укладывала, по указанію отца, мѣшки съ деньгами. Потомъ она запирала дверь и отдавала старику ключъ. Старикъ поспѣшно пряталъ ключъ въ карманъ своего жилета и поминутно ощупывалъ, тутъ-ли онъ. Нотаріусъ Крюшо понималъ, что если Шарль Гранде не явится, то Евгенія, по смерти отца, непремѣнно выйдетъ за Президента, и потому, въ качествѣ друга, онъ удвоилъ вниманіе и попеченіе больному старику. Каждый день самъ являлся къ нему за приказаніями, ѣздилъ въ Фруафондъ, на пашни, на луга, на виноградники; продавалъ продукты и обращалъ получаемыя деньги въ золото. — Это золото полагалось въ мѣшки и присоединялось къ другимъ мѣшкамъ таинственнаго кабинета. — Старикъ чувствовалъ холодъ, его укрывали одѣялами, и онъ поминутно говорилъ съ судорожнымъ безпокойствомъ: Укройте, укройте меня! Насъ обокрадутъ, обокрадутъ. Когда-же онъ могъ открывать глаза свои, то устремлялъ мутный взоръ на дверь своего кабинета; ощупывалъ въ карманѣ свой ключъ, и поминутно шепталъ своей дочери: «Цѣло-ли золото, цѣло-ли золото?»

Потомъ онъ приказывалъ приносить себѣ золота. Тогда Евгенія разсыпала передъ нимъ на столѣ луидоры. Старикъ смотрѣлъ на нихъ по цѣлымъ часамъ, словно дитя, едва начинающее видѣть, и, какъ у дитяти, тягостная улыбка слетала съ устъ его.

— Это грѣетъ меня, мнѣ тепло, мнѣ тепло, шепталъ онъ въ какомъ-то безсмысленномъ самозабвеніи.

Когда священникъ пришолъ къ нему съ святыми дарами, то почти-совсѣмъ угасшіе взоры его оживились при видѣ серебрянаго креста и паникадила. Онъ пристально посмотрѣлъ на все и щишка на носу его зашевелилась въ послѣдній разъ. Наконецъ, когда священникъ поднесъ крестъ къ устамъ его, старикъ сдѣлалъ тяжолое усиліе, чтобы вырвать его изъ рукъ священника. Это усиліе стоило ему жизни. Онъ вспомнилъ о Евгеніи въ послѣднія минуты свои, но не могъ уже видѣть ее. Евгенія стояла на колѣнахъ и омывала слезами похолодѣвшую руку его.

— Батюшка! благословите меня, сказала она.

— Старайся, заботься обо всемъ, береги золото! береги золото! я потребую у тебя отчота на томъ свѣтѣ.

Это были послѣднія слова его. И вотъ Евгенія осталась одна въ опустѣломъ домѣ, одна съ Нанетой, единственнымъ существомъ,

которое могло понимать ея горе и заботу, которое любило ее, и которому она могла повѣрить тайну свою. Нанета сдѣлалась другомъ Евгеніи.

Когда схоронили Гранде, Крюшо донесъ Евгеніи, что у ней было: во-первыхъ 400,000 ливровъ ежегоднаго доходу съ земель и недвижимыхъ владѣній въ сомюрскомъ округѣ; потомъ, 250,000 франковъ доходу, считая по три на сто, съ капитала, пріобрѣтеннаго за 61 ф. со ста, и который могъ быть оцѣненъ въ эту эпоху въ 77 фр. Потомъ три милліона золотомъ, и сто-тысячь франковъ серебромъ, не считая доходовъ за непроданные продукты настоящаго года. Круглая оцѣнка ея имѣнія была слишкомъ въ 20 милліоновъ.

— Гдѣ-же Шарль, думала Евгенія?

Въ этотъ день, послѣ разсчотовъ съ г. Крюшо, Евгенія и Нанета сѣли у камина въ старой залѣ, гдѣ все до послѣдней вещицы вызывало тяжкія воспоминанія, начиная съ креслелъ, въ которыхъ садилась покойница мать ея, до стакана, изъ котораго пилъ Шарль, во-время своего у нихъ пребыванія.

— Вотъ мы одни, Нанета!...

— Да, барышня, и еслибы я знала, гдѣ теперь вашъ братецъ, такъ пѣшкомъ-бы пошла за нимъ хоть на край свѣта.

— Между нами море, Нанета.

И въ то время, когда бѣдная сирота плакала одна съ вѣрной Нанетой, въ старомъ и мрачномъ домѣ отца своего, въ цѣломъ Сомюрѣ, въ Нантѣ и въ Орлеанѣ, только и было разговоровъ что о двадцати милліонахъ дѣвицы Гранде.

Первымъ дѣломъ Евгеніи, принявшей неограниченное управленіе имѣніемъ, было укрѣпить за Нанетой 1200 франковъ годоваго дохода. Нанета, имѣвшая и безъ того 600 франковъ дохода, стала теперь богатой невѣстой. Черезъ мѣсяцъ, Антонъ Корнулье провозгласилъ ее своей супругой, и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ возведенъ въ званіе главнаго смотрителя всего Фруафонда. Хотя мадамъ Корнулье было уже 63 года, но на-видъ ей нельзя было дать и сорока. На ея лицѣ не было морщинки старости, и, благодаря уединенной, затворнической жизни, работѣ и желѣзному здоровью, видъ ея былъ свѣжій и веселый. И, можетъ-быть, никогда она не была такъ хороша, какъ въ день своей сватьбы. Плотная, здоровая, веселая Нанета возбудила зависть къ судьбѣ Корнулье.

— Да какой у ней цвѣтъ лица, говорилъ одинъ.

— Да у нихъ, чего добраго, и дѣти пойдутъ, говорилъ другой.

— Она богата, и плутъ Корнулье знаетъ, гдѣ раки зимуютъ, говорилъ третій.

Выходя изъ дома въ церковь, Нанета получала отъ всѣхъ искрен-

нія, радостныя поздравленія; такъ ее любили и уважали во всемъ околоткѣ. – Свадебный подарокъ госпожи ея состоялъ изъ двухъ дюжинъ серебряныхъ приборовъ. – Корнулье, внѣ себя отъ изумленія, со слезами на глазахъ, увѣрялъ, что отдастъ жизнь за госпожу свою.– Итакъ госпожа Корнульé стала повѣренною Евгеніи и вышла за-мужъ; и вотъ на рукахъ ея все хозяйство; она выдаетъ по утрамъ провизію; она покупаетъ, запираетъ, отпираетъ шкафы, однимъ словомъ, владычествуетъ въ домѣ, какъ нѣкогда самъ покойникъ Грандé. – Она-же и управляетъ всѣмъ домомъ. У нея подъ командой кухарка и горничная, которая въ тоже время и прачка на цѣлый домъ. –Уже нечего говорить, что служанки, выбранныя Нанетою, просто двѣ жемчужины. — Итакъ въ домѣ было четверо слугъ, безпредѣльно привязанныхъ къ госпожѣ своей.—Корнульé нетрудно было ладить съ фермерами и работниками, потому-что старикъ Грандé оставилъ во всемъ такой порядокъ и дисциплину, что и по смерти его, все осталось, какъ было, по-прежнему.

—

ГЛАВА VI.

И такъ все на свѣтѣ!

Въ тридцать лѣтъ Евгенія не испытала еще ни одной радости.— Скучные, вялые годы ея юности протекли въ сообществѣ матери, бѣдной, никѣмъ непонятой страдалицы. — Съ радостію покидая земную жизнь, покойница жалѣла только дочь свою, предугадывая ей годы мученій и горестей. Смерть матери оставила неизгладимыя воспоминанія въ сердцѣ Евгеніи. — Любовь ея, первая, единственная любовь, отравила сердце ея и наполнила его безпредѣльною грустію. — Ея милый явился передъ нею на нѣсколько дней; два поцѣлуя, данныя украдкой, скрѣпили обѣты любви; потомъ онъ уѣхалъ далеко, на край свѣта. . Наконецъ эта любовь, проклятая отцомъ Евгеніи, стоившая ей незабвенной матери. томила, тяготила сердце ея одною болью и горечью, а въ будущемъ едва блистала отдаленною, шаткою надеждою. — Евгенія устремилась къ любви всѣми силами своего сердца, и это сердце утомилось безъ взаимности. — Въ нравственной жизни, также какъ и въ физиче-

ской, существуетъ тотъ-же процессъ вдыханія и выдыханія; душа требуетъ сочувствія другой души, этой пищи, этого воздуха, необходимаго въ нравственной жизни; она вдыхаетъ въ себя, какъ ароматъ, любовь подруги своей, и возвращаетъ эту любовь въ прогрессіи страсти. Сердце не могло-бы жить безъ этого прекраснаго нравственнаго феномена; оно-бы завяло и изсохло въ страданіи и одиночествѣ.

Евгенія страдала; для нея мало значили ея сокровища, ея несмѣтное богатство. — Она жила въ будущемъ идеею, вѣрою, любовію—своей религіей. Любовь, какъ увѣряло сердце ея, существовала и въ вѣчности.—И семь лѣтъ, семь лѣтъ любви заняли всю ея жизнь, всѣ надежды, всѣ стремленія.—Не двадцать милліоновъ, оставленные отцомъ ея, были ея сокровищами, но медальйонъ Шарля, но два портрета, висѣвшіе надъ ея постелью, но бриллианты и золотыя вещи его, выкупленные у отца, и теперь горделиво блиставшія въ великолѣпномъ ящикѣ; наконецъ, наперстокъ покойницы матери, подаренный Шарлемъ. И каждый день садилась Евгенія за работу, за нескончаемую работу свою, только для того, чтобы подержать на пальцахъ этотъ наперстокъ....

Такъ-какъ истинное благочестіе Евгеніи было всѣмъ извѣстно, то и не было вѣроятно, чтобы она захотѣла во-время траура помышлять о замужствѣ, и потому Крюшо, предводимые своимъ аббатикомъ удовольствовались только тѣмъ, что мало по-малу сомкнули тѣсный кругъ около богатой наслѣдницы.

Каждый вечеръ зала Евгеніи наполнялась ревностнѣйшими Крюшотистами, которые всѣ истощались въ поклонахъ, искательствахъ и лести. У ней былъ докторъ изъ этой партіи, кассиръ, капелланъ, наперсница, первый министръ, и, главное, секретарь, секретарь, важнѣйшая особа ея штата. — Лесть есть удѣлъ интересановъ, низкихъ или маленькихъ душъ, которыя обыкновенно весьма-охотно уменьшаются до какой угодно величины, если это только бываетъ нужно.

Лица, окружавшія Евгенію Гранде, возвеличили ее, называя госпожею де-Фруафондъ, хваля ее въ глаза и превознося всегда и вездѣ. Сначала Евгенія краснѣла, обданная вдругъ нежданнымъ потокомъ лести; но такъ-какъ говорится, что какова бы нибыла лесть, груба-ли, тонка-ли она, но *въ сердцѣ льстецъ всегда отыщетъ уголокъ*, то и Евгенія мало-по-малу привыкла къ похваламъ, какъ къ должной дани. И еслибы теперь ей сказали, что она дурна собою, то, вѣрно, она не приняла-бы этого такъ хладнокровно, какъ прежде, восемь лѣтъ назадъ. Кончилась тѣмъ, что сердце Евгеніи не возмущалось болѣе противъ грубой лести всѣхъ

ее окружавшихъ, и что она принимала должную дань своимъ милліонамъ.

Героемъ и главнымъ лицомъ въ толпѣ искателей былъ Президентъ де-Бонфонъ. Партія превознесла его до небесъ, вывела изъ ничтожества, создала его. — Замѣчали при всемъ этомъ, что Президентъ весьма небѣденъ; что одно помѣстье Бонфонъ приноситъ ему 10,000 дохода, прибавляли также, что всѣ помѣстья Крюшó находятся посреди земель Евгеніи.

— Знаете-ли сударыня, говорилъ кто-то Евгеніи: у Крюшó троихъ вмѣстѣ сорокъ тысячъ ливоровъ доходу?

— Да, правда; но они таки бережливы и умѣютъ жить, отвѣчала отчаянная крюшотистка, дѣвица де-Грибокуръ.

— Кто-то, Парижанинъ, предлагалъ Нотаріусу купить его контору; давали 200,000 франковъ. Онъ продаетъ, ежели его выберутъ мирнымъ судьею.

— Нѣтъ, кажется, онъ займетъ мѣсто президента въ судѣ первой инстанціи, мѣсто своего племянника, а племянникъ будетъ совѣтникомъ, потомъ и старшимъ-президентомъ; это очевидно, онъ на прекрасной дорогѣ.

Это было мнѣніемъ госпожи Дорсонваль, тоже, какъ видно, отчаянной крюшотистки.

— Да, прекрасный человѣкъ Президентъ, заключалъ кто-то.

— Не находите-ли и вы, сударыня?

Президентъ тоже дѣйствовалъ, самъ, въ свою очередь. Несмотря на то, что ему уже было подъ-сорокъ, не смотря на свою неловкую судейскую фигуру, Президентъ щеголялъ, одѣвался, какъ дэнди, носилъ трость, и не нюхалъ табаку при Евгеніи. Въ гостиной онъ былъ какъ домашній, какъ другъ дома, и обращаясь къ Евгеніи, всегда говорилъ «наша милая Евгенія.»

Впрочемъ все было тоже, что́ и прежде, тоже что́ было и при жизни стариковъ Гранде́; развѣ только въ томъ была перемѣна, что лото замѣнилось вистомъ, и что стая льстецовъ и искателей была еще жаднѣе и многочисленнѣе, чѣмъ когда-нибудь. Еслибы Шарль явился теперь изъ Индіи, то встрѣтилъ-бы прежнихъ актеровъ, старой, пошлой, прежней комедіи; потому-что и госпожа де-Грассенъ не измѣнила своей роли, и по-прежнему тягалась съ Крюшотистами. Но какъ и прежде, посреди этихъ жалкихъ лицъ, взоръ Шарля отыскалъ-бы свою Евгенію, свѣтлую, чистую, незапятнанную прикосновеніемъ жалкаго отребья, ее окружавшаго.

Впрочемъ Президентъ де-Бонфонъ сдѣлалъ кой-какіе успѣхи. Знаменитый букетъ цвѣтовъ, нѣкогда поднесенный имъ Евгеніи,

сдѣлался періодическимъ. Его получали благосклонно, ставили въ кружку съ водою, и потомъ выбрасывали на задній дворъ.

Въ началѣ весны госпожа де-Грассенъ взволновала Крюшотистовъ, заговоривъ о Маркизѣ де Фруафонлъ. — Нужно знать, что Маркизъ разорился въ-конецъ и былъ не-прочь отъ союза съ Евгеніею. Госпожа де-Грассенъ заговорила о дворѣ, о почестяхъ, о титлахъ, и принявъ презрительную улыбку Евгеніи за полусогласіе, прозвонила вездѣ, что успѣхъ Президента еще сомнителенъ.

Хоть Маркизу и 50 лѣтъ, говорила она, но на-видъ онъ не старѣе Президента. Онъ бѣденъ, вдовъ, имѣетъ дѣтей, это правда, но онъ будетъ пэромъ Франціи, а въ наше время не всѣ выходятъ за пэровъ Франціи. Вѣдь и покойникъ Гранде еще думалъ объ этомъ; я это знаю навѣрное; онъ объ этомъ самъ поговаривалъ; старикъ былъ хитеръ...

— Ахъ, Нанета, ни одного письма, ни одного извѣстія въ семь лѣтъ! въ семь лѣтъ! въ отчаяніи восклицала Евгенія.

Вотъ что́ было въ Сомюрѣ. Но поговоримъ о Шарлѣ. Во первыхъ, онъ прекрасно продалъ свой маленькій товаръ въ Индіи; онъ получилъ 6,000 долларовъ. Потомъ мало-по-малу онъ облегчилъ свою совѣсть — отъ *кой-какихъ предразсудковъ* и разсчолъ, что если нужно обогатиться, такъ ужъ всего выгоднѣе торговать неграми. Торговля началась; Шарль былъ смѣлъ, предпріимчивъ, дѣятеленъ. Одна мысль, она идея его преслѣдовала — явиться въ Парижъ съ милліонами и блистательнѣе, чѣмъ когда-нибудь.

Мнѣнія его перемѣнились во многомъ, онъ заразился скептицизмомъ. Вѣра въ права и справедливость исчезла изъ его сердца, потому-что въ жизни, которую велъ онъ, поминутно встрѣчалось противное. Сердце его сначала поостыло, потомъ похолодѣло, потомъ окаменѣло совершенно. Въ ремеслѣ своемъ Шарль сталъ жестокъ и настойчивъ. Онъ торговалъ Китайцами, Неграми, птичьими гнѣздами, дѣтьми, женщинами; онъ не останавливался ни на чомъ. У пиратовъ онъ покупалъ за безцѣнокъ ихъ добычу, а продавалъ дорого.

Если чистый, небесный образъ Евгеніи и носился передъ нимъ въ первые дни странствованія, если успѣхъ и надежду свою онъ и приписывалъ вліянію молитвъ ея, то и это воспоминаніе начало мало-по-малу блѣднѣть и исчезать изъ его сердца. Позднѣе негритянки, мулатки, бѣлыя и чорныя женщины, всѣхъ націй, всѣхъ цвѣтовъ, интриги и приключенія, совершенно изгнали изъ его памяти и Сомюръ, и старый домъ, и скамейку подъ орѣшникамъ, и поцѣлуй, похищенный у Евгеніи. Онъ припоминалъ только

маленькій садъ и прогулку со старикомъ Гранде, минуту, въ которую началось его поприще.

Старикъ Гранде былъ, по его мнѣнію, старая собака; Шарль помнилъ, какъ старикъ надулъ его, покупая вещи. Евгенія занимала мѣсто не въ сердцѣ Шарля, а въ счотной книгѣ, *какъ кредиторша шести тысячъ франковъ.*

Вотъ отъчего происходило молчаніе Шарля. Для безопасности и во-избѣжаніе грядущихъ непріятностей, Шарль перемѣнилъ свою фамилію. Онъ назвался *Шипарромъ*. Онъ работалъ неутомимо; являлся то въ Индіи, то въ Лиссабонѣ, то въ Соединенныхъ Штатахъ, и спѣшилъ всѣми силами раздѣлаться съ этою жизнію, опасною, трудною и почти всегда неправедною. — Онъ наживалъ свои милліоны какъ попало, только чтобы нажить. Успѣлъ совершенно, и вотъ въ 1826 году онъ возвращается въ Бордо, на прекрасномъ бригѣ *Маріи Каролины*, принадлежавшемъ одному богатому, торговому дому. Шарль везъ собою три бочонка съ золотымъ пескомъ, цѣною на 1,600,000 франковъ. Онъ надѣялся еще взять по 8 на-сто барыша, отдавъ свое золото на монетный дворъ въ Парижѣ.

Вмѣстѣ съ нимъ находился на бригѣ каммергеръ двора Е. В. Карла X, нѣкто господинъ Д'Обріонъ, добрый старикъ, когда-то сдѣлавшій глупость, женившись на вѣтреницѣ и кокеткѣ. — Всё его состояніе было во французскихъ колоніяхъ. — Для поправки обстоятельствъ домашнихъ, онъ ѣздилъ за море, продалъ имѣніе и также, какъ и Шарль, возвращался въ Парижъ. У д'Обріана была дочь, дурная собою и безъ приданаго, — Дѣвица д'Обріонъ была сухая, тонкая, длинная, съ неправильнымъ ртомъ и съ длиннымъ носомъ, краснѣвшимъ послѣ обѣда — феноменъ изъ человѣческой природы, отвратительный на блѣдномъ лицѣ этой дѣвушки. Но маркиза д'Обріонъ, ея мать, съумѣла хорошо воспитать ее; она хорошо одѣвалась, кокетничала, умѣла кстати выставить хорошенькую ножку, когда носъ начиналъ краснѣть, а чтобы носъ не краснѣлъ, мать морила дочь свою голодомъ. Госпожа д'Обріонъ, находившаяся тоже на бригѣ вмѣстѣ съ мужемъ своимъ, познакомилась съ Шарлемъ и начала осаждать его. Шарль не уклонялся ни мало; оба они имѣли свои выгоды въ общемъ союзѣ. Явившись въ Бордо, а потомъ и въ Парижѣ, Шарль и д'Обріоны поселились въ одномъ отелѣ, отелѣ д'Обріоновъ, который былъ выкупленъ Шарлемъ изъ заклада. Согласились и предложили условія. Маркиза потребовала осьмидесяти тысячъ ливровъ доходу, за что обѣщала выхлопотать у добраго короля Карла X титулъ маркиза д'Обріонъ своему будущему зятю, потому-что Шарль долженъ

былъ въ заключеніе жениться на безобразной дѣвицѣ д'Обріонъ — Прекрасно имѣть 100,000 доходу, имѣть имя, титулъ, фамилію, являться при дворѣ и быть камергеромъ, а тамъ посланникомъ и чѣмъ угодно. — Карлъ X любитъ Маркиза; они товарищи съ дѣтства.

Эти слова пали какъ сѣмя на добрую землю. — И вотъ Шарль мечталъ уже о Сенъ-Жерменскомъ предмѣстьи, куда всякій тѣснился въ то время, и гдѣ онъ долженъ былъ явиться д'Обріономъ, какъ нѣкогда Шабо явились Роганами. Ослѣпленный успѣхомъ Реставраціи, которую онъ оставилъ невѣрною и шаткою, воспламененный честолюбивою эгоисткою, Маркизою, онъ рѣшился употребить всѣ усилія, чтобы достигнуть высшихъ степеней при дворѣ и насытить свое честолюбіе.

Онъ видѣлся съ Анетой; какъ женщина, знающая свѣтъ, она совѣтывала Шарлю не оставлять принятаго намѣренія, и обѣщала свое содѣйствіе. — Анета была въ восторгѣ : Шарль похорошѣлъ, сдѣлался привлекательнѣе прежняго и женится на уродѣ — что-же было лучше для Анеты?

Де-Грассенъ, узнавъ о пріѣздѣ Шарля, о его богатствѣ, и о его будущей женитьбѣ, явился къ нему, чтобы поговорить о 200,000 франкахъ, за которыя можно было скупить всѣ векселя покойнаго отца его. — Онъ засталъ Шарля въ совѣщаніи съ ювелиромъ, которому было заказано работы на сто-тысячъ франковъ, для свадебной корзинки дѣвицы д'Обріонъ.

Шарль не узналъ де-Грассена и принялъ его довольно-невѣжливо, съ дерзкою самоувѣренностію человѣка, добившагося въ люди, и въ-добавокъ, счастливаго дуэлиста.

Де-Грассенъ являлся уже въ третій разъ : въ первые два раза ему отказывали. — Шарль хладнокровно его выслушалъ и еще хладнокровнѣе отвѣчалъ:

— Дѣла и долги моего отца не мои; весьма благодаренъ вамъ за все ваше стараніе о нихъ, сударь; но позвольте вамъ объяснить: ежели я и добылъ кровавымъ потомъ нѣсколько сотъ тысячъ франковъ, такъ вовсе не для того, чтобы кормить ими собакъ, кредиторовъ моего батюшки.

— Ну, а если вашего батюшку объявятъ завтра банкрутомъ?

— Во-первыхъ, милостивый государь, завтра, можетъ быть, я буду маркизомъ Д'Обріонъ, слѣдовательно, банкрутство батюшки, г–на негоціанта Грандé, до меня не касается; а во-вторыхъ, позвольте вамъ сказать, сударь, что впрочемъ вы очень-хорошо сами знаете, что у кого есть сто тысячъ франковъ доходу, у того отецъ никогда не былъ банкрутомъ.

И Шарль, впрочемъ весьма-учтиво, указалъ господину де-Грассену двери.

Въ одинъ прекрасный день, въ началѣ августа этого года, Евгенія сидѣла въ своемъ маленькомъ саду, на той скамейкѣ и подъ тѣмъ орѣшникомъ, гдѣ впервые размѣнялась она обѣтами любви съ Шарлемъ. — Она мечтала о быломъ, она припоминала всѣ мелочи, всѣ обстоятельства былой любви. — Солнце обливало своимъ свѣтомъ листья, деревья и старую ветхую стѣну, склонявшуюся уже въ развалины. — Вдругъ постучались въ калитку, явился почталіонъ и вручилъ мадамъ Корнулье письмо. — Нанета побѣжала въ садъ; она держала письмо въ рукахъ и издали еще кричала Евгеніи:

— Письмо, сударыня, письмо! — Это то самое, барышня, котораго вы такъ долго дожидались.

Евгенія почувствовала сильный ударъ въ своемъ сердцѣ.

— *Парижъ*.... Это онъ, онъ возвратился!

Евгенія поблѣднѣла, она не распечатывала письма, она боялась его, судьбы, будущаго; она не могла читать. Возлѣ нея стояла Нанета, и радость свѣтилась на лицѣ ея.

— Читайте-же, сударыня!

— Ахъ, Нанета, зачѣмъ-же онъ пишетъ изъ Парижа, когда отправился изъ Сомюра?

— Читайте, узнаете!

Евгенія распечатала письмо дрожащею рукою. Изъ конверта выпалъ вексель на имя *г-жи де-Грассенъ и Корре въ Сомюрѣ*. Нанета подняла его.

— «*Любезная сестрица*...» Какъ! я уже не Евгенія! Сердце сжалось у бѣдной дѣвушки.

— *Вы*— Да онъ мнѣ говорилъ *ты!*

Она сложила руки, не смотрѣла на письмо, слезы брызнули изъ глазъ ея.

— Ужъ не умеръ-ли онъ? закричала Нанета.

— Да онъ не писалъ-бы тогда.—Наконецъ она прочла:

Любезная сестрица!

«Вы, вѣрно, порадуетесь моему счастію; я возвратился богачомъ, помня напутствіе и наставленія покойнаго дядюшки, о кончинѣ котораго увѣдомилъ меня г. де-Грассенъ. Что-же дѣлать? Смерть неотразима. Я думаю, что вы уже утѣшились, сестрица; время—чудовище, и я это самъ испытываю. Да, сестрица, къ-несчастію моему время юношескихъ порывовъ уже прошло для меня; на дѣлѣ изучилъ я искусство жизни, и изъ дитяти сдѣлался человѣкомъ. Вы

свободны, я тоже: ни что не мѣшаетъ осуществить намъ наши дѣтскіе замыслы, но я довольно-благороденъ, чтобы скрывать отъ васъ что-нибудь; я принадлежу еще моимъ клятвамъ; помню вашъ маленькій садикъ, деревянную скамейку...»

Евгенія встала со скамьи какъ-бы испугавшись чего-то и сѣла на ступеньку лѣсенки, ведущей изъ сада на дворъ.

«...деревянную скамейку, гдѣ размѣнялись мы нашими клятвами, корридоръ, вашу темную залу и мой чердачокъ, и ту ночь, когда вы такъ нѣжно обязали меня. Эти воспоминанія питали, поддерживали жизнь мою, и я часто думалъ о васъ; не знаю, думали-ли вы обо мнѣ? Смотрѣли-ли вы въ урочный часъ на облака, какъ мы нѣкогда условились съ вами? Да, не правда-ли? Да, я не долженъ измѣнять дружбѣ, обманывая васъ, сестрица. Вотъ въ чомъ дѣло:

«Мнѣ предстоитъ выгодная партія, совершенно оправдывающая всѣ мои надежды. Любовь въ замужствѣ — это несбыточная мечта. Опытность заставила меня подклониться подъ иго общественныхъ мнѣній, и слушаться ея совѣтовъ. Во-первыхъ, любезная сестрица, неравенство годовъ нашихъ въ вашу не выгоду; я уже и говорить не буду, что ни привычки, ни образъ жизни, ни воспитаніе ваше, несогласны съ порядкомъ и правилами парижской жизни. Мнѣ, на-примѣръ, непремѣнно нужно держать открытый домъ, принимать общество, а я припоминаю, что вы любите тишину и уединеніе. Я буду съ вами еще откровеннѣе — вы имѣете право судить меня. У меня 60,000 ливровъ доходу; состояніе мое позволяетъ мнѣ жениться на дочери маркиза д'Обріонъ. Ей восьмнадцать лѣтъ: въ приданое она приноситъ мнѣ титулъ, имя, почести. Признаюсь вамъ сестрица, что я терпѣть не могу мою невѣсту; но у меня и у дѣтей моихъ будетъ званіе, мѣсто въ обществѣ, что довольно-выгодно, потому-что день-ото-дня, болѣе и болѣе утверждается престолъ и возвращаются къ прежнему порядку вещей. Черезъ двадцать лѣтъ мой сынъ, маркизъ д'Обріонъ, имѣя маіоратъ въ тридцать тысячъ ливровъ доходу, можетъ занять какую угодно должность въ государствѣ. Мы принадлежимъ нашимъ дѣтямъ, сестрица. Вы видите, я съ вами откровененъ. Вѣроятно, вы позабыли наши шалости послѣ семилѣтней разлуки—время дѣло великое,—но я не забылъ ничего, ни вашей благосклонности, ни своего слова. Но говоря вамъ о своей женитьбѣ чисто по-разсчоту, не значитъ-ли, что я совершенно предаю себя вашей волѣ и что если вы пожелаете, чтобъ я отказался отъ всѣхъ надеждъ моихъ, то я съ радостію буду довольствоваться одною чистою, истинною любовью, которую, нѣкогда вы сами предложили мнѣ.»

— Тапъ, та, та! Тапъ, та, ти, та, та, та, тапъ, топъ, тупъ, — (пѣсенка, которую пѣлъ господинъ Шарль Грандѐ, подписываясь)

«Любящій братъ вашъ

Шарль».

— Ахъ, чортъ возьми; да и тутъ еще нужны извиненія. Онъ взялъ вексель, приложилъ его къ письму и приписалъ:

«P. S. Прилагаю къ письму моему вексель на домъ г-жи де-Грассенъ. Его заплатятъ вамъ золотомъ, всего 8,100 франковъ, то-есть, капиталъ и проценты суммы, данной нѣкогда вами бѣдному Шарлю. Я жду изъ Бордо моей поклажи; тамъ есть кое-какія вещицы, которыя вы, вѣрно, не откажете принять отъ меня въ знакъ памяти. Вы-же пришлите мнѣ *по почтѣ* медальйонъ, который я ввѣрилъ вамъ при прощаніи. Адрессъ мой: Отель д'Обріонъ, въ улицѣ Илери-Бертенъ.

— *По почтѣ*! сказала Евгенія, а я тысячу разъ жизнію пожертвовала-бы за его медальйонъ.

Полное, ужасное сокрушеніе. Корабль надеждъ разбился, и не оставалось ни веревки, ни утлой доски для спасенія. Все погибло.

Иная женщина, когда измѣняютъ ей, убиваетъ соперницу, въ объятіяхъ измѣнника, и сама погибаетъ самоубійствомъ или на эшафотѣ. Другая терпитъ, страдаетъ и молчитъ: это истинная любовь, это любовь оскорбленнаго ангела, любовь величественная, гордая, любовь питающаяся слезами своими, безъ жалобъ и безъ роптаній. Такъ любила и Евгенія, и она начала страдать молча. Она вспомнила слова умирающей матери, и возвела свой взоръ къ небу; воспоминая пророчество своей матери, Евгенія въ одно мгновеніе измѣрила свою будущность, всю земную жизнь свою; но что̀ оставалось ей на землѣ?! Оставалось желать смерти, неба, и молиться.

— Страдать и умереть. Матушка сказала правду.

Она пошла тихими шагами въ домъ, но не черезъ корридоръ, какъ всегда она дѣлывала; въ залѣ ей приготовленъ былъ завтракъ. Фарфоровая чаша, стаканы, сахарница, все это ея памятники о Шарлѣ... больно отъ воспоминаній! Куда дѣваться отъ нихъ!

Это утро чревато происшествіями. Нанета доложила о приходѣ духовника Евгеніи.

Старый священникъ былъ родственникъ Крюшо̀, и, слѣдовательно, крюшотистъ. Аббатъ Крюшо̀ уговорилъ его поговорить съ Евгеніей о необходимости вступить въ бракъ, указывая на требованія религіи. Евгенія думала, что старикъ пришолъ за 500-ми франковъ на бѣдныхъ, которые, по желанію Евгеніи, въ разные сроки,

были выдаваемы на бѣдныхъ. Нанетѣ приказано было сходить за деньгами; но священникъ, улыбнувшись, сказалъ ей:

— Сударыня! я пришолъ поговорить съ вами о бѣдной дѣвушкѣ, о которой жалѣетъ весь городъ, и которая, заботясь о всѣхъ несчастныхъ, но не заботясь о самой себѣ, не исполняетъ всѣхъ христіанскихъ обязанностей.

— Батюшка! я не въ состояніи думать о ближнемъ въ эту минуту; я сама очень-несчастна, и жажду отъ васъ утѣшеній религіи, слышать слова Божіи, и насладиться пищей Христовой.

— Такъ, сударыня; но говоря о той бѣдной дѣвицѣ, мы въ тоже время будемъ говорить и объ васъ. Слушайте: чтобы спасти себя, нужно вамъ или отречься отъ міра или жить по законамъ его.

— Ахъ! батюшка! Да будетъ благословенъ приходъ вашъ въ домъ мой, и поученія ваши; да, я оставлю міръ и буду жить для Всевышняго.

— Но много о чомъ нужно подумать, прежде чѣмъ примете одно изъ двухъ рѣшеній; вамъ нельзя умереть для общества, вы не должны, не имѣете права. Развѣ не поставила васъ судьба быть матерью несчастныхъ, кормить, одѣвать ихъ, согрѣвать ихъ зимою, давать имъ работу лѣтомъ. Ваше огромное богатство, — вашъ долгъ, — вы должны отдать его братьямъ Христовымъ. Пойти въ монахини — значитъ показать себя себялюбивою. Остаться-же старой дѣвушкой тоже невозможно. Вамъ не управить огромнымъ богатствомъ своимъ; у васъ расхитятъ его на-расхватъ. Повѣрьте мнѣ, дочь моя, супругъ для васъ необходимъ. Онъ необходимъ для счастія вашего въ этой жизни, что́ будетъ способствовать вамъ обрѣсти его и въ будущей.

Въ эту минуту доложили о госпожѣ де-Грассенъ. Мщеніе и надежда привели ее къ Евгеніи.

— Сударыня, начала она... но здѣсь вашъ духовникъ и я молчу; я хотѣла говорить о дѣлахъ житейскихъ, но...

— Сударыня! я уступаю вамъ, сказалъ старый священникъ.

— О, батюшка! приходите скорѣе, какъ можно скорѣе; мнѣ нужно, я требую вашей помощи.

— Да, бѣдная Евгенія, вы нуждаетесь въ ней.

Евгенія и священникъ съ изумленіемъ взглянули на госпожу де-Грассенъ.

— Но я уже слышала Евгенія о вашемъ братцѣ Шарлѣ, о женитьбѣ его на дѣвицѣ д'Обріонъ... Согласитесь, Евгенія, что женщина все узнаетъ, если захочетъ.

Евгенія покраснѣла и не могла выговорить ни слова. Въ эту ми-

нуту она рѣшилась надѣвать всегда личину равнодушія въ сильныхъ порывахъ чувствъ или переворотовъ судьбы, однимъ словомъ, рѣшилась подражать отцу.

— Но я не понимаю васъ, сударыня : говорите передъ моимъ почтеннымъ наставникомъ; вы знаете, у меня нѣтъ для него ничего скрытнаго.

— Сударыня, вотъ что̀ пишетъ мнѣ г. де-Грассенъ. Читайте.

Евгенія прочла слѣдующее письмо:

Любезный другъ

— Увѣдомляю тебя, что Шарль Грандѐ воротился изъ Индіи; уже съ мѣсяцъ, какъ онъ въ Парижѣ...

— Мѣсяцъ въ Парижѣ! вскричала Евгенія.

— Два раза отказывали мнѣ, прежде, чѣмъ я могъ добраться до этого будущаго д'Обріона. Хотя въ Парижѣ всѣ толкуютъ о его женитьбѣ...

— Но онъ писалъ мнѣ въ то время...

Она не докончила; она не вскрикнула, какъ Парижанка: *шалунъ*! Но глубокое презрѣніе изобразилась на лицѣ ея.

— Но этому браку не бывать. Маркизъ не отдастъ своей дочери за сына банкрута. — Я разсказалъ ему всѣ хитрости, продѣлки и попеченія, посредствомъ которыхъ я и покойникъ Грандѐ удерживали кредиторовъ въ повиновеніи до-сихъ-поръ. — Но мальчишка отвѣчалъ мнѣ, неусыпно старавшемуся пять лѣтъ о его-же выгодахъ, что «дѣла и долги моего отца не мои». — Ему предлагали векселя за сумму, въ сравненіи съ долгомъ, маловажную. Но теперь я настою на своемъ; онъ законно долженъ два милліона — расплатись или отецъ его банкрутъ! — Я повѣрилъ слову этого стараго крокодила Грандѐ, и я завѣрилъ имъ всѣхъ кредиторовъ, но если г. д'Обріонъ не хочетъ позаботиться о своей чести, то моя страдаетъ въ такомъ случаѣ. Я объясняюсь съ кредиторами. Впрочемъ я не буду дѣйствовать до-тѣхъ поръ, пока ты не разскажешь всѐ госпожѣ Грандѐ; я имѣю къ ней слишкомъ-много уваженія, и къ тому-же, во-времена болѣе счастливыя, мы мечтали о союзѣ...

Евгенія отдала письмо, не окончивъ.

— Благодарю васъ, сказала она госпожѣ де-Грассенъ: *мы посмотримъ*...

— Я какъ будто слышу вашего батюшку, когда вы говорите такъ, любезная Евгенія.

— Вы должны отсчитать намъ 8,100 франковъ золотомъ, сударыня, сказала Нанета.

— Да, госпожа Корнулье, угодно вамъ будетъ придти за ними? Священникъ удалился.

Евгенія пошла въ кабинетъ своего отца и не выходила оттуда цѣлый день, не слушая Нанеты, упрашивавшей ее сойти внизъ обѣдать. — Она явилась вечеромъ, тогда, какъ стали сбираться ея гости.—Никогда темненькая зала въ домѣ Грандé не была такъ полна, какъ теперь. Новость о пріѣздѣ Шарля и объ его глупомъ отказѣ распространилась по всему городу. — Но любопытство гостей не было удовлетворено. На лицѣ Евгеніи не замѣтно было ни малѣйшаго слѣда слезъ и горести. — Кто подходилъ къ ней съ постнымъ лицомъ, желая поддѣлаться подъ настоящую минуту, того встрѣчала Евгенія весело, съ улыбкою. — Чувство не свѣтилось сквозь ледяную кору приличій и холодной вѣжливости. — Въ 9 часовъ обыкновенно кончались партіи. — Въ 9 часовъ всѣ встали изъ-за ломберныхъ столовъ, спорили, шумѣли, расплачивались, и когда вся толпа стала откланиваться, тогда-то кончилась долгая драма неожиданною катастрофою, которая запумѣла здѣсь, въ Сомюрѣ, и кругомъ въ четырехъ префектурахъ.

— Господинъ де-Бонфонъ, останьтесь, сказала Евгенія Президенту, который брался за трость свою.

Не было никого во всемъ обществѣ, кто-бы хладнокровно принялъ такую новость; Президентъ поблѣднѣлъ и принужденъ былъ опуститься на стулъ въ сильномъ волненіи.

— Двадцать-одинъ милліонъ Президенту, сказала дѣвица де-Грибокуръ.

— Ясно! г. де-Бонфонъ женится на дѣвицѣ Грандé, замѣтила госпожа д'Орсонваль.

— Сударыня, сказалъ кроткій аббатикъ: это самый лучшій выходъ въ нашей нынѣшней партіи.

— И большой шлемъ кому-же! замѣтилъ старый нотаріусъ.

И всякій прибавилъ что-нибудь острое и поучительное, всякій отдалъ должную дань 20-ти милліонамъ госпожи дѣвицы Грандé.

Наконецъ пятый актъ драмы кончился. Сказать Президенту: «останьтесь» въ глазахъ цѣлаго Сомюра, не значило-ли обнаружить свое рѣшительное намѣреніе? Въ маленькихъ провинціяльныхъ городкахъ приличія соблюдаются такъ строго, что подобный поступокъ Евгеніи не могъ быть и растолкованъ въ другую сторону.

— Господинъ Президентъ, сказала дрожащимъ голосомъ Евгенія, когда оба остались одни: я знаю, что̀ вамъ во мнѣ нравится.... Вотъ вамъ рука моя.—О! сказала она, видя, что Президентъ становится на колѣна: я еще не все сказала; я не должна обмануть васъ.— Господинъ де-Бонфонъ, мое сердце принадлежать вамъ не можетъ;

оно подаритъ вамъ только одну дружбу, одну безкорыстную дружбу. — Еще: мое богатство и рука моя ваши, но вы мнѣ должны оказать сначала большую услугу.

— Я готовъ, приказывайте, сударыня.

Вотъ два милліона и нѣсколько сотъ тысячъ франковъ, сказала она, вынимая билеты изъ-за пазухи.—Поѣзжайте въ Парижъ, не завтра, не въ эту ночь, но сію минуту.—Отыщите господина де-Грассена, узнайте отъ него число и имена кредиторовъ моего покойнаго дяди, соберите ихъ и заплатите весь долгъ съ процентами, по пяти на сто, считая со дня совершенія займа, и получите квитанціи. — Вы знаете эти дѣла и я могу на васъ положиться; вы благородный человѣкъ, и я повѣрю слову вашему, принимая ваше имя. — Мы можемъ имѣть другъ къ другу довѣренность; мы такъ-давно знаемъ другъ друга, что теперь почти родные.

Президентъ, дрожа отъ радости, упалъ къ ногамъ Евгеніи.

— Я буду вашимъ рабомъ, закричалъ онъ.

Когда вы получите квитанціи, сударь, сказала она, наградивъ его довольно-холоднымъ взглядомъ, то отнесите ихъ въ Отель д'Обріонъ, господину Шарлю Грандé, и вручите ему это письмо. — Когда вы исполните всё, я сдержу свое слово.

Президентъ понялъ очень-хорошо, что оскорбленная любовь могла внушить Евгеніи желаніе выдти за него за-мужъ. Онъ не шолъ, а летѣлъ; онъ трепеталъ, чтобы какъ-нибудь не отдумали, чтобы какъ-нибудь любовники не помирились.

Когда Президентъ вышелъ, Евгенія упала на стулъ и зарыдала. Всё совершилось.

Президентъ сѣлъ въ дилижансъ и прибылъ въ Парижъ на другой день вечеромъ. На другое утро онъ явился къ де-Грассену. Банкиръ созвалъ кредиторовъ къ нотаріусу, которому ввѣрены были всѣ бумаги по этому дѣлу.

Всѣ явились, и тогда Президентъ де-Бонфонъ, отъ имени Фамиліи Грандé, заплатилъ капиталъ и проценты. Кредиторы остолбенѣли отъ изумленія.

Когда Президентъ получилъ квитанцію, и выдалъ господину де-Грассену пятьдесятъ тысячъ франковъ въ награду за труды, отъ имени Евгеніи, то отправился въ отель д'Обріонъ. Онъ нашолъ Шарля въ самомъ затруднительномъ положеніи. Старый Маркизъ объявилъ ему на-чисто, что дочь его никогда не будетъ за сыномъ банкрута, и что нужно заплатить всѣмъ кредиторамъ Вильгельма Грандé.

Президентъ вручилъ ему сначала письмо Евгеніи, слѣдующаго содержанія:

«Любезный братецъ!

Г-нъ Президентъ де-Бонфонъ вручитъ вамъ квитанціи въ уплатѣ всѣхъ долговъ моего дядюшки. Я слышала, что хотѣли объявить банкрутство, и подумала что сыну банкрута какъ-то неловко жениться на дѣвицѣ д'Обріонъ. Да, братецъ, вы правы были, говоря, что я не люблю свѣта и свѣтской жизни; вы правы были тоже, когда говорили, что не ожидаете никакихъ выгодъ отъ союза со мною. Итакъ будьте счастливы подъ гнётомъ цѣпей, добровольно вами на себя налагаемыхъ. Чтобы совершенно упрочить ваше счастіе, я возвращаю вамъ честь вашего дома. Прощайте; будьте увѣрены, что вы всегда найдете друга въ вашей *Евгеніи Грандé*».

Президентъ улыбнулся, когда Шарль вскрикнулъ отъ удивленія, получая квитанціи.

— Итакъ намъ остается только объявить о нашихъ женитьбахъ, сказалъ Президентъ.

— А, вы женитесь на Евгеніи? О! я весьма-радъ: это добрая дѣвушка. Но — почти вскрикнулъ Шарль: она, стало-быть, богата?

— У ней было, отвѣчалъ насмѣшливо Президентъ: три дня назадъ двадцать-одинъ милліонъ; теперь у ней девятнадцать.

Шарль остолбнѣлъ, потерялся, оглупѣлъ отъ удивленія....

— Де.... де.... девят-над-цать мил-ліоновъ!

— Да, сударь, девятнадцать милліоновъ; соединивъ имѣнія наши, мы будемъ получать вмѣстѣ восемь-сотъ тысячъ ливровъ доходу.

— Послушайте, любезнѣйшій братецъ, сказалъ Шарль, немного оправившись: мы еще можемъ побороться съ вами.

— Попробуйте, сказалъ Президентъ. Да, я и позабылъ-было, прибавилъ онъ: вотъ вамъ медальйонъ.

— Такъ что-же, другъ мой, сказала маркиза д'Обріонъ, вошедши въ комнату Шарля: вы, вѣрно, вниманія не обратите на бѣдняжку маркиза, которому что-то понапѣла сегодня герцогиня Маржансай. Я даю вамъ слово, что вы будете д'Обріономъ.

— Буду, сударыня, отвѣчалъ Шарль. Три милліона долгу были заплачены еще вчера.

— Чистыми деньгами, закричала маркиза.

— Даже съ процентами.

— Какая глупость! Кто это такое, сказала она на ухо своему зятю, замѣтивъ Крюшо.

— Мой стряпчій, отвѣчалъ Шарль.

Она небрежно поклонилась Президенту и вышла.

— Мы начинаемъ уже, сказалъ Президентъ, взявшись за шляпу. Прощайте, братецъ.

— Онъ чуть-ли не насмѣхается надо мной, это сомюрское чучело. Хорошій ударъ шпаги, право, былъ-бы для него не лишнимъ урокомъ.

Президентъ отправился. Три дня потомъ, г. де-Бонфонъ объявилъ о своей женитьбѣ на дѣвицѣ Евгеніи Грандé, а шесть мѣсяцовъ спустя, онъ сдѣлался совѣтникомъ Королевскаго суда въ Анжерѣ.

Уѣзжая изъ Сомюра, Евгенія приказала вылить изъ вещей Шарля и изъ 8,000 франковъ золотомъ, полученныхъ отъ него, золотую чашу, которую она подарила въ церковь бывшаго своего прихода.

Иногда она пріѣзжала изъ Анжера въ Сомюръ.

Мужъ ея, оказавшій въ одномъ политическомъ обстоятельствѣ много рвенія и самоотверженія, былъ сдѣланъ Президентомъ въ Палатѣ, и, наконецъ, спустя три года, Первымъ-Президентомъ. Теперь онъ мѣтилъ на стулъ въ Палатѣ..., А тамъ пэрство.... а тамъ....

—

Заключеніе.

Г. Первый-Президентъ де-Бонфонъ (наконецъ-то онъ избавился отъ ненавистнаго прозванія Крюшò) не умѣлъ осуществить ни одной изъ своихъ блистательныхъ надеждъ. Восемь дней спустя послѣ своего выбора депутатомъ Сомюра, онъ вдругъ скоропостижно умеръ.

Безъ-сомнѣнія, Богъ, всегда справедливый и никогда напрасно некарающій, хотѣлъ наказать его за коварные и низкіе разсчоты его на золото Евгеніи. Въ свадебномъ контрактѣ, его-же сочиненія, находилась статья, по которой каждый изъ супруговъ, въ случаѣ смерти одного изъ нихъ, дѣлался прямымъ, неоспоримымъ и неограниченнымъ наслѣдникомъ другаго, если, разумѣется, не будетъ законныхъ дѣтей.

Евгенія, наученная несчастіемъ вѣрному взгляду и тонкому сужденію, понимала совершенно своего мужа. Она ясно видѣла, что тотъ ждалъ ея смерти, чтобы поскорѣе обладать одному страшнымъ богатствомъ Евгеніи, увеличеннымъ двумя милліонами дяди его, аббата, который наконецъ въ свою очередь предсталъ передъ Бога. — Евгенія жалѣла Президента. — Провидѣніе отмстило ее за низкое поведеніе Президента, слишкомъ-свято державшаго свое слово, данное бѣдной дѣвушкѣ, взявшей его въ припадкѣ отчаянія. Президенту не хотѣлось имѣть наслѣдника. Ему хотѣлось почестей и милліоновъ.

Богъ пролилъ золото и блага земныя передъ бѣднымъ ангеломъ, котораго Онъ послалъ на землю заслужить свою долю небесную.

Евгенія жила мыслію, молитвами, помогала бѣднымъ, утѣшала несчастныхъ....

Госпожа де-Бонфонъ овдовѣла въ 37 лѣтъ отъ-роду. Имѣніе ея считалось въ 25-ть милліоновъ; она еще была хороша, но хороша, какъ женщина около сорока лѣтъ. Черты лица ея нѣжныя, тихія; вокругъ нея лучезарный вѣнецъ благородства, мученичества; она уберегла свою душу отъ тлетворнаго дыханія свѣта; но вмѣстѣ со всѣмъ этимъ въ ней замѣтны сухость и привычки старой дѣвы. — Не-смотря на свой милліонъ доходу, она живетъ также, какъ жила бѣдняжка Евгенія Грандé; топить начинаютъ у ней въ тѣ дни, какъ топили при отцѣ ея. — Одѣта она также, какъ и мать ея. — Ее-бы могли прозвать скупою, если-бы не было извѣстно всѣмъ, на что употреблялись ея доходы. — Она основала нѣсколько школъ, богадѣльню, публичную библіотеку. — Церкви Сомюра приходятъ въ цвѣтущее состояніе. Всѣ почитаютъ, уважаютъ Евгенію. И это благородное сердце не награждено было ни любовью, ни дружбою, ни всѣмъ, чего жаждало, просило оно.

— Только ты одна меня любишь, говорила Наветѣ Евгенія.

Тайно рука этой женщины простерта для врачеванія ранъ жизненныхъ. — Она стремится къ небу, напутствуемая хоромъ благословеній несчастныхъ и слезами благодарности. Великая душа ея уничтожаетъ и покрываетъ недостатки ея образованія и прежнія привычки. Вотъ повѣсть, вотъ картина жизни бѣднаго созданія, женщины, которая *«не отъ міра сего»*, которая создана была быть нѣжнѣйшею супругою и не знала мужа, которая была-бы образцомъ матерей, и не насладилась счастіемъ, быть матерью.

Въ судьбѣ человѣческой, жизнь Евгеніи Грандé можетъ считаться

образцомъ страдальческаго самоотверженія, кротко противуставшаго людямъ и поглощеннаго ихъ бурною, нечистою массой. — Она вышла.... какъ изъ руки вдохновеннаго художника древней Греціи выходитъ божественная статуя; но, во-время переѣзда въ чужую землю, мраморъ упадаетъ въ море и на-вѣки скрывается отъ людскихъ восторговъ, похвалъ и удивленія.

КЪ ***

Что̀ не тогда явились въ міръ мы съ вами,
Когда онъ былъ
Еще богатъ любовью и слезами,
И полонъ силъ?....
Да! васъ увлечь такъ искренно, такъ свято
Въ хаосъ тревогъ,
И, можетъ-быть, въ паденье безъ возврата,
Тогда-бъ я могъ....
И подъ топоръ общественнаго мнѣнья,
Шутя почти,
Съ такимъ святымъ порывомъ убѣжденья
Васъ подвести....
Иль, еслибъ скупъ на драмы былъ печальный
Все также рокъ,
Все-жъ васъ любить любовью идеальной
Тогда-бъ я могъ....
А что́-жъ теперь? Не скучно-ль намъ обоимъ
Теперь равно,
Что чувство намъ, хоть мы его и скроемъ,
Всегда смѣшно?....
Что нѣтъ надеждъ, страданій и волненья,
Что драмы — вздоръ,
И что топоръ общественнаго мнѣнья —
Тупой топоръ?....

1. 4.

ИСТОРІЯ ДРАМАТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

КАРЛЪ ГОЦЦИ,

ВЕНЕЦІЯНСКІЙ АРИСТОФАНЪ.

Въ концѣ XVIII столѣтія Венеція сохраняла только тѣнь своего прежняго величія. Славная республика, долгое время могущественная, замѣчательная по своей силѣ и оригинальности, исчезла въ минуту, предъ нашими глазами. Современная всѣмъ могущественнымъ государствамъ Европы, отдѣльная по своей системѣ и по своему положенію, погибла, и погибла невозвратно, въ великомъ переворотѣ!... Съ 1750 до 1792 пали по-очереди и недовольная демократія, и сильная аристократія, и ветхая олигархія! Многіе путешественники, въ томъ числѣ Муръ, Архенгольдъ, Козанова, Гольдони, въ своихъ запискахъ, и Гаспаръ Гоцци, подражатель Аддиссона и братъ Карла Гоцци, въ «Frustra letteraria», и др. оставили много драгоцѣнныхъ и любопытныхъ подробностей о состояніи этого новаго Рима. Соберемъ-же эти памятники и попробуемъ мысленно прожить посреди этого народа, посреди этихъ взрослыхъ дѣтей, счастливыхъ своими дивными ночами и своимъ бездѣйствіемъ, занимающихся сонетами и невинными перебранками въ то время, когда краснорѣчіе Руссо потрясало души и готовило великій кризисъ Европы. Не странно-ли, что въ это время, въ эту-то самую эпоху явился въ Венеціи новый Аристофанъ — въ лицѣ Гоцци!...

Венеціанскій графъ, подобно автору греческому, хотѣлъ защищать древніе обычаи и нравы противъ новыхъ понятій. У того и

у другаго много поэтическаго жара, цинизма, смѣлости мудрой и умѣренной, ловкаго употребленія народныхъ аллегорій; они оба вражлуютъ съ поэтами, имѣвшими авторитетъ, и ненавидятъ демократію; у того и у другаго много глубины, скрытой подъ простотою. Языкъ ихъ наивенъ, чистота слога необыкновенная; они оба умѣютъ подлѣлаться подъ простонародный тонъ.

Драмы Гоцци были смѣлы по его понятіямъ, несовершенны въ цѣломъ, но обработаны въ частяхъ. Тотчасъ виденъ трудъ артиста, занимающагося съ любовью посреди видимаго сумасбродства и безпорядковъ.

Нравы Венеціянъ не представляли ничего изящнаго. Жители города святаго Марка были стары, испорчены, неспособны возвыситься до философскихъ мышленій, ни думать о своемъ будущемъ политическомъ назначеніи. Чернь была сладострастна, безпечна и, благодаря климату, крайне лѣнива; самые обычаи страны, самое положеніе народа способствовали развитію нравовъ чисто-фантастическихъ. Сколько поэзіи, несообразностей и невѣроятностей въ этихъ обычаяхъ, простодушно-развратныхъ, наивныхъ до ребячества, странныхъ до очарованія. Эта очаровательная странность проявлялась во всемъ. Посмотрите на зданія — эти арабески, роскошно-красивая архитектура, разнообразная до-нельзя, эти арабскіе куполы, мозаика, эта отдѣлка изъ пурпура и золота, что̀ это? случайная прихоть, капризъ, не больше!

Этотъ народъ, проводившій все время въ какомъ-то чаду удовольствій и утѣхъ, потерялъ все свое политическое значеніе, весь свой перевѣсъ политическій и торговый.

Какое дѣло умирающей Венеціи до того, что она лишилась вѣнца, купленнаго цѣною побѣдъ, лишилась вліянія на народы, стекавшіеся на чудные праздники этого мраморнаго острова! Какое ей дѣло? Ей остались еще чистая лазурь неба, тихія и прохладныя ночи, прогулки по кристальной зыби водъ, и эти гондолы, роскошныя, поэтическія гондолы!...

Въ Венеціи, говоритъ одинъ писатель, царствуетъ безпрестанный праздникъ, Венеція — это радость, это восторгъ, это опьяненіе.... Ничего подобнаго, я думаю, невозможно найдти въ цѣломъ мірѣ. Удовольствія, изнѣженность, легкость интригъ.... какое очарованіе! Это городъ Венеры. Тамъ въ пѣсняхъ, въ пляскахъ, въ веселіи, проводятъ цѣлыя ночи.... Посудите сами, какую драму могъ имѣть этотъ народъ? Драму съ феями! Какія статуи, какъ не сладострастныя изваянія Кановы? Какую школу живописи.... какъ не ту, въ которой господствуетъ магическій колоритъ?

Вотъ народъ, для котораго графъ Гоцци, по возвращеніи изъ Далмаціи, хотѣлъ создать національный театръ. Онъ былъ человѣкъ съ умомъ страннымъ, но образованнымъ, долго служилъ въ военной службѣ, и жизнь его была также обильна происшествіями, какъ и его драмы. Гоцци видѣлъ, что слѣпое подражаніе французскому и французизмъ распространились въ Венеціи, предсказывалъ скорую моральную и политическую смерть республики. Крайняя легкость нравовъ поощряла безнравственность. Аббатъ Кіари, человѣкъ безъ таланта, искажалъ немилосердо Корнеля, заимствуя у него только наружную форму и расположеніе сценъ. Гольдони, человѣкъ съ замѣчательнымъ талантомъ, умѣющій прекрасно очертить характеры, натуральный до послѣдней степени въ діалогахъ, знающій сцену, пробовалъ тоже исправить итальянскій театръ, но, кажется, безъ успѣха.

Въ Италіи и Франціи много спорили о заслугахъ Гольдони и многіе сомнѣвались въ успѣхѣ, увѣнчавшемъ его попытку. Рожденный въ другой землѣ, онъ былъ поставленъ на ряду съ лучшими комическими писателями; но что могъ сдѣлать онъ изъ характеровъ итальянскихъ, изъ этого общества, которое не было оживлено, не представляло ничего прекраснаго, ничего способнаго воспламенить сердце? Эту эпоху изнеможенія и агоніи прекрасно обрисовываютъ намъ интриги піесъ Гольдони, которыя вѣчно вращаются въ тѣсномъ кругу, около извѣстныхъ данныхъ. Большая часть критиковъ превозносятъ *Угрюмаго благотворителя*, піесу, написанную имъ во Франціи. Эта піеса свидѣтельствуетъ о вліяніи, которое производитъ на комическаго автора общество, болѣе превосходное и болѣе оцивилизированное. Въ его театрѣ вѣрно срисована жизнь общественная, вся внѣшность характеровъ выражена отчотливо, но эти характеры не заключаютъ въ себѣ ничего прекраснаго. Все это похоже на картину слишкомъ водяную, которой недостаетъ силы; всѣ эти Беатриче, веселыя, подъ-часъ наглыя, всѣ эти сентиментальныя Розоры наводятъ скуку. Прочтя Гольдони, требуешь впечатлѣній болѣе глубокихъ, болѣе поэтическихъ. Все это хорошо, но блѣдно и лишено энергіи.

Баррети, человѣкъ не безъ дарованія, напоминающій своимъ сатирическимъ взглядомъ Бомаршé, и Гоцци, упрекаютъ Гольдони въ томъ, что онъ въ комедіяхъ своихъ мало говоритъ воображенію, сочиняя для народа, у котораго эта способность души развита болѣе другихъ. — Ему также ставятъ въ вину и то́, что онъ наводнилъ сцену блѣдными лицами, мало-возбуждающими интереса. Хотя комедіи Гольдони и Кіари были въ модѣ и имѣли успѣхъ, но онѣ ни чуть не были народны.... для этого народа необхо-

димо было баснословное, чудесное : въ этомъ состоитъ народный духъ Венеціи. Чтобы узнать, какой театръ идетъ этому народу, стоитъ только взглянуть на народнаго разсказчика, около котораго всегда тѣснится толпа. «Въ первый день моего пріѣзда въ Венецію», говоритъ Муръ : «замѣтилъ я человѣка , высокаго роста, одѣтаго въ черное платье; онъ махалъ шляпою, сзывая къ себѣ слушателей. — Прекрасный полъ, и благородные кавалеры! carrissimi ragonsini! минуту вниманія... имѣйте благосклонность меня выслушать, кричалъ онъ, дѣлая разные жесты: дѣло идетъ о весьма интересномъ происшествіи, случившемся съ однимъ молодымъ и прекраснымъ кавалеромъ... Я раскажу вамъ его точно-такъ, какъ самъ слышалъ отъ его слуги Долмація Залукобрини, синьойры! сюда, ко мнѣ! (*Никого нѣтъ, площадь пуста*) «Ужели никого не интересуетъ разсказъ о христіанскомъ кавалерѣ?.. *Останавливается нѣсколько гондольеровъ*). Вы здѣсь увидите , съ какою храбростію нашъ соотечественникъ...» Кружокъ увеличивается и народный площадной разказчикъ начинаетъ свой разсказъ, въ полной мѣрѣ чудесный!.. Вотъ предметъ народный, вотъ народная матерія , которою воспользовался Гоцци. Поэтическое любопытство, страсть къ чудесному, отечественныя воспоминанія, похожденія героикомическія, невѣроятности, ребяческій вымыселъ — вотъ стихіи этого народа. До-сихъ-поръ еще сохранилось нѣсколько чисто-народныхъ лицъ италіянской комедіи, которыя смѣшили всю Европу и которыхъ Караччи не отказался нарисовать своею дивною кистію: это Арлекинъ, Пандольфъ и Триффандини, которые измѣнялись, смотря по мѣсту. Лица эти заслуживаютъ изученія. Но комедіи, въ которыхъ они участвовали, были фарсы, экспромты, иногда слишкомъ *смѣлые*, *дерзкіе* и оскорблявшіе людей образованныхъ; по-этому, какъ любилъ ихъ народъ, такъ ненавидѣлъ порядочный кругъ общества : Гоцци задумалъ эти народно-типическія лица облагородить, возвысить. Вообще онъ пользовался только элементами народными, могущими плѣнить воображеніе Венеціанъ.

Теперь, когда мы нѣсколько знаемъ, съ какимъ народомъ и съ какимъ авторомъ мы имѣемъ дѣло, попробуемъ взойти, вмѣстѣ съ Нѣмцемъ Мейеромъ, въ одну изъ девяти огромныхъ залъ, устроенныхъ въ 1780 году для театральныхъ зрѣлищъ. За 10 су вы имѣете право взойти и занять мѣсто... и положимъ, вы уходите въ темный уголъ, забиваетесь на заднюю скамью и помѣщаетесь между зрителями, состоящими изъ гондольеровъ и слугъ.

Галлерея, устроенная противъ театра, служитъ мѣстомъ прогулки для порядочнаго класса людей. Сюда-то женщины, замаски-

рованныя, въ своихъ зендолетти (zendoletti), окружонныя своими чичисбеями, приходятъ не рѣдко во-время представленія, посмѣяться, пошутить, побалагурить, и этимъ шумнымъ движеніемъ мѣшать и авторамъ, и актерамъ, и любопытнымъ зрителямъ, въ то время, когда чернь или свиститъ, или напоминаетъ о себѣ громкими аплодисментами. Можно-ли искусству быть болѣе унижену!... При этихъ условіяхъ театръ, натурально, не можетъ представлять ничего замѣчательнаго. Если вы, за нѣсколько лишнихъ су, помѣститесь въ одной изъ этихъ огромныхъ ложъ, гдѣ пьютъ, ѣдятъ и играютъ въ карты, если вы удостоите заглянуть на сцену, то увидите представленіе первой комедіи Гоцци : *Любовь трехъ померанцевъ*, первый опытъ, который Гоцци отдалъ на сцену. Это нечто-иное, какъ народная басня, канва шуточная, и, надобно сознаться, вообще это самое незрѣлое произведеніе оригинальнаго и талантливаго автора. Но при всѣхъ недостаткахъ главная цѣль видна и достигается : это явная атака на французское вліяніе и вкусъ, попытка воскресить старую комедію въ маскахъ, сатира на успѣхъ Гольдони и его мѣщанскія комедіи, и на трагедіи бездарнаго Кіари, аллегорія въ пользу старинныхъ народныхъ понятій и народнаго вкуса. Здѣсь-то проявляется большое сходство Гоцци съ древними комическими писателями, которые тоже защищали старый образъ мыслей и были противъ новостей и нововведеній. Венеціянскій Панталонъ стоитъ афинскаго Стрепсіада.

Можетъ-быть и Аристофанъ, и Гоцци оба неправы,— ибо они оба хотѣли бороться съ непобѣдимымъ стремленіемъ человѣчества— съ безпорядками ихъ страны; но они оба истинные поэты. Сравнивая Гоцци съ Аристофаномъ, вы не требуйте и не ищите въ Гоцци ни силы, ни энергіи Аристофана. Этотъ Венеціянецъ представляетъ вамъ бабьи сказки, не больше, но онъ украсилъ эти сказки прелестію вымысла, одушевилъ ихъ, оживилъ ихъ шуткой веселой и часто ѣдкой; притомъ надо помнить, что піесы его писались не для могучаго и бурнаго народа, но для толпы почти безхарактерной, которой одно желаніе было—забавляться, и Гоцци вполнѣ понялъ духъ своего народа: его піесы написаны для эффекта. Краски его рѣзки и ярки. — Онъ писалъ природу, украшая ее, но всѣми силами старался избѣгать дѣйствительной жизни. Главное достоинство его комедій—оригинальность; мы не имѣемъ ничего подобнаго въ новой литературѣ... Чтобы вполнѣ понять ихъ, надобно перенестись въ Венецію, приноровиться къ понятіямъ и требованіямъ его страны.

Читайте *Кабинетъ неаполитанскихъ фей*, «Cunto delle Cunti», если вы хотите знать духъ итальянскій, итальянское воображеніе,

которое переносится всюду, играетъ всѣмъ и все украшаетъ.. Этимъ-то духомъ итальянской веселости, фантастической, ребяческой проникнуты всѣ творенія Гоцци. «Любовь трехъ померанцевъ» басня, fiaba, какъ онъ ее назвалъ, заимствована изъ Cunti delle Cunti.» Взглянемъ-же на это твореніе, хотя слабое, но достойное вниманія тѣмъ, что оно первое явилось по-времени. Жаль что эта шутка не дошла до насъ во всей своей цѣлости. Твореніе Гоцци неполно и содержитъ только одну канву.

Представьте, что вы находитесь при дворѣ бубноваго короля. Вотъ онъ предъ вами, съ его страннымъ оружіемъ, съ длинною епанчею и съ тяжолымъ скипетромъ. Сынъ бубноваго короля очень боленъ; Бедуиллъ готовъ умереть отъ хандры; Бедуиллъ—это публика, которую ничто не занимаетъ. Сцена, которою начинается піеса, верхъ смѣлости аристофанической. Стóитъ взглянуть на доктора Троффальдини, — который щупаетъ пульсъ у публи́ки и разсказываетъ причуды и странности своихъ больныхъ, — чтобы въ этомъ убѣдиться. Даются великолѣпные праздники, для развлеченія Бедуилла или публики.. но все тщетно : Бедуилъ не способенъ тѣшиться; турниры ему надоѣли, музыка разстраиваетъ его нервы, важная трагедія его опечаливаетъ, чинная комедія усыпляетъ. Это человѣкъ, который не знаетъ, куда дѣвать, ся отъ скуки... каррикатура оригинальная и вѣрно схваченная.

Въ этой піесѣ вывелъ онъ съ величайшею смѣлостію Кіари, автора бездарнаго и теперь совершенно забытаго, но въ свое время пользовавшагося извѣстностію. Со-втораго дѣйствія начинается чудесное, ребяческое чудесное, на которомъ онъ основалъ свою піесу. Старая Фея, недовольная принцемъ, который смѣялся надъ нею, влагаетъ ему желаніе идти достать три волшебные померанца, хранящіеся въ какомъ-то баснословномъ жилищѣ, подъ стражею чародѣя Креонта. Эти новыя гесперидскія яблоки служатъ для публики лекарствомъ, предметомъ энтузіазма. Она кидается въ эту неизвѣстную область съ восторгомъ, какъ всегда кидается она на все чудесное и новое. Церемонія, когда отецъ Ліандръ снаряжаетъ въ путь кавалера — прекрасная пародія на піесы Дюбелло и его подражателей; это мѣсто отличается необыкновеннымъ знаніемъ тогдашняго состоянія литературы европейской. Тутъ найдете вы и длинныя тирады изъ Сенеки, и вздохи, и восклицанія и «o!»и, «увы!», и смѣшную грусть, и печаль современныхъ ему трагиковъ. — Король отпускаетъ своего сына. Сцена перемѣняется. Траффальдини и Леандръ подъѣзжаютъ къ замку трехъ померанцевъ ; чертенокъ, вооруженный раздувальными мѣхами, гонитъ ихъ со сцены. Что-

бы достать померанцы, надобно побѣдить нѣсколько преградъ, отпереть желѣзныя, заржавленныя ворота, накормить голодную собаку и потушить горящую печь. Для этого у Бедуилла есть талисманы: хлѣбъ и магическая мазь; ему приказано также разломить померанцы не иначе, какъ у фонтана. Дѣйствіе кончается взрывомъ, разрушающимъ замокъ чародѣя Креонта. Сцена опять перемѣняется. Траффальдини приходитъ съ тремя померанцами прежде своего господина; онъ голоденъ, жажда его мучаетъ; ему до-смерти хочется съѣсть одинъ померанецъ, и онъ, забывъ объ аракулѣ, разламываетъ его: изъ померанца выходитъ прекрасная молодая дѣвушка (партеръ сильно апплодируетъ); она говоритъ ему, что она умираетъ отъ жажды. У Траффальдини нѣтъ воды, до фонтана далеко, и несчастная умираетъ; наконецъ онъ разламываетъ второй и третій померанецъ — та-же исторія: вторая нимфа тоже умираетъ отъ жажды; но третью успѣлъ спасти подоспѣвшій во́-время принцъ; тутъ опять начинаются превращенія, и послѣ тысячи чудесъ и дурачествъ Бедуиллъ женится на спасенной имъ нимфѣ.

Крайне-несправедливо было-бы судить о Гоцци по этому первому и весьма-незрѣлому его творенію: это попытка, въ которой онъ начиналъ только испытывать свои силы; онъ самъ чувствовалъ, какъ немного вкуса и остроты въ этомъ странномъ хаосѣ; но надобно сознаться, что и эта попытка не лишена ума и интереса. Намъ нравится это олицетвореніе больной публики; всѣ его пародіи, всѣ его намеки очень-тонки и мѣтки. Вскорѣ увидимъ мы Гоцци въ другихъ піесахъ; этотъ жаръ и веселость проявятся болѣе достойнымъ для артиста образомъ; этотъ комизмъ, легкій и причудливый, займетъ мѣсто въ планѣ несравненно-лучше созданномъ. Мы будемъ слѣдить за ходомъ и развитіемъ этого чисто итальянскаго воображенія, и увидимъ, какое мѣсто долженъ занимать человѣкъ, имя котораго почти забыто новѣйшими критиками. А право, Гоцци достоинъ изученія. Посреди новыхъ драматическихъ писателей онъ занимаетъ отдѣльное, странное, но не менѣе почтенное мѣсто. Для чего прибавлять къ столькимъ знаменитостямъ еще новую? можетъ-быть, возразятъ мнѣ. Для того, отвѣчу я, чтобы постигнуть тайный духъ народа, вѣрно схваченный тѣмъ или другимъ авторомъ и проявляющійся во ихъ твореніяхъ. Гораздо-интереснѣе другое его произведеніе, названное имъ «Король-Олень.»

Въ Венеціи, въ 1762 году всѣ знали синьйора Чиголетти. Старый дырявый беретъ, краснаго цвѣта, чорное платье, длинное лицо, всклокоченная борода — вотъ вамъ портретъ любимаго раз-

скащика площади святаго Марка. Онъ былъ вмѣстѣ и критикъ, и поэтъ, и порядочной-руки пьяница : его знали всѣ и онъ являлся повсюду. Заѣзжайте въ гостинницу Панталона — онъ вамъ подаетъ сонетъ; женитесь — у него готово поздравленіе; умретъ-ли кто — эпитафія... онъ часто подносилъ стихи Сенату, и многіе, въ простотѣ сердца, считали его новымъ Дантомъ или Гомеромъ.

Этого-то несчастнаго поэта, сохраняя его имя, платье, и обычаи, Гоцци вывелъ на сцену въ своемъ прологѣ къ фантастической комедіи «Король-Олень.» Въ этомъ прологѣ, столь счастливомъ по изобрѣтенію, находимъ слогъ и мысли публичныхъ разкащиковъ. Гоцци заставилъ его проговорить содержаніе піесы стихами, напыщенными, академическими, но безцвѣтными и бездарными, которые нравились въ Венеціи, въ то́ время, когда во Франціи писали Руссо и Вольтеръ.

Нѣкогда былъ въ Венеціи великій чародѣй по имени Дурандаръ. Король Дерамъ, проѣзжая черезъ Венецію, не преминулъ заѣхать къ нему посовѣтоваться съ нимъ... Они остались довольны другъ другомъ ; отвѣты чародѣя удовлетворили принца, и Дерамъ обошолся съ нимъ такъ благосклонно, что Дурандаръ повѣрилъ ему двѣ самыя важныя тайны... Магія, какъ мы увидимъ, не изобрѣла ничего, болѣе мудраго и болѣе полезнаго... Вотъ, сказалъ ему чародѣй, мраморный бюстъ: онъ мнѣ сто́итъ большихъ трудовъ; достоинство его состоитъ въ томъ, что при немъ ни одна дама и дѣвушка не можетъ солгать, ибо лишь только она солжотъ, какъ лицо его тотчасъ почернѣетъ или онъ начнетъ хохотать во все горло. Чѣмъ грубѣе будетъ ложъ и притворство, тѣмъ-болѣе веселость бюста будетъ увеличиваться. Попробуйте испытать. Венеціанскія дамы уже не разъ смѣшили Короля. Король началъ благодарить его, но чародѣй прервалъ короля, сказавъ: «Послушайте : второй подарокъ мой сто́итъ перваго. Запомните, если можете, слѣдующіе магическіе стихи:

Crif crac, trif, tra, not sgnieflet canatauta riogna.

— Это тихи такого рода, что ихъ не мало труда сто́итъ запомнить, возразилъ король.

— Это въ новомъ вкусѣ, отвѣчаетъ чародѣй: но выслушайте меня до-конца. Когда случится вамъ встрѣтить человѣка или животнаго мертваго, сто́итъ только произнести эти стихи надъ его трупомъ, и ваша душа тотчасъ войдетъ въ трупъ и воодушевитъ его, а ваше собственное тѣло слѣлается трупомъ. Но если вамъ не понравится это превращеніе, то стоитъ только повторить эти-же самыя слова надъ вашимъ собственнымъ трупомъ, и тотчасъ

члены ваши получатъ жизнь и гибкость, и смерть отправится къ своей прежней жертвѣ. Такимъ-образомъ душа ваша можетъ нѣсколько разъ переселяться; но не скрою отъ васъ, что это бываетъ не безъ опасности.... Прощайте, мы еще увидимся; помните только, что если вамъ случится встрѣтить когда-нибудь большаго зеленаго попугая, берегитесь убивать его, ибо вы можете лишить жизни своего друга и благодѣтеля.

Добрый король Дерамъ, обогащенный двумя сокровищами, возвратился въ свои владѣнія; тамъ началъ онъ испытывать силу талисмановъ. Первый талисманъ особенно былъ интересенъ. Король задумалъ жениться, и поэтому случаю 2748 дамъ и дѣвушекъ, знатнаго и простаго происхожденія, были приглашены въ кабинетъ короля, у которыхъ онъ по одиначкѣ спрашивалъ ихъ тайны; но не одна не сказала истины,—всѣ солгали, и чѣмъ пламеннѣе старались они высказать свою любовь къ королю, увѣряя, что сердце ихъ было всегда свободно, тѣмъ больше и злѣе смѣялся бюстъ. Дерамъ потерялъ всякое уваженіе къ женскому полу; но все-таки еще хотѣлъ вступить въ бракъ: гдѣ-же найдти подругу жизни? гдѣ найдти женщину искреннюю? Бюстъ, осмѣявшій всѣхъ, расхолодилъ его, и онъ сдѣлался печаленъ. При дворѣ короля Дерама возникли интриги.... Съ того времени, когда узнали, что король намѣревается вступить въ бракъ, всѣ старались обратить свадьбу эту въ свою пользу, всѣ стали основывать свои надежды, кто на дочеряхъ, кто на племянницахъ, кто на сестрахъ.... женскій полъ переполошился.... но къ немалой досадѣ всѣхъ кандитатокъ въ невѣсты, выборъ не палалъ не на одну изъ нихъ. Онѣ, по-справедливости, упрекали короля въ излишней разборчивости. Министръ Бредуиллъ успѣлъ втереться въ любовь къ королю. — Бригелла, министръ финансовъ, всѣми силами старался заставить короля влюбится въ свою сестру, Смеральдину, отъявленную кокетку. Но что̀ было дѣлать Дераму? Лишь Смеральдина примется сантиментальничать, бюстъ начинаетъ смѣяться. Признается-ли Клариса, что сердце ея никогда не испытывало любви, бюстъ помираетъ со смѣху.... Что̀ было дѣлать Королю? И онъ, проклиная знаніе женскаго сердца, впалъ въ совершенную меланхолію.

У добраго Панталони была дочь, пренаивная и преневинная дѣвушка, не очень-образованная, но съ душою и не безъ ума. Анжела,—это имя Венеціянки,—полюбила страстно Короля, т. е., какъ говорится, врѣзалась по-уши. Отецъ часто бранилъ ее, говоря, что она можетъ влюбляться, сколько душѣ ея угодно, но что влюбиться въ Короля, это съ ея стороны такая глупость, которой

онъ ей никакъ простить не можетъ. Анжела была 2749-й изъ тѣхъ, которыя были призваны къ Королю; она одна сказала правду, — и бюстъ не смѣялся, и Король, въ восторгѣ, поспѣшилъ разбить его въ дребезги, вмѣсто того, чтобъ поблагодарить за то, что онъ помогъ ему выбрать дѣвушку искреннюю. Онъ обнародовалъ извѣстіе о своей свадьбѣ; но ему грозила большая непріятность. Король не умѣлъ быть благоразумнымъ и поплатился за это, какъ мы увидимъ послѣ. Празднества по-случаю свадьбы были великолѣпныя. Когда отпраздновали свадьбу, все пошло обычной чередой, только замѣтили, что честолюбивый Бредуиллъ впалъ въ глубокую задумчивость: онъ былъ уничтоженъ. Соперникъ его торжествовалъ; къ этой горести была примѣшана еще другая: онъ страстно любилъ Анжелу. — Счастливый, но неосторожный Дерамъ, вѣрялся ему болѣе и болѣе, и разъ, въ минуту откровеннаго разговора, открылъ Бредуиллу другой секретъ и сказалъ ему таинственныя слова. Въ это время они были на охотѣ, и два оленя пали мертвыми къ ихъ ногамъ. Чтобы доказать на дѣлѣ возможность превращенія, Дерамъ произнесъ кабалистическія слова; тотчасъ душа его перешла въ оленя, а тѣло пало бездыханное.... Но, о ужасъ! коварный Бредуиллъ поспѣшилъ воспользоваться секретомъ и превратилъ себя въ Короля Дерама, въ то время, когда подлинный Король, сдѣлавшись олепемъ, началъ бѣгать по рощѣ, дѣлая скачки и прыжки.

Бредуиллъ, превратившись въ короля, спрашиваетъ себя, что-же ему дѣлать съ своимъ собственнымъ тѣломъ? Онъ отрубаетъ отъ своего трупа голову, т. е. свою собственную голову. Любопытно видѣть человѣка, который уродуетъ свое собственное тѣло, чтобы пользоваться здоровьемъ и счастіемъ въ шкурѣ другаго! Но у Бредуилла, при наружности прежняго Короля, душа осталась прежняя, низкая, подлая душонка.... все измѣнилось въ государствѣ. Бредуиллъ и въ порфирѣ не пользуется ни счастіемъ, ни радостями.... мысль, чтобы какъ-нибудь душа Дерама не освободилась изъ оленьей шкуры, не даетъ ему покоя... Чтобы вполнѣ себя обезопасить, надобно убить Короля–оленя, и вотъ онъ обнародываетъ приказъ, что даетъ тысячу цехиновъ награжденія тому, кто принесетъ ему голову бѣлаго оленя съ чорною звѣздочкой на лбу. Приготовились къ охотѣ; охотниковъ собралось очень много, а олень все увертывался изъ-подъ самыхъ рукъ. Новый Король въ досадѣ, что олень успѣлъ ускользнуть, спрашиваетъ у попавшагося ему дровосѣка, не видѣлъ-ли онъ оленя; но тотъ не можетъ дать ему удовлетворительнаго отвѣта, потому-что едва держится на ногахъ; это еще болѣе бѣситъ Бредуила, который тотчасъ-же

велитъ умертвить его: такого рода правосудіе было при новомъ Королѣ.

Представьте-же печаль добраго Дерама, которому такъ дурно заплатили за его доброе сердце! Съ грустью пробѣгая по рощѣ, гдѣ такъ недавно красовался онъ на борзомъ конѣ, гдѣ мановенію руки его были послушны тысячи, наткнулся онъ на трупъ убитаго дровосѣка... чудная мысль!.. хотя дровосѣкъ былъ и старъ, и дряхлъ, но все-таки эта оболочка приличнѣе оленьей; таинственныя слова произнесены и супругъ Анжелы преобразился сноза. И вотъ теперь Король становится презрѣннымъ нищимъ дровосѣкомъ. И вотъ онъ въ своей столицѣ, неузнанный своими подданными, бѣдный старикъ въ отрепьяхъ; но подъ незавидною наружностію хранится все-таки великая душа. Онъ даже видѣлъ свою Анжелу, но узнала-ли она въ этомъ грубомъ дровосѣкѣ своего супруга?

Въ счастливое время Фей женщины были проницательнѣе. Анжела, удивленная перемѣною душевныхъ качествъ своего супруга, начала догадываться объ обманѣ, и новый Король тщетно хотѣлъ пользоватся своими правами: онъ отвергнутъ съ презрѣніемъ. Наконецъ является дровосѣкъ и открываетъ все Королевѣ. Свѣтлый умъ, сильная душа, краснорѣчіе, съ которымъ онъ говоритъ, все убѣждаетъ Королеву въ истинѣ его словъ. Но что̀ дѣлать? какъ отнять похищенный престолъ, какъ отнять самое тѣло Короля.

Въ это время жилъ при дворѣ бѣдный птицеловъ Трифальдини; онъ, отправляясь на охоту, находитъ голову Бредуилла и мертваго бѣлаго оленя, съ означенной приметой: обрадованный находкою онъ спѣшитъ къ королю за наградой. Бредуиллъ въ восторгѣ. Онъ велитъ похоронить самого-себя съ подобающими почестями и воздвигаетъ себѣ памятникъ, а чтобы отдѣлаться отъ Трифальдини и не заплатить ему обѣщанныхъ тысячи цехиновъ, онъ велитъ его отвести въ тюрьму. Не много спустя послѣ такихъ доблестныхъ поступковъ, Бредуиллъ идетъ къ королевѣ, гдѣ застаетъ дровосѣка, смерть ихъ обоихъ неизбѣжна: но по счастію птицеловъ захватилъ въ свои сѣти зеленаго попугая, котораго и принесъ во дворецъ вмѣстѣ съ головою Бредуилла. Зеленый попугай ничто иное, какъ самъ мудрый чародѣй; онъ преобразуетъ всѣхъ: снова Король остается королемъ, а душа Бредуилла облекается въ довольно-безобразное тѣло. Анжелѣ возвращенъ супругъ и она счастлива. Мудрецъ читаетъ мораль, и піеса кончается.

Это произведеніе — восторгъ и удивленіе Венеціянъ, написано частію прекрасной прозой, частію вдохновенными стихами. Признаться, намъ кажется, что трудно представить картину болѣе фантастическую, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и болѣе правдоподобную.

Трудно придать чистой баснѣ болѣе интереса; всѣ эти лица не дѣйствительныя; онѣ не живутъ, онѣ мечта, онѣ существуютъ только въ пылкомъ воображеніи поэта; но при всемъ томъ они не чужды вамъ, вы имъ сочувствуете, вы принимаете въ нихъ участіе. Васъ невольно поражаетъ эта смѣлость широкой кисти... вамъ даже кажется, что всѣ эти фантастическія лица — портреты, и благородный король Дерамъ, и подлый Бредуиллъ, и наивная, любящая Анжела, и Панталонъ, этотъ типъ простаго народа... всѣ они очерчены мастерски, — художнически. Вмѣсто длинныхъ, скучныхъ и вялыхъ разговоръ, вы встрѣчаете діалоги полные поэзіи, благородства, полные одушевленія, гдѣ раскрываются всѣ прекрасныя качества человѣческой души и человѣческаго сердца.

Мы почитаемъ излишнимъ пояснять основную идею оригинальнаго творенія Гоцци. Аллегорія его, хотя исполнена глубины, хотя очень-многозначительна, но вмѣстѣ съ тѣмъ проста, доступна каждому. Разговоръ его живъ и увлекателенъ; положенія трогательны; бездна веселости, остроты, ума, комизма.

Многіе унижали Гоцци, но хулители его были или недобросовѣстны, или совершенно его не понимали. Насъ съ поэтомъ раздѣляетъ цѣлая вѣчность, потому-что народъ, для котораго онъ писалъ, не существуетъ. Венеціи уже нѣтъ; но попробуйте подражать Гоцци—подражать ему невозможно. Смѣшно даже стараться подражать ему, но изучать его и пріятно, и полезно. Мы знаемъ мало поэтовъ, обладающихъ такимъ сильнымъ, всеукрашающимъ воображеніемъ, такою нѣжностью души, юной, почти дѣтской, и вмѣстѣ съ тѣмъ такимъ знаніемъ потребностей времени своего народа и человѣческаго сердца. Поэтъ, какъ-бы великъ ни былъ онъ по таланту, не можетъ быть выше народа, для котораго онъ пишетъ; родись Гоцци въ другомъ государствѣ и при другихъ обстоятельствахъ, имя его стояло-бы на ряду съ Шекспиромъ, а теперь онъ извѣстенъ весьма и весьма-немногимъ. Нѣкоторымъ не нравится самая форма его произведеній; но авторъ не зависимъ отъ формы своихъ твореній; какую бы форму онъ имъ не далъ, онъ все-таки великъ, если идеи его велики, и все-таки стоитъ того, чтобы потомство не предало его холодному презрѣнію.

М. К.

=

УТРО И НОЧЬ.

I.

Густѣетъ мракъ, растетъ, и тихо легъ,
Какъ пологъ, на долины, на селенья,
На горы, на лѣса ... Какъ чудно Богъ
Содержитъ и блюдетъ свое творенье!

Вотъ, отъ болѣзней, отъ трудовъ дневныхъ,
Почило все.... міръ кажется могилой!
Всѣ люди спятъ, но Онъ не спитъ за нихъ,
Одѣянъ славой, бдѣніемъ и силой!

И вотъ, во мракѣ свѣтится звѣзда:
За ней луна по облакамъ ныряетъ;
И, какъ стекло, стоитъ въ рѣкѣ вода,
И, какъ стекло, міръ звѣздный отражаетъ!

Лишь вѣтерокъ перепорхнетъ въ листахъ:
Лишь ласточка въ гнѣздѣ порой забьется,
Да пчелка закопышется въ цвѣтахъ
Да блеклый листъ отъ вѣтки оторвется;

Да путникъ запоздалый, съ костылемъ,
Пройдетъ въ село дорогою пробитой;
Да воздухъ, на лету нетопыремъ
Разрѣзанный, простонетъ, какъ убитый.

Въ природѣ тишина, безмолвье, миръ....
И на луга прохлада разлилася....
Но вотъ подулъ заутренній зефиръ,
И вотъ заря съ востока занялася!....

II.

Пропѣлъ пѣтухъ, проснулося село;
Все бодрствуетъ, что́ такъ недавно спало!
Взошла заря, на небѣ разсвѣло,
И солнышко изъ водъ глубокихъ встало!

Ужъ птички запорхали по полямъ,
Ужъ у моря рыбакъ раскинулъ сѣти....
И подаютъ ручонки матерямъ,
Внезапно пробудившіяся дѣти!

Послышался въ горахъ пастушій рогъ,
Охотники помчались на ловитву;
И внемлетъ съ высоты Всевышній Богъ
Заутреннюю пастырей молитву!

****

СОВРЕМЕННЫЕ СЦЕНИЧЕСКІЕ АРТИСТЫ.

—

ПЛЕССИ *,

АКТРИСА ПАРИЖСКАГО ФРАНЦУЗСКАГО ТЕАТРА.

(Théâtre-Français.)

—

Г-жа Плесси родилась около конца 1819 года. Есть люди, которыхъ предназначеніе знаменуется чѣмъ-нибудь особеннымъ, чудеснымъ, при самомъ рожденіи ихъ; но рожденіе Плесси было самое прозаическое: отецъ ея былъ честный человѣкъ, богатый и уважаемый; мать — честная женщина.

Г-жа Плесси родилась въ Мецѣ; первый крикъ ея обрадовалъ однихъ родителей, ее вручили кормилищѣ, потомъ священникъ крестилъ и назвалъ ее Жанной — словомъ, все произошло очень-покойно, просто и обыкновенно.

Но первые года дѣтства ея были грустны, тяжки; отецъ ея, послѣ незаслуженой потери имущества своего, сдѣлался комедіянтомъ и бродилъ изъ провинціи въ провинцію, съ Мольеромъ и Реньяромъ въ сумкѣ, и малюткой въ колыбели. Такимъ-образомъ г-жа Плесси впервые узнала свѣтъ между кулисами....

Извѣстно, что будущность наша зависитъ бо́льшею частію отъ обстоятельствъ, сопровождающихъ дѣтство наше: сынъ сол-

---

* Портретъ Актрисы Плесси былъ приложенъ къ прошлой книжкѣ «Репертуара и Пантеона.»

дата, родившійся при звукахъ барабана, при шумѣ оружія, съ дѣтства вдыхающій въ себя запахъ пороха, легко дѣлается солдатомъ. Такъ точно и наклонность г-жи Плесси развилась между комедіянтами; будучи трехъ лѣтъ отъ роду, она лепетала стихи, которые острая память ея схватывала въ то время, когда она бѣгала за кулисами, между ногами Орестовъ и Агамемноновъ. Шести лѣтъ, онъ съ наивною прелестью говорила басни Лафонтена. Восьми лѣтъ она знала всего *Мизантропа* наизустъ.

Конечно, этихъ дѣтскихъ забавъ никакъ нельзя принять за вѣрные признаки дарованія, но когда въ послѣдствіи разовьется талантъ, то объ нихъ упомянуть не излишне.

Наконецъ молодая дѣвушка, съ родителями своими, прибыла въ Парижъ.

Парижъ — обѣтованная земля артистовъ; и едва г-жа Плесси вступила въ городъ, благодѣтельный для юныхъ дарованій, какъ вліяніе его проявилось и на ней. Два извѣстные профессора драматическаго искусства, Мишело и Сансонъ, образовавшіе столько замѣчательныхъ талантовъ, стали давать уроки молодой Плесси, которая съ перваго взгляду понравилась имъ. Природная грація ея, остроуміе, взглядъ, улыбка, все возвѣщало имъ, что этой ученицой имъ въ-послѣдствіи можно будетъ гордиться. Самыя строгія лица улыбались при видѣ этого милаго ребенка, даже Консерваторія измѣнила основному закону своему, и приняла въ нѣдра свои десятилѣтняго ребенка, вопреки правилу, не принимать дѣтей моложе пятнадцати лѣтъ.

Пять лѣтъ протекло въ прилежныхъ изученіяхъ, терпѣливыхъ наблюденіяхъ и пламенномъ желаніи совершенствоваться. Каждый день ученица дѣлала шагъ впередъ въ мірѣ комедіи — надежды, мечты, будущности ея!...

Г-жа Плесси дебютировала на королевскомъ Французскомъ-Театрѣ 10-го марта 1834 года. Ей было пятнадцать лѣтъ.

Когда, разставшись съ однообразіемъ школы, г-жа Плесси явилась при блескѣ театральныхъ лампъ, одобрительный ропотъ пробѣжалъ по залѣ. Не сдѣлавъ ни одного жеста, не сказавъ ни одного слова, она уже достигла цѣли своей: судьи были побѣждены очаровательною наружностью ея...

Публика Французскаго-Театра не привыкла къ молодымъ, прелестнымъ пятнадцати-лѣтнимъ лицамъ, веселенькимъ, свѣжимъ; на сценѣ этого театра чаще появляются изсохшія деревья, поблеклая трава, нежели свѣженькіе, полураспустившіеся розы. Слѣдовательно, неудивительно, что этотъ прелестный цвѣтокъ, развившійся внезапно между полувѣковыми знаменитостями Фран-

цузскаго-Театра, обворожилъ и публику, и критику, и все пало къ ногамъ молоденькой артистки!

Ее долго баловали, какъ миленькаго ребенка, и если, иногда, и раздавался строгій, ворчливый голосъ критики, то никто не обращалъ на то вниманія, или-же говорили:

— Она еще такъ молода! Дайте ей подрости!

И г-жа Плесси выросла на глазахъ публики. Зрители, день за днемъ, слѣдили за развитіемъ ея. Нынче это уже не робкая, стыдливая дебютантка, — это актриса! Красота и молодость ея въ полной силѣ, полномъ блескѣ, и она заняла почетное мѣсто на первомъ театрѣ Франціи.

Приходитъ время, когда публика требуетъ отъ хорошенькихъ актрисъ, чтобы онѣ были и хорошія актрисы; время это пришло и для г-жи Плесси, послѣ первыхъ дѣтскихъ успѣховъ ея: недовольно было милыхъ улыбокъ и надеждъ, подаваемыхъ пятнадцати-лѣтнимъ ребенкомъ — публика требовала осуществившихся надеждъ, таланта. Зрители сдѣлались строже; критика, обрадовавшись этому случаю, вооружилась ферулой, и собирала грозныя тучи надъ головой артистки. Г-жа Плесси поняла опасность и приготовилась къ битвѣ. Она мужественно преодолѣла нѣкоторые маленькіе недостатки избалованнаго ребенка и изъ маленькой дѣвушки, забавлявшей публику граціозностью своею, сдѣлалось актрисой... Не забудьте, что ей только 23 года и что, слѣдовательно, ей осталось еще много времени совершенствоваться и занять мѣсто, оставшееся свободнымъ послѣ незабвенной Марсъ!

Г-жа Плесси создана для комедіи, не для драмы! Быстрые, хорошенькіе, живые глаза ея не созданы для слезъ; выраженіе грусти не идетъ къ веселому, открытому личику ея. Остроуміе, блистательная грація, обворожительные взгляды, живыя выходки, вся прелесть очаровательныхъ Селименъ, острыхъ Сусаннъ, кокетокъ Селіантъ, вотъ достояніе г-жи Плесси; въ *L'Ecole du Monde* и особенно въ *la Marquise de Senneterre* г-жа Плесси пріобрѣла неотъемлемое право на наслѣдство г-жи Марсъ — наслѣдство на сценѣ и въ публикѣ, которая безъ ума отъ красавицы-артистки.

Въ заключеніе разскажемъ происшествіе, изъ котораго читатели наши увидятъ присутствіе духа г-жи Плесси и дерзость парижскихъ рыцарей промышлености.

Это было мѣсяцевъ шесть тому назадъ, наканунѣ перваго представленія драмы г. Леона Гозлана: *Эва*. Г-жа Плесси только-что встала и, обдумывая новую роль свою, въ которой она въ-послѣдствіи имѣла такой успѣхъ, прохаживалась по прелестному будуару своему. Сильный звонъ колокольчика у дверей ея вывелъ ее изъ

размышленій. Г-жѣ Плесси доложили, что ее желаетъ кто-то видѣть.

Она приказала принять.

Вошедшій былъ молодой человѣкъ, пріятной наружности. Довольно истертый сюртукъ, грязныя желтыя перчатки, запыленные нечищенные сапоги свидѣтельствовали о не совсѣмъ-хорошемъ состояніи финансовъ его.

— Потрудитесь присѣсть, сказала съ необыкновенною любезностью своею г-жа Плесси: съ кѣмъ я имѣю честь говорить?

— Я главный редакторъ еженедѣльнаго театральнаго обозрѣнія, Ренселѐнъ де-Сержи́...

— Вы?.. г. Ренселѐнъ де Сержи....?

— Точно такъ.

Г-жа Плесси съ невыразимымъ изумленіемъ посмотрѣла на молодаго человѣка. Она лично знала г. де-Сержи, за котораго съ такою дерзостью выдавалъ себя нечаянный посѣтитель.

— Чѣмъ-же могу я служить вамъ? спросила актриса послѣ минутнаго молчанія.

— Я пришолъ предложить вамъ обоюдную сдѣлку, отвѣчалъ молодой человѣкъ, безъ церемоніи развалившись въ креслахъ.

— Объяснитесь, пожалуста...

— Извольте. Я буду говорить съ вами прямо, безъ обиняковъ, если позволите...

— Сдѣлайте милость.

— Вы завтра явитесь въ новой и весьма-трудной роли, отъ которой зависитъ, можетъ-быть, вся репутація ваша. Нѣсколько неблагонамѣренныхъ словъ могутъ погубить васъ—между-тѣмъ, какъ статья, написанная дружескимъ перомъ, можетъ навсегда упрочить славу вашу. Если вамъ угодно, то я напишу эту статью...

— Я понимаю всю важность услуги, которую вы хотите оказать мнѣ; но вы, кажется, говорили о какой-то обоюдной сдѣлкѣ?..

— Извольте видѣть, это дѣло весьма-деликатное... но вы поймете меня, я въ томъ увѣренъ...

— Вы хотѣли говорить безъ обиняковъ.

— Положеніе журналистовъ въ наше время не завидное... мы бо́льшею частію люди небогатые...

— Довольно, милостивый государь: я, кажется, поняла васъ, а потому должна прервать разговоръ, затруднительный для насъ обоихъ. Конечно, успѣхами своими я одолжена снисходительности публики и журналистовъ, но снисходительности безкорыстной, которою они хотѣли вознаградить меня за труды и усилія мои... слѣдовательно, мнѣ остается сказать вамъ, что я скорѣе согласна

быть неодобренною, нежели купить успѣхъ цѣною, которая унизитъ мое званіе... И, сказавъ послѣднія слова, г-жа Плесси встала, какъ-бы желая дать понять молодому человѣку, что это рѣшительный отвѣтъ ея, и что онъ можетъ удалиться.

— Прекрасно, сказалъ, съ замѣтной досадой, молодой человѣкъ: слѣдовательно, это дѣло конченное; послѣ-завтра явится статья моя; я былъ на репетиціяхъ, а потому могъ уже изложить мнѣніе свое объ игрѣ вашей. Сегодня-же я отправлю статью въ типографію, а завтра останется мнѣ дополнить ее нѣсколькими словами о самомъ представленіи. Но, чтобы вы не обвинили меня во лжи, то я попрошу васъ просмотрѣть статью, и если что-нибудь покажется вамъ противнымъ истинѣ, то потрудитесь показать мнѣ и.... доказать несправедливость словъ моихъ.... я готовъ исправить.

По-довольно-понятному чувству любопытства, артистка взяла исписанный листъ бумаги, который подавалъ ей журналистъ-самозванецъ, и скоро пробѣжала статью. Она была наполнена клеветами и личностями, которыя могли повредить любимой актрисѣ. Съ негодованіемъ взглянула она на молодаго человѣка.

— Помилуйте! вскричала она: да это гнусныя клеветы!

— Можетъ-быть; но мнѣ разсказывала это особа весьма-близкая къ вамъ и достойная всякаго довѣрія.

— Это ложъ!

— Можетъ-быть; но чѣмъ вы это докажете? а между-тѣмъ вы согласитесь, что эта статья навсегда запятнаетъ доброе имя ваше?

— Но скажите ради Бога, что я вамъ сдѣлала? за что хотите вы такъ жестоко и такъ грубо оскорбить меня? спросила г-жа Плесси съ достоинствомъ.

— Отъ васъ зависитъ уничтожить эту статью, возразилъ молодой человѣкъ, съ хладнокровіемъ. Подумайте хорошенько.

Наступила минута молчанія. Наконецъ, какъ-бы пораженная внезапною мыслію, актриса сказала:

— Хорошо; я согласна на сдѣлку съ вами, съ тѣмъ однакоже условіемъ, чтобы вы написали другую статью подъ мою диктовку.

— Давно-бы такъ! вскричалъ обрадованный памфлетчикъ: я готовъ къ услугамъ вашимъ.

— А чтобы насъ не безпокоили, я прикажу служанкѣ своей никого не принимать.

Съ этими словами она вышла въ другую комнату. Молодой человѣкъ радостно потиралъ руки, думая, что достигъ цѣли своей. Осмотрѣвъ роскошный будуаръ, въ которомъ все призывало къ

нѣгѣ, и припоминая восхитительное неглиже прелестной артистки, молодой человѣкъ предался мыслямъ болѣе сладостнымъ. Цѣль, съ которою онъ пришолъ, была чисто денежная — онъ достигъ ее, и, ободренный этимъ успѣхомъ, сталъ думать уже о другой цѣли — недоступнѣйшей и тѣмъ-болѣе соблазнительной....

Г-жа Плесси скоро возвратилась. Она подошла къ письменному столу, пододвинула къ нему большую бержерку съ высокой спинкой, стоявшую у стѣны и скрывавшую маленькую дверь. Сладостная дрожъ пробѣжала по всему тѣлу молодаго человѣка; онъ вообразилъ, что за этой дверью скрывается рай, о которомъ онъ мечталъ.

Актриса простояла нѣсколько минутъ какъ-бы въ раздумьи.... легкій шорохъ, послышавшійся за маленькою дверью, заставилъ ее вздрогнуть. Молодой человѣкъ, неразслышавшій шороха, приписалъ смущеніе ея затруднительному положенію, въ которомъ они находились, и, желая прервать его, сказалъ:

— Итакъ рѣшено; въ понедѣльникъ, въ газетѣ моей будетъ статья въ вашу пользу.

— Не та, которую я сейчасъ читала?

— О нѣтъ; вы поняли опасность и, вѣрно, захотите избѣжать ее.

— Вы не ошибаетесь; но, позвольте мнѣ наконецъ спросить васъ, чего вы именно хотите? Мы теперь совершенно одни, никто намъ не помѣшаетъ, итакъ говорите прямо.

— Но я, кажется, уже сказалъ вамъ, что въ наше время, бѣднымъ журналистамъ пришлось-бы умирать съ голоду, еслибъ они не умѣли употреблять въ свою пользу глубокое знаніе сердца человѣческаго.... Мы живемъ самолюбіемъ однихъ и глупостью другихъ.

— Слѣдовательно, мнѣніе ваше о талантѣ моемъ зависитъ отъ награды, которою я должна купить это мнѣніе?

— Вы совершенно-справедливы. Надѣюсь, что теперь вы поняли, что̀ значитъ обоюдная сдѣлка, и согласны....

— Я поняла, что средства ваши подлы, низки, и никогда не соглашусь быть сообщницей вашей!...

— Въ-самомъ-дѣлѣ? Но вы забываете, какъ опасно навлечь на себя мщеніе журналиста?

— Если вы точно журналистъ, въ чомъ я, мимоходомъ сказать, очень сомнѣваюсь, то вы унижаете званіе свое; угрозъ вашихъ я не боюсь, потому-что сама могу погубить васъ, разсказавъ всѣмъ о низкихъ предложеніяхъ вашихъ!

— Никто не повѣритъ вамъ, сказалъ съ наглостью молодой че-

ловѣкъ: впрочемъ къ чему всѣ эти разговоры... мы одни и еслибъ я захотѣлъ принудить васъ...

— Тише! Вы погибли! вскричала г-жа Плесси.

— Ба! кончимте эту комедію!... И молодой человѣкъ, вставъ, подошолъ къ актрисѣ съ рѣшительнымъ видомъ: мнѣ нужны деньги!... слышите, деньги! Не сопротивляйтесь или... не забудьте, что мы одни!

— Ошибаешься, дружокъ! вскричалъ кто-то грубымъ голосомъ... Маленькая дверь отворилась и коммиссаръ съ двумя солдатами вошолъ въ будуаръ.

— А, измѣна! вскричалъ молодой негодяй и бросился къ дверямъ; но въ тоже мгновеніе былъ схваченъ дюжими солдатами, между-тѣмъ, какъ въ ту же минуту съ другой стороны входилъ въ комнату мужчина среднихъ лѣтъ.

— Гдѣ мой двойникъ? спросилъ вошедшій. Это былъ Ренселѐнъ де-Сержи.

— Здѣсь! дерзко отвѣчалъ негодяй: только знайте, что съ вашимъ именемъ далеко не уйдешь!...

— Отъ-чего-же? сказалъ, улыбаясь, настоящій журналистъ: ты, дружокъ, съ нимъ, вѣроятно, дойдешь до Тулона, на галеры!

ТЫ и ВЫ.

(ИЗЪ БЕРАНЖЕ.)

Что̀ вижу? Лиза, другъ мой, ты-ль?..
Здорово, милая Лизета!...
Но у тебя лакей, карета,
Ты всѣмъ въ глаза пускаешь пыль,
Ты знатной барыней одѣта....
Ахъ! нѣтъ, увы!
Нѣтъ, это ужь не *ты*, а *вы*, —
Не прежняя моя Лизета!

Пѣшкомъ, бывало, на рысяхъ,
Съ тобой вдвоемъ, моя Лизета,
Летали въ рощу мы все лѣто;
Теперь въ атласныхъ башмакахъ
Ты ищешь гладкаго паркета....
Ахъ! нѣтъ, увы!
Нѣтъ, это ужь не *ты*, а *вы*, —
Не прежняя моя Лизета!

Какой прелестный цвѣтъ лица!
Ты точно розанчикъ, Лизета!...
Но это хитрость туалета....
Скажи мнѣ: какъ зовутъ купца,
Который продаетъ все это?...
Ахъ! нѣтъ, увы!
Нѣтъ, это ужь не *ты*, а *вы*, —
Не прежняя моя Лизета!

Да ты совсѣмъ пустилась въ знать!
Домъ у тебя дворецъ, Лизета —
И спальня возлѣ кабинета,
И даже у тебя кровать,

Какъ у султанши Магомета!...
Ахъ! нѣтъ, увы!
Нѣтъ, это ужь не *ты*, а *вы*, —
Не прежняя моя Лизета!

Ты остроуміемъ блестишь,
И даже, слышалъ я, Лизета,
Ты сочинила два куплета!...
Ты ходишь, смотришь, говоришь
Персоною большаго свѣта!...
Ахъ! нѣтъ, увы!
Нѣтъ, это ужь не *ты*, а *вы*, —
Не прежняя моя Лизета!

Куда дѣвались эти дни,
Когда ты, швеечка-Лизета,
Любила бѣднаго поэта?
Давно, давно прошли они,
Давно угасли безъ разсвѣта!...
Ахъ! нѣтъ, увы!
Нѣтъ, это ужь не *ты*, а *вы*, —
Не прежняя моя Лизета!

Ахъ! въ тѣ счастливые года
За всю любовь свою Лизета
Ждала въ любви одной отвѣта:
Теперь въ виду у ней всегда
Одна монета — и монета!
Ахъ! нѣтъ, увы!
Нѣтъ, это ужь не *ты*, а *вы*, —
Не прежняя моя Лизета!

5-го іюня 1844.

ЛЕНСКІЙ.

СМѢСЬ.

ЗОЛОТАЯ МОНЕТА.

(Разсказъ, который можетъ служить сюжетомъ для водевиля.)

I.

Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ іюльской революціи, молодой человѣкъ, г. Жанъ Бернаръ, выходилъ, около четырехъ часовъ, изъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, гдѣ онъ служилъ.

Бернаръ былъ беззаботный малый, не слишкомъ дѣятельный на службѣ, но за то весьма-аккуратный къ полученію жалованья въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца. Впрочемъ онъ былъ добръ, сострадателенъ, благороденъ, прямодушенъ; одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ молодыхъ людей, которыхъ природа создала безъ всякой примѣси яда эгоизма и опасныхъ соковъ честолюбія или жадности. Бернаръ былъ одинъ изъ тѣхъ молодыхъ людей, которые не созданы для-того, чтобы разбогатѣть безъ помощи какихъ-нибудь необыкновенныхъ, чудесныхъ обстоятельствъ — но, увы! мы живемъ не во-времена благодѣтельныхъ фей, и лампа Аладина потеряна безвозвратно!

Бернаръ былъ хоть не красавецъ, но не дуренъ; у него было веселое, открытое лицо, умные глаза, пріятная улыбка, а съ этими достоинствами онъ и не нуждался въ красотѣ.

Въ тотъ день, съ котораго мы начали разсказъ нашъ, Бернаръ былъ вполнѣ счастливъ; онъ только-что получилъ жалованье и, сверхъ-того, награжденіе въ сто франковъ, которые кассиръ Министерства выплатилъ ему золотомъ.

— Увѣрены-ли вы-въ томъ, спросилъ онъ кассира, получая пять наполеондоровъ, что это награжденіе точно назначено мнѣ, Жану Бернару?

— Совершенно увѣренъ.

— Ну, такъ господинъ министръ очень-милъ и любезенъ, отвѣчалъ Бернаръ, опуская деньги въ карманъ.

Но по какой причинѣ былъ министръ такъ милостивъ? Вѣроятно, по ошибкѣ. Какъ-бы то ни было, Бернаръ рѣшился повеселиться и въ тотъ-же вечеръ думалъ идти въ театръ.

Пройдя нѣсколько улицъ, онъ увидѣлъ, въ углу, бѣдную женщину въ рубищѣ; на головѣ была у нея старая шляпа съ вуалемъ, нѣкогда зеленымъ; она протягивала къ нему руку въ такой грязной, изодранной перчаткѣ, что отъ нея, вѣроятно, отказался-бъ и тряпичникъ.

— Бѣдная старушка, подумалъ Бернаръ: между-тѣмъ, какъ мнѣ съ неба свалилось пять золотыхъ монетъ, въ которыхъ я даже не имѣю нужды, она тщетно протягиваетъ руку, прося милостыню; она, можетъ-быть, не обѣдала, не будетъ ужинать, у нея нѣтъ, можетъ-быть, двухъ су, чтобы заплатить за мерзлое ложе, на которомъ она должна провесть ночь.... Нѣтъ, чортъ возьми! одна изъ золотыхъ монетъ, которыми надѣлилъ меня министръ, должна принадлежать ей! Пусть и она съѣстъ кусокъ телятины и выпьетъ стаканъ добраго вина!....

Съ этимъ филантропическимъ намѣреніемъ Бернаръ вынулъ изъ кармана одинъ изъ наполеондоровъ, подошолъ къ нищей и положилъ монету въ грязную перчатку, къ нему протянутую. Въ ту-же минуту выскочилъ изъ-за угла городовой сержантъ и схватилъ бѣдную женщину.

— Ага! попалась, старуха, теперь не отопрешься! Нищенствовать, несмотря на строгое запрещеніе! Мы тебя проучимъ.... маршъ! за мной въ полицію, тамъ для тебя готовъ уже ночлегъ.

Бернаръ всталъ между нищей и сержантомъ, скрестилъ руки на груди, нахмурилъ брови, надулъ губы и всячески старался придать себѣ самый сердитый видъ.

— Мнѣ кажется, что вы ужасно дерзки, господинъ сержантъ! Что вы мѣшаетесь не въ свое дѣло?

— Не съ вами говорятъ, грубо отвѣчалъ сержантъ.

— Да я съ вами говорю! Какъ смѣете вы обижать эту даму, старую пріятельницу родителей моихъ....

— Эта старая попрошайка! сказалъ презрительно сержантъ.

— Прошу васъ говорить объ этой дамѣ поуважительнѣе, или я немедленно, съ нею вмѣстѣ, отправлюсь къ префекту полиціи, и подамъ на васъ жалобу; тогда вы раскаетесь въ вашей дерзости, потому-что на васъ не оставятъ этого синяго мундира и этой треугольной шляпы, которыми вы такъ важничаете.

Изумленный городовой сержантъ промолчалъ нѣсколько минутъ, потомъ сказалъ:

— Однакожъ, вы не отопретесь въ томъ, что сейчасъ-же, при моихъ глазахъ, подали милостыню этой женщинѣ, за которою я давно уже присматриваю?

— Милостыню?... Но сначала я попрошу васъ не говорить : *этой женщинѣ*,... слышите?

— Этой дамѣ, если вамъ угодно.

— То-то же ! Милостыню, говорите вы, продолжалъ Бернаръ : это ложь ! Я нечаянно встрѣтилъ эту даму и отдалъ ей наполеондоръ, который она мнѣ нѣкогда одолжила.... и вы смѣете это называть милостыней? Перестаньте, пожалуста, или я подумаю, что вы лишній разъ заглянули въ бутылку.

Сержантъ не зналъ, на что рѣшиться. Онъ своими глазами видѣлъ золотую монету въ рукахъ бѣдной женщины, и внутренно сознавался, что это не похоже на милостыню Пока онъ обдумывалъ, Бернаръ взялъ бѣдную женщину подъ-руку и, проходя мимо сержанта, сказалъ :

— Ступайте своей дорогой, почтеннѣйшій, да впередъ будьте осторожнѣе. Вы можете наткнуться на человѣка горячаго.... я, слава Богу, еще терпѣливъ....

Сержантъ удалился пристыженный, а Бернаръ пошолъ съ бѣдной женщиной.

— Полно, матушка, сказалъ онъ ей, потерявъ изъ-виду сержанта: не бойтесь ! Вы избавились отъ бѣднаго сержанта, который тоже исполняетъ долгъ свой.... Успокойтесь, Богъ дастъ, золотая монета моя принесетъ вамъ счастіе. Э, Боже мой, нѣтъ ничего измѣнчивѣе жизни : сегодня бѣло, завтра чорно.... сегодня безъ башмаковъ, завтра въ каретѣ !....

Между-тѣмъ, какъ онъ утѣшалъ ее, бѣдная женщина горько плакала, однакожъ не поднимала вуаля своего ; тогда Бернару пришла мысль, прибавить къ золотой монетѣ еще серебряную, чтобы она могла сохранить первую хоть одинъ или два дня, и онъ всунулъ ей въ руку еще полтора франка.

— Прощайте, матушка, сказалъ онъ ей : да хранитъ васъ Господь.... Прощайте!

— О, это уже слишкомъ.... проговорила нищая задыхающимся голосомъ.

Но Бернаръ былъ уже далеко и, нѣсколько минутъ спустя, молодой чиновникъ весело взбирался въ свой седьмой этажъ; тамъ онъ пріодѣлся, пошолъ къ ресторатёру, пообѣдалъ съ апетитомъ и, наконецъ, провелъ вечеръ въ театрѣ.

II.

Восемь лѣтъ спустя послѣ приключенія, разсказаннаго нами, Бернаръ все еще жилъ въ своей мансардѣ, все еще служилъ въ томъ-же министерствѣ, получалъ то-же жалованье.... перемѣна въ жизни его была только та, что онъ состарѣлся восьмью годами и что ему не давали болѣе никакихъ награжденій. Правда, новый министръ занялъ мѣсто прежняго, и этотъ слишкомъ радѣлъ о государственныхъ дохо-

дахъ, не желая уменьшать ихъ, въ пользу подчиненныхъ своихъ. Несмотря на неблистательную будущность, представлявшуюся ему, Бернаръ былъ по-прежнему веселъ и беззаботенъ, и такъ-какъ 1,800 франковъ слишкомъ-умѣренное жалованье, то онъ успѣлъ уже задолжать портному и за квартиру.

Въ одно прелестное майское воскресенье, Бернаръ, съ пустыми карманами, но спокойный, какъ достойный ученикъ Платона, проходилъ по бульвару, когда передъ нимъ остановился богатый экипажъ, управляемый кучеромъ въ богатой ливреѣ и съ двумя лакеями на запяткахъ. Одинъ изъ лакеевъ соскочилъ съ запятокъ, отворилъ дверцы кареты, и молодая, прекрасная дама знаками подозвала къ себѣ Бернара.

— Какъ я рада, что такъ случайно встрѣтила васъ, сказала молодая дама, когда Бернаръ подошолъ къ каретѣ.

— Сударыня, отвѣчалъ Бернаръ, кланяясь съ замѣшательствомъ.

— Я надѣюсь, вы свободны?

— Сударыня....

— Куда это вы идете, одни?

— Сударыня....

— Вы, вѣроятно, гуляете?

— Сударыня....

— Такъ садитесь со мною, я довезу васъ, куда вамъ угодно....

— Но, сударыня....

— Э, Боже мой, что за церемоніи! Я ѣду одна въ Сенъ-Моръ.... если вы свободны, то поѣдемте со мною; вы будете обѣдать съ г-жою де Сенъ-Ліонъ, которая такъ мила и васъ такъ любитъ....

— Конечно, сударыня, одно удовольствіе.... счастіе..... ѣхать съ вами.... но....

— Такъ вы не свободны? Вы приглашены?

— Нѣтъ, но....

— Въ такомъ случаѣ садитесь со мною, безъ отговорокъ....

— Лакей одною рукою держалъ дверцы, другую-же протянулъ къ Бернару, чтобы помочь ему войдти въ карету. . молодая женщина улыбнулась и просила его не отговариваться.... Бернаръ махнулъ рукою, однимъ прыжкомъ очутился въ каретѣ.... лошади помчались во весь галопъ.

Бернаръ сначала чуть-было не утонулъ въ эластическихъ подушкахъ кареты.... онъ сидѣлъ возлѣ молодой, прелестной женщины и не зналъ, что́ говорить.... вдругъ она пристально посмотрѣла на Бернара, покраснѣла и смѣшалась....

— Ахъ, Боже мой! сказала она : какъ я виновата пердъ вами... я, кажется, ошиблась!... Впрочемъ нѣтъ... вѣдь вы господинъ де-Жювиньи?

— Нѣтъ, отвѣчалъ простодушно Бернаръ.

— Вы не Жювиньи? Какое, однакожъ, поразительное сходство....

Простите-ли вы мнѣ... Я поступила такъ неосторожно, необдуманно... Но неужели вы, въ-самомъ-дѣлѣ, не Жювиньи?

— Ей-Богу, не Жювиньи! отвѣчалъ наивно Бернаръ: я Жанъ Бернаръ, чиновникъ при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ!

— Ахъ, господинъ Бернаръ, васъ, вѣроятно, тысячу разъ уже принимали за господина де-Жювиньи?

— Никогда, сударыня, отвѣчалъ Бернаръ съ прежнею наивностью. — Прикажете остановиться?

— Зачѣмъ? спросила молодая дама.

— Чтобы... и Бернаръ знаками показалъ, что онъ хочетъ выдти изъ кареты...

— Зачѣмъ? повторила молодая дама, какъ-бы не понимая.

— Я хочу откланяться вамъ, сударыня, такъ-какъ я не де-Жювиньи, а Жанъ Бернаръ.

— О, нѣтъ! вы позволите мнѣ исправить ошибку мою; г. де Жювиньи не будетъ у меня сегодня обѣдать, но я буду думать, что обидѣла г. Бернара, если онъ откажется отъ приглашенія, которое обращаю теперь лично къ нему.

Молодая дама съ такою прелестію упрашивала Бернара, что онъ не могъ дольше сопротивляться. Карета вскорѣ выѣхала за городъ; тогда только Бернаръ рѣшился сдѣлать весьма-натуральный вопросъ:

— Счастливый случай, сказалъ онъ, ставитъ меня въ такое странное положеніе, что вы позволите мнѣ узнать...

— Что такое?

— Кому обязанъ я этомъ ласковымъ приглашеніемъ?

— Во-первыхъ ошибкѣ моей, которую я, графиня де-Шамильи, желаю исправить; а во-вторыхъ открытому, прямодушному виду вашему... Если я могу быть вамъ чѣмъ-нибудь полезною, то сдѣлайте одолженіе, располагайте много...

— Вы слишкомъ-милостивы, графиня...

Графиня де Шамильи была женщина лѣтъ 25-ти или 26-ти; прелестные, чорные волосы обрамливали нѣсколько блѣдное лицо ея, черты котораго были нѣжны и правильны; у нея была прекрасная талія, маленькія бѣлыя, нѣсколько продолговатыя руки, и Бернаръ не безъ удовольствія замѣтилъ, что прекрасные глаза ея останавливались на немъ съ видомъ особенной благосклонности.

— Еслибъ у меня было поболѣе самолюбія, думалъ онъ, то взгляды графини могли-бъ внушить мнѣ довольно-пріятныя идеи. Либо физіономія моя произвела на нее необычайное впечатлѣніе, либо она очень любитъ этого г на де-Жювиньи, на котораго я имѣю честь быть похожимъ.

Карета подъѣхала къ дачѣ графини, въ Сенъ Морѣ; это былъ прелестный домъ, походившій на замокъ; рѣка окружала его извилинами своими; въ огромномъ паркѣ, представлявшемъ прохладу и тѣнь гуляющимъ, били множество фонтановъ изъ мраморныхъ чашъ съ разнообразными фигурами.

Общество графини уже собралось и множество гостей вышло къ ней на встрѣчу. Бернаръ былъ представленъ какъ старый знакомый, котораго хозяйка случайно встрѣтила. Между особами, которымъ графиня представляла Бернара, онъ замѣтилъ г-жу де Сенъ-Ліонъ, но хозяйка не слова не вымолвила о сходствѣ съ г. де Жювиньи.

Молодой чиновникъ просто растерялся, не понимая, что́ все это значитъ.

III.

Время летѣло быстро; графиня была такъ внимательна, такъ мила и любезна къ Бернару, что тотъ не зналъ, чему это приписать. Когда общество разошлось, г-жа де-Шамильи, остававшаяся на дачѣ, приказала заложить свой экипажъ для Бернара.

— Надѣюсь, сказала она ему при прощаньи: что вы иногда будете посѣщать меня... почаще... напримѣръ хоть завтра; я вамъ дамъ записочку, по которой вы возьмете нѣкоторыя ноты у Ланнера и пришлю за вами карету... Итакъ до завтра.

Бернаръ, болѣе и болѣе изумленный, воротился домой, исполненный самыхъ сладостныхъ надеждъ. Мы уже сказали, что онъ не былъ самолюбивъ и не красавецъ, хотя наружность его была пріятна; не-смотря на то, казалось, что графиня полюбила его. Она воспользовалась пустымъ предлогомъ, чтобы завлечь его къ себѣ, потому-что ясно было, что мнимое сходство съ г. де-Жювиньи было нечтоиное, какъ вымыселъ.

Бернаръ не могъ уснуть. На другой день онъ освѣдомился въ министерствѣ, не знаетъ-ли кто графини де-Шамильи.

Наконецъ одинъ изъ столоначальниковъ отвелъ его въ сторону.

— А вы развѣ знаете ее, любезный Бернаръ? спросилъ столоначальникъ.

— Увы, нѣтъ, отвѣчалъ Бернаръ: хоть я вчера и обѣдалъ у нея.

— Ого! сказалъ столоначальникъ.

— Не знаете-ли вы, кто она?

— Вдова.

— Это мнѣ самому показалось.

— Вотъ я вамъ что́ скажу: я зналъ графа де-Шамильи, весьма благодѣтельнаго и богатаго старика, который умеръ пять лѣтъ спустя послѣ того, какъ женился на молодой дѣвушкѣ безъ всякаго состоянія... въ то время всѣ ужасно хулили этотъ бракъ. Если вы вчера обѣдали съ *этой* графиней, то я могу вамъ сказать, что она очень богата.

— Неужели?

— Да; г. де-Шамильи, умирая, оставилъ ей все имѣніе свое, т. е. земли въ двухъ или трехъ департаментахъ; нѣсколько домовъ въ

Парижѣ и сверхъ того наличными... о! графиня прелестная женщина!

— Очаровательная! подтвердилъ Бернаръ.

— У нея болѣе 150 тысячъ франковъ годоваго дохода, продолжалъ столоначальникъ, потирая руки: говорятъ, будто она хочетъ опять выдти за-мужъ

— А-а! протяжно сказалъ Бернаръ: за-мужъ? А за кого? Не за васъ-ли?

— Я не имѣю чести знать ее, но г. де С..., нашъ общій начальникъ, ухаживаетъ за нею; если онъ на ней женится, въ чомъ я и не сомнѣваюсь, то выйдетъ въ отставку, и я вступлю на мѣсто его.

— А какъ вы думаете, дѣло состоится? спросилъ Бернаръ

— Дай-то Богъ! Но пока еще ничего вѣрнаго нѣтъ; я знаю только, что нашъ де С... страстно влюбленъ, а любовь прилипчива.

Этого Бернару было довольно: онъ очень-хорошо зналъ де С...; это былъ красивый мужчина, которому не было еще 30-ти лѣтъ; онъ былъ уменъ, любезенъ, богатъ, словомъ, обладалъ всѣми качествами, нравящимися женщинамъ. Бернаръ внутренно сознавался, что онъ былъ очень-далёкъ отъ де С...

— Понимаю, подумалъ онъ: графиня передъ женитьбой хочетъ узнать всю жизнь начальника моего и она избрала меня, чтобы узнать подробности о привычкахъ, характерѣ того, котораго любитъ. Это очень не лестно!

Бернаръ съ досады хотѣлъ уже бросить ноты и написать графинѣ, что неожиданное обстоятельство не позволяло ему явиться къ ней. Однакожъ когда первая минута досады прошла, то онъ разсудилъ, что поступитъ очень-неблагоразумно: г-жа де-Шамильи приняла его съ особенною благосклонностью, это правда; но вѣдь онъ самъ виноватъ въ томъ, что возмечталъ о невозможномъ... неужели ему, бѣдному, ничтожному чиновнику, можно было жениться на графинѣ де-Шамильи, обладавшей милліонами! Есть люди, которыхъ природа щедро одарила всѣми физическими и умственными качествами.... имъ позволено надѣяться *влюбить въ себя* богатыхъ вдовъ; но Бернаръ не имѣлъ ни ума Вольтера, ни наружности Ловласа, а потому забылъ смѣшную досаду свою и отбросилъ честолюбивые замыслы.

Въ пять часовъ карета графини стояла у воротъ дома, въ которомъ жилъ Бернаръ; онъ поѣхалъ къ Ланнеру, взялъ ноты и отправился въ Сенъ-Моръ.

Графиня была одна; она приняла Бернара, какъ человѣка, котораго нетерпѣливо ожидаютъ, взяла его подъ руку и отправилась съ нимъ къ парку.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дому до гналъ ихъ лакей.

— Г. де С... пріѣхалъ изъ Парижа; онъ желаетъ видѣть васъ, сударыня, доложилъ лакей.

— Скажи, что меня дома нѣтъ, отвѣчала съ живостію графиня.

— Но онъ, кажется, видѣлъ, когда вы, сударыня, проходили черезъ дворъ, замѣтилъ слуга.

— Все равно, скажи, что дома нѣтъ, повторила она.

И, вмѣстѣ съ Бернаромъ, она скоро пошла по одной изъ маленькихъ аллей парка.

— Я удивляюсь, сказала графиня: зачѣмъ этотъ г. де-С..... пріѣхалъ, не будучи приглашонъ! Еще въ такой день, когда я не принимаю, и передъ самымъ обѣдомъ. Это меня крайне удивляетъ!

— Онъ виноватъ, отвѣчалъ Бернаръ: но я очень-хорошо понимаю, графиня, что тотъ, кто хоть одинъ разъ видѣлъ васъ, можетъ сдѣлать ошибку, чтобы только опять увидѣть васъ.

Графиня посмотрѣла на Бернара съ прелестной улыбкой, какъ-бы благодаря его за комплиментъ; потомъ она продолжала:

— Если онъ, въ-самомъ-дѣлѣ, видѣлъ меня, то разсердится; тѣмъ хуже для него.... Повѣрите-ли, г. де-С..... воображаетъ, что влюбленъ въ меня.

— Я слышалъ уже объ этомъ.

— Слышали? отъ кого?

— Вы забываете, графиня, что я служу въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, и что г. де-С..... начальникъ мой.

— Въ-самомъ-дѣлѣ, сказала графиня: знайте-жъ, что начальникъ вашъ никогда не будетъ мужемъ моимъ.

— Вѣроятно, вы, графиня, не желаете вступить во вторичный бракъ? осмѣлился спросить Бернаръ.

Г-жа де-Шамильи покраснѣла, опустила глаза и отвѣчала дрожащимъ голосомъ:

— Я этого не говорила.

Оба смутились и замолчали; слова графини, выраженіе голоса ея и краска, выступившая на лицѣ, были такъ краснорѣчивы, что на нихъ должно-бъ было отвѣчать изъясненіемъ въ любви. Но если Бернаръ ошибался, если она не любила его? Если она отвергала любовь г. де-С..... только потому, что она любила другаго? Можетъ-быть, г-на Жювиньи? Въ такомъ случаѣ ничего не могло быть глупѣе изъясненія въ любви женщинѣ, съ которою познакомился только наканунѣ!...

Бернаръ опустилъ глаза и молчалъ. Это положеніе заставило его обратиться къ самому-себѣ. Любилъ-ли онъ г-жу де-Шамильи? или, прельщенный ласками ея, можетъ-быть и богатствомъ, желалъ онъ жениться на ней, чтобы составить счастіе свое?.... Нѣтъ! не-смотря на то, что такъ недавно узналъ ее, онъ любилъ графиню всѣмъ сердцемъ, и сожалѣлъ только о томъ, что она графиня и такъ богата, потому-что не могъ осмѣлиться предложить ей руку свою. Когда прошло смущеніе г-жи де-Шамильи, она прервала молчаніе.

— Такъ-какъ я богата и вдова, сказала она: то всѣ эти господа добиваются руки моей; имъ кажется, что они такъ обворожительны, что я непремѣнно должна пожертвовать имъ свободой и имуществомъ своимъ. Нѣтъ, этого не будетъ; я хочу сама избрать себѣ мужа; я

хочу воспользоваться правами, которыя даетъ мнѣ положеніе мое въ свѣтѣ и богатство....

Они провели весь вечеръ въ самыхъ дружескихъ разговорахъ, и г-жа де-Шамильи сама проводила Бернара въ Парижъ, гдѣ она желала провесть нѣсколько дней.

На другой день, когда Бернаръ пришолъ въ министерство, столоначальникъ опять отвелъ его въ-сторону.

— Все погибло, сказалъ онъ: кажется, г. де-С..... остается на службѣ, и я не получу повышенія.

— Отъ-чего? спросилъ Бернаръ.

— Онъ не женится!

— Неужели?

— Да, г-жа де-Шамильи не приняла его вчера; онъ написалъ къ ней письмо, и, отвѣтомъ своимъ, графиня отняла у него всякую надежду.

— Что-же! сказалъ весело Бернаръ: она, вѣроятно, выйдетъ за другаго.

— Да мнѣ-то отъ-того легче не будетъ, печально возразилъ столоначальникъ.

— За то мнѣ, можетъ-быть, будетъ лучше, сказалъ Бернаръ, и не ошибся. Вечеромъ, когда онъ воротился домой, привратница сказала ему:

— Васъ ждетъ молодая дама.

— Дама? повторилъ Бернаръ и покраснѣлъ.... А, знаю! блондиночка.....

— Нѣтъ, нѣтъ, мосьё Бернаръ, брюнетка.... она еще не бывала у васъ....

Бернаръ поспѣшно побѣжалъ по лѣстницѣ; дверь мансарды его была полурастворена, онъ вошолъ.... посреди маленькой комнатки, на единственныхъ креслахъ, сидѣла г-жа де-Шамильи!

— Я увѣрена, сказала она спокойно: что, еслибъ сама не пришла за вами, то не скоро увидѣла-бъ васъ у себя.

— Извините, графиня.... я такъ поражонъ.... и Бернаръ, подойдя къ графинѣ, поцѣловалъ руку ея.

— Отъ-чего вы смущены? спросила она съ улыбкой. Ужъ не влюблены-ли вы въ меня?

— Влюбленъ, графиня; но, ради Бога простите дерзость мою!

— Если вѣрить всѣмъ окружающимъ меня и зеркалу моему, то у васъ вкусъ не дуренъ, отвѣчала графиня, съ очаровательной улыбкой.

— Ахъ, графиня, это правда, вы прелестны и съ перваго взгляду я полюбилъ васъ всею душою, но — увы! у васъ есть большой недостатокъ....

— Недостатокъ? повторила графиня съ нѣкоторымъ безпокойствомъ.

— Именно; вы слишкомъ-богаты!

— И это вы называете недостаткомъ?.... сказала графиня, засмѣявшись...

— Конечно; потому-что я не смѣю предложить вамъ сердце мое.... я боюсь, чтобы меня не обвинили въ корыстолюбивыхъ разсчотахъ.... печально сказалъ Бернаръ.

— Эта мысль радуетъ меня, сказала Графиня: она доказываетъ благородство вашего характера. Видя робость вашу, я поняла причину ея и знала, что вы будете молчать. Такъ я рѣшилась заговорить первая; я сама рѣшилась сказать, что люблю васъ и прошу жениться на мнѣ....

При послѣднихъ словахъ, Бернаръ бросился къ ногамъ графини; онъ не зналъ, на яву-ли это происходитъ, онъ не вѣрилъ ушамъ своимъ.

— Чтобы я.... я! восклицалъ онъ.

— Конечно вы, другъ мой; неужели вы думаете, что еслибъ я васъ не любила, еслибъ я не была убѣждена, что вы одни можете составить счастіе мое, я пришла-бы сюда, къ вамъ?

— Вы меня любите, вы! вскричалъ Бернаръ, съ величайшимъ изумленіемъ.

— Съ-тѣхъ-поръ, какъ увидѣла васъ, и прежде-того сердце мое призывало васъ, взоръ мой вездѣ искалъ васъ, и, еслибъ я съ вами не встрѣтилась, то осталась-бы вдовой.... образъ вашъ таился въ сердцѣ моемъ, и вамъ однимъ назначила я руку и имѣніе свое, съ-тѣхъ поръ, какъ стала свободна!

Бернаръ не приходилъ въ себя; онъ, однакожъ, съ радостію покорился счастію своему, и краснорѣчиво выражалъ графинѣ признательность и любовь свою!

— Удивительно! думалъ онъ: она, вѣроятно, сильно любитъ меня; должно-быть, я внушилъ ей пламенную страсть.... Она удалила всѣхъ поклонниковъ своихъ, предпочла меня молодымъ людямъ, богатымъ, знатнымъ, свѣтскимъ, и, что всего удивительнѣе, согласна промѣнять блестящее имя графини де-Шамильи на простую фамилію г-жи Бернаръ!

Молодой чиновникъ былъ правъ; женщина всѣмъ готова пожертвовать любви своей, исключая тщеславія.

Однакожъ г-жа де-Шамильи всячески старалась ускорить приготовленія къ свадьбѣ, и Бернаръ, надѣясь сдѣлаться милліонеромъ, охотно уступилъ мѣсто свое другимъ бѣднякамъ, и пошолъ въ министерство, чтобы проститься съ прежними товарищами своими. Столоначальникъ опять отвелъ его въ-сторону.

— Такъ это вы, сказалъ онъ, женитесь на г-жѣ де-Шамильи?

— Я, завтра утромъ.

— Вы отбили ее у де-С.....

— Нисколько; могу увѣрить васъ, что не *я* женюсь на г-жѣ де-Шамильи, а *она* выходитъ за меня, потому-что я никогда-бъ не осмѣлился....

— Все равно, г. де С..... взбѣшонъ.
— Тѣмъ-хуже для него.
— Онъ хочетъ объясниться съ вами.
— Я готовъ. Когда-же?
— Да хоть сегодня.
— Чѣмъ-скорѣе, тѣмъ-лучше.
— Такъ найдите секунданта и отправьтесь въ Булонскій лѣсъ, сказалъ столоначальникъ: а я между-тѣмъ пойду за г. де С.....
— Съ удовольствіемъ.

Часъ спустя, соперники стояли одинъ передъ другимъ со шпагами въ рукахъ.

Есть старинная пословица, которая говоритъ, что человѣку, любимому хорошенькой и добродѣтельной женщиной, не можетъ никакое зло приключиться — пословица оправдалась въ этотъ разъ. Бернаръ ранилъ соперника, что́ — странная вещь! — обрадовало обоихъ противниковъ. Г. де-С..... былъ въ восторгѣ, что этимъ докажетъ графинѣ, что готовъ пожертвовать жизнію для нея, а Бернаръ доказалъ будущей женѣ своей, что въ немъ довольно мужества, чтобы всегда защищать ее.

На слѣдующій день Бернаръ былъ женатъ.

IV.

Когда свадебный обрядъ кончился; когда гости разъѣхались, и молодые супруги остались одни, Бернаръ взялъ руку жены своей и сказалъ ей:

— Это не сонъ... вы принадлежите мнѣ! ваша великодушная любовь одарила меня такимъ счастіемъ, о которомъ я никогда и мечтать не смѣлъ и которое, я надѣюсь, будетъ продолжительно.... но чѣмъ болѣе я раздумываю о томъ, что́ со мною случилось, тѣмъ менѣе понимаю внезапную рѣшимость вашу, въ-слѣдствіе которой вы всѣмъ пожертвовали для меня.... съ-тѣхъ-поръ, какъ я познакомился съ вами, я тщательно изучаю васъ; вы умны, разсудительны, неспособны воспламениться первымъ встрѣчнымъ и выдти за него только потому, что лицо его понравилось вамъ и чтобъ удовлетворить не совсѣмъ благоразумную идею... извините, я хотѣлъ сказать прихоть. Во всемъ этомъ есть что-то необыкновенное... тайна...

— Которую я сейчасъ открою вамъ, другъ мой, поспѣшила отвѣтить г-жа Бернаръ: тайна эта — исторія жизни моей: пришло время разсказать вамъ ее.

Молодые супруги сидѣли одни, у камина; слуги были отпущены; г-жа Бернаръ начала разсказывать:

— Вы уже знаете, что я родилась въ Ліонѣ; отца моего звали Пьеръ Гюэ — онъ былъ негоціантъ, богатъ, и воспиталъ меня съ особенною заботливостью; въ дѣтствѣ своемъ я уже познакомилась съ тою ро-

скошью, которая теперь окружаетъ меня: но вы знаете, другъ мой, что негоціантъ никогда не можетъ быть увѣренъ въ богатствѣ, пріобрѣтенномъ имъ... одно несчастіе, и онъ можетъ всего лишиться. Когда мнѣ минуло пятнадцать лѣтъ, отецъ мой думалъ удалиться отъ дѣлъ, купить имѣніе на берегахъ Сóны и жить тамъ въ спокойствіи съ семействомъ своимъ. Предъ заключеніемъ контракта на-счотъ этого пріобрѣтенія, отецъ мой чрезъ банкрутство одного банкира лишился 100.000 франковъ. Это была сумма, которую онъ назначалъ мнѣ въ приданое. Тогда отецъ мой перемѣнилъ намѣреніе свое: онъ не хотѣлъ удалиться отъ дѣлъ, пока не пріобрѣтетъ опять этой суммы. Имѣніе не было куплено и онъ опять принялся за дѣла. Вѣроятно, желаніе, поскорѣе поправить состояніе свое сдѣлало его неосторожнымъ... онъ не по-силамъ распространилъ торговыя предпріятія свои, пустился въ невѣрныя спекуляціи. Казалось, добрый геній покинулъ его; къ первой потерѣ присоединились еще другія; все измѣнило ему, деньги, кредитъ и необходимое присутствіе ума для защиты отъ наступавшаго бѣдствія. Онъ обанкрутился. Есть люди, для которыхъ банкрутство нечто иное, какъ средство къ обогащенію — эти люди основываютъ все благосостояніе свое на обманѣ; отецъ мой, напротивъ, уступилъ даже все имѣніе матери моей для удовлетворенія кредиторовъ... мы оставили Ліонъ, переѣхали въ Парижъ и поселились въ отдаленной части города, на чердакѣ. Нищета заступила мѣсто роскоши; мы должны были бороться не съ недостаткомъ, а съ жесточайшей нуждой. Да сохранитъ насъ Господь, другъ мой, отъ подобныхъ страданій!.. Мнѣ было 15 лѣтъ, я была недурна... Вы говорите, что тщательно изучили меня и замѣтили, что я разсудительна — этимъ качествомъ я одолжена тому горестному времени. Я на жестокомъ опытѣ узнала опасности, окружающія молодую бѣдную дѣвушку, и, защищаясь отъ порока, узнала всю отвратительность его. Мать моя, которая до-тѣхъ-поръ надѣялась составить для меня выгодную партію, первая пала подъ тягостію нищеты, въ которой мы находились; она занемогла... я плакала у болѣзненнаго одра ея; отецъ мой оплакивалъ прошедшее благосостояніе свое... онъ былъ изъ тѣхъ людей, которые добры и умны въ благоденствіе, но которые не умѣютъ бороться съ несчастіемъ. И онъ занемогъ; я вскорѣ осталась одна между умиравшими родителями моими, безъ помощи, безъ денегъ, безъ бѣлья, не зная, гдѣ найдти доктора, а притомъ не имѣя средствъ купить лекарствъ.

— Вы были въ этомъ ужасномъ положеніи! вскричалъ Бернаръ.

— Да, другъ мой!

— И я не могъ помочь вамъ!..

— Вы помогли!

— Я?

— Да, вы, другъ мой.... слушайте далѣе.

И г-жа Бернаръ продолжала:

— Итакъ я была лишена всего, когда одна бѣдная женщина, сосѣд-

ка наша, вошла въ нашу мансарду и увидѣла двухъ больныхъ, умиравшихъ на одной кровати..

— Дитя мое, сказала она: зачѣмъ вы не подадите больнымъ никакой помощи?

— Увы! отвѣчала я: у насъ ничего нѣтъ; я вчера продала послѣднее платье свое.... у насъ нѣтъ ни куска хлѣба, ни стакана воды!

— И вы хотите дать умереть родителямъ вашимъ! воскликнула она: развѣ вы не знаете, что въ Парижѣ есть для бѣдныхъ нуждающихся.... госпитали!

Я увидѣла, какъ, при этихъ словахъ, отецъ мой задрожалъ... Я сама поблѣднѣла... Намъ говорила сосѣдка о послѣднемъ убѣжищѣ несчастныхъ; но, по понятному предубѣжденію людей, бывшихъ богатыми, мы считали госпиталь послѣднею степенью несчастія, не смотря на то, что уже нуждались въ необходимѣйшемъ!... Сосѣдка была уже стара, и въ теченіе бѣдственной жизни своей. она не разъ бывала въ этомъ убѣжищѣ несчастныхъ, а потому она почти пришла въ негодованіе, замѣтивъ, что мы не хотѣли послѣдовать совѣту ея; она выхваляла чистыя постели въ больницахъ, познанія докторовъ, заботливость сидѣлокъ; потомъ, обратившись ко мнѣ, сказала, что я буду виновна въ неминуемой смерти родителей моихъ.... тогда, внутренно чувствуя всю справедливость словъ ея, я упала на колѣни возлѣ матери моей и умоляла ее принять послѣднее средство, которое мнѣ самой казалось ужаснымъ. Отецъ мой первый рѣшился.

— Это послѣдняя жертва, сказалъ онъ: надо повиноваться необходимости.

Мать моя не могла имѣть воли своей, такъ она была слаба. Вскорѣ изъ ближайшей больницы были присланы носилки... рыдая, слѣдовала я за ними... ужасный голодъ мучилъ меня... да, другъ мой, голодъ! Но я не о томъ рыдала... Я упросила директора больницы, чтобы онъ позволилъ мнѣ не разставаться съ родителями моими... Нѣсколько дней спустя они умерли.... Я осталась одна!

Г-жа Бернаръ нѣсколько минутъ молчала, утерла слезу, и потомъ продолжала:

— Я вышла изъ больницы, одна воротилась въ мансарду свою, не имѣя куска хлѣба... вскорѣ я должна была остаться и безъ пристанища... Въ свѣтѣ говорятъ, что въ 15 лѣтъ бѣдность не страшна: даже разсказываютъ про одну женщину, которая вспоминая о бѣдности, въ которой находилась, будучи молода, говорила: «Я тогда была очень несчастна... Это было лучшее время жизни моей»... Эта женщина, вѣроятно, не лишалась въ одно время отца и матери, она не перешла внезапно отъ роскоши къ нищетѣ, и къ тому-же она находила утѣшеніе въ любовныхъ шалостяхъ, которыхъ я, по-счастію, никогда не знала!

Г-жа Бернаръ, вспоминая прошедшія горести свои, дрожала всѣмъ тѣломъ, и въ голосѣ ея проявлялась вся сила внутренняго волненія. Бернаръ цѣловалъ руки ея и орошалъ ихъ слезами.

— О! вскричалъ онъ: я досадую на себя, что вызвалъ эти грустныя воспоминанія.

— Совсѣмъ нѣтъ, другъ мой; я должна была разсказать вамъ эти подробности... Впрочемъ я почти дошла до конца страданій моихъ; небо прояснится, и вы, другъ мой, должны выслушать всю исторію жизни моей. Сколько я ни боролась съ голодомъ, но наконецъ, онъ побѣдилъ даже стыдъ... Я надѣла старую шляпу, закрыла лицо вуалемъ, согнулась, спрятала молодыя руки свои въ грязныя перчатки, и переодѣтая такимъ образомъ, вышла на улицу... тамъ я протянула руку къ прохожимъ...

— Вы! вы? вскричалъ Бернаръ внѣ себя.

— Да, я; сначала никто не обращалъ на меня вниманія: но наконецъ явился ангелъ спаситель, онъ положилъ мнѣ въ руку золотую монету... она была дана отъ чистаго сердца, потому-что Господь позволилъ этой монетѣ умножиться подобно звѣздамъ небеснымъ, и для него-же!...

— Что́ вы говорите?

— Я не знала, что, прося кусокъ хлѣба насущнаго, дѣлаешься преступной; я не знала, что законъ преслѣдуетъ тѣхъ, которые умираютъ съ голоду и осмѣливаются сказать о томъ прохожимъ. Полицейскій стражъ хотѣлъ схватить меня, но ангелъ-спаситель защитилъ меня!... Онъ сказалъ, что золото, которое онъ мнѣ далъ, принадлежало мнѣ; онъ взялъ меня подъ-руку, удалилъ отъ меня опасность, старался утѣшить меня словами, исполненными доброты душевной, и, прибавивъ еще милостыню къ первой, онъ разстался со мною только тогда, когда увѣрился, что я была внѣ опасности... Этотъ ангелъ, другъ мой, были вы!

— Ахъ, точно! сказалъ Бернаръ: теперь я вспомнилъ... бѣдная женщина...

— Была я!

— Вы, богатая графиня де-Шамильи!

— Тогда я была только нищая и бѣдная сирота, Лиза Гюэ!... Ваша монета принесла мнѣ счастіе, потому-что съ той минуты судьба перестала преслѣдовать меня... Возвратившись въ свою мансарду, я застала тамъ молодую подругу дѣтства моего, недавно вышедшую замужъ за богатаго человѣка; она знала о несчастіяхъ моихъ, взяла меня къ себѣ, и хотя этимъ будущность моя не была еще обезпечена, но, по-крайней-мѣрѣ, я не знала нужды... я не знала, что́ такое голодъ, была одѣта, имѣла убѣжище и, что́ еще лучше — друзей. Къ подругѣ моей, съ которой я познакомлю васъ, часто приходилъ весьма-богатый, старый дворянинъ; онъ былъ ненавистникъ брака, но старость приближалась, воображаемыя болѣзни мучили его; одиночество, котораго онъ до-тѣхъ-поръ искалъ, сдѣлалось для него тягостнымъ; онъ не довѣрялъ слугамъ своимъ, изъ которыхъ одни, какъ онъ говорилъ, обкрадывали его, другіе-же съ нетерпѣніемъ ждали смерти его; у него не было близкихъ родственниковъ, а были какія-то даль-

ніе, которымъ онъ не хотѣлъ оставить наслѣдство свое: однакожъ какъ быть?... Г-нъ де-Шамильи познакомился со мною, узналъ исторію мою и предложилъ мнѣ свою руку.

— Вы были несчастны и остались добродѣтельны, сказалъ онъ, а потому не откажитесь отъ брака, къ которому не можетъ склонить васъ любовь, я это знаю; повинуйтесь-же, по-крайней-мѣрѣ, голосу дружбы и разсудка.

Я согласилась: онъ не дѣлалъ мнѣ никакихъ обѣщаній, онъ не отдѣлялъ мнѣ ни малѣйшей частицы имѣнія своего, но ввѣрился въ добродѣтель мою.... бѣдная дѣвушка, родители которой умерли въ больницѣ, сдѣлалась богатой графиней де-Шамильи. Вы знаете, что графъ жилъ только пять лѣтъ послѣ брака. Теперь прошло около трехъ лѣтъ послѣ смерти его. Онъ назначилъ меня полной наслѣдницей огромнаго имѣнія своего, и съ той минуты я рѣшилась раздѣлить имѣніе свое съ тѣмъ человѣкомъ, который первый защитилъ меня. Черты ваши, другъ мой, запечатлѣлись въ сердцѣ и умѣ моемъ, но я не знала даже имени вашего. Что̀ дѣлать? Къ кому обратиться? Кого спросить? Я надѣялась только на Провидѣніе... Я рѣшилась искать васъ всю жизнь, и лучше умереть вдовой, нежели измѣнить тому, что̀ казалось мнѣ священнымъ долгомъ. Вы могли встрѣтиться со мною и не полюбить меня, вы могли быть женаты, вы могли быть богаты, что̀ я и думала, потому-что невѣроятно, чтобы человѣкъ, дающій двадцать франковъ нищей, былъ бѣденъ; всѣ эти вѣроятности не устрашали меня, и я продолжала искать васъ. Ахъ! когда, восемь лѣтъ спустя, я опять увидѣла и узнала васъ, тогда въ глубинѣ души поблагодарила Всевышняго и привязалась къ вамъ всѣмъ сердцемъ. . Какъ я была счастлива! Вы были свободны, бѣдны и полюбили меня... Вотъ исторія моя, другъ мой, вотъ тайна предпочтенія, которое удивило васъ и казалось страннымъ... Но, другъ мой, продолжала г-жа Бернаръ: я говорила вамъ о богатствѣ своемъ, вы видѣли брильянты мои, но я еще не показала вамъ драгоцѣннѣйшее сокровище мое...

Съ этими словами она сняла съ шеи брильянтовое ожерелье съ хрустальнымъ медальйономъ, въ кото̀торомъ блестѣла золотая монета. Г-жа Бернаръ открыла медальйонъ, вынула монету и, положивъ ее въ руку мужа, сказала:

— Вотъ она!....

КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ ЖИЗНИ КОМПОЗИТОРА БЕРТОНА. Пьеръ-Монтанъ Бертонъ родился въ 1727 году, въ Парижѣ, а умеръ тамъ-же въ 1780 году. Будучи шести лѣтъ отъ роду, онъ разыигрывалъ какія угодно ноты съ перваго взгляда; двѣнадцати лѣтъ онъ сочинялъ кантаты, которыя были испо̀лнены въ Сенлисскомъ соборѣ. Онъ сначала вступилъ въ число пѣвчихъ собора Notre Dame de Paris, оттуда перешолъ въ Парижскую Оперу, гдѣ занималъ басовыя партіи. Потомъ онъ пѣлъ въ Марсели, въ Бордо, возвратился опять въ Парижъ, гдѣ ему удалось овладѣть

скипетромъ оркестра Королевской Академіи Музыки (Académie royale de Musique), который оспаривали у него множество соперниковъ; вскорѣ за тѣмъ, въ этой-же Академіи, получилъ онъ званіе главнаго администратора, и наконецъ сдѣлался директоромъ Оперы. Онъ сочинилъ музыку для дюжины лирическихъ драмъ.

Все то, что мы сейчасъ сказали о Пьеръ-Монтанѣ, совершенно сходно съ тѣмъ, что мы намѣреваемся сказать о сынѣ его, Анри Бертонѣ, родившемся въ Парижѣ 17-го сентября 1767 года. Будучи шести лѣтъ, онъ читалъ ноты съ перваго взгляда — à livre ouvert; пятнадцати лѣтъ онъ былъ въ числѣ скрипачей опернаго оркестра; онъ оставилъ это мѣсто, переѣхалъ въ Бордо и вступилъ въ должность перваго скрипача при тамошнемъ театрѣ.

Бертонъ въ высшей степени обладалъ музыкальнымъ инстинктомъ; онъ угадывалъ средства, эффекты этого искусства, и сочинялъ безъ помощи учителя. Саккини давалъ ему прекрасные совѣты касательно драматической музыки и степеней силы аккомпанированія вокальной партіи оркестромъ. Бертонъ руководствовался сочиненіями Паэзіелло; *La Frascatana* имѣла въ то время европейскій успѣхъ и сдѣлалась образцомъ его въ искусствѣ композиціи; изъ нея-то онъ почерпнулъ ту изящную простоту, которою отличаются творенія его.

Увлекаемый непреодолимою страстію къ драматической музыкѣ, Бертонъ написалъ партитуру оперы *La Dame invisible*, либретто которой заимствовано изъ повѣсти Скаррона. Саккини былъ очень доволенъ этимъ первымъ опытомъ, и ободрилъ молодаго композитора; маэстро понялъ зародышъ таланта, и съ-тѣхъ-поръ Бертонъ каждый день занимался предъ глазами автора оперъ: *Renaud* и *La Colonie*.

Въ 1786 году Бертонъ, будучи 19-ти лѣтъ отъ роду, написалъ нѣсколько кантатъ и ораторій. Въ слѣдующемъ году была представлена его комическая опера: *Les Promesses de Mariage*, которую публика приняла очень-благосклонно. Потомъ была играна La Dame invisible и нѣкоторыя другія, малозначительныя піесы. Дарованіе Бертона проявилось однакожъ не ранѣе, какъ въ 1790 году, въ оперѣ: *Les Rigueurs du cloître*, въ которой замѣчены были многія мѣста, отличавшіяся новизной и оригинальностію — въ особенности-же хоръ монахинь.

Мегюль и Керубини были въ то время во всемъ блескѣ славы своей; они ввели на сцену невѣдомую до-толѣ роскошь инструментовки; музыка ихъ отличалась силой, энергіей, согласовавшеюся съ революціонными идеями того времени. Бертонъ воспользовался этимъ нововведеніемъ; не-смотря на то, музыка его сохранила всю граціозность свою.

Опера *Montano et Stéphanie*, есть торжество Бертона. Вотъ исторія ея:

Дежòръ былъ въ то время любимымъ писателемъ оперныхъ ли-

бретти. Онъ написалъ *Montano et Stéphanie* и прочолъ либретто общникамъ театра Комической-Оперы, около конца 1798 года. Піеса была одобрена единогласно и Дежóръ немедленно отправился къ Гретри́. Композиторъ «Ричарда» прекрасно принялъ Дежóра, выслушалъ оперу его, одобрилъ ее, но вмѣстѣ съ тѣмъ объявилъ, что не можетъ взяться написать на нее музыку, отговариваясь лѣтами, слабостью и тѣмъ, что такъ-какъ въ одной изъ его оперъ есть уже подобный сюжетъ, то онъ боится впасть въ повторенія.

— Ахъ, вскричалъ Дежóръ: въ такомъ случаѣ весь трудъ мой погибъ!

— Нѣтъ, другъ мой, нѣтъ, отвѣчалъ Гретри: выслушайте меня; послушайтесь совѣтовъ моихъ, совѣтовъ старика, пріобрѣтшаго право давать полезные и умные совѣты въ дѣлѣ драматической музыки. Выберите композитора, въ которомъ еще свѣжи страсти. У насъ есть Мегюль, Керубини, Лесюёръ, Мартини и другіе: сверхъ-того есть еще одинъ, о которомъ я не упомянулъ, но который имѣетъ всѣ способности для того, чтобы написать прекрасную партитуру къ вашей драмѣ.

— Но кто-же это?

— Это мой юный Бертонъ.

— Какъ?...

— Да, я совѣтую вамъ обратиться къ Бертону.

— Этому молодому человѣку? Ему нѣтъ и тридцати лѣтъ!

Не станемъ повторять всѣхъ доказательствъ Гретри́, чтобы уговорить, убѣдить Дежóра. Надо замѣтить, что Гретри отъ-души ненавидѣлъ Керубини и Мегюля, и, слѣдовательно, очень-радъ былъ случаю, представить имъ опаснаго соперника.

Дежóръ, убѣжденный знаменитымъ композиторомъ, немедленно отправился къ молодому музыканту. Какое счастіе Бертону! Либретто, единодушно одобренное актерами! Либретто, успѣхъ котораго былъ несомнителенъ, и которое принесено къ нему по рекомендаціи Гретри! Бертонъ плакалъ-отъ радости: Феникса, котораго онъ искалъ и звалъ всѣмъ сердцемъ, всею душою, самъ явился къ нему. Чтобы лучше объяснить восторгъ Бертона, мы разскажемъ положеніе его.

Бертонъ былъ женатъ, и все богатство, все имѣніе его состояло въ двухъ малюткахъ, которыхъ онъ обожалъ. Революція лишила его права на наслѣдованіе мѣстъ и званій отца и на пенсію, назначенную ему Маріей-Антоанеттой; чтобы вознаградить его за эти потери, его назначали профессоромъ гармоніи въ Консерваторіи, съ ежегоднымъ окладомъ въ 2400 франковъ — но увы! ему выплачивали жалованье ассигнаціями, которыя были въ то время такъ-мало цѣнимы, что однажды г-жа Бертонъ едва-едва уговорила водовоза, чтобы онъ въ уплату за одинъ мѣсяцъ принялъ 200 фр., которыя мужъ ея только-что получилъ изъ Консерваторіи. Занимая маленькую квартиру въ пятомъ этажѣ, супруги должны были для прокормленія

своего продавать мало-по-малу драгоцѣнности свои, серебро, лишнюю одежду и мебель.

Бертону особенно-грустно было разстаться съ драгоцѣнною мебелью, старымъ фортепіано, но нечего было дѣлать! Дѣти просили хлѣба! .. Не-смотря на то, онъ съ большимъ жаромъ трудился, вспоминая правило учителя своего, Саккини, который говаривалъ ему:

— Дружокъ мой, когда ты хочешь писать свои музыкальныя идеи, не прибѣгай никогда къ фортпіано. Для насъ, композиторовъ, этотъ инструментъ есть обманчивая призма, которую можно употреблять только для провѣренія сочиненій своихъ, или для сообщенія идей своихъ пріятелямъ, которые могутъ дать иногда добрый совѣтъ.

«Это воспоминаніе,» говоритъ «Бертонъ, возвратило мнѣ всю бодрость, и перо мое едва успѣвало слѣдовать за идеями. Партитура Монтано было написана менѣе нежели въ шесть недѣль. Я говорю *менѣе* изъ уваженія къ исторической вѣрности, потому-что я цѣлую недѣлю оставался безъ дѣла, за недостаткомъ нотной бумаги или, лучше сказать денегъ, для пріобрѣтенія ея.

«Все уже было продано, а потому я находился въ величайшемъ затрудненіи, когда сама судьба привела ко мнѣ братьевъ Гавó, издателей музыкальныхъ піесъ; они просили меня немедленно аранжировать увертюру оперы *Демофонтъ*, Фогеля, для двухъ флажолетовъ! Я сначала колебался, боясь навлечь на себя страшную отвѣтственность за такое преступленіе противу божественнаго искусства музыки, но голосъ *Стефаніи* дѣйствовалъ на меня сильнѣе голоса музыкальной совѣти, и я согласился! Въ два часа мастерское произведеніе Фогеля было переложено; я отдалъ рукопись братьямъ Гавó, съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы они напечатали на обверткѣ: *Аранжирована для двухъ флажолетовъ Ж. Б. Фижакомъ, гражданиномъ Пезенасскимъ*. Такъ какъ эти почтенные издатели родились на берегахъ Гаронны, т. е. были *добрые* Гасконцы, то идея моя, приписать честь переложенія Пезенасскому гражданину имѣла волшебное дѣйствіе на кошельки ихъ, и вмѣсто 12 франковъ, приходившихся мнѣ по условію, они заплатили мнѣ 24!»

Бертонъ въ восторгѣ побѣжалъ въ бумажную лавку, купилъ нотной бумаги на 9 франковъ, и съ сокровищемъ своимъ въ 15 франковъ воротился домой, отдалъ деньги женѣ, чтобы она сходила на рынокъ и закупила чего-нибудь повкуснѣе обыкновеннаго обѣда, состоявшаго изъ куска поджареннаго свинаго сала, окруженнаго чечевицей.

Это было въ ноябрѣ; холодъ былъ жестокій; Бертонъ подсѣлъ поближе къ камину на полъ, и, положивъ бумагу на табуретъ, служившій ему вмѣсто стола, принялся писать. Но вскорѣ онъ почувствовалъ необходимость видѣть дѣйствующія лица на сценѣ, чтобы заставить ихъ говорить и дѣйствовать въ порядкѣ. Бертонъ набралъ пробокъ: пять большихъ представляли главныя лица, маленькія-же замѣняли хористовъ и фигурантовъ.

Наконецъ опера была кончена. Бертонъ отдалъ ее для переписки въ контору Комической-Оперы, но ее тамъ очень долго задерживали. Вскорѣ Бертонъ узналъ причину этой задержки. Дежоръ пришолъ однажды къ Бертону и разсказалъ ему, что другіе композиторы написали на этотъ-же сюжетъ, извлеченный изъ *Orlando furioso*, другую оперу. Авторъ либретто, называвшагося *Ariodant*, былъ некто иной, какъ Гофманнъ. Репетиціи новой оперы шли очень дѣятельно у одной изъ пѣвицъ. Ясно было, что это была кабала противъ Бертона. Онъ написалъ немедленно къ Гофманну, прося его приказать остановить репетиціи *Аріоданта* до-тѣхъ-поръ, пока его опера не будетъ сыграна. Гофманнъ, какъ человѣкъ прямодушный и благородный, исполнилъ просьбу Бертона, и, обратившись къ парижскому суду, объявилъ, что не позволяетъ играть піесы своей.

Бертонъ былъ правъ, когда говорилъ, что ему всегда приходила охота подписать подъ послѣднимъ листкомъ партитуръ своихъ: «*конецъ — удовольствію; начало — непріятностямъ.*» И въ-самомъ-дѣлѣ, написать оперу — удовольствіе, но добиться до-того, чтобы она была играна, настоящій трудъ!

Наконецъ, благодаря требованію Гофманна, начались репетиціи Монтано, но не кончились интриги недоброжелателей. Репетиціи шли очень-вяло. Никогда не было достаточнаго числа хористовъ, и завистники воспользовались этимъ, чтобы прокричать, что хоры дурны. Они особенно напали на знаменитое *crescendo* этой оперы, и съ лицемѣрнымъ участіемъ, при Дежорѣ, сожалѣли о томъ, что бѣдный Бертонъ, у котораго нельзя отнять дарованія, написалъ такую *чепуху* на такой прекрасный драматическій моментъ. Чтобы лучше повредить Бертону, завистники рѣшились поссорить его съ Дежоромъ.

И точно, авторъ либретто крайне испугался и требовалъ отъ копіиста, которому препоручена была переписка оперы, чтобы онъ пропустилъ *несчастное* crescendo По-счастію, копіистъ этотъ, старикъ Этьенъ, былъ самъ искусный музыкантъ и мужественно возсталъ противъ нелѣпаго требованія. Бертонъ узналъ обо всемъ и требовалъ, чтобы произведеніе его было отдано на судъ знающихъ людей, приговору которыхъ онъ готовъ былъ подчиниться. Назначена была генеральная репетиція, съ полными хорами и оркестромъ. Вотъ что говоритъ самъ Бертонъ объ этой репетиціи:

«Зала была наполнена слушателями разнаго рода: тутъ были друзья, недруги, товарищи, любители и просто любопытные. Почотное мѣсто занимали Делеракъ, Крейтцеръ, Катель, Эллевью, Гара. Первый актъ сошолъ удовлетворительно; всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали конца втораго. При вступленіи въ *crescendo* всѣ, волнуемые различными чувствами, удвоили вниманіе. Наконецъ во время fortissimo Гара скоро вскочилъ и съ южнымъ произношеніемъ своимъ закричалъ: Brave, bravas, pichiout!.. Эта забавная выходка имѣла на слушателей самое благодѣтельное дѣйствіе, и благосклонный отзывъ Гара повторился во всей залѣ; даже музыканты вскочили и закричали:

Браво, брависсимо, Бертонъ! Кабала побѣждена!.. Это меня крайне тронуло и вмѣстѣ съ тѣмъ заставило умолкнуть недоброжелателей. Я долженъ еще сказать въ похвалу Дежòру, что онъ тотчасъ-же при всѣхъ обнялъ меня и извинился въ несправедливыхъ требованіяхъ своихъ».

28-го апрѣля 1799 года, опера *Монтано* была играна въ первый разъ. Увертюра, прекрасная арія Стефаніи: Oui, c'est demain que l'hyménée, хоры, тріо, финалъ и хорошенькая баркаролла были приняты публикою съ восторгомъ. Но кабалла не унывала, она поджидала втораго дѣйствія.

Поднялся занавѣсъ; декорація представляла капеллу въ замкѣ Леонати; алтарь, украшенный эмблемами римско-католической религіи, находился въ серединѣ сцены, на самомъ виду. Ропотъ республиканцовъ пробѣжалъ по залѣ — послышались свистки, которые разразились самымъ ужаснымъ образомъ при появленіи епископа Сальватора... Актеръ, представлявшій это лицо, остановился въ величайшемъ смущеніи, и не могъ пропѣть ни одной ноты аріи, которая въ-послѣдствіи столько прославились:

Quand on fut toujours vertueux,
On aime à voir lever l'aurore.

Вдругъ, во время ужаснаго шума и суматохи, встаетъ человѣкъ высокаго роста, съ плечъ его спадаетъ плащъ, прикрывавшій генеральскій мундиръ; схватившись за саблю, этотъ человѣкъ восклицаетъ громовымъ голосомъ:

— Смирно!.. Сперва выслушайте, потомъ осуждайте! Уважайте публику, свободу мнѣній, или я раздѣлаюсь съ тѣмъ, кто захочетъ возобновить этотъ гнусный шумъ!.. Если вы не хотите слушать, то я берусь обрубить вамъ уши, которыми не хотите пользоваться! Это я вамъ говорю; я, генералъ Меллинé!.. — И онъ преспокойно сѣлъ.

Этотъ мужественный вызовъ поразилъ всѣхъ изумленіемъ... все утихло... піеса продолжалась, и такъ-какъ не публика, а нѣкоторые подкупленные негодяи нарушали спокойствіе, то полная справедливость была отдана оперѣ; послѣ финала и crescendo публика апплодировала съ энтузіазмомъ! Даже третье дѣйствіе, въ слабости котораго сознавался самъ Бертонъ, не повредило успѣху піесы.

Во время втораго представленія, епископъ Сальваторъ явился въ костюмѣ греческаго жреца; на алтарѣ, вмѣсто креста, были канделабры и цвѣты. Публикѣ очень понравилось это уваженіе къ тогдашнимъ религіознымъ мнѣніямъ ея, и опера была принята еще лучше перваго раза.

Казалось, что *Монтано и Стефанія* достигли наконецъ счастливо цѣли. Ничего не бывало! Успѣхъ этой оперы только ожесточилъ завистниковъ и они нашли новое средство повредить Бертону.

Однажды утромъ его потребовали въ полицію. Послушайте, какъ

Бертонъ описываетъ чиновника полиціи VII года французской республики:

«Дежóръ былъ нездоровъ, я отправился въ полицію съ Каммерани, режиссеромъ театра нашего: республиканскій Миносъ заставилъ насъ прождать довольно-долго въ передней своей: наконецъ насъ ввели въ кабинетъ. Онъ сидѣлъ, развалившись въ креслахъ. Не приглашая насъ сѣсть, онъ съ грубостію спросилъ меня:

— Гражданинъ, какъ ты смѣлъ написать противу-революціонную оперу?

— Но, гражданинъ...

— Сочиненіе, въ которомъ выведенъ владѣтель съ вассалами, пажами, священникомъ, алтаремъ и всѣми церемоніями папскаго фанатизма, на вѣки изгнаннаго республиканскими добродѣтелями, есть анти-революціонное сочиненіе! Это непростительное преступленіе, тѣмъ-болѣе, что ты смѣлъ вывесть на сцену *честнаго* и *добродѣтельнаго* священника!

— Гражданинъ, я не думалъ, что мелодія, гармонія, можетъ имѣть что-нибудь общаго съ политикой!

— Можетъ! И по этому самому ты, какъ сочинитель музыки, виновнѣе того, кто написалъ слова!.. Музыка, которую ты написалъ для капуцина своего, прекрасна — я, братъ, самъ знатокъ. Я понимаю очень-хорошо, что пѣніе священника написано тобою въ минуту вдохновенія, и надо быть ревностнымъ республиканцомъ, чтобы остаться равнодушнымъ и не увлечься этими аристократическими звуками. Ступай, сожги сочиненіе свое, и благодари Бога, что такъ дешево раздѣлался со мною. Поклонъ тебѣ!»

Въ-слѣдствіе этого, Монтано въ продолженіе цѣлаго года не появлялся на сценѣ. Въ 1801 году онъ былъ возобновленъ съ новымъ третьимъ дѣйствіемъ, слова котораго написалъ Легувѐ, такъ-какъ Дежóръ умеръ. Бертонъ оставилъ только прежній финальный хоръ этого акта и сочинилъ четыре новыя аріи, между которыми особенно замѣчательно трогательное дуо:

Venez, aimable Stéphanie!

Бертонъ занялъ почотное мѣсто между французскими композиторами, и въ продолженіе 30-ти лѣтъ піеса его находилась въ репертуарахъ всѣхъ французскихъ, голландскихъ и бельгійскихъ театровъ.

Бертонъ написалъ 50 оперъ въ продолженіе 41-го года его драматическаго поприща; 46 изъ этихъ оперъ были играны: первая въ 1787 году, послѣдняя, *les Créoles*, въ 1828. Самыя лучшія, которымъ онъ обязанъ извѣстностью своею, суть: *Les Rigueurs du Cloître, Montano et Stéphanie, le Délire* и *Aline*.

Будучи директоромъ Итальянской Оперы съ 1807 по 1809 годъ, Бертонъ поставилъ на сцену *Le nozze di Figaro* Моцарта. Это мастерское произведеніе, упавшее при первомъ появленіи на сцену, въ 1793 году, имѣло огромный успѣхъ, и съ него начинается преобразованіе вку-

са во Франціи. Послѣ 1809 года Бертонъ сдѣлался дирижоромъ пѣнія въ Королевской Академіи Музыки и остался въ этомъ званіи до 1815 года. Сверхъ того онъ былъ профессоромъ гармоніи и инспекторомъ музыкальныхъ наукъ въ Консерваторіи.

Откровенный, благородный характеръ, живость ума и милая веселость помогали ему съ терпѣніемъ переносить всѣ бѣдствія и горести, которымъ Бертонъ подвергался въ продолженіе долгаго и славнаго своего поприща. Онъ лишился троихъ дѣтей, и это несчастіе имѣло на него пагубное вліяніе. Въ прошломъ году была возобновлена опера его *LeDélire*; Бертонъ уже не выходилъ, а потому его снесли на репетицію; это былъ послѣдній выходъ его, но увы! нерадостный... Бертонъ проливалъ горькія слезы, не будучи въ состояніи слышать музыки своей въ полномъ блескѣ отличнаго оркестра и исполненной лучшими пѣвцами въ мірѣ.... его постигло величайшее бѣдствіе для музыканта... онъ оглохъ!

Друзья Бертона лишились прекраснаго, добродѣтельнаго человѣка, искусство одиого изъ лучшихъ представителей своихъ!...

КЛАВИКОРДЫ МАРІИ-АНТОАНЕТЫ. Бѣдные клавикорды! Вы еще существуете, но уже не въ королевскомъ дворцѣ; изрѣдка раздаются еще рѣзкіе звуки, извлекаемые не рукою молодой, прелестной королевы, но дрожащими пальцами старца! Не одна искусная рука пробѣгала по обветшалымъ клавишамъ вашимъ, которыя издаютъ теперь одни слабые звуки... о, еслибъ вы могли говорить, пересказать намъ время славы вашей, когда Глюкъ, безсмертный Глюкъ, покровительствуемый высокой ученицей своей, явился ко двору ея; вы разсказали бъ намъ о насмѣшливыхъ улыбкахъ пустой, золочоной толпы придворныхъ, когда молодая Королева принимала простаго музыканта съ почестію, которой они сами едва удостоивались... Помните-ли вы, старые клавикорды, первое свиданіе великаго музыканта съ злополучной Королевой?...

Когда доложили о кавалерѣ фонъ-Глюкѣ, Королева бросилась къ нему на-встрѣчу.

— А, это вы! Наконецъ-то я дождалась васъ, мой добрый учитель!

И добрый толстякъ-Нѣмецъ улыбнулся, на-силу узнавая ученицу, которую онъ помнилъ ребенкомъ:

— Oh! madame, наивно отвѣчалъ Нѣмецъ: que Votre Majesté est devenue *grossière* depuis que je l'ai vue!

Глюкъ плохо говорилъ по-французски — онъ хотѣлъ сказать, что Королева пополнѣла, а между-тѣмъ у него вышло, что она сдѣлалась груба!... Наивность этого германизма нарушила придворный этикетъ. Придворные засмѣялись и сама Королева не могла скрыть улыбки, между-тѣмъ, какъ бѣдный композиторъ осматривался съ замѣшательствомъ, не постигая причины смѣха, овладѣвавшаго всѣми.... Замѣтивъ смущеніе Глюка, Королева, обратившись къ придворнымъ, сказала съ прелестью, никогда не покидавшею ее:

— Вамъ, вѣроятно, пріятно будетъ познакомиться съ однимъ изъ моихъ земляковъ, которымъ Германія гордится по-справедливости. Онъ говоритъ очень-дурно по-французски, это правда, но за то онъ обладаетъ другимъ, болѣе краснорѣчивымъ языкомъ, понятнымъ всѣмъ націямъ. — И подводя музыканта къ клавикордамъ, она продолжала: Припомните Вѣну, добрый учитель мой!

Глюкъ понялъ тогда, что ему надо было пристыдить насмѣшниковъ: взоръ его оживился огнемъ генія; онъ бросилъ взглядъ на золочоную толпу, и пальцы его пробѣжали по клавишамъ. Сначала звуки были неясны, неопредѣленны; между аккордами пробивались иногда прелестныя мелодіи, которыя тотчасъ перебивались другою идеею... мало-по-малу все прояснялось, лицо Глюка освѣтилось божественнымъ огнемъ, онъ забылъ, гдѣ находился: онъ началъ играть передъ Королевой, а продолжалъ какъ-бы у себя дома... раздались звуки чистые, ясныя одной изъ арій, тайна которыхъ принадлежитъ однимъ Нѣмцамъ...

Королева долго удерживалась, но наконецъ слезинки пробились изъ глазъ ея и потекли по щекамъ... она, бѣдняжка, должна была раскаяваться въ этихъ прекрасныхъ слезахъ, потому-что ее и безъ того уже прозвали *Австрійкой* и обвиняли въ нелюбви къ Французамъ.... не-смотря на то, она могла-бъ однакожъ выплакаться, потому-что вниманіе господъ герцоговъ, маркизовъ и другихъ придворныхъ было поглощено дивными аккордами, о которыхъ тогдашняя блѣдная французская музыка не давала имъ ни малѣйшаго понятія... они какъ-бы впервые поняли всю очаровательную прелесть чуднаго искусства!

Глюкъ пересталъ играть, но всѣ были еще въ нѣмомъ восторгѣ...

Крупныя капли пота выступили на широкомъ лбу артиста: онъ какъ-бы проснулся послѣ тяжкаго сна. Онъ довольно-долго не могъ придти въ себя. Королева поблагодарила его и шепнула ему на родномъ языкѣ:

— Благодарю, благодарю, добрый учитель мой. О! вы прекрасно отомстили за себя!

Потомъ добрый Нѣмецъ удалился и придворные уже не смѣялись... они низко поклонились ему, когда онъ проходилъ мимо ихъ; имъ уже не казалось унизительнымъ отдать должную справедливость генію, котораго они узнали въ этомъ простякѣ....

Теперь возвратимся къ клавикордамъ. Я долженъ разсказать вамъ, гдѣ видѣлъ ихъ.

Я недавно зашолъ въ Домъ Инвалидовъ, къ одному старому офицеру, котораго давно уже потерялъ изъ виду. Мы случайно заговорили о музыкѣ.

— У одного изъ товарищей нашихъ, сказалъ мнѣ старый знакомецъ мой: есть клавикорды, которыми онъ очень-дорожитъ и на которыхъ довольно-часто играетъ, къ великому удовольствію нашему.

По просьбѣ моей, меня ввели къ этому любителю стариннаго инструмента: онъ показалъ мнѣ клавикорды свои во всѣхъ подробно-

стяхъ. Я любовался прекраснымъ устройствомъ ихъ, чорной, блестящей лакировкой съ золотыми полосками, и въ особенности живописными украшеніями, которыя показались мнѣ прекрасными. Старый офицеръ просилъ меня сыграть что-нибудь, что́ я и сдѣлалъ. Но судя по выраженію лица моего, что я не очень восхищонъ мало-гармоническимъ топомъ этого инструмента, онъ сказалъ:

— Неужели вамъ не нравится прекрасный тонъ моихъ клавикордъ?

— Да, отвѣчалъ я: для клавикордъ тонъ хорошъ, но самое плохое изъ новѣйшихъ фортепіано лучше этого инструмента.

— Ахъ, Боже мой! возразилъ старикъ: да я не промѣняю клавикорды свои ни на какой инструментъ въ мірѣ. Мы съ ними почти одногодки; и къ тому-же они напоминаютъ мнѣ столько былаго!

И добрый старикъ былъ тронутъ, произнося эти слова. Любопытство мое было возбуждено, и я не могъ не выразить ему желанія знать причину привязанности къ старому инструменту. Это, по-видимому, понравилось старику и, между-тѣмъ, какъ я приготовился слушать его съ величайшимъ вниманіемъ, пріятель мой, вѣроятно, не разъ уже слышавшій эту исторію, ушолъ въ свою комнату.

— До революціи, началъ инвалидъ, я имѣлъ честь быть настройщикомъ при дворѣ и въ лучшихъ домахъ столицы. Въ то время это было выгодное занятіе: не легко было настроить клавикорды—устройство ихъ непохоже на устройство жалкихъ вашихъ фортепьянъ. Теперь искусство настройщика сдѣлалось ремесломъ, вотъ почему всякой невѣжа называетъ себя настройщикомъ! Я заслужилъ себѣ нѣкоторую извѣстность искусствомъ своимъ, до начатія революціонныхъ смутъ. Много вреда нанесли они всей Франціи, но никто не подумалъ о томъ, какъ пагубны были эти смуты для настройщиковъ. Несмотря на то, что все разстроилось, насъ никто и знать не хотѣлъ. Всѣ покинули насъ: вельможи, не заплативъ мнѣ за нѣсколько лѣтъ, бѣжали изъ отчизны: они говорили, что скоро воротятся, чтобы усмирить и проучить эту *сволочь*! Но сволочь между-тѣмъ забирала имущества ихъ... разбогатѣвшая сволочь прибрала и клавикорды къ рукамъ, однакожъ, не зная въ нихъ толку, смотрѣла на нихъ, какъ на красивую мебель, а не какъ на дивный инструментъ. Еще разъ повторю, настройщики остались рѣшительно безъ дѣла. Я съ трудомъ пробивался до 10 го августа. Эта злополучная эпоха никогда не выйдетъ изъ памяти моей. Мнѣ сказали, что послѣ убіенія швейцарской стражи, народъ ворвался въ Тюльерійскій дворецъ и ломалъ все, что попададось ему на-встрѣчу. Я хотѣлъ бросить послѣдній взглядъ на королевскіе покои, куда меня такъ часто призывали, когда они были еще въ полномъ величіи своемъ. Я отправился во дворецъ и былъ донесенъ толпой къ самымъ покоямъ Королевы. Боже мой! Какое зрѣлище! Все было разбито, сломано, одна только вещь была цѣла, а именно клавикорды; но какой-то отвратительный оборвышъ сидѣлъ на нихъ и говорилъ что-то буйной толпѣ... посреди шума, я разслышалъ, что онъ предлагалъ выбросить клавикорды за окно. Дрожа

всѣмъ тѣломъ, пораженный ужасомъ, я стоялъ въ уголку... ораторъ соскочилъ съ пьедестала своего; тридцать дюжихъ рукъ ухватились за инструментъ, часть его была уже за окномъ, еще минута, и онъ полетѣлъ-бы внизъ, но вдругъ послышался молодой, звучный голосъ, кричавшій:

— Остановитесь! остановитесь!

Всѣ остановились. Часть клавикордъ осталась за окномъ, и ораторъ обратился къ кричавшему. То былъ молодой человѣкъ въ мундирѣ національной гвардіи. Его открытое, веселое, умное лицо говорило въ пользу его...

— Граждане! что вы хотите дѣлать, сказалъ онъ: зачѣмъ разбиваете вы этотъ инструментъ? Неужто вамъ не знакомо могущество музыки? Сколько разъ шли вы впередъ, при звукахъ *марсельезы*? Дѣйствіе ея будетъ еще сильнѣе съ аккомпаньементомъ. Вмѣсто того, чтобы разбивать этотъ инструментъ, позвольте мнѣ спѣть вамъ патріотическую пѣснь!

Эта рѣчь, произнесенная полусерьёзнымъ, полушуточнымъ тономъ, подѣйствовала на толпу. Нѣкоторые однакожъ еще колебались. Тогда молодой человѣкъ бросился къ тѣмъ, которые поддерживали еще клавикорды.

— Откройте! сказалъ онъ повелительно.

Ему повиновались, и тотчасъ-же онъ сыгралъ ритурнель марсельезы, и вся толпа подхватила хоромъ. Послѣ музыки пляска—это въ порядкѣ вещей. Послѣ марсельезы молодой человѣкъ долженъ былъ сыграть *Карманьолу*, потомъ *C'a ira*, потомъ *Madam Véto* и другія... У меня сердце обливалось кровію... Мнѣ больно было смотрѣть на эту толпу....

Когда всѣ наплясались до-сыта, то забыли о разрушеніи инструмента—всѣ разошлись весело, если можно назвать веселъемъ дикую радость, которою всѣ были объяты. , я остался одинъ... подошолъ къ драгоцѣннымъ клавикордамъ, спасеннымъ такимъ чуднымъ образомъ... я хотѣлъ снять съ нихъ пятно, наложенное за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ республиканскими пѣснями, и заигралъ тотъ прелестный хоръ изъ *Ифигеніи* Глюка, которымъ, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, публика всегда привѣтствовала милую Королеву.

Едва началъ я играть:

Que de grâces! que de beautés!

Какъ кто-то съ силой оторвалъ меня отъ клавикордъ. Это былъ молодой человѣкъ въ мундирѣ національной гвардіи.

— Что вы, съ-ума сошли? закричалъ онъ: вамъ, вѣроятно, хочется, чтобъ васъ задушили. За этимъ дѣло не станетъ! Я польстилъ этимъ негодяямъ, въ надеждѣ спасти драгоцѣнный инструментъ...

— Вѣроятно, вы тоже настройщикъ? вскричалъ я съ живостію.

— Нисколько, отвѣчалъ онъ улыбаясь: я только любитель музыки;

и былъ-бы крайне огорчонъ, еслибъ разрушили эту прекрасную мебель...

Онъ называлъ эти клавикорды *мебелью*! Впрочемъ не въ томъ дѣло — главное то, что онъ спасъ ихъ. Мы долго тщетно пріискивали средство для совершеннаго сохраненія бѣдныхъ клавикордъ моихъ.

— Послушайте, сказалъ мнѣ вдругъ молодой человѣкъ: мнѣ кажется, что вамъ здѣсь оставаться неловко. Благодаря мундиру моему, я ничего не боюсь, но у васъ костюмъ не совсѣмъ согласенъ съ теперешнимъ временемъ; васъ могутъ схватить . а вы знаете, что теперь подозрѣніе равняется приговору — вы лучше сдѣлаете , если уберетесь къ себѣ домой, пока цѣлы! Оставьте клавикорды на произволъ судьбы и позаботьтесь о самомъ себѣ!

Съ этими словами онъ вытолкнулъ меня изъ комнаты, заперъ дверь на замокъ и выбросилъ ключъ за окно.

— Позвольте мнѣ, по-крайней-мѣрѣ, вскричалъ я: узнать имя спасителя клавикордъ Маріи-Антоанеты. Какъ васъ зовутъ?

— Сенжье. А васъ?

— Дубле, настройщикъ Королевы...

Молодой человѣкъ зажалъ мнѣ ротъ, пожалъ руку и убѣжалъ.

На другой день я вступилъ въ полкъ. Военная служба была ко мнѣ благосклоннѣе прежняго званія моего. Я вскорѣ получилъ повышеніе, и во-время возстановленія былъ пожалованъ въ баталіонные командиры.

Тогда я понялъ, что военнымъ въ 1814 году пришлось также плохо, какъ настройщикамъ въ 1792; я вышелъ въ отставку и выхлопоталъ мѣстечко въ домѣ Инвалидовъ.

По-случаю я присутствовалъ при распродажѣ мебели Королевы Гортензіи. Представьте себѣ радость мою, когда между прочею мебелью, я узналъ стараго друга своего, бѣдные клавикорды! .. Съ-тѣхъ-поръ, какъ я пріобрѣлъ ихъ, я почти не знаю горя. Но я становлюсь дряхлъ.. что-то съ ними будетъ послѣ меня? Они находились только во дворцѣ и въ королевскомъ домѣ Инвалидовъ.... Неужели какой-нибудь торгашъ распродастъ ихъ по частямъ? Эта мысль крайне огорчаетъ меня...

— Но, спросилъ я: неужели вы послѣ того нигдѣ не встрѣчались съ молодымъ солдатомъ національной гвардіи?

— Виноватъ, отвѣчалъ старикъ: я и забылъ сказать вамъ, что встрѣтился съ нимъ въ тоже время, когда нашолъ опять клавикорды. Мы пошли съ одной точки, но по двумъ совершенно-различнымъ дорогамъ. Я вступилъ въ военную службу и попалъ въ домъ Инвалидовъ. Онъ сдѣлался директоромъ театра и нажилъ 40,000 ливровъ доходу. Г. Сенжье, можетъ-быть, единственный директоръ, нажившій себѣ состояніе, не забывая притомъ выгодъ тѣхъ, которые помогали ему разбогатѣть Вы видите, что клавикорды приносятъ счастіе.

Тутъ старый инвалидъ замолчалъ... я поблагодарилъ его за разсказъ. Онъ позволилъ мнѣ посѣщать его и даже привесть съ собою

истинныхъ любителей, которымъ ви-ъ стараго историческаго инструмента можетъ доставить удовольствіе.

ПОКЛОННИКЪ ТАЛЬМЫ. Во-время одноіі изъ поѣздокъ Тальмы по Франціи, ему пришлось ѣхать съ какимъ-то господиномъ, весьма не репрезентабельной наружности. Такъ-какъ этотъ господинъ былъ одинъ изъ поклонниковъ великаго трагика, то они сблизились и вездѣ останавливались въ одной гостинницѣ.

Въ Бордо, Тулузѣ, Перпиньянѣ, Нимѣ, Авиньонѣ, Ліонѣ, словомъ, вездѣ, гдѣ актеръ появлялся на сценѣ, поклонникъ его былъ между зрителями.

Возвратившись въ Парижъ, Тальма пригласилъ новаго друга своего къ себѣ обѣдать. Поклонникъ отказался самымъ вѣжливымъ образомъ, но на другой день, передъ самымъ обѣдомъ, Тальма получилъ пакетъ, въ которомъ находились прекрасные часы, золотая табакерка, отличнѣйшей работы, и драгоцѣнная булавка. Къ этому богатому подарку была приложена записочка слѣдующаго содержанія:

«Я не король и не принцъ, но прошу васъ принять это слабое доказательство признательности моеіі. Я долженъ Росціи болѣе, нежели «даю ему».

Мѣсяцъ спустя, Тальма получилъ изъ полицейской префектуры письмо. Какой-то заключенный просилъ его зайдти къ нему въ тюрьму, по тому, что только Тальма могъ оправдать обвиняемаго. Тальма немедленно отправился въ полицію. Каково-же было удивленіе его, когда онъ увидѣлъ тамъ своего поклонника!

— Поклоненіе вашему таланту привело меня сюда, сказалъ заключенный трагику. Будучи вынужденъ, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, удалиться изъ Парижа, я не могъ васъ посѣтить до-сихъ-поръ. Вчера я воротился сюда и, увидѣвъ имя ваше на аффишѣ, немедленно побѣжалъ въ театръ. Кажется, въ толпу, привлеченную именемъ вашимъ въ театръ, вмѣшались воры; нѣсколько кармановъ были очищены искусными пальцами, и обманутый нѣкоторыми, чрезвычайно непріятными для меня обстоятельствами, полицейскій чиновникъ дерзнулъ наложить на меня руку. Но благодаря небу, вы здѣсь и свидѣтельство ваше о чистотѣ поведенія моего, можетъ....

— Извините... прервалъ его Тальма... какія вещи были похищены вчера?

— Не знаю... часы... табакерки...

— Вѣроятно и булавки, замѣтилъ, улыбаясь, Тальма ... вы можетъ-быть, хотѣли сдѣлать мнѣ еще подарокъ?

— А, господинъ Тальма! воскликнулъ обвиненный... и вы, и вы подозрѣваете меня! Слѣдовательно, вы покинете меня...

— Нѣтъ, я постараюсь найдти вамъ хорошаго адвоката.

Хорошій адвокатъ былъ найденъ, однакожъ, не-смотря на то, воръ былъ осужденъ. Поклонникъ Тальмы нарочно слѣдовалъ вездѣ за

нимъ, и, пользуясь вниманіемъ зрителей къ игрѣ великаго актера, шарилъ по чужимъ карманамъ...

ОБА ПРАВЫ. (*Современный Анекдотъ*). Многіе изъ новѣйшихъ композиторовъ хлопочутъ о томъ, чтобы занять опустѣвшія кресла послѣ смерти Бертона въ парижской Академіи Искусствъ. Вотъ анекдотъ, который разсказываютъ по этому случаю :

Одинъ изъ претендентовъ на мѣсто Бертона, а именно г. Аданъ, явился недавно къ одному изъ изъ избирателей, который принялъ его очень-ласково.

— Милостивый государь, сказалъ избиратель Адану: выборъ мой рѣшонъ, я подаю голосъ въ пользу автора оперы *Каліостро*.

Читатели «Репертуара» знаютъ, что это послѣдняя очень-милая опера Адана, а потому композиторъ старался выразить избирателю всю признательность свою за лестное предпочтѣніе, ему оказываемое. Академикъ продолжалъ :

— Помилуйте, я поступаю только по-справедливости... но вы, вѣроятно, знакомы съ авторомъ *Каліостро*:

— Какъ! знакомъ-ли я съ нимъ? Да вѣдь я самъ написалъ эту оперу.

– Вы? полноте! Вы были, вѣроятно, еще у кормилицы, когда Каліостро былъ игранъ въ Комической-Оперѣ, въ 1810 году.

— Вы ошибаетесь, государь мой, *Каліостро* игранъ въ первый разъ въ 1844 году!

– Вотъ еще! Помилуйте, я самъ былъ на первомъ представленіи. Композиторъ этой оперы, человѣкъ моихъ лѣтъ, онъ былъ посланъ отъ Консерваторіи въ Римъ, это отличный музыкантъ, написавшій десятокъ оперъ, прекрасный профессоръ, образовавшій нѣкоторыхъ изъ лучшихъ музыкантовъ нашихъ, Герца, Тома̀, Лабарра и другихъ; словомъ, человѣкъ, пользовавшійся совершенною довѣренностію Бертона.

– Не ошибаетесь-ли вы?

— Нисколько; мой кандидатъ некто иной, какъ авторъ *Каліостро*; онъ называется Дурлэнъ.

Академикъ былъ правъ и г. Адамъ былъ тоже правъ. Г Дурлэнъ точно написалъ когда-то оперу «Кальостро», вмѣстѣ съ Рейхомъ.

ПАССПОРТЪ БОСКО. Въ «Берлинскомъ Фигаро» напечатана слѣдующая шутка на-счотъ стараго знакомца нашего, извѣстнаго чудодѣя Боско : «Пасспортъ волшебнику г-ну Бартоломео Боско для проѣзда и пребыванія во всѣхъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ частяхъ свѣта, на время путешествія его изъ Берлина черезъ Гамбургъ и Лондонъ въ Нью-Іоркъ и Бразилію, и обратно. *Имя* : спросить у Европы, Азіи и Африки (у Мегмета-Али и пр. и пр.) *Мѣсто рожденія* : еще не опредѣлено, потому-что эту честь оспариваютъ Берлинъ, Вѣна, Лондонъ, Миланъ, Парижъ, Константинополь и многіе другіе города. *Состояніе* : величайшій чародѣй нашего времени. *Лѣта* : вѣчно-юный. *Ростъ* : вы-

ше Пинетти. *Носъ*: охотнѣе всего нюхаетъ букетъ шампанскаго. *Ротъ*: очаровательный и говоритъ на всѣхъ языкахъ. *Глаза*: только два, а все видятъ. *Особыя примѣты*: Девизъ его Spiriti miei obedite; никогда не допуститъ заглянуть въ свои карты; часто вспоминаетъ о томъ, какъ игралъ въ Константинополѣ въ серали, хранитъ у себя собраніе 400,000 ярлыковъ съ шампанскихъ бутылокъ, которымъ онъ снесъ головы; — отгадываетъ чужія мысли; никогда не ходитъ безъ волшебнаго жезла и безъ кошелька, набитаго червонцами, и носитъ въ перстнѣ камень мудрости. — *Цѣль путешествія*: Путешествуетъ для удовольствія обитателей и для поправленія здоровья (своего кошелька). *Въ свитѣ его*: способная слава, изумленіе, остолбѣненіе и покачиванье головою; 10 центнеровъ принадлежностей волшебства, много лавровъ, вѣнковъ и стиховъ. Симъ объявляемъ всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ и властямъ Аполлона, Минервы и Діаны обратить вниманіе на г. Боско, такъ какъ черезъ него многіе уже лишились головы, повсюду свободно пропускать его, оказывать всякое покровительство и защиту, и, по прошествіи года, выдавать ему видъ на обратный путь въ Берлинъ, гдѣ онъ, по заслугамъ его, будетъ высѣченъ — изъ мрамора.

НИГДѢ ЕЩЕ НЕНАПЕЧАТАННОЕ ПИСЬМО ВОЛЬТЕРА. Іезуитъ Віонне, въ 1749 мъ году, вздумалъ бороться съ Кребильйономъ. Кребильйонъ написалъ извѣстную трагедію «Ксеркъ», и Віонне также написалъ трагедію на этотъ сюжетъ и также назвалъ ее.Ославъ свое произведеніе Вольтеру, онъ получилъ отъ него слѣдующее письмо: «Достопочтенный отецъ! Имѣю честь изъявить вамъ слабую признательность за вашъ прекрасный подарокъ. Ваши ліонскія мануфактуры гораздо-лучше нашихъ, но я даю, что могу. Мнѣ кажется, что вы злѣйшій и опаснѣйшій врагъ Кребильйона, нежели я; вы еще злѣе и несправедливѣе поступили съ его «Ксерксомъ», нежели я съ его «Семирамидою». Итакъ мы оба противъ него. Еще давно поклялся я служить подъ вашими знаменами; но дряхлаго незначительнаго солдата не сочли достойнымъ вниманія, а потому и онъ съ своей стороны не остался вѣрнымъ этимъ знаменамъ. Но вы, почтенный отецъ, произведеніемъ своимъ еще болѣе усилили во мнѣ эту *непзмѣнную приверженность*, съ которою и имѣю честь пребыть и пр. и пр. Парижъ 14-го декабря 1749-года. *Вольтеръ*.»

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ТАНЦОВЩИЦЫ ФАННИ ЭЛЬСЛЕРЪ СЪ КИТАЙСКИМЪ ИМПЕРАТОРОМЪ. Фанни Эльслеръ — разсказываютъ нѣмецкіе журналы, разумѣется, въ шутку — удостоилась чести получить отъ Китайскаго Императора атласное письмецо слѣдующаго содержанія. Сынъ неба варваркѣ Фанни. До моего высокаго слуха дошло, что ты усмиряешь варваровъ силою ногъ твоихъ, которыми ты умѣешь выдѣлывать разныя премудрыя вещи. Величіе мое соизво-

лило повелѣть спросить тебя объ этомъ, и если это правда, то повелѣваю прислать тебя въ мою небесную имперію. Рыжіе варвары (Англичане) повергли подданныхъ моихъ въ море печали; повелѣваю, чтобъ ты научила ихъ какъ управлять ногами. Китайцы должны тоже двинуться впередъ и выучиться стоять на головѣ, но только по всѣмъ правиламъ устава о 10,000 церемоніяхъ. Тогда рыжіе варвары ужаснутся и исчезнутъ. Слово мое вѣрно. Я обѣщаю тебѣ пуговицу отличія, съ бантомъ, на шею; двѣ пуговицы на поясъ, десять пуговицъ на обѣ ноги, и цѣлый павлиній хвостъ на голову. Четыре мандарина должны ежедневно превращаться въословъ, чтобы возить твою колесницу, и ученѣйшій мандаринъ долженъ ежедневно записывать, что ты ѣла, что ты пила, и что ты тамъ еще, можетъ-быть, дѣлала. Я повелю упоковать твои ноги въ хлопчатую бумагу, и дорогою почаще тереть ихъ каучукомъ, чтобы онѣ были еще гибче: танцуй-же немедленно сюда. — Особый указъ! Я самъ!»

Вотъ что отвѣчала Фанни Эльслеръ на это посланіе. «Сколь велика мудрость неба пославшаго намъ Китайцевъ, для того, чтобы мы научились читать! Благодаря этому небесному дару, я могла поглотить зрѣніемъ моимъ пригласительное письмо Вашего Величія. Перепонка ушей моихъ, къ-несчастію, до того огрубѣла отъ безпрерывныхъ завываній моихъ почитателей, что я не могла-бы услышать даже и серебрянаго голоса Вашего Величія. Но такъ-какъ къ ногамъ моимъ столько уже набросано было печатныхъ и писанныхъ бумажекъ, что я по-неволѣ выучилась читать, то мнѣ и легко было разобрать небесное черченье Вашего Величія. Да дымится нескончаемо рисъ довольствія въ сосудѣ вашего сердца! — Съ истиннымъ сожалѣніемъ должна я однакожъ отклонить отъ себя на-время ваше блестящее предложеніе. Хотя я и обитаю 62 ю милями ваше вершины удовольствія народовъ, но все-таки стремлюсь еще выше и выше, а гдѣ-же могу я болѣе пріобрѣсти пользы для моего искусства, какъ не въ поднебесныхъ странахъ Англіи, гдѣ болѣе всего льется дождь лавровъ и и золота? Туда-то и тянетъ меня. Между-тѣмъ не благоволите ли Ваше пуговице-раздающее Величество, для препровожденія времени, выписать себѣ гибкія и подвижныя изъ всѣхъ возможныхъ ногъ, а именно — ноги европейскаго просителя, чтобы насладиться зрѣлищемъ того, какъ онѣ скользятъ, торопятся, выворачиваются, сгибаются, вытягиваются, сжимаются, тихо и осторожно подвигаются впередъ, или съ почтеніемъ отступаютъ назадъ и мгновенно исчезаютъ изъ виду — передъ этими ногами мои ноги ничто! Впрочемъ я ни въ какомъ случаѣ не зарѣкаюсь, что и сама не поспѣшу въ периферію милости Вашего Могущества, чтобы съ подобающимъ уничиженіемъ принять пуговицу сверхъ-человѣческаго отличія и павлиній хвостъ китайскаго удовольствія! Удостойте, Ваше Величіе, принять всевозможное увѣреніе въ преданности отъ той, которая есть никто другая, какъ покорнѣйшая услужница Вашего Величія. Фанни Эльслеръ.»

АНЕКДОТЫ И МЕЛОЧИ.

Ужасная сцена въ Шиллеровыхъ «Разбойникахъ», когда Германъ и Карлъ Мооры, въ бурную ночь, встрѣчаются въ лѣсу, у подножія полуразвалившейся башни, въ которой былъ заключонъ старикъ, отецъ ихъ, не есть вымыселъ: Шиллеру разсказывалъ Князь. Принасъ Дальбергъ что онъ самъ былъ свидѣтелемъ почти подобной сцены, охотясь въ Сикингенскомъ лѣсу. Пораженный подобнымъ злодѣйствомъ, Князь спѣшилъ въ Вѣну и донесъ правительству. Но братья успѣли уже скрыться въ Парижъ, и только что вышло приказаніе задержать ихъ и изслѣдовать дѣло, какъ они уже появились въ Вѣнѣ, въ глубокомъ траурѣ и горько оплакивая смерть родителя своего.

— Венгерская газета «Ungar» слѣдующимъ образомъ описываетъ энтузіазмъ, который произвела Фанни Эльслеръ въ Пестѣ: « И насъ покинула она, земная царица! покинула, какъ прекрасный сонъ, какъ неземное видѣніе!—Когда она въ послѣдній разъ, въ балетѣ « Сонъ живописца », опять воплощала идею пластически-прекраснаго, когда, безчисленныя тысячи разъ вызванная, обворожала упоенные взоры наши своимъ дивнымъ краковякомъ, тогда ни одинъ ротъ не оставался нѣмымъ, ни однѣ ладони безъ движенія; тогда всякое восклицаніе, сдѣланное ей, превращалось на-лету въ букетъ цвѣтовъ; и когда, напослѣдокъ, появилась г-жа Минкъ, занимавшая роль восьмилѣтняго купидона, и увѣнчала ее огромнымъ вѣнкомъ, когда г-жа Кальмъ вручила ей что-то въ родѣ альбома или тома переплетенныхъ стиховъ, а г-нъ директоръ Фирстъ подошолъ и во *всеуслышіе* почтеннѣйшей публики поцѣловалъ у ней ручку — о Фанни, зачѣмъ это сдѣлали!!! — тогда.... нѣтъ я не могу далѣе.... жаръ душевнаго волненія изсушилъ чернила на перѣ моемъ!...

— Въ Лондонѣ теперь рѣшительно въ тонѣ — какъ можно рѣже посѣщать театръ. Дворъ тоже слѣдуетъ этому обычаю и очень-рѣдко появляется въ театрѣ. Это объясняется отчасти тѣмъ, что спектакли начинаются въ то самое время, когда лондонская знать только еще обѣдаетъ. Если-же театрамъ приноровляться къ обычаямъ знати, то спектакли надобно будетъ начинать не ранѣе 10-ти часовъ вечера. Но тогда ихъ не будутъ посѣщать средній и низшій классы народа, въ которыхъ гораздо-болѣе любви къ драматическому искусству, чѣмъ въ высшемъ обществѣ. Лондонскій высшій кругъ охотнѣе читаетъ замѣчательныя піесы дома, чѣмъ смотритъ ихъ на сценѣ, и это-то удаленіе аристократіи отъ театра есть главная причина упадка драматическаго искусства и литературы въ Англіи.

— Въ американскихъ журналахъ пишутъ: Въ Нью-Іоркѣ появилась и, вѣроятно, скоро распространится по всему Новому-Свѣту новая,

доселѣ неизвѣстная въ Америкѣ эпидемія; она свирѣпствуетъ съ такою силою, что дамы и кавалеры огромными толпами стремятся къ Венгерцу Керпонацу, чтобы привить себѣ polka-morbus.

— На одномъ изъ провинціальныхъ театровъ давали недавно Беллиніеву оперу «Ромео и Юлія». Въ послѣднемъ актѣ Ромео приблизился ко гробу Юліи, поднялъ крышку, бросилъ горестный взглядъ на погибшій предметъ любви своей и пропѣлъ свою арію. Наступилъ чередъ Юліи. Публика ждетъ; Юлія молчитъ и лежитъ неподвижно. Ромео конфузится, не знаетъ, что́ дѣлать; наконецъ подходитъ опять къ гробу и говоритъ въ-полголоса: Ну, что́ же вы, мадамъ С....! Однако мадамъ С. не слышитъ и молчитъ. Бѣдный Ромео блѣднѣетъ и готовъ упасть въ обморокъ; публика съ удивленіемъ смотритъ на сцену, ожидая чего-нибудь необыкновеннаго. Вдругъ раздаются тихіе звуки; всѣ умолкаютъ, удерживаютъ дыханіе, прислушиваются — что́ такое?—И что-же? Юлія уснула въ гробу и храпитъ изо всей мочи!... Ромео принялся толкать ее; она просыпается, протираетъ глаза и преспокойно начинаетъ пѣть, при громкомъ хохотѣ зрителей.

— 18 мая н. с. проданъ въ Лондонѣ съ аукціоннаго торга Сенъ-Джемскій театръ (St.-James-Theater) съ двумя боковыми его флигелями. До-сихъ-поръ его отдавали въ наемъ за 1200 фун. стер. При продажѣ аукціонистъ замѣтилъ, что при первоначальной постройкѣ этого зданія одинъ фундаментъ сто́илъ 8000 ф. стер. и что знатоками онъ цѣнится въ 28 или 30 тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Продали его за 9400 фунтовъ стерлинговъ какому-то частному лицу.

— Извѣстный нѣмецкій писатель Гейне слѣдующимъ образомъ характеризуетъ композитора Спонтини, который терпѣть не можетъ Мейербера: «Жалуется, напримѣръ, какой-нибудь авторъ либретто на Мейербера, что тотъ нѣсколько лѣтъ уже держитъ у себя его поэму, и не пишетъ на нее музыки, Спонтини быстро хватаетъ его за руку и говоритъ: J'ai votre affaire! Я знаю средство, какимъ вы можете отмстить Мейерберу, чудесное средство! И это средство очень-простое: напишите обо мнѣ статью, и чѣмъ больше вы будете хвалить меня, тѣмъ-болѣе взбѣсится Мейерберъ! — Въ другой разъ одинъ французскій министръ изъявляетъ свое удивленіе, что не смотря на весь почотъ, какимъ авторъ «Гугенотовъ» пользовался въ Парижѣ, онъ постоянно остается на службѣ въ Берлинѣ, Спонтини вспрыгиваетъ и говоритъ: J'ai votre affaire! Вы можете жестокимъ образомъ отомстить ему, можете чудесно наказать его за неблагодарность: дайте только мнѣ орденъ Почотнаго-Легіона! Недавно Спонтини встрѣтилъ бѣднаго Леона Пилье, несчастнаго директора Большой-Оперы, который ужасно сердитъ на Мейебаера за то, что тотъ не даетъ ему своей новой оперы «Пророкъ», потому-что у Пилье пѣвцы не хороши. Глаза Спонтини заблистали. — J'ai votre affaire! воскликнулъ онъ: я дамъ вамъ чудесный совѣтъ, какъ отмстить этому гордецу, вы можете убить его на-повалъ: закажите снять съ меня статую во весь

ростъ, поставьте статую эту въ фойé оперы — и тогда, повѣрьте, Мейерберъ умретъ съ досады!

—Великъ былъ тріумфъ Фанни Эльслеръ въ нѣмецкомъ театрѣ въ Пештѣ, но еще блистательнѣе былъ онъ въ Хорватскомъ саду. Въ самый Троицынъ день она бродила по его густымъ аллеями и нанѣсколько минутъ избрала своимъ земнымъ тономъ старый, источенный червями деревянный стулъ.—Стулъ этотъ тотчасъ-же былъ проданъ за весьма значительную сумму. Жаль, что столько богатая, сколько любезная артистка не подаритъ для какой-нибудь благотворительной цѣли одинъ изъ старыхъ башмаковъ своихъ. Стóитъ только продать этотъ башмачокъ съ аукціона, и онъ, безъ сомнѣнія, принесетъ порядочную сумму. Сколько изъ нашихъ «львовъ» за позволеніе—только одинъ разъ поцѣловать башмачокъ этотъ, готовы заложить самый модный фракъ свой!

— Въ Парижѣ многія почитательницы Листа понадѣлали себѣ гипсовыхъ снимковъ съ руки великаго піаниста. Этотъ souvenir напоминаетъ старинную *галантерейность* Французовъ, когда обожатель какой-нибудь красавицы носилъ на сердцѣ повѣшенный на ленточкѣ башмачокъ ея.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ИНОСТРАННЫЕ ТЕАТРЫ.

ПАРИЖСКІЕ.

Théatre-Français.

Le Mari á la campagne ou rien de trop, (*Мужъ на дачѣ или ничего лишняго,*) комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, въ прозѣ, гг. Баяра и Жюля де-Вальи.

Сюжетъ этой комедіи заимствованъ изъ повѣсти Леона Гозлана.

Коломбѐ былъ прежде страшнымъ mauvais sujet: эти два слова, будучи передѣланы на русскіе нравы, значатъ *кутила*. Онъ, можно сказать, жилъ въ кофейныхъ и за театральными кулисами. Но всему есть конецъ: Коломбѐ женился и остепенился! Судьба свела его съ семействомъ черезъ-чуръ набожнымъ. Другой, на мѣстѣ Коломбѐ, прервалъ-бы рѣшительнымъ ударомъ новыя цѣпи, которыми онъ связалъ себя, но ему надоѣлъ шумъ холостой жизни, ему нужны спокойствіе и тишина, а потому онъ распорядился иначе. Онъ покорился обстоятельствамъ.

Не слишкомъ однакожъ довѣряйте Коломбѐ: покорность его притворная; онъ сдѣлался набожнымъ, но только по-наружности, между-тѣмъ, какъ изподтишка, онъ отправляется на дачу и волочится за молодою вдовушкою, г-жою де-Ноанъ. Тамъ Коломбѐ слыветъ образцомъ вкуса и знанія свѣта. Всѣ женщины вообще и вдовушки въ особенности, безъ ума отъ него.

Какой-то г. Сезáръ, весьма-занятый особой своей, очень-недоволенъ успѣхами Коломбѐ, тѣмъ-болѣе, что Сезáръ страстно влюбленъ въ молодую г-жу де-Ноанъ, которая очень неравнодушна къ Коломбѐ. Сезáръ рѣшается хитростью овладѣть вдовушкой. Во-первыхъ онъ поступаетъ измѣнически, увѣдомивъ г-жу Коломбѐ о тайныхъ отлучкахъ мужа ея и о

непріятностяхъ, которымъ подобное поведеніе мужа можетъ подвергнуть ее.

— О ужасъ! о позоръ! восклицаютъ теща и жена Коломбѐ: возможно-ли! зять мой? мужъ мой? Онъ повлечетъ насъ всѣхъ за собою въ преисподнюю!

— Успокойтесь, говоритъ Сезáръ, правило котораго: *ничего лишняго*: дѣло можетъ поправиться; но еслибъ вы были менѣе суровы въ жизни и поступкахъ вашихъ, то и Коломбѐ не-зачѣмъ было-бъ искать удовольствій внѣ дома. Конечно, не надо *ничего лишняго*, но отъ-чего-жъ-бы иногда не потанцовать, не повеселиться? А то, у васъ все такія похоронныя лица! На что это похоже? Принимайте друзей, давайте вечера, маленькіе балы, улыбайтесь, смѣйтесь хоть немножко!..

— Я-бы очень рада, говоритъ молоденькая жена Коломбѐ: но что скажетъ маменька?

Не-смотря на послѣднюю боязнь молодой женщины, ее однако-жъ уговариваютъ идти на балъ. Она бросаетъ платье темнаго цвѣта, и является къ мужу, одѣтая со вкусомъ, убранная цвѣтами.

— Ай, ай, ай!.. Чортъ возьми! говоритъ Коломбѐ: я и не примѣтилъ, а вѣдь жена-то у меня прехорошенькая!.. И ему уже не такъ скучно дома, онъ любезничаетъ съ женой, влюбляется и безъ ума отъ нея. За нѣсколько минутъ предъ тѣмъ, онъ отъ-скуки хотѣлъ выскочить въ окно, теперь онъ охотно остается дома... Все это прекрасно, но что скажетъ тёща его, когда увидитъ дочь свою въ этомъ нарядѣ?

Она внѣ себя отъ негодованія.

— Зачѣмъ ты нарядилась? куда ты хочешь идти? восклицаетъ мать жены Коломбѐ, обращаясь къ дочери.

— На балъ, маменька.

— Ты попадешь не на балъ, а прямо въ преисподнюю!

— Что-же это значитъ, наконецъ? восклицаетъ Коломбѐ: развѣ я не господинъ въ домѣ своемъ!

— Вы бусурманы, идолопоклонники!

Ссора кончилась-бы совершеннымъ разрывомъ, еслибъ г-жа Коломбѐ не нашла средства уладить все дѣло.

— Маменька, говоритъ она: утромъ я буду ходить съ вами слушать проповѣди, а вечеромъ вы ужъ позволите мнѣ ходить съ мужемъ на балы.

Хорошенькія сцены, остроумныя шутки и ненатянутая веселость дали этой комедіи успѣхъ.

Second Théatre-Français.

Antigone, (*Антигона*), трагедія Софокла, переводъ г-дъ Мёриса и Вакри; музыка г. Мендельсона.

Свершилось великое торжество Втораго-Французскаго-Театра..... Въ исходѣ прошлаго мѣсяца, когда «Репертуаръ и Пантеонъ» былъ уже почти отпечатанъ и, слѣдовательно, мы не имѣли возможности извѣстить читателей нашихъ подробнѣе о великомъ событіи, была играна *Антигона* Софокла.

Мы не разъ уже говорили о неусыпныхъ трудахъ и усиліяхъ Втораго-Театра, которому безспорно принадлежитъ первое мѣсто; изъ разборовъ парижскихъ те-

атровъ читатели наши могли видѣть, какъ серьёзно трудится администрація Втораго-Театра, чтобы доставить публикѣ разнообразнѣйшія удовольствія, способныя оставить по себѣ глубокія впечатлѣнія.

Мысль возобновленія славныхъ твореній древнихъ достойна всякой похвалы; публика и журналы парижскіе съ удивительнымъ, невиданнымъ и неслыханнымъ доселѣ жаромъ, поспѣшили отдать полную справедливость заботливости г. Лирѐ, директора Втораго Французскаго-Театра, къ которому теперь ежедневно стекается самая аристократическая публика; люди, замѣчательные во всѣхъ отношеніяхъ, забывая политическія, литературныя или коммерческія хлопоты, собираются восхищаться «Антигоной»; тысячи молодыхъ людей, для которыхъ поэзія сохранила еще всю плѣнительную прелесть свою, каждый почти вечеръ съ пламеннымъ нетерпѣніемъ ждутъ начала представленія...

Чтобы дать читателямъ нашимъ лучшее понятіе о впечатлѣніи, производимомъ Антигоной, мы должны войти въ нѣкоторыя подробности, касательно новаго устройства сцены и самой залы зрителей, расположенной на подобіе древнихъ амфитеатровъ. Кресла и стулья были убраны, и весь партеръ превращенъ въ скамьи идущія полукругомъ, съ проходами, идущими радіусами къ центру, и, постепенно возвышаясь, доходилъ до ложь перваго яруса. Когда всѣ эти скамьи усѣяны зрителями, то зала представляетъ зрѣлище, изумительное разнообразіемъ и оригинальностію.

Сцена увеличена значительно; она даже нѣсколько выдвинута впередъ и закрываетъ оркестръ; впереди, на самой срединѣ, возвышается жертвенникъ, украшенный лавровыми вѣнками, пальмовыми вѣтками, гирляндами; на первомъ планѣ группируется хоръ, который, какъ извѣстно, играетъ важную роль во всѣхъ древнихъ трагедіяхъ. Занавѣсъ не поднимается, но опускается подъ полъ. Театръ, нѣсколько возвышенный, представляетъ площадь; сверху голубой сводъ небесъ; въ глубинѣ—дворецъ царей Ѳивскихъ. Впереди, на второмъ планѣ, находится возвышеніе, отъ котораго идутъ въ обѣ стороны ступени къ жертвеннику, возлѣ котораго стоитъ хоръ. Все это весьма сходно съ сценической обстановкой древнихъ Грековъ.

Теперь приступаемъ къ самому содержанію трагедію.

Занавѣсъ *опускается*. Главная дверь дворца растворяется и Антигона, вышедъ изъ дворца, направляетъ шаги къ маленькой потаенной двери и вскорѣ возвращается оттуда съ сестрой своей, Исменой. Онѣ говорятъ о несчастіяхъ отечества, о горестяхъ семейства ихъ. Братья молодыхъ Гречанокъ, Эѳеоклъ и Полиникъ возстали другъ на друга и оба погибли. Новый царь, Креонъ, приказавъ похоронить съ великолѣпіемъ Эѳеокла, лишаетъ тѣло Полиника погребенія, и велитъ выбросить его на поле, въ добычу хищнымъ птицамъ. Страшная смерть угрожаетъ тому, кто осмѣлится преступить это приказаніе и отдастъ послѣдній долгъ несча-

стному Полинику.... Не смотря на то, Антигона рѣшилась идти противъ воли царя, и, не внимая мольбамъ сестры, отказывающейся слѣдовать за нею, она удаляется, чтобы исполнить священный долгъ.

Является хоръ стариковъ, становится около жертвенника, и остается до конца піесы. Хоръ оплакиваетъ несчастія Ѳивъ и ждетъ появленія царя. Изъ дворца выходитъ Креонъ, со скипетромъ въ рукахъ, и дважды кланяется старикамъ, которые склоняютъ сѣдыя головы предъ властелиномъ. Креонъ говоритъ о стараніяхъ своихъ въ пользу ввѣренной ему отчизны, и о преступномъ Полиникѣ, тѣло котораго, по приказанію его, лишено погребенія. Извѣстно, какъ древніе уважали покойниковъ, и какимъ позоромъ и оскорбленіемъ считалось у нихъ лишеніе погребенія. Хоръ, который въ піесахъ древнихъ есть вмѣстѣ и совѣтъ царскій, и олицетворенная идея правоты, слѣпо повинуется всѣмъ приказаніямъ царскимъ, не дерзая даже сдѣлать малѣйшее замѣчаніе.

Но вотъ вбѣгаетъ стражъ, блѣдный, испуганный.... онъ возвѣщаетъ, что дерзновенныя руки осмѣлились преступить приказанія царя, засыпавъ тѣло Полиника пескомъ и окропивъ его освященной водою.

Гнѣвъ царя разражается страшными угрозами!... Узнавъ, что Антигона — виновная, онъ приказываетъ за-живо зарыть ее въ землю. Увы! Антигона невѣста Эмона, сына Креонова.... Эмонъ въ отчаяніи; онъ умоляетъ отца пощадить несчастную, наконецъ переходитъ къ жалобамъ, упрекаетъ отца въ жестокосердіи, но все тщетно! — Креонъ непреклоненъ, неумолимъ.

Антигона, готовясь умереть, въ послѣдній разъ обращаетъ трогательныя жалобы свои къ хору.... Съ отчаяніемъ падаетъ она ницъ предъ жертвенникомъ и прощается со стариками; жестокіе стражи увлекаютъ ее, накинувъ на нее черное покрывало....

Удивительно, какъ вещи простыя, естественныя, ненатянутыя, сильно дѣйствуютъ на толпу, самую избалованную, готовую надъ всѣмъ смѣяться, всѣмъ забавляться. Между-тѣмъ какъ отъ натянутыхъ, невѣроятныхъ, невозможныхъ ужасовъ новѣйшей школы волосы становятся дыбомъ, дрожь пробѣгаетъ по всему тѣлу, простая, естественная и тѣмъ-болѣе трогательная горесть Антигоны заставила плакать публику! — и какую-же публику! Парижскую!..

Интересъ безпрестанно возрастаетъ. Ведомый молодымъ пастухомъ, является мудрый Тарезіасъ, умѣющій предсказывать будущее. Онъ упрекаетъ Креона въ жестокости и угрожаетъ ему великими бѣдствіями. Царь сначала хочетъ приказать казнить дерзкаго, но спокойствіе и увѣренность старика въ самомъ себѣ наводятъ на Креона ужасъ ... блѣднѣя, обращается онъ къ хору — хоръ совѣтуетъ ему помиловать Антигону.

Креонъ повинуется хору и самъ бѣжитъ остановить казнь — между-тѣмъ хоръ поетъ гимнъ Бахусу, чтобы усмирить гнѣвъ его и отклонить бѣдствія, о которыхъ предсказывалъ мудрый старецъ.

Но увы! уже поздно! При послѣднихъ стихахъ гимна вбѣгаетъ одинъ изъ дворцовыхъ стражей и возвѣщаетъ, что Антигоны нѣтъ уже на свѣтѣ и что Эмонъ умертвилъ себя на могилѣ молодой невѣсты своей. Это извѣстіе какъ громомъ порожаетъ царицу, мать Эмона..... бросивъ на небеса взглядъ, исполненный невыразимой горести, она молча удаляется, поддерживаемая прислужницами своими....

Тогда вбѣгаетъ Креонъ, блѣдный, страшный, грозный! Онъ несетъ безжизненное тѣло Эмона, сынасвоего и кладетъего на землю. Горесть побѣдила гордость, отецъ побѣдилъ царя. Гордый Креонъ, непреклонный властелинъ, преклонилъ колѣни и плачетъ.... Но это еще не все: взглядъ и молчаніе царицы были слишкомъ выразительны.... Растворяются двери дворца и взорамъ несчастнаго отца представляется зрѣлище новаго бѣдствія.... мать Эмона нанесла себѣ смертельный ударъ — безжизненый трупъ ея окруженъ рыдающими прислужницами ...

Между трупами сына и жены, Креону остается только преклонить голову подъ желѣзною рукою, тяготѣющею надъ-нею! Проклятый, какъ Эдипъ, онъ удаляется, и хоръ стариковъ, воспѣвъ въ печальной и тихой пѣсни умѣренность и кротость боговъ, какъ вѣрнѣйшей опоры царей, медленно удаляется....

Впечатлѣніе, произведенное представленіемъ этой трагедіи, которая послѣ трехъ тысячелѣтій свѣжѣе и новѣе многихъ другихъ знаменитыхъ произведеній, существующихъ неболѣе десятка лѣтъ, было глубже, величественнѣе, торжественнѣе, нежели можно было ожидать. Публика собралась въ театръ изъ любопытства, какъ на зрѣлище невиданное еще, чтобъ полюбоваться обстановкой, послушать прославленную музыку Мендельсона, сопровождающую хоры — очень немногіе думали объ Антигонѣ, а если и думала, то какъ о старьѣ довольно-скучномъ. И что-же? зрители разошлись глубоко-растроганные, задумчивые — какъ-бы изъ храма. Если въ землѣ славной Аттики хранится еще хоть одна пылинка праха Софокла, то она должна была трепетать отъ радости, потому-что едвали трагедія его имѣла такой успѣхъ въ Аѳинахъ, какъ на Второмъ-Французскомъ-Театрѣ, который сдѣлалъ все, что могъ, все, что можно было сдѣлать, чтобы окружить это драматическое возрожденіе необыкновеннымъ великолѣпіемъ.

Мысль возобновленія Софокла принадлежитъ Берлину, но увы! все на свѣтѣ такъ дѣлается.... Скромность и талантъ въ наше время скорѣе поведутъ къ голодной смерти и самоубійству, нежели къ богатству и славѣ. Антигона была уже представлена въ Берлинѣ; обстановка принадлежитъ г. Ставинскому; декораціи и костюмы исполнены по рисункамъ. г. Станха, музыка къ хорамъ написана Мендельсономъ - Бартольди....

Переводчики, г. г. Вакри и Мёрисъ принялись за дѣло трудное, но не превышавшее силы ихъ. Вездѣ, гдѣ можно было, они сохранили смѣлое выраженіе, живописныя картины, пріятные и вмѣстѣ

съ тѣмъ наивные обороты греческаго поэта; но главною цѣлію ихъ было — передать мысль Софокла во всей природной чистотѣ ея, со всѣми гармоническими прелестями ея. Г-да Вакри и Мёрисъ перевели стихи Софокла съ заботливостью и любовію, которая дѣлаетъ имъ честь. Умъ и дарованіе всегда возьмутъ свое, и потому въ переводѣ этихъ двухъ молодыхъ литераторовъ гораздо-болѣе поэзіи, нежели во многихъ другихъ оригинальныхъ произведеніяхъ.

Музыка Мендельсона запечатлѣна тихою и важною грустію, приличествующею сюжету трагедію. Композиторъ прекрасно ввелъ речитативы, исполняемые массой голосовъ. Большая часть хоровъ исполнены выраженія и гармоніи, и оркестрная музыка, сопровождающая мѣстами монологи дѣйствующихъ лицъ, заключаетъ драматическіе эффекты. Гимнъ Бахусу — мастерское произведеніе: къ концу его есть нѣкотораго рода вокальное crescendo, которое сильно поражаетъ слушателей.

Теперь остается поговорить объ актерахъ. *Бокáжъ* (Креонъ) доказалъ, что обладаетъ рѣдкимъ умомъ и талантомъ. Онъ долженъ былъ передать роль человѣка грубаго, вспыльчиваго, слѣпаго въ гнѣвѣ своемъ и котораго противорѣчіе доводитъ до бѣшенства — и Бокажъ былъ превосходенъ, грозенъ въ гнѣвѣ своемъ; но когда несчастіе поразило его, онъ былъ неподражаемъ въ мрачной грусти!... Въ ту минуту, когда возлѣ трупа сына ему приносятъ вѣсть о смерти жены, онъ съ рѣдкимъ совершенствомъ выразилъ моральную пытку, достигшую своего пароксизма!...

За ролью Креона непосредственно идетъ роль Антигоны, которую занимала.... кто? г-жа Бурбье! (а не *мамзель* Бурбье, какъ весьма тривіально выразился кто-то въ одномъ изъ нашихъ журналовъ) — Бурбье, которую неблагодарность и непостоянство нашей публики заставили оставить сцену Михайловскаго-Театра, котораго она, безспорно, была лучшимъ украшеніемъ! Бурбье, которая почти малодою дѣвушкою прибыла въ Петербургъ, гдѣ дарованіе ея развилось и окрѣпло; Бурбье, которая познакомила насъ съ лучшими драматическими произведеніями французской литературы — точно! эта самая Бурбье играла роль Антигоны, и играла ее превосходно; доказательствомъ тому служатъ единодушныя похвалы, которыми осыпаютъ ее *всѣ* парижскіе журналы: это не бездѣлица! Въ-доказательство словъ нашихъ мы могли-бъ привесть отрывки изъ двадцати-двухъ французскихъ газетъ и журналовъ, лежащихъ предъ нами. Особенно одна сцена — лучшая и труднѣйшая во всей трагедіи — а именно та, когда Антигона, прощаясь съ жизнію, обнимаетъ жертвенникъ, была выполнена г-жою Бурбье съ такимъ воодушевленіемъ, такимъ глубокимъ и вмѣстѣ естественнымъ чувствомъ, что всѣ зрители были тронуты до слезъ.... это та самая Бурбье, которая отставлена у насъ, потому-что талантъ ея клонился къ упадку!... Вѣроятно, совершенное развитіе, возмужалость, если намъ позволятъ такъ выразиться, таланта ея, приняли

у насъ за упадокъ его..... Теперь г-жа Бурбье одна изъ почтнѣйшихъ и любимѣйшихъ парижскихъ актрисъ.

Вообще всѣ актеры прекрасно выполнили дѣло свое.

Огромный успѣхи Антигоны со дня на день возрастаетъ. Шесть представленій въ недѣлю едва удовлетворяютъ требованіямъ публики. Актеры, нѣсколько робкіе и смущонные въ первое представленіе, ободренные единодушно справедливостью, отданною отличной игрѣ ихъ, выполняютъ теперь роли свои съ большимъ воодушевленіемъ. Честь и слава людямъ, умѣющимъ поставить искусство на ту высокую степень, съ которой оно должно дѣйствовать на умы и сердца, а не наряжать его въ пестрый, шутовской кафтанъ, въ которомъ оно производитъ минутное, скоропроходящее дѣйствіе на одни чувства!...

— La jeunesse de Corneille, (*Молодость Корнеля*), комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ, г. Кокатриса.

Піеса эта была играна 6-го іюня, въ воспоминаніе дня рожденія великаго французскаго поэта, Корнеля. Спектакль состоялъ изъ слѣдующихъ піесъ: «Сида», лучшаго произведенія Корнеля; *Молодость Корнеля*, новой комедіи г. Кокатриса, руанскаго уроженца — и Корнель родился въ Роанѣ; *Цикуты*, маленькой комедіи, о которой мы говорили въ прошлой книжкѣ «Репертуара и Пантеона», и наконецъ *Капитана Пароля*, веселенькаго фарса, написаннаго молодыми переводчиками «Антигоны».

Молодость Корнеля была въ этотъ случаѣ піесой-кстати и имѣла заслужоный успѣхъ.

Первое дѣйствіе происходитъ въ Руанѣ, въ тамошнемъ судѣ. Пьеръ Корнель, бывшій сначала адвокатомъ, потомъ уже писателемъ, говоритъ рѣчи въ Парламентѣ и старается составить себѣ имя и будущность въ карьерѣ, нелишонномъ опасностей. Справедливость и безпристрастіе не были въ то время первыми добродѣтелями судей: было много злоупотребленій. Корнель, одаренный душою благородною и гордою, сердцемъ прямымъ и великодушнымъ, негодуетъ на постыдныя интриги, на всякомъ шагу перебивающія путь честному человѣку. Исполненный негодованія и гнѣва, онъ отказывается отъ званія своего, прощается съ Парламентомъ.

Корнель любитъ со всѣмъ жаромъ дружбы сердца юнаго и преданнаго, молодую женщину, Полину. Виконтъ де Сен-Валлье оскорбляетъ Полину; Корнель вызываетъ Виконта на дуэль.

Второе дѣйствіе происходитъ въ квартирѣ Полины. Корнель ранилъ Виконта; но клевета не могла не воспользоваться такимъ прекраснымъ случаемъ; она распространила самыя оскорбительныя слухи на-счотъ Полины: — бѣдная женщина жестоко страдаетъ. Но какъ заставить умолкнуть клевету? Какъ обезоружить недоброжелателей?.... Внезапная мысль сверкнула въ умѣ оскорбленной женщины; у нея есть племянница, молодая и милая дѣвушка, которой наивная граціозность, вѣроятно, плѣнитъ сердце молодаго человѣка. Она хочетъ отдать ее за-мужъ за Корнеля, но отецъ молодой дѣ-

вушки, графъ де-Ланперьеръ, и слышать о томъ не хочетъ! Графъ имѣетъ всѣ аристократическіе предразсудки. Выдать дочь за человѣка безъ имени!... Никогда!

Третье дѣйствіе въ Парижѣ, во дворцѣ кардинала. Ришльё, дряхлый и больной, страдающій тѣмъ сухимъ и постояннымъ кашлемъ, которой убилъ его, занятъ дѣлами съ молодымъ секретаремъ своимъ, сладенькимъ и хитрымъ Итальянцомъ, Мазарепомъ, который въ послѣдствіи занялъ мѣсто его. Заговоръ Сенъ-Марса открытъ. Условія съ Испаніей перехвачены. Всѣ заговорщики арестованы и погибнутъ безвозвратно. На Сенъ-Марса, на перваго, падетъ вся ненависть и мщеніе Кардинала.

Графъ де-Ланперьеръ въ числѣ заговорщиковъ и вмѣстѣ съ прочими приговоренъ къ смерти. Корнель, неизвѣстный въ Руанѣ, въ Парижѣ сдѣлался извѣстнымъ. Покровительство Ришльё извлекло его изъ толпы; *Сидъ* былъ игранъ и Корнель сдѣлался модпымъ писателемъ для большинства, великимъ поэтомъ для избранныхъ. Кардиналъ обѣщалъ поэту исполнить просьбу его, какая бы она ни была, въ награду за то, что онъ оправдалъ надежды его. Корнель проситъ о помилованіи графа де Ланперьера. Ришльё отказываетъ. Но когда Марія, дочь графа, со слезами отчаянія на глазахъ присоединяетъ мольбы свои къ просьбамъ поэта, тогда Ришльё смягчается, съ тѣмъ однакожъ условіемъ, чтобы графъ выдалъ за Корнеля дочь свою.

Авторъ былъ вызванъ.

THÉATRE DU GYMNASE.

L'Echappé des petites maisons, (*Бѣлецъ изъ дома сумасшедшихъ*), водевиль въ одномъ дѣйствіи г. Поля Бонжу́ра.

Г. Поль Бонжуръ дебютировалъ въ этой піескѣ, какъ авторъ, и какъ актеръ. Какъ авторъ, онъ не создалъ ничего особеннаго, ничего новаго, даже ничего забавнаго. Вотъ сюжетъ піески. Молодаго человѣка запираютъ въ сумасшедшій домъ родственники, чтобы вылечить его отъ страсти къ театру. Молодой человѣкъ, желая доказать директору, что онъ въ полномъ разумѣ, переодѣвается нѣсколько разъ, что̀ обманываетъ сторожей, которымъ онъ является даже самимъ директоромъ. Вотъ и все. Какъ актеръ, г Бонжуръ былъ очень недуренъ.

THÉATRE DES VARIÉTÉS.

Nicaise a Paris, (*Никэзъ въ Парижѣ*), водевиль въ одномъ дѣйствіи, гг. Байра и Дюманоа́ра.

Дѣло идетъ о нѣкоемъ мосьё Берлингѣ, старомъ дворянинѣ, большомъ любителѣ любовныхъ интригъ и продѣлокъ. Онъ посылаетъ племянника своего, робкаго и глуповатаго Никэза, въ Парижъ, чтобы онъ понабрался тамъ свѣтской ловкости и сдѣлался маленькимъ Ришльё или Ловласомъ.

Прошло шесть лѣтъ послѣ отъѣзда Никэза, г. Берлингѣ де-ла-Бишардьеръ, полагая, что племянни-

ку его прискучила жизнь отчаяннаго волокиты и полка, самъ ѣдетъ за нимъ въ Парижъ, вмѣстѣ съ молоденькой племянницей, Маргеритой, которую онъ хочетъ отдать за́-мужъ за Никэза.

Увы! бѣдный г. Берлингѐ очень разочарованъ! Никэзъ также глупъ и простъ, какъ и прежде. Онъ боится женщинъ, видъ ихъ бросаетъ его въ жаръ и холодъ, а потому рѣшительно отказывается отъ руки кузины своей.

Но Маргерита берется вылечить Никэза отъ этой смѣшной робости. Онъ не знаетъ ее, а потому она рѣшается сдѣлать на сердце его сильную атаку; она пламенно изъясняется ему въ любви. Никэзъ остается холоденъ. Тогда Маргерита, не желая напрасно терять времени, рѣшается выдти за Шарля, молодаго человѣка очень-пріятной наружности и съ пламеннымъ сердцемъ.

Дядя взбѣшонъ на племянника. Но Никэзъ, узнавъ о намѣреніи Маргериты, бросается къ ногамъ дяди.

— Дядюшка! восклицаетъ онъ: простите!... Я... однако постойте; у васъ нѣтъ другой племянницы?

— Нѣтъ, отвѣчаетъ дядя.

— Тѣмъ-лучше, слѣдовательно я внѣ опасности!

— Глупецъ!

— Дядюшка, я виноватъ предъ вами... я женатъ!

— Ты!... восклицаетъ дядя съ изумленіемъ: зачѣмъ-же ты молчалъ?

— Я женатъ на гризеткѣ...

— Фи! какой вкусъ! говоритъ Берлингѐ; но впрочемъ, это не бѣда! И гризетки бываютъ хорошенькія.

— У меня четверо дѣтей...

— Четверо!... приди, обними меня, племянникъ, въ тебѣ течетъ моя кровь!....

Забавный водевиль.

Théatre des folies — dramatiques.

Les petits métiers de Paris, (*Мелкая парижская промышленость*), водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ, гг. Любиза и Годара.

Герои этой піесы уличные торговцы и торговки.

Дѣвушка, продающая лимонадъ, влюблена въ уличнаго пѣвца и хочетъ выдти за него, вопреки требованіямъ дяди, мелочнаго ростовщика, который хочетъ отдать ее за́-мужъ за другаго. Любовникамъ покровительствуетъ какой-то продавецъ битыхъ стеколъ. Все мелкія ремесла, но и интрига черезъчуръ мелкая.

Продавецъ битыхъ стеколъ былъ нѣкогда богатъ; состояніе его позволяло ему платить одинъ су за то, что ему на улицѣ чистили сапоги. Однажды, во-время возмущенія, онъ потерялъ сына и бумажникъ. Сына его укралъ странствующій акробатъ — сынъ этотъ никто иной, какъ уличный пѣвецъ. Бумажникъ поднялъ и оставилъ у себя чистильщикъ сапогъ, который въ-послѣдствіи сдѣлался ростовщикомъ: это никто иной, какъ дядя молодой лимонадчицы.

Вздорная интрига, вздорный ходъ піесы, неоправдывающій названія.

—

Читатели наши видятъ, что въ прошломъ мѣсяцѣ французскій театръ былъ очень-бѣденъ новостями. Всѣ заняты «Антигоной» такъ, что ни публикѣ, ни авторамъ не до новостей.

Г-жа Тальйони въ Парижѣ; но

Тотъ скажи любви прощай,
Кто на три года вдаль уѣдетъ!

Французскіе журналы съ весьма-холодною разсудительностію отзываются объ измѣнившей имъ Сильфидѣ. Она уже не *геній* а, просто, *талантъ*; но талантъ замѣчательный...

ИТАЛЬЯНСКІЕ ТЕАТРЫ.

Взглядъ на современное состояніе драматическаго искусства въ Италіи.

Драматическое искусство мертво въ отечествѣ Гольдони и Альфіери! Вотъ обыкновенныя слова всѣхъ туристовъ, разсказывающихъ свои путевыя впечатлѣнія, а также и мнѣніе нѣсколькихъ писателей, занимавшихся этимъ вопросомъ. Тѣ и другіе утверждаютъ, что сцена итальянская, сцена, которой первой принадлежитъ заслуга — замѣнить грубые нелѣпые фарсы среднихъ вѣковъ произведеніями, написанными по всѣмъ правиламъ греческихъ и римскихъ классиковъ, совершенно упала и сдѣлалась поприщемъ самыхъ низкихъ гаеровъ и фигляровъ. Между-тѣмъ, какъ во Франціи и Германіи драматическое искусство приняло новое и блестящее направленіе, Италія не умѣла обогатиться даже подражаніемъ, и довольствуется простымъ рабскимъ заимствованіемъ чужихъ произведеній.

Какъ ни жестоко подобное обвиненіе, но, къ-несчастію, оно очень – основательно. Однакожъ, сколько намъ извѣстно, никто не сказалъ еще ни слова о причинахъ такого печальнаго результата. Всѣ осуждаютъ итальянскій театръ и итальянскихъ писателей совершенно безусловно, не дѣлая никакого различія между невозможностью матеріальною и неспособностію разумною, между исполненіемъ и намѣреніемъ, и это несправедливо; ибо упадокъ драматическаго искусства въ Италіи ни сколько не происходитъ отъ упадка умственной жизни этого народа, но именно отъ нравовъ, отъ настоящихъ обычаевъ, отъ особеннаго положенія этой страны. Постараемся объяснить это, выставивъ притомъ и важныя затрудненія, препятствующія успѣху въ положеніи актеровъ и драматическихъ авторовъ итальянскихъ. Не говоря о попыткахъ къ возвышенію драматическаго искусства, сдѣланныхъ еще въ XVI-мъ столѣтіи, ни о произведеніяхъ этой эпохи, которыя почти всѣ скопированы съ образцовъ Плавта и Теренція, мы обратимся къ концу прошедшаго столѣтія. Истинные представители этого искусства съ Италіи, Метастазіо, Альфіери, Гольдони, не только были возродителями его въ своемъ отечествѣ, но и по-справедливости заняли мѣсто въ первыхъ рядахъ европейской литературы.

Метастазіо первый возвысилъ до высокаго эту поэзію лирическую, которая, сдѣлалась, можно сказать, народною собственностію Италіи, и въ которой до-сихъ-поръ еще не было ему соперниковъ. Эта поэзія есть муза-вдохновительница музыки или лучше, она то даетъ форму и выраженіе идеямъ, созданіямъ музыкальнымъ. Толпа поэтовъ бросилась по слѣдамъ Метастазіо, и въ наше время образуетъ, такъ сказать, родъ цеха для фабрикаціи libretti, или лирическихъ поэмъ для композиторовъ. Но, Боже мой! что за ремесло новѣйшаго либреттиста! Маэстро чувствуетъ въ себѣ музыкальное вдохновеніе; интродукція, каватина, хоры создаются и толпятся въ головѣ его. Онъ призываетъ своего либреттиста: представьте себѣ лицо взятое прямо изъ комедіи, лицо алчущее и жаждущее, одѣтое лѣтомъ въ тепломъ плащѣ, а зимою въ самомъ легкомъ южномъ костюмѣ, лицо, изъ всѣхъ даровъ земныхъ обладающее только тѣмъ, чего никому ненужно. Высчитываютъ, сколько надобно стиховъ, для мотивовъ, уже созданныхъ въ головѣ композитора. И эти-то стихи дадутъ поэту столько-то копеекъ, не со строки, не со стиха, а съ страницы—двѣнадцать франковъ за актъ. Мы знаемъ такую оперу, которая доставила *золотые* лавры ея композитору, и за либретто которой заплачено именно по приведенному нами здѣсь тарифу, и только, когда сверхъ сторгованныхъ двухъ актовъ, маэстро придумалъ еще новую финальную арію и въ-слѣдствіе этого поэтъ долженъ былъ написать еще третью часть поэмы, получилъ онъ за это еще половину обыкновенной цѣны, положенной за каждой актъ, что и составило рублей семь серебромъ за драму въ трехъ актахъ, въ стихахъ! Скромный бѣдный libriettista не осмѣливается даже называть своихъ произведеній поэзіею; онъ смиренно пишетъ на заглавіи: «*Слова къ оперѣ*».

Гольдони и Альфіери, не будучи творцами-геніями, какъ Метастазіо, могутъ занять мѣста, первый не далеко отъ Мольера, а послѣдній – отъ французскихъ трагиковъ вѣка Лудовика XIV. И не оспоримо, между всѣми подражателями древней трагедіи Грековъ, никто не обладалъ такимъ жаромъ и такою энергію, какъ Альфіери. Конечно, его можно нѣсколько упрекнуть въ однообразіи, неизбѣжномъ послѣдствіи классическаго подраженія, равно какъ и въ недостаткѣ колорита мѣстности; но эти недостатки исчезаютъ передъ блескомъ высокой и энергической поэзіи.

Гольдони обладалъ талантомъ въ высшей степени драматическимъ. Влекомый къ сценѣ склонностью непреодолимою, онъ совершенно посвятилъ себя ей. Въ его время театръ находился подъ владычествомъ искусства чисто условнаго. Комедіею овладѣли лица, существующія только въ преданіяхъ: *хитрецъ докторъ*, Бригелла и Арлекинъ, грубые слуги, старый папа Панталонъ, Оттавіо, Флориндо, Розаура, Коломбина, субретка, словомъ, все лица преувеличенныя, изъ которыхъ сдѣлали всеобщіе типы, нисколько несходные ни съ дѣйствительностію, ни съ нравами, ни съ обычаями

того времени. Сколько надобно было Гольдони твердости и смѣлости, чтобы рѣшиться на борьбу съ столь-закоренѣлыми и всеобщими злоупотребленіями? Сколько ума и таланта, что бы направить вкусъ публики къ болѣе правдоподобному, почти истинному, и все это, такъ сказать, вдругъ, безъ постепенныхъ переходовъ!

Хотя Гольдони, конечно, и сохранилъ въ нѣкоторыхъ изъ піесъ своихъ типы, маски древней комедіи; но въ тоже время онъ создалъ новые характеры, комическая оригинальность которыхъ заставляетъ забывать первыя. Счолъ-ли онъ обязанностію, начиная реформу, оказать нѣкоторое снисхожденіе къ привычкамъ публики? Или, лучше, не хотѣлъли онъ, по примѣру Сервантеса, истреблять злоупотребленія, выводя на сцену лица гораздо-смѣшнѣйшія тѣхъ, которыя онъ хотѣлъ уничтожить? Каковы-бы ни были его средства, но онъ скоро достигъ цѣли. Характеры вымышленные исчезли, всѣ сцены были заимствованы у дѣйствительности; нравы, странности, пороки, были преслѣдуемы критикою справедливою и остроумною, и комедіи Гольдони могутъ быть названы вѣрнымъ изображеніемъ современнаго ему общества, разумѣется, общества, въ которомъ онъ провелъ жизнь свою. Эта послѣдняя оговорка послужитъ намъ для дополненія мысли, высказанной нами о сравненіи Гольдони съ Мольеромъ. По нашему мнѣнію, оба они въ одинаковой степени обладали талантомъ наблюдательности, оба съ однаковымъ искусствомъ умѣли придавать колоритъ и жизнь своимъ портретамъ; преимущество Мольера – только болѣе обширное знаніе свѣта и разныхъ классовъ общества; но и это преимущество проистекало отъ различнаго положенія этихъ двухъ писателей въ обществѣ. Мольеръ, находясь при дворѣ и въ постоянномъ соприкосновеніи со всѣмъ, что было самаго блестящаго во Франціи, имѣлъ свои образцы передъ глазами, тогда-какъ Гольдони, поэтъ труппы комедіянтовъ, безъ средствъ и безъ кредита, не могъ знать нравовъ и обычаевъ высшихъ классовъ, какъ только по нѣкотораго рода сравненію между тѣмъ, что удалось ему видѣть и что онъ долженъ былъ угадывать.

Возьмите народныя піесы Гольдони, и вы увидите, что тутъ авторъ въ своемъ кругу. Вотъ нравы, привычки, пороки, добродѣтели этого круга; вотъ его манера говорить и дѣйствовать. Художникъ пишетъ съ натуры. Но, смотря на представленіе его комедіи въ другомъ родѣ, на-примѣръ, на представленіе «Памелы», нельзя не ощущать нѣкотораго сожалѣнія при видѣ усилій бѣднаго автора, совсѣмъ незнакомаго съ привычками роскоши, незнающаго даже, что такое довольство, никогда не сидѣвшаго за роскошнымъ столомъ богача, и хотѣвшаго вывести на сцену этотъ большой свѣтъ, да еще какой? — большой свѣтъ Англіи!

Какъ ни увлекательны трагедіи Алфіери, какъ ни остроумны, какъ ни забавны комедіи Гольдони, даже и тѣ, въ которыхъ онъ дол-

женъ былъ форсировать характеры, произведеній этихъ двухъ писателей не могло быть достаточно для наполненія сценическаго репертуара. Явилось много подражателей, но никто до-сихъ-поръ не наслѣдовалъ ихъ успѣховъ и ихъ славы. Не говоримъ, чтобы всѣ попытки, слѣланныя на этомъ поприщѣ въ наше время, были совершенно неудачны; нѣтъ, и трагедіи Никколини, Сильвіо Пеллико и герцога Вентиньяно заслуживаютъ всякой похвалы. Только жаль, что новѣйшіе трагики не умѣли дать драматическому искусству того необходимаго ему, такъ-сказать, толчка; всѣ они, болѣе или менѣе рабски держатся старыхъ образцовъ. Одинъ Манцони открылъ новый путь, и двѣ его трагедіи, «Adelchi» и «Carmagnola» поколебали наконецъ ярмо аристотелевыхъ правилъ. Жаль, что, подавши примѣръ, Манцони остановился на такой прекрасной дорогѣ. Можетъ-быть, онъ опасается, что не найдется на театральномъ помостѣ достойнаго истолкователя его поэзіи; или, можетъ-быть, сомнѣвается въ публикѣ, съ такого давняго времени уже увлеченной заблужденіями старой рутины. По-крайней-мѣрѣ, онъ доказалъ, что трудность эта была не непреодолима, потому-что прошедшею-же зимою мы видѣли, какъ весь Миланъ восхищался актеромъ Моденою, въ роляхъ Карманьйолы и Аделькі.

Драма, это созданіе XIX вѣка, еще не перешла въ Италію, и этимъ именемъ, въ настоящемъ его значеніи, нельзя назвать ни драматическихъ произведеній Баттальи, ни романовъ въ формѣ драмы Ревера; впрочемъ, исключая Luisa Strozzi, всѣ сочиненія этого рода написаны не для сцены; сочинителямъ было очень-извѣстно, что цензура не позволитъ представлять ихъ. Эти драматическія поэмы, по-видимому, имѣютъ цѣлію единственно распространять горячій патріотизмъ, святое благоговѣніе къ преданіямъ свободной Италіи, — усилія, направленныя къ эмансипаціи политической; и нельзя не удивляться смѣлости и твердости этихъ молодыхъ писателей, въ борьбѣ столь-опасной:...

Немногое, сказанное нами, доказываетъ, что для трагедіи и драмы въ Италіи есть, по крайней-мѣрѣ, надежды на будущее, и на будущее довольно-близкое, но комедія, народная комедія, не существуетъ болѣе, и нѣтъ никакой надежды на ея возрожденіе. По смерти Гольдони туринскій адвокатъ Нота овладѣлъ ея скиптромъ и короною; но корона эта изъ терновника, скипетръ этотъ тростниковый, и публика презрительно и насмѣшливо принимаетъ этого самозванца, не-смотря на возгласы панегиристовъ плодовитаго писателя. Причиною этому то, что Нота дѣйствительно правъ передъ критиками, сочиняя комедіи безъ всякаго упрека въ отношеніи къ правиламъ дидактическимъ, но виноватъ передъ зрителями въ совершенномъ отсутствіи движенія въ дѣйствіи, остроумія въ разговорѣ и драматическаго ефекта въ интригѣ. Піесы его нечто иное, какъ рабскія подражанія старымъ образцамъ; онѣ написаны безъ вкуса и безъ разборчивости. Зѣваешь при представленіи ихъ, а скука — безотвѣтный неопровержимый

мый аргументъ противъ всѣхъ напыщенныхъ похвалъ.

Августъ Бонъ (Bon), писатель и актеръ, пріобрѣлъ нѣкоторую народность на Итальянскомъ театрѣ. Во многихъ піесахъ ему удалось достичь истины и натуральности Нельзя не пожалѣть, что положеніе его, какъ и положеніе Гольдони, не позволяло ему выбирать сюжетовъ своихъ внѣ низшаго класса общества. Три лучшія его комедіи: *Ludro*, *Ludretto*, *La morte di Ludro* не что иное, какъ исторія Роберта Макера на набережныхъ Венеціи.

Графъ Жиро́, Французъ по рожденію, происходящій отъ фамиліи переселившейся въ Римъ съ съ кардиналомъ де-Берни, находясь въ связяхъ и въ сношеніяхъ со многими богатыми и знатными римскими фамиліями, имѣлъ всѣ способы передать сценѣ всѣ ихъ наслѣдственныя странности и смѣшныя стороны, чѣмъ онъ удачно и воспользвался. Его *Сынъ господина своего батюшки* (Il figlio di signor suo padre) и *Учитель въ затруднительномъ положеніи*, по-справедливости два chefs-d'oeuvre остроумія и комическаго анализа. Съ перваго взгляда видишь этотъ неподвижный, вѣрный по дѣдовскимъ преданіямъ образъ воспитанія сыновей въ знатныхъ римскихъ фамиліяхъ, эти предразсудки, которыми окружаютъ ихъ, эти избитыя идеи, по которымъ образуютъ ихъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ. Да, это сатира, вполнѣ вѣрная настоящему, это почти личности; и успѣхъ этихъ двухъ піесъ Жиро доказываетъ, что для комедіи существовалъ богатый рудникъ въ странахъ, бывшихъ до Жиро недоступными драматическимъ авторамъ. Къ-несчастію, теперь, когда путь открытъ, итальянскіе нравы исчезаютъ: нѣтъ болѣе оригинальности, слѣдовательно, не можетъ быть и подражанія. Французскія манеры перебрались за Альпы и нахлынули на Италію, но, несовершенныя, не понятыя, онѣ плохо вяжутся съ упрямствомъ и смѣшною спѣсью итальянскихъ синьйоровъ, драпированныхъ бо́льшею частію въ дырявые плащи или передразнивающихъ дэнди, около богатыхъ Англичанъ, которыхъ множество является ежегодно въ Римѣ, чтобы раздѣлить нажитое отъ булавокъ или отъ хлопчатой бумаги съ графомъ или маркизомъ Римскимъ. Чичисбеи и cavalieri servienti существуютъ только въ преданіи и въ сожалѣніяхъ нѣсколькихъ перезрѣлыхъ вдовушекъ. А къ довершенію всего, нѣтъ ни одной, даже самой эксцентрической піесы на французской сценѣ, которая, хотя Богъ знаетъ ка́къ понятая, и Богъ знаетъ, ка́къ выраженная, не удостоилась-бы чести потѣшать итальянскую публику.

Впрочемъ умные Итальянцы сами смѣются надъ этимъ. Мы видѣли въ Неаполѣ прелестную комедію герцога Вентиньяно; комедія эта вся, съ начала до конца, горькая сатира противъ нелѣпой привязанности высшаго фешіонэбельнаго неаполитанскаго общества ко всему заморскому.

Владычество за-альпійскихъ нравовъ и обычаевъ въ салонахъ итальянскихъ есть-ли причина или только слѣдствіе наводненія французскихъ піесъ на итальянской сценѣ? Рѣшеніе этого вопроса до

насъ не относится; дѣло въ томъ, что народная комедія, народная сатира подверглись изгнанію и нашли себѣ убѣжище только на нѣсколькихъ театрахъ, назначенныхъ исключительно для народа. Стентарелло во Флоренціи, Полишинель въ Неаполѣ, Кассандра въ Римѣ, el Meneghino въ Миланѣ, суть единственные наслѣдники Скарамуша. Ихъ импровизаціи постоянно смѣшатъ; ихъ остроты не безъ соли и для слушателей гораздо-разборчивѣе, чѣмъ тѣ, предъ которыми они обыкновенно разсыпаютъ ихъ. Но высшій классъ сочтетъ преступленіемъ раздѣлить чистосердечную веселость черни. А между-тѣмъ, только тамъ и можно встрѣтить еще нѣсколько искръ драматическаго генія, нѣсколько выраженій истиннаго вдохновенія, которыхъ тщетно было-бы искать на театрахъ высшаго разряда, гдѣ актеры подавлены своими ролями. Бѣдные актеры! они осуждены постоянно играть самыя фешьонэбельныя піесы репертуара Скриба, тогда-какъ они никогда не бывали дальше передней, и когда они даже на сценѣ, обращаясь къ слугѣ, совѣстятся говорить тономъ господина.

Во Франціи, гдѣ умственная централизація дѣлаетъ Парижъ, такъ-сказать, сборищемъ всѣхъ талантовъ, всѣхъ знаменитостей, говоря объ актерахъ, исключительно говорятъ объ актерахъ парижскихъ. Директоры театровъ столичныхъ могутъ выбирать свои сюжеты изъ многочисленной толпы искателей, а для этихъ послѣднихъ, успѣть или отказаться отъ избраннаго поприща больше ничего, какъ попытка sans moyen terme. Напротивъ-того въ Италіи, гдѣ въ каждомъ, самомъ ничтожномъ городкѣ, даже въ деревняхъ, шесть мѣсяцовъ въ году открытъ свой театръ, іерархія комическая имѣетъ безчисленныя ступени; и чрезвычайно-любопытна была-бы статистика этихъ актеровъ, которые, въ полномъ смыслѣ слова, пробѣгаютъ Италію, соединяясь небольшими труппами, подъ предводительствомъ директоровъ-номадовъ, рѣшающихся раздѣлять съ ними всѣ шансы ихъ ремесла, и чаще всего, недостатокъ въ хлѣбѣ послѣ каждаго представленія. Не менѣе интересно-бы изучить существованіе этихъ бѣдныхъ парій, перебивающихся день-за-день, благодаря постоянному покровительству ветурино и трактирщиковъ, и періодически, отъ города до города, облегчающихъ свой багажъ и свой гардеробъ, благодаря премудрому изобрѣтенію заклада. Въ-слѣдствіе этого образа жизни, изъ этихъ труппъ составилась, такъ-сказать, особая каста; члены ея соединяются браками только между-собою, и такимъ-образомъ сдѣлали изъ театра, такъ-сказать, наслѣдственную промышленость. Ихъ средства къ существованію въ полномъ смыслѣ тайна, и какъ великъ ихъ экономическій талантъ-можно судить изъ того, что въ бо́льшей части городковъ средній сборъ такой труппы простирается не свыше пятидесяти франковъ, которые должны дѣлиться между двадцатью человѣками. Хорошо-бы еще, еслибы спектакли можно было давать ежедневно, но, къ-несчастію, духовныя власти не позволяютъ спектаклей ни въ пятницу, ни на-канунѣ пра-

зниковъ, а извѣстно, что въ Италіи праздники чаще воскресеній, такъ-что бо́льшую часть года едва-ли придется насчитать до 3-хъ спектаклей въ недѣлю.

Нищета и всевозможныя лишенія, на которыя осужденъ итальянскій актеръ, совершенно заграждаютъ ему доступъ въ свѣтъ; онъ безъусловно прикованъ къ своей нищенской скамьѣ, безъ всякаго другаго общества, кромѣ общества своихъ сотоварищей. Слѣдовательно, какъ-же ему, не зная, не видя ни нравовъ, ни обычаевъ не только высшаго, но и средняго круга общества, представлять такого рода роли? Тутъ воображеніе не можетъ замѣнить изученія, и какъ-бы ни былъ талантливъ артистъ, но все онъ будетъ смѣшонъ и не на своемъ мѣстѣ. Вотъ почему и замѣчается на итальянской сценѣ совершенное отсутствіе такта, знанія жить и совершенное невѣжество во всемъ, что̀ касается до общественной жизни. На репетиціяхъ, самый старшій актеръ труппы объясняетъ роли банкира, маркиза, полковника, свѣтской дамы, по преданіямъ или по методѣ, особенно нравящейся публикѣ. Можно представить, какіе результаты происходятъ отъ этого на сценѣ, особенно, прибавивъ къ этому еще анахронизмы въ костюмахъ и декораціяхъ.

Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы и аксессуары грѣшили въ такой-же степени, какъ и главные сюжеты. Напротивъ, почти на всѣхъ итальянскихъ театрахъ декораціи прекрасны и костюмы довольно-богаты. Но всѣ предметы эти не имѣютъ опредѣленнаго назначенія и употребляются и въ трагедіи, и въ операхъ, и въ комедіи, и въ фарсѣ. Въ декораціяхъ слишкомъ перемѣшаны архитектурные ордена, потому-что тѣже самыя декораціи по-нуждѣ представляютъ и виллу, и крѣпость, и дворецъ, и гостинницу. Костюмы, не принадлежа собственно никакой эпохѣ, никакому народу, служатъ для всѣхъ эпохъ и для всѣхъ націй, отъ временъ нашествія варваровъ до временъ нашествія пудренныхъ париковъ и французскихъ кафтановъ. Узкіе панталоны, кафтанъ, плащъ, наброшенный на плечо, токъ съ перьями, вотъ и все: нѣчто, приближающееся къ испанскому костюму временъ Филиппа II. Для костюма русскаго прибавляется мѣховая опушка.

Третья причина упадка драматическаго искусства — большой успѣхъ поэзіи лирической. Тріумфы и богатство извѣстныхъ пѣвцовъ подстрекаютъ честолюбіе всѣхъ, кто сколько-нибудь расположенъ къ театру. Въ комъ есть хоть сколько-нибудь самоувѣренности и кого не гнѣтетъ нужда, тотъ, вѣрно, съ презрѣніемъ отвергаетъ поприще драматическое, чтобы стремиться за лаврами и сокровищами, падающими на всякую нотку Россини. Каждая молоденькая дѣвочка, случайно открывшая, что у нея есть порядочный голосокъ, непремѣнно мечтаетъ о милліонахъ Малибранъ и Гризи; каждый хористъ, которому какъ-то разъ благосклонная публика вздумала поаплодировать, только и думаетъ о золотыхъ лаврахъ Рубини и Тамбурини. Малѣйшая наклонность къ театру производится въ призваніе: нѣтъ ничего особеннаго въ голосѣ, не

бѣда! ученіе и упражненіе развовьютъ природныя средства, — и вотъ съ этою безумною самоувѣренностію пускаются на поприще пѣвца или пѣвицы. Разумѣется, разочарованіе приходитъ скоро.... Между сотнями подобныхъ искателей славы и фортуны едва одинъ достигаетъ цѣли. Чѣмъ-же дѣлаются тѣ, которыхъ голосъ обманулъ честолюбіе? Между ними часто бываютъ хорошіе драматическіе таланты, которымъ не достаетъ только знакомства со сценою. Что-же, обратятся-ли они къ комедіи или трагедіи? Никогда; это было-бы слишкомъ унизительно для нихъ! Они предпочитаютъ жалкимъ образомъ влачиться изъ города въ городъ и распѣвать на тамошнихъ театрахъ.

И такъ понятно, что самая опасная рана драматическаго искусства въ Италіи, это униженіе, въ которомъ оно теперь находится. Никакой успѣхъ невозможенъ, покуда не возвысятъ актеровъ въ собственныхъ глазахъ ихъ. При этомъ случаѣ отдадимъ должную справедливость Моденѣ, который, доказавъ собственнымъ своимъ примѣромъ, что истинное достоинство, рано или поздно, но увѣнчается успѣхомъ, открылъ въ Миланѣ родъ консерваторіи, въ которой соединяетъ лучшихъ актеровъ и молодыхъ людей съ сколько-нибудь счастливыми расположеніями и замѣчательными талантами, чтобы образовать ихъ всѣхъ по святымъ преданіямъ драматическаго искусства. Въ-заключеніе скажемъ, что знатоки удивляются не только красотѣ, но и прекрасному таланту m-lle Беттини и m-lle Бистора, первой въ Туринѣ, а второй въ Римѣ. Но двѣ ласточки не составляютъ еще весны; и притомъ слышно, что одна изъ нихъ покидаетъ сцену. Прибавимъ, что Таддеи замѣнилъ Вестриса въ наивно-комическихъ характерахъ, и упомянемъ еще о Гаттинелли младшемъ, какъ о блистательномъ исключеніи среди печальной фаланги италіянскихъ драматическихъ артистовъ. Этотъ артистъ, безъ всякаго другаго руководителя, кромѣ собственнаго вдохновенія, создалъ въ Италіи роли Буффе, и исполняетъ ихъ съ такою натурою и съ такимъ совершенствомъ, что безпристрастному судьѣ, видѣвшему ихъ обоихъ, трудно былобы рѣшиться, которому изъ нихъ отдать пальму первенства.

ЛОНДОНСКІЕ ТЕАТРЫ.

Дрюри-Ленскій театръ.

Венеціянскіе обручонные, лирическая драма г. Жюля Бенедикта.

Сюжетомъ этой драмы послужилъ эпизодъ изъ венеціянскихъ лѣтописей среднихъ вѣковъ. Композиторъ партитуры, г. Бенедиктъ, въ тоже время капельмейстеръ при Дрюри-Ленскомъ театрѣ. Опера его была принята съ общимъ восторгомъ, огромнымъ числомъ слушателей, между которыми замѣтили гг. Коста, Лаблаша, Сальви, г-жу Гризи и почти всѣхъ знаменитыхъ артистовъ, находящихся теперь въ Лондонѣ.

Блистательная увертюра, заключающая мотивъ, являющійся послѣ опять въ свадебномъ хорѣ, была

повторена при громкихъ рукоплесканіяхъ.

Опера начинается хоромъ пиратовъ, прекрасно отдѣланнымъ и полнымъ счастливѣйшимъ мелодій. Богатство идей, знаніе инструментовки и красота общихъ арій (ensembles), доставляютъ г. Бенедикту одно изъ почотнѣйшихъ мѣстъ между знаменитѣйшими композиторами. Въ операѣ его есть мадригалъ, въ старинномъ стилѣ, мастерское произведеніе въ своемъ родѣ.

Хоръ молодыхъ дѣвушекъ, написанный для однихъ сопрано, по граціи и легкости своей, можетъ быть поставленъ на-ряду съ прелестнѣйшими хорами Чимарозы. Слишкомъ долго было-бы исчислять всѣ красоты этой превосходной партитуры; скажемъ только, что семь арій были повторены и что публика потребовала-бъ повторенія всей оперы, еслибъ не боялась утомить артистовъ.

Г-жа Шäу плѣнила всѣхъ зрителей; она пропѣла прелестную балладу, напоминающую чудной простотой своей лучшія произведенія Моцарта и Глюка. Другая главная роль была играна г. Гарриссономъ, артистомъ съ замѣчательнымъ талантомъ.

Г. Бенедиктъ любимый ученикъ Гуммеля и Вебера; и онъ не только умѣлъ оправдать предпочтеніе славныхъ наставниковъ своихъ, но самъ новымъ произведеніемъ своимъ, талъ почти на-ряду съ ними.

Онъ, г-жа Шау и г. Гарриссонъ были вызваны. Долго раздавались рукоплесканія восхищонной публики. Эта лирическая драма будетъ даваема во весь сезонъ...

ВѢНСКІЕ ТЕАТРЫ.

Вниманіе вѣнской публики въ настоящее время поглощено Итальянскою Оперою и въ особенности незабвенною очаровательницею нашею Віардо-Гарсіа, которой мы съ такимъ нетерпѣніемъ ждемъ опять къ себѣ, что, право, готовы согласиться, чтобы нынѣшней-же мѣсяцъ, вмѣсто іюля, превратился въ октябрь. Въ-слѣдствіе этого на прочихъ вѣнскихъ театрахъ теперь, какъ говорится, глухое время, а потому и очень мало появляется новостей. Впрочемъ, вотъ нѣкоторыя изъ новостей прошедшаго мѣсяца:

Theater in der Josephstadt.

На этомъ театрѣ давали въ первый разъ: Ein Handbillet Friedrich des Zweiten» (*Записка Фридриха II-го*), комедія въ трехъ дѣйствіяхъ покойнаго Вильгельма Фогеля.

Комедія эта, послѣдняя, лебединая пѣснь покойнаго старца-поэта, назадъ тому нѣсколько лѣтъ увѣнчана отъ Берлинскаго Королевскаго театральнаго Управленія премію перваго разряда, и потому о достоинствѣ ея говорить было-бы излишне.

Тамъ-же, въ бенефисъ г на Арбессера дана была въ первый разъ: «Der Zauberschleier in Mirzlsfeld», мѣстная шутка съ пѣніемъ и танцами, сочиненіе самого бенефиціанта, музыка К. Биндера. Довольно-веселенькая шутка эта украшена довольно-остроумными куплетами и довольно-пріятною му-

зыкою. Чего-же болѣе требовать отъ *шутки*?

Theater in der Leopoldstadt.

Wer wird seine Schulden zahlen? oder die seltsame Brautwerbung (*Кто заплатитъ его долги или рѣдкое сватанье*), шутка съ куплетами, въ трехъ дѣйствіяхъ, Карла Блума. Сюжетъ заимствованъ съ французскаго.

Эта французско-нѣмецкая шутка г-на Блума приправлена чисто-нѣмецкою музыкою г. Адольфа Миллера.

— Luftschlösser (*Воздушные замки*), комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, А. Ф. Вейднера.

Эти Воздушные за́мки» ни въ какомъ случаѣ не могутъ идти въ сравненіе съ «Воздушными за́мками нашего талантливаго писателя Н. И. Хмѣльницкаго, къ сожалѣнію покинувшаго драматическое поприще.

— Der unschuldige Schuldige oder Sebastian Wutzelberger (*Невинный въ винѣ*), шутка съ куплетами, въ двухъ дѣйствіяхъ, г. Фр. Хоппъ. Музыка капельмейстера г. М. Хебенштрейта.

У содержателя звѣринца есть хорошенькая дочка Изабелла. Дочку эту любитъ одинъ богатый фабрикантъ, и объ ея-же рукѣ хлопочетъ одинъ владѣлецъ жирафа. Этотъ г-нъ Жирафъ рѣшается достигнуть своей цѣли посредствомъ похищенія красавицы Изабеллы. въ чомъ и условливается помогать ему бывшій компаньйонъ содержателя звѣринца. Вожатый жирафа, по какому-то неудовольствію оставившій свое мѣсто, открываетъ бургомистру городка это злоумышленное намѣреніе своего бывшаго хозяина, и въ тоже время открываетъ ему какимъ-то образомъ узнанную имъ тайну, что Изабелла дочь не содержателя звѣринца, а его, бургомистра, которая была у него цохищена еще двухъ-лѣтнимъ дитятею. Итакъ, развязку піесы составляетъ, разумѣется, радость отца о найденной дочери, соединеніе любящихся и наказаніе преступниковъ.

Благодаря талантамъ г-дъ Шолца и Нестроя шутка эта имѣла успѣхъ.

K. K. Hoftheater nächst dem Kaerntnerthore.

Ernani (*Гернани*), опера въ четырехъ актахъ. Либретто Фр. М. Піаве. Музыка маэстро Джизеппо Верди.

Странное дѣло, почему г-да либреттисты, такъ-сказать, присвоили себѣ право умалчивать, откуда они заимствуютъ не только основные сюжеты, но даже цѣлые акты, явленія, словомъ,откуда они почти цѣликомъ переводятъ свои либретто! Право это, по старой, освященной уже временемъ привиллегіи, принадлежитъ композиторамъ, но отнюдь не либреттистамъ, которые непремѣнно должны и обязаны называть источники, изъ которыхъ они черпаютъ свое лирическое вдохновеніе. Такъ и теперь, почему-бы г-ну Піаве не упомянуть, что либретто его есть нечто иное, какъ передѣлка извѣстной трагедіи Виктора Гюго: «Гернани»? Но въ-сторону это;

вотъ нѣсколько словъ о самой оперѣ: Благодарнымъ сюжетомъ для оперы «Гернани» назвать нельзя. Тутъ нѣтъ ни музыкальныхъ положеній, ни собственно драматическихъ эффектовъ. Характеры, рельефно выдающіеся въ трагедіи, здѣсь блѣдны и непрозрачны, интрига такъ запутана и темна, что цѣлое не возбуждаетъ никакого участія, и для зрителя все-равно, который изъ трехъ illustri rivali овладѣваетъ подъ конецъ невѣстою и должна-ли любящаяся пара напослѣдокъ соединиться или умереть.

Молодой маэстро Верди дебютировалъ на музыкальномъ поприщѣ въ прошедшемъ году большою оперою: «Навуходоносоръ», которая, не-смотря на всѣ рекомендаціи, предшествовавшія ей изъ Италіи, не имѣла успѣха. «Ernani» тоже имѣла большой успѣхъ въ Венеціи и очень-посредственный въ Вѣнѣ. Нѣсколько хорошихъ, но отнюдь не новыхъ идей, и нѣсколько замѣчательныхъ, но дурно расположенныхъ эффектовъ отнюдь не даютъ еще права на имя возродителя умирающей италіянской музыки — пышное титло, которымъ увѣнчали маэстро Верди италіянскіе журналы. Впрочемъ, что у маэстро Верди есть талантъ, и талантъ замѣчательный, что онъ умѣетъ счастливо изобрѣтать и съ простыми средствами производить замѣчательный эффектъ, это доказываетъ превосходный финалъ 3-го акта его новой оперы. Очень немного наберется мѣстъ въ новѣйшихъ италіянскихъ операхъ, которыя могли-бы стать на-ряду съ этимъ финаломъ, дѣлающимъ большую честь таланту композитора. Кромѣ того, замѣчательны въ первомъ актѣ живой и оригинальный терцетъ: «Tu esi Ernani»; финалъ интереснаго ансамбля: Vide come il buon vegliardo» и основанный на эффектахъ голосовъ терцетъ: «La vendetta più tremendo».

РУССКІЕ ТЕАТРЫ.

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЕ.

ОДЕССКІЙ ТЕАТРЪ *.

Лючія.— Севильскій Цирюльникъ.— Норма.

Съ 11-го мая по настоящее время на нашемъ театрѣ поставлено три оперы: *Лючія* Доницети, *Севильскій Цирюльникъ* Россини и *Норма* Беллини. Въ *Лючіи* мы первый разъ встрѣтили г-жу Сеччи-Корси. Признаемся, нашъ импресаріо — мастеръ своего дѣла: pour la bonne bouche всѣхъ дебютовъ онъ зналъ, что̀ приготовить.

Съ первой ноты, которую взяла г-жа Сеччи-Корси, она рѣзко отдѣлилась отъ всѣхъ нашихъ новыхъ артистовъ. Голосъ ея обширенъ, гибокъ, чистъ, полонъ сладкой свѣжести. Правда, что въ этомъ голосѣ есть одна-двѣ ноты, какъ-будто рѣзкія; но за это-то мы и должны благодарить судьбу свою: безъ нихъ г-жа Сеччи-Корси была-бы, вѣрно, не на нашей сценѣ. Должно еще прибавить, что и эти рѣзкія ноты въ *Севильскомъ Цирюльникѣ* и въ *Нормѣ* были почти незамѣтны. Что́-жъ касается до прочихъ качествъ голоса г-жи Сеччи-Корси и особенно до ея искуства, до методы пѣнія и обработанности ея о́ргана, то въ этомъ отношеніи мы не помнимъ ничего подобнаго на нашей сценѣ. Морикони... Мы знаемъ по-преданію это миѳическое лицо нашего театра. Тѣ, кто въ мориконіевскую эпоху были въ полной силѣ лѣтъ, теперь ходятъ чуть не стариками; а тѣ, которые были тогда мальчиками, достигаютъ уже поворотной точки. Что́-жъ до насъ, то мы ничего не помнимъ объ этомъ Гомерѣ нашей сцены. Преданіе гласитъ, что это было нѣчто божественное, нѣчто такое, чего новое поколѣніе никогда не услышитъ и недостойно слышать. Съ этимъ мы совершенно согласны, но согласны также и съ тѣмъ, что отдаленность и времени, и мѣста, придаетъ предметамъ радужный оттѣнокъ и дѣлаетъ ихъ особенно заманчивыми, что впечатлѣнія юности увлекательны болѣе самипо-себѣ, чѣмъ по предметамъ увлеченія. Изъ пѣвицъ эпохи исторической для насъ, мы по

* Изъ «Одесскаго Вѣстника.»

мнимъ: Патти-Барилли, Тасси стро, Патери, Фришъ, Бельтрами-Бароцци. Каждая изъ этихъ пѣвицъ имѣла свои достоинства: Тассистро была чудесная Норма, Фришъ-Соннамбула, Бельтрами — плѣнительная Нина. Голоса ихъ были значительно обработаны; искусство ихъ доставляло намъ многія минуты истиннаго наслажденія. Но ни у одной изъ нихъ не было такого обширнаго діапазона, не было такой художественной отдѣлки въ каждой нотѣ, не было этого артистическаго колорита, который г-жа Сеччи-Корси придаетъ аріямъ и речитативамъ. Къ достоинствамъ ея пѣнія принадлежитъ еще и то, что каждое произносимое ею слово ясно и отчетливо достигаетъ до слуха. Кромѣ того механическая часть искусства удивительно покорена г-жою Сеччи-Корси; она, кажется не заботится о нотахъ, которыя приходится брать ей; она поетъ смѣло, съ увѣренностію и съ тою легкостью, съ какою увѣренная въ себѣ свѣтская дама ведетъ самый затруднительный и самый ничтожный разговоръ. Самыя трудныя фіоритуры и рулады — для нея забава. А прислушайтесь, какая отдѣлка въ ея руладахъ какъ ярко и какъ округло льется каждая нота рулады, сливаясь, но не смѣшиваясь съ другими нотами. Это струя перловъ, которые, змѣясь и блистая, ниспадаютъ съ мгновенно перерванной нити.

И за то какими рукоплесканіями даритъ наша публика любимую свою примадонну. Прислушайтесь къ этимъ рукоплесканіямъ: они не начинаются въ двѣ-три пары рукъ, какъ для другихъ; но зарождаются мгновенно и мгновенно обхватываютъ весь театръ дружнымъ продолжительнымъ гуломъ: это законная наша дань таланту и искусству Что ни говорите, а массу обмануть трудно; въ ней есть внутреннее природное чувство (или, пожалуй, чутье), которое не обманутъ ни школьныя теоріи, ни журнальныя разглагольствія. Пусть пріятели превозносятъ посредственность — ею не увлечется масса; пусть враги преслѣдуютъ талантъ — масса увѣнчаетъ его своимъ безотчетнымъ, но всегда вѣрнымъ приговоромъ.

Нѣкоторые обвиняютъ г-жу Сеччи-Корси за то, что она измѣняетъ и вставляетъ въ аріи свои фіоритуры. Прежде всего надо сказать, что эти измѣненія и вставки весьма малочисленны, а главное, г-жа Сеччи-Корси употребляетъ ихъ съ большимъ вкусомъ, и тѣмъ придаетъ аріямъ бо́льшую прелесть.

Какъ актриса, г-жа Сеччи-Корси занимаетъ также высокое мѣсто. Она одна между нашими примадоннами дѣлаетъ возможнымъ постановку серьёзныхъ оперъ, каковы Норма, Анна Боленъ и т. п. Судя по тремъ операмъ, въ которыхъ мы видѣли г-жу Сеччи-Корси, мы заключаемъ, что сфера ея, какъ актрисы, — трагическія, характерныя роли. Многія сцены и энергическія мѣста (какъ напр. въ *Нормѣ* trema, trema per te, Qual cor tradisti и другія) обнаруживаютъ въ г-жѣ Сеччи-Корси большой драматическій талантъ; вообще игра и движенія ея исполнены граціи и благородства. Для полноты нашего наслажденія мы

желали-бы еще въ игрѣ г-жи Сеччи-Корси не встрѣчать и тѣхъ незначительныхъ недостатковъ, которые мы замѣтили и которымъ не приписываемъ впрочемъ особенной важности. Такъ напр. намъ бросился въ глаза первый выходъ Нормы, который былъ слишкомъ поспѣшенъ и не соотвѣтствовалъ важности жрицы; когда Поліонъ (въ концѣ 2-го дѣйствія) восклицаетъ: da mi questo ferro! она какъ-то неловко увернулась отъ него. Такъ въ *Лючіи* когда *Лордъ Астонъ* требуетъ чтобъ Лючія подписала свадебный договоръ, г-жа Сеччи-Корси *слишкомъ по-театральному* приближается къ столу. Въ наше время, когда все великолѣпно-потѣшное, торжественно-пустое, все *ходульное* (мы рѣшаемся употребить этотъ странный эпитетъ, не находя лучшаго для выраженія своей мысли) совершенно изгоняется изъ сферы искусства, когда истина и простота дѣлаются неизбѣжнымъ условіемъ всякой поэзіи и всего прекраснаго, въ наше время, на сценѣ, больше чѣмъ гдѣ-либо, странно видѣть эти условныя академическія движенія, которыя были въ такомъ ходу въ доброе старое время. Конечно, актеръ не можетъ дѣйствовать на сценѣ такъ, какъ онъ дѣйствовалъ-бы внѣ ея, находясь подъ вліяніемъ одинаковой страсти. Но задача его и состоитъ въ томъ, чтобъ вѣрность дѣйствительности покорить условіямъ сцены и достигнуть, какъ можно ближе, истины и простоты. Высказывая эти замѣчанія, мы увѣрены, что наша артистка оцѣнитъ желаніе, которое руководило насъ при этомъ: таланты и искусство ея, конечно, стоятъ выше мелкаго самолюбія.

Нѣкоторые, глядя на г-жу Сеччи-Корси въ Нормѣ, повторяли: «не то, не то, что Тассистро!» Полно, господа, такъ-ли? загляните-ка въ себя: съ какимъ чувствомъ шли вы на *Норму*? Быть-можетъ, вы заранѣе были убѣждены, что послѣ Тассистро *Норма* не возможна на нашей сценѣ, и, смотря на новую Норму сквозь очки предубѣжденія, находили все не по своему вкусу. Дѣйствительно, роль Нормы была вѣнцомъ Тассистро: въ этой роли она первая явилась на нашей сценѣ, создала извѣстный типъ для этой роли, а себѣ пріобрѣла ею славу. Но неужели, если напр. во время аріи: qual cor tradisti, Тассистро становилась возлѣ Поліона и при послѣднемъ стихѣ, tu sei con me! клала ему лѣвую руку на плечо, а правую поднимала вверхъ, то неужели для этой сцены невозможно другое положеніе? Неужли Норма, оставшись одна съ Поліономъ въ храмѣ, не могла стать въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него и съ выраженіемъ суроваго сознанія собственной силы пропѣть qual cor tradisti, и послѣдній стихъ, tu sei con me! произнести съ тѣмъ энергическимъ движеніемъ головы и жестомъ лѣвой руки, которые употребила г-жа Сеччи-Корси? Что это было полно истины и драматическаго такта доказываетъ оглушительное рукоплесканіе, которое, какъ бы отъ дѣйствія электрической искры, мгновенно потрясло всю залу. Зачѣмъ-же вы обращаете вниманіе только на отдѣльныя мѣста, къ извѣстному ходу которыхъ вы

привыкли, и, не находя ихъ по своему желанію, зачѣмъ не хотите замѣчать красотъ всей роли вообще и тѣхъ мѣстъ, которыя были такъ поразительно-хороши у г-жи Сеччи Корси и которыхъ мы никогда не встрѣчали у Тассистро. Для подтвержденіи своихъ словъ, мы укажемъ только на одно мѣсто, именно на то, когда въ концѣ 1 го дѣйствія, увидѣвъ входящаго Поліона, Норма вскрикиваетъ и закрываетъ лицо обѣими руками.

Но оставимъ этотъ споръ. О г-жѣ Сеччи-Корси, какъ объ актрисѣ, мы еще поговоримъ со временемъ; а злѣсь прибавимъ только, что, обладая замѣчательнымъ драматическимъ талантомъ, она не лишена и игриваго комическаго. Въ роли *Розины* она была прекрасна — жива, кокетлива и вовсе не походила на тѣхъ гризетокъ, какими являлись въ этой роли нѣкоторыя изъ ея предшественницъ.

Въ-заключеніе нашего очерка достоинствъ любимицы здѣшней публики, мы скажемъ, что она, вмѣстѣ съ маэстро Риччи, такія два лица въ нашей новой оперѣ, которыми не стыдно похвастать предъ кѣмъ-бы то ни было.

Вмѣстѣ съ г-жою Сечи-Корси въ *Лючіи* дебютировалъ и г. Витали—теноръ. Намъ тогда-же сказали, что онъ, пріѣхавъ въ Одессу, заболѣлъ и охрипъ. Мы совершенно вѣримъ этому; послѣдующія представленія убѣдили насъ въ этомъ, и мы тѣмъ болѣе сожалѣемъ о такомъ печальномъ обстоятельствѣ, что у г-на Витали есть игра и довольно страсти. Больно видѣть, какъ онъ напрягается иногда, чтобъ взять высокую ноту

Теперь слѣдуетъ сказать что-нибудь о трехъ новыхъ операхъ и о знакомыхъ уже намъ лицахъ.

Д-ца Скалезе въ роли Адальжизы была очень-мила. Она вызывала частыя и единодушныя рукоплесканія. Изъ партера и креселъ вмѣстѣ съ Brava! ей кричали Bella! Очаровательный ребенокъ! говорили многіе, глядя на нее. И дѣйствительно, въ голосѣ ея столько мягкости и сладости, а въ игрѣ столько дѣтскаго простодушія, — что нельзя не восхищаться ею. Послѣ Сеччи-Корси, д-цѣ Скалезе наша публика оказываетъ особенное вниманіе, и справедливо: въ ней видимъ мы столько надеждъ.... Партію свою въ Нормѣ она исполнила прекрасно. Но мы желали-бы видѣть и въ пѣніи, и въ игрѣ Адальджизы болѣе страсти, чѣмъ дѣтской наивности.

Нѣкоторые *знатоки* дѣвицу Скалезе сравниваютъ съ г-жою Сеччи-Корси, и говорятъ объ ней, какъ о соперницѣ любимой нашей артистки. Какъ ни молода д-ца Скалезе, но, вѣрно, она улыбнется подобной новости. И въ-самомъ-дѣлѣ, надо обладать особеннымъ музыкальнымъ духомъ, чтобъ рѣшиться ставить на одну доску вполнѣ развившійся талантъ, смѣло обнявшій свое искусство, съ робкою ученицею, правда прекрасною, но едва знакомою съ художествомъ и, которой надо много, много еще работать надъ механическою стороною музыки.

Г. Граціани, старый нашъ знакомый, явился предъ нами въ *Севильскомъ Цирюльникѣ*. Гибкій

талантъ его не увядаетъ. Если-бы нашъ донъ-Бартоло въ продолженіе всей піесы не сказалъ ни одного слова, не пропѣлъ ни одной ноты, то довольно было бы смотрѣть на игру его физіономіи, чтобы понять любовь нашей публики къ этому замѣчательному артисту.

Г. Фіори въ *Лючіи*, разумѣется, не замѣнилъ г-на Марини, а въ *Севильскомъ Цирюльникѣ* г-на Берлендиса. Въ роли донъ-Базиліо его было непріятно видѣть еще и потому, что онъ выпачкалъ себѣ носъ самымъ нелѣпымъ образомъ.

Отъ г-на Скалезе въ роли *Севильскаго Цирюльника* мы ожидали больше: игра его мѣстами была какъ-то принужденна и насильственно-игрива. А въ роли Оровезо мы нашли г. Скалезе лучшимъ, нежели ожидали, именно лучшимъ, чѣмъ въ *Весталкѣ*. Это заставило насъ задуматься, и мы, право, не можемъ рѣшить, какой родъ ролей болѣе свойственъ г. Скалезе. Жаль, что ему не достаетъ низкихъ нотъ и что онъ рѣшился непремѣнно *поймать двухъ зайцевъ*: наша пословица говоритъ, какъ печаленъ результатъ подобнаго желанія.

Г. Рамони въ роли графа Альмавы (вы въ *Севильскомъ Цирюльникѣ*) былъ весьма удовлетворителенъ: онъ прекрасно исполнилъ сцену пьянаго, и вообще игра его въ этой роли была очень-недурна. Притомъ голосъ его чистъ, онъ поетъ свободно, на лицѣ его не замѣтно напряженія, и мы желали-бы, чтобъ онъ обратилъ побольше вниманія на игру свою и на жесты: это придало-бы ему двойную цѣну.

Г-жа Полани... объ ней мы ничего не говоримъ теперь, потому-что послѣ *Двухъ Фиаро* и *Дочери Полка* мы ее больше не видѣли. А жаль — она такъ хороша была въ роли *Инезы*, и неужели для нея нѣтъ болѣе оперы, въ которой она могла-бы выказать свой талантъ?

Замѣтно, что *Норма* была приготовлена довольно-поспѣшно. Оркестръ во многихъ мѣстахъ былъ не совсѣмъ удовлетворителенъ; финалъ перваго дѣйствія не былъ обдуманъ, какъ слѣдуетъ, актерами, и не произвелъ надлежащаго эффекта. Замѣтно, что дѣйствующіе не сыгрались еще какъ-бы слѣдовало. Разумѣется, что съ новыми представленіями *Нормы* эти недостатки постепенно сгладятся.

Хоры идутъ у насъ теперь такъ полно и удовлетворительно, какъ этого прежде никогда не бывало. Замѣчательно, что самые хористы проникаются одушевленіемъ и сообщаютъ колоритъ своему пѣнью и даже жестамъ. Музыка вся вообще идетъ чудесно: незамѣтная глазамъ внутренняя сила движетъ общимъ ходомъ оперы и придаетъ ему выразительность и настоящее значеніе. Эта сила таится въ нашемъ маэстро. Мы обѣщали поговорить о немъ, и считаемъ пріятною для себя обязанностію сообщить краткій біографическій очеркъ автора *Кьяры ди Розенбергъ*, увѣренные, что это будетъ интересно нашимъ читателямъ. Очеркъ этототъ, заимствованъ нами изъ книги, напечатанной въ Миланѣ, въ 1842 г., подъ именемъ Strenna Teatrale Europea.

Маэстро Луиджи Риччи родил-

ся въ Неаполѣ (8-го іюня 1805 г.); отецъ его былъ Флорентинецъ, съ давняго времени поселившійся въ этомъ городѣ, а мать Неаполитанка. Еще мальчикомъ, Луиджи оказывалъ склонность къ музыкѣ, и девяти лѣтъ поступилъ въ Консерваторію, гдѣ сталъ учиться на скрипкѣ: занятіе это не слишкомъ нравилось ребенку, и онъ обратился къ фортепьяну, къ которому чувствовалъ особенную страсть. Вскорѣ послѣ того онъ посвятилъ себя изученію контрапункта, подъ руководствомъ Цингарелли.

Въ это время въ Неаполѣ проживалъ маэстро Дженерали, другъ семейства Риччи. Луиджи захотѣлось воспользоваться его уроками, можетъ-быть, и потому, что стиль Дженерали онъ находилъ не столь суровымъ, какъ стиль Цингарелли. И дѣйствительно, въ-продолженіе нѣкотораго времени онъ занимался музыкою подъ руководствомъ этого маэстро, послѣ чего написалъ — *La Cena frastornata*, фарсъ, который Цингарелли не позволилъ поставить на сцену.

По отъѣздѣ Дженерали, Л. Риччи продолжалъ изученіе музыки подъ руководствомъ Цингарелли. Молодой умъ его скучалъ схоластическими занятіями; бездѣятельная жизнь тяготила его; ему хотѣлось дать свободу своей фантазіи; внутренній голосъ побуждалъ его писать. И въ часы отдохновенія, Риччи написалъ другой фарсъ — *l'Impresario in angustie*, который былъ представленъ воспитанниками коллегіи. Цингарелли прибѣжалъ на первое представленіе; порицалъ и ходъ оперы, и самый стиль. Но послѣ одного дуэто-буффо, зрители съ такимъ неистовствомъ стали вызывать композитора, что Риччи долженъ былъ явиться предъ нихъ. Это было причиною ссоры между ученикомъ и учителемъ.

Однакожъ Риччи примирился съ своимъ наставникомъ. онъ написалъ въ честь его кантату, подъ именемъ *La Colona d'alloro*. Съ-той-поры тѣсная дружба связала ихъ обоихъ.

Вскорѣ послѣ этого содержатель новаго неаполитанскаго театра предложилъ шестнадцатилѣтнему композитору написать фарсъ, и юный маэстро представилъ ему *La cena frastornata*, піесу, написанную подъ руководствомъ Дженерали: она была принята съ большимъ одобреніемъ. Для той-же самой сцены Риччи написалъ двѣ другихъ оперы-буффо — *La Gabbia dei matti* и *Il Diavolo condannato a prender moglie*, которыя доставили извѣстность молодому композитору и были залогомъ блистательнаго будущаго.

Послѣ нѣсколькихъ другихъ сочиненій, написанныхъ въ Неаполѣ, Л. Риччи, утомленный жизнью на родинѣ, отправился въ верхнюю Италію. Ему поручили тамъ написать оперу для открытія пармскаго театра, и онъ написалъ *Il Colombo*. Хорошій пріемъ этого произведенія возбудилъ въ Римлянахъ желаніе испытать достоинства молодаго композитора, и его вызвали въ Римъ, гдѣ онъ написалъ *L'Orfanella di Ginevra*, оперу, доставившую автору ея большую славу.

Послѣ того онъ писалъ множество оперъ для разныхъ итальянскихъ театровъ; изъ нихъ замѣчательнѣйшія: *Gli Esposti*, *Chi dura la vince*, *Chiara di Rosenberg* и *Scara-*

миссіи, счастливыя оперы, полныя легкости въ идеяхъ, живости во образованія и игривости. Риччи старался всегда дѣлать свою музыку народною, и успѣвалъ: нѣкоторые обвиняютъ его даже за излишнее въ этомъ отношеніи раченіе, бывшее причиною кой-какихъ погрѣшностей противъ вкуса. Одно, въ чомъ можно обвинить этого плодовитаго композитора, это – что онъ не всегда съ надлежащимъ прилежаніемъ обработывалъ свои произведенія, отчего нѣкоторыя изъ нихъ явились не такими, какими-бы они могли быть, выйдя изъ рукъ такого таланта.

Въ послѣднее время Риччи имѣлъ пребываніе въ Тріестѣ, куда былъ призванъ, какъ маэстро соборной капеллы и тамошняго театра. Оттуда онъ пріѣхалъ къ намъ въ Одессу.

Въ заключеніе этого краткаго біографическаго очерка, мы прибавимъ, что маэстро Риччи, не принадлежа къ числу европейскихъ знаменитостей, пользуется законною извѣстностью, какъ замѣчательный композиторъ легкой игривой музыки для оперъ-буффо. Мотивы *Кьяры* мы знаемъ почти всѣ наизустъ: эта опера въ-продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ не сходила съ нашей сцены, давала средства многимъ артистамъ выказывать таланты и была всегда одною изъ любимыхъ оперъ нашей публики. Мы съ большимъ наслажденіемъ прослушали-бы ее снова и увѣрены, что нашъ знаменитый маэстро не откажетъ намъ въ этомъ удовольствіи.

—

Теперь надо-бы сказать что-нибудь о русскихъ актерахъ; но мы, право, не знаемъ, что́ и говорить объ нихъ: наша публика совсѣмъ ихъ забыла. Драма *Тереза*, о которой мы извѣстили въ прошломъ театральномъ обзорѣ, шла изъ-рукъ-вонъ плохо: г. Пилонъ былъ самымъ замѣчательнымъ въ ней лицомъ, но только съ другой стороны, именно такъ, какъ *Хлестаковъ* былъ генералъ съ другой стороны. Послѣ *Терезы* дана была другая драма – *Кавказскій плѣнникъ*. Эта доставила намъ гораздобольше удовольствія, чѣмъ первая: мы ея не видали. Послѣ того дано было нѣсколько водевилей, и досихъ-поръ русскія представленія постоянно продолжаются. Посѣтителей на этихъ спектакляхъ весьма-немного: причины мы уже объяснили.

Въ четвергъ, 8-го іюня, дана была въ третій разъ «Норма». Опера въ этотъ разъ шла лучше еще, чѣмъ въ два первые раза. *Норма* съ перваго выхода до самаго окончанія піесы была увлекательно-прекрасна. Глубокая обдуманность и высокое искусство проглядывали въ каждомъ движеніи, въ каждомъ словѣ ея: о пѣніи мы уже не говоримъ. Минуты такого наслажденія, какое мы испытывали въ этотъ вечеръ, напоминаютъ намъ тѣ минуты, когда мы сбирались дружною толпою глядѣть на московскаго трагика, нашего незабвеннаго гостя Мочалова. Особенно увлекла всѣхъ *Норма* послѣдними сценами 1-го и 2-го дѣйствія. *Адальджиза* въ этотъ разъ исполнила свою роль, какъ-нельзя-лучше. Обѣ эти артистки оживлены были горячимъ вниманіемъ всей

публики и, увлекаемыя лестнымъ для нихъ восторгомъ зрителей, ярче выказали свои таланты. Г-жѣ Сеччи Корси, кромѣ множества вѣнковъ, брошены были стихи. Д-цѣ Скалезе также было брошено нѣсколько вѣнковъ. Оглушительныя рукоплесканія раздавались поминутно. Вся музыка вообще шла гораздо-ровнѣе и лучше. Справедливость нашего замѣчанія о хористахъ оправдалась: имъ аплодировали.

R.

ТЕАТРЪ ВЪ ВАРШАВѢ.

Пріѣхавъ 4 (16) іюня въ Варшаву, вечеромъ я пошолъ въ театръ. Давали новую, оригинальную комедію въ четырехъ актахъ, написанную *Іосифомъ Коженевскимъ*, подъ названіемъ *Жиды*. Комедія эта, никогда еще неигранная, лежала заброшенною въ архивѣ театральной библіотеки. При пересмотрѣ архива, ее нашли и, разсматривая, оцѣнили, хотя и поздно, ея высокое достоинство.

Содержаніе піесы слѣдующее: одинъ польскій богатый графъ постепенно проживаетъ свое имѣнія, ведя роскошную, расточительную жизнь; жена его, своенравная, помѣшанная на аристократіи, также безразсчотливо тратитъ деньги, на различныя прихоти; въ домѣ графа живетъ его сестра, уже въ-лѣтахъ, но сохранившая всю свѣжесть и слѣды своей прежней красоты; дама умная, образованная, любезная съ изящными, свѣтскими пріемами, долго путешествовавшая, сохранившая изъ своей прежней, счастливой жизни много воспоминаній, вѣющихъ и поэзіей сердца, и прельщающихъ обаятельно-женскою силою ума; при каждомъ разговорѣ. (это ея слабость, ежели только можно назвать это слабостію), она непримѣтно и прекрасно разсказываетъ различныя приключенія своей жизни. У графа живетъ его племянница — княжна Софья, которая, послѣ смерти родителей, сиротою и въ нѣжномъ возрастѣ поступила въ его домъ; графъ далъ ей прекрасное воспитаніе, и Софья, въ счастливой порѣ жизни, молодая, красивой наружности, богатая по наслѣдству отъ родителей, ведетъ привольную, но страдальческую жизнь. У графа есть коммисаръ, какъ обыкновенно, разбогатѣвшій во время вѣрнаго и безкорыстнаго управленія имѣніемъ. У графа арендуетъ имѣніе пограничный коморникъ — человѣкъ честныхъ, прямыхъ, старосвѣтскихъ правилъ, но находящійся въ критическихъ обстоятельствахъ, по случаю пожара арендуемаго имъ имѣнія; коммисаръ сдѣлалъ на него большой начотъ, графъ требуетъ денегъ, не входя ни въ какое положеніе; у коморника есть сынъ, Антоній, молодой человѣкъ, получившій прекрасное воспитаніе въ учебныхъ заведеніяхъ, любящій и взаимно любимый княжною Софьей. Есть президентъ, разбогатѣвшій различными случаями и дающій деньги за огромные проценты; у него кассиръ Рубельловскій. Есть два шляхта — Барлошевскій и Бжидкевичъ, имѣющіе дѣла къ президенту. Есть богатый баронъ Иксевичъ,

родомъ изъ Евреевъ, но принявшій христіанскую вѣру. Графъ, занимая у него часто деньги, принимаетъ его къ себѣ въ домъ и обѣщаетъ, съ условіемъ невозвращенія долга, высватать за него свою племянницу; въ этомъ намѣреніи помогаетъ ему и сестра, выманивая у барона деньги, льстя его чину и богатству. Есть богатый, старый банкиръ Аронъ Леве, старозаконный жидъ, разбогатѣвшій различными оборотами въ дѣлахъ съ помѣщиками; контрщикъ и оцѣнщикъ драгоцѣнныхъ вещей, изъ жидовъ. Есть пріѣзжій книгопродавецъ Гольдбергъ. Гости графа, его слуги, слуги президента.

Вотъ лица составляющія піесу.

Какой нравственный характеръ піесы?

Авторъ хотѣлъ выставить вълицѣ графа и его жены — людей, которыхъ щедро наградило Провидѣніе, которые, обладая богатствомъ, могли-бы вести счастливую, спокойную жизнь, которые благодѣяніями своими незамѣтно заставили-бы произносить свое имя съ благодарностію, которые наконецъ сдѣлали-бы свое имя безсмертнымъ; но безразсчотная, расточительная жизнь отнимаетъ у нихъ всѣ эти высокія наслажденія и доводитъ ихъ до крайняго состоянія. Въ лицѣ сестры — даму свѣтскую, искавшую на блестящемъ пути жизни только минутныхъ, упоительныхъ наслажденій и оставшуюся только съ своими воспоминаніями, которыя, какъ сонъ, какъ мечта убаюкиваютъ порою ея юнѣющее воображеніе. Въ лицѣ княжны Софьи — непреложную истину, что любовь не знаетъ ни роду, ни званія, но любитъ въ мужчинѣ умъ, дарованіе и характеръ; въ лицѣ коморника — человѣка честнаго, прямодушнаго, который, хотя бываетъ преслѣдуемъ судьбою и людьми, но рано или поздно восторжествуетъ; въ лицѣ сына — что происхожденіе не имѣетъ патентованнаго достоинства къ просвѣщенію, что человѣкъ, какъ человѣкъ, можетъ и долженъ достигнуть высокаго, возможно-человѣческаго развитія своихъ умственныхъ способностей, и свѣтлою, геніяльною мыслію возрождаться въ человѣчествѣ; въ президентѣ — человѣка, нажившаго, при искусномъ исполненіи своей обязанности, огромное состояніе, и заботящагося *только*.... о гнусномъ увеличеніи своего капитала; въ двухъ шляхтахъ, — бѣдныхъ людей, которые въ потѣ лица и отказывая себѣ въ необходимомъ, составили себѣ капиталъ и хотятъ его увеличить, отдавая въ ростъ на проценты къ *президенту*... ; въ баронѣ — жида, который оставилъ свою вѣру и званіе, и, черезъ богатство вышелъ въ люди, но, какъ жидъ, не можетъ пользоваться своимъ положеніемъ въ обществѣ; въ банкирѣ — хитраго, изворотливаго жида, достигшаго огромного состоянія, но при всемъ томъ лишеннаго человѣколюбія, состраданія, участія, и оставшагося съ своими прежними жидовскими привычками; въ книгопродавцѣ — человѣка подобнаго званія, умѣющаго пользоваться настоящимъ т. е. потребностію времени, вкусомъ публики, много хвастающаго и мало обѣщающаго,

непричастнаго къ страданію ближняго.

Вотъ психическій или драматическій характеръ піесы.

Посмотримъ на исполненіе.

Роль графа Пажицкаго, *Шемановскій* исполнилъ со всѣми оттѣнками человѣка знатнаго, всѣмъ пренебрегающаго, ничѣмъ не дорожащаго и живущаго только для удовлетворенія или изощренія какой-либо изъ своихъ прихотей; утренняя, откровенная сцена съ коммисарамъ о добычѣ денегъ, сцена съ банкиромъ, когда графъ проситъ денегъ, и, при отказѣ, закладываетъ послѣднее свое имѣніе за ничтожные проценты; веселость, безпечность и значеніе своего сана на балѣ, разговоры съ сестрою о племянницѣ и баронѣ Иксевичѣ, какъ бы у него похитрѣе выманить денегъ, жестокость и неуваженіе къ несчастному положенію коморника, были переданы вѣрно и хорошо. Г-жа *Эстелла* играла графиню со всѣми условіями дамы знатной и свѣтской; г-жа *Гальпертъ* выполнила роль сестры превосходно, съ высокими, драматическими достоинствами... — Забываешь, что видишь актрису. Сколько естественности, сколько простоты, сколько истины въ пріемахъ, разговорѣ! Съ какою граціею, очарованіемъ были переданы или лучше *пропѣты* разсказы о путешествіяхъ, приключеніяхъ. Не удивляйтесь, что я говорю «пропѣты», потому-что звукъ голоса (le timbre de la voix) г-жи Гальпертъ нѣженъ, пріятенъ, музыкаленъ — слушаешь и заслушиваешься этой пѣвучей, гармонической рѣчи... Съ какимъ неуловимымъ, обаятельнымъ тактомъ были выполнены сцены съ бароншъ, княжною Софьей и банкиромъ: вообще игра Гальпертъ была ведена умно, тщательно и съ глубокимъ знаніемъ сцены. Здѣсь я кстати скажу о способахъ изученія ролей г-жою Гальпертъ. Извѣстно, что Гальпертъ можетъ стать наряду со всѣми знаменитыми европейскими актрисами; что ея поприще на сценѣ не есть ремесло, но искусство, наука; что она много трудится, изучиваетъ роли, не щадя даже своего здоровья. Вотъ любопытный, замѣчательный примѣръ. Какъ высока, знаменита Гальпертъ въ роли *Помѣшанной* (Варіатка), это говорить излишне. Чтобы вѣрнѣе, истиннѣе передать помѣшанную, Гальпертъ посѣщаетъ въ продолженіе цѣлой недѣли заведеніе умалишенныхъ у Бонифратровъ. Тамъ со всѣмъ вниманіемъ она всматривается въ физіономіи, поступки этихъ несчастныхъ людей, глубоко изучаетъ всѣ оттѣнки сумашествія и наконецъ вдохновенная, выступаетъ на сцену лѣтомъ 1843 года. Игра ея была истинна, поразительна, ужасно-прекрасна. Но чѣмъ это ей обошлось? Она захворала, впала въ задумчивость, меланхолію, такъ, что опасались потери ея разсудка. Но, благодаря Бога, она выздоровѣла и снова радуетъ, утѣшаетъ или вызываетъ слезы у зрителей, не играя уже болѣе съ того времени помѣшанную.

Что̀ сказать объ этомъ примѣрѣ и объ этомъ высокомъ, рѣдкомъ самоотверженіи! Когда нибудь, на свободѣ, я отдѣльно поговорю о Гальпертъ.

Сливинская княжну Софью играла хорошо; сцена съ Антоніемъ, отказъ барону, въ которомъ она не можетъ любить его санъ и богатство, тайное, потомъ узнанное, вспомоществованіе несчастному коморнику, и наконецъ разлука съ Антоніемъ, происшедшая отъ разумнаго, благороднаго отреченія со стороны любовника, были выполнены съ силою чувствомъ и отчотливостію. Роль коммисара, *Свержоцкій* сыгралъ удовлетворительно; роль коморника, *Ясинскій* выдержалъ съ начала до-конца съ ровною тщательностію и талантливою игрою; костюмъ, пріемы, голосъ выражали и національность, и честную, прямую простоту; много сценъ выполнено отлично: сцена съ графомъ, сцена съ президентомъ, съ княжною и наконецъ, сцена съ банкиромъ, въ которыхъ въ каждой или высказывались его твердость, благородство, или нѣжныя, родительскія чувства были исполнены сильныхъ, драматическихъ движеній. Въ роли сына, *Коморовскимъ* были прочувствованныя, сильныя мѣста; свиданіе съ Софьей, предложеніе своей рукописи книгопродавцу, въ пользу и помощь своему отцу, отказъ, монологъ о неусыпныхъ, тяжолыхъ трудахъ молодаго, неизвѣстнаго человѣка, подвизающагося на ученомъ поприщѣ, неузнаніе и неоцѣнка таланта толпою, и, наконецъ, свиданіе съ графомъ на балѣ когда онъ ему приноситъ деньги за отца, заслужили громкія единодушныя рукоплесканія; *Шемановскій* талантливо выразилъ надменность, недоступность и очерствѣлость чувствъ случайнаго президента; *Федецкій* и *Маевскій*, въ роли шляхтъ были хороши, особливо Маевскій, какъ извѣстный комикъ, одушевилъ свою маленькую роль прекрасною игрою; *Стольпе* представилъ барона удовлетворительно; монологъ во время отказа Софьи, и сожалѣніе о перемѣнѣ своего званія и вѣры были замѣчательны; банкира игралъ извѣстный комикъ *Жулковскій* съ высокими, драматическими достоинствами сцены; костюмъ, пріемы, рѣчь жида были пластически-вѣрны; занятія съ бухгалтеромъ, сцены съ графомъ, его сестрою, президентомъ, преимущественно съ коморникомъ, котораго онъ принимаетъ радушно, сострадаетъ его несчастному положенію, даетъ деньги, только на *проценты*... были переданы съ рѣдкимъ сценическомъ талантомъ. *Скоморовскій* и *Гильнеръ* — конторщики-жиды, исполнили свои роли съ большимъ стараніемъ; *Ястшембскій* въ роли книгопродавца, былъ удовлетворителенъ. Вообще вся піеса была обставлена съ большимъ артистичеткимъ знаніемъ и выполнена отчотливо, прекрасно. Вызовы, кромѣ общаго, послѣ каждаго акта; театръ всегда полонъ, публика смотритъ эту піесу съ большомъ участіемъ и удовольствіемъ.

Е. Эмильскій.

КАЗАНСКІЙ ТЕАТРЪ.

Пожаръ 1842-го года истребилъ въ Казани театръ, въ которымъ мы иногда съ удовольствіемъ проводили время и, вмѣстѣ съ тѣмъ, лишилъ было насъ надежды имѣть

его скоро. Носились слухи, что Соколовъ, прежній нашъ антрепренеръ, съ своей труппой опять явится къ намъ въ Казань; но вдругъ мы читаемъ въ «Репертуарѣ», что онъ пожинаетъ лавры въ Екатеринбургѣ. Мы, благодаря его за прежнія удовольствія, пожелали ему огромныхъ успѣховъ и стали сидѣть у моря, да ждать погоды. Правда, подулъ-было для любителей театра благодатный вѣтеръ, — явилась сюда труппа какого-то г-на Михайлова, дала знать о своихъ представленіяхъ, и мы на всѣхъ парусахъ пустились ко вновь-устроенному театру, какъ гласила афиша; но, приставая къ берегу, мы уже не хотѣли бросить якоря: наружность театра и самый входъ говорили намъ о его достоинствѣ; зданіе это болѣе походило на tapis-franc нежели на театръ, однако-же, вспомнивъ русскую пословицу «некрасна изба углами, а красна пирогами» — мы, чрезъ смрадъ и дымъ, кое-какъ добрались до мѣстъ, назначенныхъ для зрителей. Долго мы слушали какой-то нестерпимо-скучный маршъ, наконецъ занавѣсъ взвился, вышла актриса, покричала и ушла; за ней явился старикъ, потомъ въ лубочныхъ облакахъ взошло солнце, — и занавѣсъ опустили; то было 1-ое дѣйствіе Драмы *Добродушный пустынникъ*. Мы тотчасъ вышли, предоставивъ г-ну Михайлову съ своей труппой утѣшать драмами, комедіями, *китайскими* и *японскими* балетными танцами и знаменитыми съ незапамятныхъ временъ пантомимами, при освѣщеніи бенгальскаго огня, въ родѣ *нападенія на графа разбойниковъ калабрійскихъ лѣсовъ*, что́ гласилось въ его афишахъ — низшій классъ народа, который, не щадя своихъ грязныхъ ладоней, апплодировалъ каждому драматическому вою и знаменитымъ сальто-мортале труппы, *находящейся подъ содержаніемъ* г-на Михайлова (зри афишу). Но оставимъ въ покоѣ этотъ театръ, а поговоримъ лучше о другомъ, управляемомъ г-мъ Стрѣлковымъ, который привлекаетъ теперь своими представленіями лучшую публику Казани.

19-го мая 1844 года, по-утру, мы извѣстились о прибытіи сюда, въ Казань, труппы г-нъ Стрѣлкова. Послѣ долгаго *безтеатрія*, это извѣстіе было принято всѣми радостно; я отправился на первое представленіе; съѣздъ былъ большой.

Театръ устроенъ въ каменномъ домѣ; вы входите въ залу и вамъ не кидается въ глаза роскошь убранства, но за то все такъ просто, такъ мило. Тутъ и ложи, и бенуары, и мѣста за креслами, балконъ и раёкъ; правда, что много есть и неудобства: ложи нужно было-бы устроить совсѣмъ иначе, средніе ложи и раёкъ ужъ черезъчуръ много выдвинуты впередъ, такъ-что всѣ мѣста за креслами находятся подъ ложами и въ нихъ очень мало слышно. — Далѣе, маленькій корридоръ между средними ложами и стѣной не хотѣли оставить безъ пользы, вотъ и поставили тамъ скамейки, назвали это балкономъ, назначили цѣну 1 руб. серебромъ, а тамъ ничего не видно и не слышно. Гораздо было-бы лучше, еслибы его совсѣмъ уничтожить. Этой дурно расчитанной разпланировкой и

безполезнымъ стѣсненіемъ залы, и безъ того небольшой, испортили и самый резонансъ; актерамъ трудно говорить такъ, чтобы ихъ всѣ слышали. Что̀ касается до сцены, то она очень-узка, и притомъ-же еще всегда загромождается мебелью; бывали случаи, что нѣкоторые актеры спотыкались и чуть-чуть не падали.

Оркестръ состоитъ изъ 9 человѣкъ, управляемыхъ г-нъ Новиковымъ, который музыку знаетъ порядочно и даже для нѣкоторыхъ водевилей партиціи составляетъ самъ (что̀-бы впрочемъ было лучше предоставить капельмейстерамъ петербургскихъ и московскихъ театровъ); но, не смотря на это, музыка хромаетъ. Должно замѣтить, что куплеты въ водевиляхъ очень-однообразны, и даже въ одномъ и томъ-же водевилѣ нѣсколько куплетовъ поются на одинъ голосъ. Въ антрактахъ играютъ допотопныя піесы. Впрочемъ музыка совершенно побочное дѣло въ неоперномъ театрѣ, а потому перейдемъ поскорѣе къ самымъ представителямъ драматическаго искусства — къ артистамъ и артисткамъ нашимъ. Но вотъ важный вопросъ: съ кого начать прежде, кому отдать пальму первенства?

Г-на *Борисоглѣбскаго* я не включаю въ разборъ; объ немъ было уже писано въ «Репертуарѣ», да притомъ онъ являлся всего только два раза, въ «Сардамскомъ корабельномъ мастерѣ» (Бидеръ) и «Ревизорѣ» (городничій). Онъ актеръ довольно-хорошій, всегда входитъ въ свои роли; игра его жива, отчотлива, особенно въ трагедіи и драмѣ.

Напишемъ фамиліи остальныхъ актеровъ на билеты и бросимъ ихъ въ шляпу рецензента — кому-то судьба велитъ въ этой лотереѣ стоять первому въ нашемъ краткомъ отчотѣ? Вынимаю *№* 1-ой *Г-нъ Турчаниновъ*,— *№* 2-ой *г-нъ Бурдинъ*. Судьба по-справедливости назначила ихъ фамиліямъ выдти прежде всѣхъ. Эти два молодые человѣка, съ большими дарованіями, посланы отъ московскаго театра на два года для практики.

Г-нъ Турчаниновъ прекрасный комикъ, особенно въ роляхъ стариковъ, купцовъ и русскихъ мужичковъ. Онъ играетъ такъ натурально, неподдѣльно, что contra его таланта ничего нельзя сказать. Пускай только пообразуетъ себя еще немного, отброситъ странные довольно фарсы, замашки провинціальныхъ труппъ, и маршъ изъ провинціи прямо на столичную сцену. Тамъ, вѣрно, онъ будетъ не послѣднимъ Амплуа его здѣсь не слишкомъ-обширно. Мы видѣли его въ роляхъ:

Морковкина, въ вод. *Что̀ имѣемъ не хранимъ*.

Дюкро, въ вод. *Два купца и два отца*.

Дѣдушка Назаръ Андреевичъ, въ вод. того-же названія.

Корбо, въ вод. *Школьный учитель*. Игралъ-бы очень-хорошо эту роль, еслибъ ужъ не черезъ чуръ пересаливалъ и не испортилъ многаго своими, подъ-часъ лишними, выходками.

Наумычъ въ вод. *Жена кавалериста*.

Жовіаль въ вод. *Стряпчій подъ столомъ*.

Копейкинъ, въ вод. *Домъ на Петербургской сторонѣ*.

Мериносовъ, въ вод. *Отелло изъ Лоскутной линіи*. Здѣсь онъ былъ хорошъ до nec plus ultra.

Осипъ, въ комед. *Ревизоръ*. Выдержалъ роль свою съ-начала доконца лучше всѣхъ, къ чему онъ стремится въ каждой піесѣ. Вообще въ немъ видно стараніе, дѣятельность молодаго поколѣнія, которая рѣзко отличаетъ его отъ этихъ пошлыхъ фигуръ, закоцченныхъ дымными лампами ярмарочныхъ балагановъ и *вновь-устроенныхъ* провинціальныхъ театровъ.

2-й *Г. Бурдинъ*. Еще моложе Турчавинова, имѣетъ прекрасную наружность, очень-хорошъ въ роляхъ простаковъ, преимущественно молодыхъ людей. Его Амплуа, къ-несчастію, чрезвычайно не велико; мы видѣли его:

Котильяромъ, въ вод. *Заколдованная яичница*.

Зятюшкой, въ вод. того-же названія.

Жирафомъ ученикомъ, въ вод. *Школьный Учитель*.

Прындикомъ, въ вод. *Въ людяхъ ангелъ не жена*. Здѣсь онъ былъ хотя и хорошъ, да жаль, что не понялъ хорошенько роли московскаго льва, хотя надо сознаться, что *львы* въ провинціи плохо удаются и въ натурѣ, и на сценѣ. Вообще онъ былъ не развязенъ. Говорятъ, что тогда была съ нимъ лихорадка, что̀ естественно затруднило игру. Но въ другихъ роляхъ онъ былъ другимъ человѣкомъ: его беззаботная веселость и непринужденность игры прекрасно разнообразятъ игру другихъ актеровъ. Содержателю Стрѣлкову нельзя сказать большаго спасибо за его выборъ талантовъ, а вмѣстѣ съ нимъ и режиссёру, который рѣдко даетъ настоящую роль актеру и часто случается, что молодое, еще неизвѣстное дарованіе должно уступить извѣстной бездарности.

Не увлекайтесь моей похвалой 1 молодые артисты; она не моя собственно, а общій голосъ, который не долженъ остановить васъ на настоящей точкѣ развитія, а долженъ ободрить на длинную и трудную дорогу къ совершенству. Въ искусствѣ нѣтъ точки, на которой можно остановиться и сказать перекрестясь: «будетъ, довольно!» Нѣтъ, все впередъ и впередъ, съ любовію къ труду и искусству. Цѣль въ высшей степени благородная! Не для того намъ данъ талантъ, чтобы мы зарыли его въ землю, подобно лѣнивому рабу, утѣшаясь пожатыми лаврами, которые могутъ очень-скоро завянуть.

3. *Г. Григорьевъ*. Одаренъ такою наружностью, что къ его лицѣ можно тотчасъ прочитать простоту, добродушіе, беззаботность и наивность. Для провинціальной сцены онъ довольно-хорошъ, особенно въ роляхъ простыхъ, добрыхъ и почтенныхъ старичковъ; — но избави Боже тѣхъ мѣстъ, гдѣ ему нужно сердиться, выходить изъ себя: тутъ, ужъ извините, онъ не сладитъ съ этою частію роли, это не въ его характерѣ. Да къ-чему, спросите вы, беретъ онъ на себя такія роли, исполненіе которыхъ не возможно? Что̀ же дѣлать? — это не его вина: онъ получаетъ жалованье и долженъ играть то̀, что̀ ему велятъ.

Замѣтимъ мимоходомъ, что онъ не всегда знаетъ твердо роли, что̀

болѣе всего замѣтно въ куплетахъ, такъ-что концы ихъ онъ часто проглатываетъ. Часто не понимаетъ ролей, и мало ихъ обдумываетъ. Съ удовольствіемъ на него смотрѣли, когда онъ игралъ: *Дурандаса*, въ вод. *Заколдованная яичница*.

Кречетова, въ вод. *Титулярные совѣтники*.

Довольно-хорошъ и въ *Размазнѣ*, въ вод. въ *Людяхъ анвель не жена*; былъ-бы не дуренъ и въ школьномъ учителѣ: *Галиматьясь*, еслибы тогда въ его игрѣ было побольше жизни.

Самое обширное амплуа занимаютъ *Соколовъ* 1-й и *Соколовъ* 2-й: они являются почти въ каждой піесѣ.

4) *Г-нъ Соколовъ* 1-й въ роляхъ свѣтскихъ молодыхъ людей. У него довольно-хорошія манеры: но онъ не всегда употребляетъ ихъ къ-стати и иногда дѣлается очень приторнымъ по своему жеманству. Жаль, что онъ не можетъ хорошо пѣть, а кто въ водевиляхъ беретъ на себя играть первыхъ любовниковъ и молодыхъ людей, и поетъ нехорошо, того игра теряетъ половину цѣны.

Хорошъ онъ въ *Мужѣ какихъ мало;* въ *Титулярныхъ совѣтникахъ* и въ *Приключеніи на искусственныхъ водахъ*. Въ *Ревизорѣ*, играя знаменитаго Ивана Александровича, онъ плохо понималъ эту роль и не показалъ той энергіи и жизни, которая разлита во всѣхъ словахъ его роли и которая такъ замѣтна, когда мелкій петербургскій чиновникъ сравнивается съ однообразно-вялою жизнію нашихъ уѣздовъ. Словомъ, забылъ, что онъ *тонкая, столичная штучка*.

5) *Соколовъ* 2-й. Является въ драмахъ, въ роляхъ благородныхъ отцовъ и любовниковъ; въ немъ есть чувство, и потому онъ бываетъ иногда очень хорошъ; т. напр. въ роли *Влюбленный братъ*, и друг.: ему должно отдать справедливость за то, что онъ по крайней-мѣрѣ, по-возможности старается выполнять то, за что взялся. Но, не-смотря однакоже на это стараніе, многія піесы, за которыя онъ берется, ему совсѣмъ не подъ силу.

А вотъ вынимается билетъ № 6-й: на немъ написана фамилія г-на *Звѣздакова*.

А, мое почтеніе г-нъ Звѣздаковъ! Вы пріѣхали съ ярославскаго театра и дебютировали, кажется, у насъ въ первый разъ въ роли *Пузина*, въ водевилѣ *Отецъ, какихъ мало*. Скажите откровенно, вы, вѣроятно, насмотрѣлись на механическій театръ? вамъ тамъ очень нравится Пимперле? ну, да, конечно, вы старались во всѣхъ жестахъ подражать ему: но вѣдь это не хорошо: Пимперле кукла, а вы человѣкъ живой!... неужели вы думаете, что комизмъ заключается въ такихъ тѣлодвиженіяхъ, какія вы употребляли въ продолженіи цѣлаго водевиля? Право, нисколько не было комизма и въ вашемъ хрипломъ басѣ, и въ вашемъ неестественномъ смѣхѣ. Нѣтъ, пожалуста, оставьте эту вновь-изобрѣтенную декламацію. Вотъ я ни слова не говорю: въ водевилѣ *Титулярные Совѣтники* вы были гораздо-лучше, за что васъ и вызвали. Такъ, такъ, не сердитесь г-нъ Звѣздаковъ. Постарайтесь исправиться, играйте проще, естественнѣе и

мы васъ полюбимъ также, какъ и другихъ.

7) *Соболевъ*. Не дуренъ въ роляхъ лакеевъ.

8) *Молчановъ*. Объ немъ говорено много. *

Довольно, кажется, говорить объ актерахъ; перейдемъ теперь къ *жрицамъ Таліи* и *Мельпомены*. А сколько ихъ всѣхъ? разъ, двѣ, три, четыре только, не обсчитались-ли мы? сочтемъ снова: *Стрѣлкова*, *Косяковская*, *Новикова* и *Петрова*, больше нѣтъ. Такъ стало быть четыре,—да и тѣ ужъ всѣ поустарѣли. Боже мой! Боже мой! такая бѣдность! Какъ это не стыдно вамъ не позаботиться, г-нъ Стрѣлковъ, выписать къ себѣ актрисъ и побольше, и помоложе Это было-бы и для васъ лучше и для актрисъ легче. Я думаю, онѣ уже измучились, бѣдненькія. Проходитъ-ли хоть одинъ спектакль, гдѣ-бы они не играли? Да притомъ-же согласитесь сами, можно-ли требовать должнаго, когда ваши примадонны въ одинъ и тотъ-же спектакль играютъ въ роляхъ совершенно различныхъ характеровъ. сейчасъ она въ драмѣ растрогана, она плакала, а чрезъ полчаса вы заставляете ее смѣяться. Нѣтъ! это уже, воля ваша, не хорошо, г-нъ Стрѣлковъ; но однакожъ я кладу руку на сердце и начинаю говорить о Стрѣлковой, Косяковской, Новиковой и Петровой. Первая является въ роляхъ свѣтскихъ дамъ; то́ правда, что она умѣетъ себя принарядить *тафтицей*, *бархатцемъ и дымкой*; да за то ужъ и *словечка въ простоте*, не скажетъ,—*все съ ужимкой*,—а это ей Богу не хорошо; иногда хочетъ она изъ себя представить даму высшаго тона, а силъ-то не достанетъ, и выйдетъ. ...

Она хороша въ *Мужѣ, какихъ мало*, въ *Людяхъ ангелъ не жена*.

Косяковская. Не дурна собой, играетъ въ драмахъ съ чувствомъ неподдѣльнымъ; но впрочемъ должно замѣтить, что ей, вѣрно, не нравится наша казанская публика, потому-что она торопится говорить свои монологи, отъ чего его устаетъ, голосъ ее прерывается ; въ ней есть болѣзнь — драматическая икота.

Новикова. Очень-хорошо играетъ старухъ и простыхъ русскихъ бабъ; ее стóитъ посмотрѣть, когда она играетъ *г-жу Дюкро*, въ вод. *Два купца и два отца*, *ключницу*, въ *Дѣдушка Назаръ Андреевичъ* и *Лукерью Панкратьевну*, въ *Отелло изъ лоскутной линіи*. Послѣ этихъ водевилей ее всегда вызываютъ, и по-справедливости.

А вотъ и Mademoiselle *Петрова*, съ хорошенькимъ голоскомъ — и только. Больше ничего нельзя сказать объ ней. Она могла-бы играть хорошо, да не хочетъ заняться и всегда играетъ безъ души, безъ жизни. Еще въ ней есть недостатокъ, который былъ уже замѣченъ въ 5-ой книжкѣ «Репертуара», въ статьѣ *О Самарскомъ театрѣ*; но она на это не обратила вниманія и по-сю-пору очень-часто на сценѣ приходитъ въ какой-то испугъ и, остолбенѣвъ, вдругъ остановитъ неподвижно свои глаза на публикѣ, или-же смотритъ, сама не зная куда. Статься можетъ, что она погружается въ это время въ магнетическій сонъ. Богъ съ нею!

* Смотри 5 книжку «Реперт. и Пант.», 1844.

Вотъ и вся труппа г-на Стрѣлкова, — бѣдна, очень-бѣдна. — Вообще о всѣхъ актерахъ можно замѣтить одно, что поютъ они не хорошо; сформированы всѣ, какъ слѣдуетъ; но будь у нихъ другой содержатель, тогда было-бы дѣло другое. Онъ, не понимая ничего, раздаетъ роли какъ попало; ему все-равно, лишь-бы актеръ игралъ данную роль, а какъ онъ ее сыграетъ, это для него дѣло постороннее. Онъ рѣшительно не заботится ни-о-чомъ. Водевили иногда даютъ дурные, скучные. Публика съѣдется и спитъ. Нѣтъ, г-нъ Стрѣлковъ, если вы хотите, чтобы васъ постоянно посѣщали, то исправьте немного самый театръ, увеличьте кругъ вашей труппы, главное, актрисъ-то, актрисъ-то побольше; тогда у васъ піэсы будутъ даваться разнообразнѣе. — Да цѣните хорошихъ актеровъ — давайте имъ лучшія роли, пускай они являются на сцену чаще: тогда и публика, чтобъ посмотрѣть на своихъ любимцевъ, будетъ съѣзжаться и чаще, и больше. A propos: вамъ замѣчали, что вы, вмѣсто всякаго вина, въ стаканы и рюмки наливаете чистую воду, ничѣмъ не подцвѣчая, а здѣсь у васъ иногда выходятъ и совершенно съ пустыми стаканами: не хорошо, такими бездѣлицами вы себя конфузите. Но довольно. Сюда на дняхъ ждутъ *Живокини*: тогда будемъ имѣть случай снова поговорить о Казанскомъ театрѣ. Всѣхъ спектаклей здѣсь было десять.

М. М. МА.....Й

Казань, 1844.
Іюнь.

P. S. Хотя я уже и кончилъ мою статью, но за пріятное считаю похвалить послѣдній спектакль. Давали *Боярское слово* или *Ярославская кружевница*, драма Ободовскаго, а за ней водевиль *Анютины глазки и барская спѣсь*. — Соколовъ 2-ой, Борисоглѣбскій, Новикова, Косяковская и Бурдинъ въ драмѣ, а Турчаниновъ въ водевилѣ, заслужили всеобщее одобреніе; — вообще, въ продолженіе всего спектакля, апплодировать не переставали. Дай Богъ, чтобы такихъ спектаклей было побольше!

ВИЛЕНСКІЙ ТЕАТРЪ.

Третій уже разъ у насъ въ Вильнѣ, къ большому удовольствію публики, представляютъ на театрѣ русскія піесы. И какъ-бы вы думали, кто ихъ представляетъ? наши польскіе актеры! Это еще ничего не значитъ сказать: представляютъ; да вотъ вопросъ, — какъ представляютъ? Прекрасно! ей-Богу прекрасно! Это я говорю, какъ любитель театра и безпристрастный судья актеровъ.

Надо отдать справедливую честь виленскимъ актерамъ, и сказать, что піесы ими сыграны были, на первый разъ, весьма-удачно: выговоръ довольно-правильный, граціозность непринужденная, однимъ словомъ, играли такъ, какъ должно. *Знакомые незнакомцы*, соч. г. Каратыгина, были сыграны съ большимъ успѣхомъ, особенно отличались въ этомъ представленіи: г-жа *Ложинская*, въ роли дочери Станціоннаго Смотрителя, г. *Годенъ*,

въ роли канцеляриста и г. *Новаковскій*, въ роли служителя. Послѣдняя піеса: *Павелъ Павловичъ съ супругою*, соч. г. Каратыгина, представлена была съ неожиданнымъ успѣхомъ. Вся публика была въ восхищеніи. Въ этомъ представленіи роль Радушина и его жены, очень-отчотливо были выполнены г. *Резолемъ* и г-жою *Ложинскою*. Этихъ лицъ выговоръ былъ чисто-русскій, имъ можно назвать украшеніемъ нетолько нашего русскаго театра, но даже и польскаго. Г. *Вольскій* и д-ца *Гродецкая* выполняютъ свои роли непринужденно; прочіе тоже нехудо.

Начало нашему русскому театру положила одна здѣшняя знатная особа, о которой я умолчу; поощряется-же онъ его высокопревосходительствомъ г. Виленскимъ Военнымъ Генералъ-Губернаторомъ Ѳедоръ Яковлевичемъ Мирковичемъ.

Виленскіе жители русскому театру обрадовались, какъ кладу; у насъ русскій языкъ теперь въ модѣ.

п. м.....й

Вильна.

ПЕТЕРБУРГСКІЕ ТЕАТРЫ.

Александринскій театръ.

Свершилось!.. Вкусъ нашей театральной публики послѣднихъ годовъ дошолъ до благодѣтельнаго тропика: ея вниманіе начинаетъ обращаться на предметы вниманія отцовъ и дѣдовъ. Приходитъ пора сказать: «прости!» тѣмъ драмамъ и трагедіямъ, недавнимъ еще предметамъ удивленія и восторга вѣроломной публики, носившимъ такія заманчиво-громкія заглавія, писавшимся такъ легко людьми безъ вкуса и смотрѣвшимся такъ тяжело людьми со вкусомъ. Вотъ до чего мы дожили! Переворотъ подошолъ такъ близко, — а рецензенты полагали, что желаннаго переворота еще и слыхомъ не слыхать! Впрочемъ, и то правда, всѣ великіе перевороты на свѣтѣ настаютъ внезапно. Сряду три мѣсяца, отечественный драматическій геній не произвелъ ни одной лубочно-исторической, ни одной лубочно-сантиментальной драмы; ровнехонько третій мѣсяцъ русская сцена угощаетъ свою публику старинными умомъ, старинными добродѣтелями, и публика не скучаетъ, не скорбитъ объ отсутствіи такъ-называемыхъ оригинальныхъ драмъ новѣйшаго издѣлія, не сѣтуетъ на угощеніе. О «Эспаньолетто или отецъ и художникъ, *оригинальная* драма въ пяти дѣйствіяхъ!» Зачѣмъ ты медлишь досихъ-поръ «быть представлена россійскими актерами?» Еще нѣсколько времени — и въ глазахъ той самой публики, для которой ты писана твоимъ оригинальнымъ авторомъ, отъ которой создатель твой сулилъ себѣ такія оглушительныя рукоплесканія, такой неистово-восторженный вызовъ, явишься ты, о «Эспаньолетто», сущимъ выходцомъ съ того свѣта, блѣднымъ призракомъ безъ жизни и образа.... Спѣши своимъ представленіемъ, пока есть еще время, пока не потеряла до конца цѣны твоя оригинальность, оригинальная драма въ пяти дѣйствіяхъ! И рецензенты будутъ

рады твоему появленію: ты отеро чишь на нѣкоторое время ихъ пробужденіе отъ давно-привычной лѣни, продлишь еще для нихъ благодатное состояніе безмыслія; зажмурясь, перескажутъ они твое содержаніе журнальнымъ читателямъ, какъ пересказывали содержаніе многихъ твоихъ собратій, безотчетно восхитятся твоими достоинствами, кому есть стать восхищаться, безотчетно пошутятъ надъ твоимъ патосомъ и твоими громкими фразами, кому нѣтъ *особыхъ* поводовъ любоваться тобою.

Да! Вольтеръ рѣшительно не правъ, обливъ такимъ смѣшнымъ свѣтомъ добраго доктора Панглоса, утверждавшаго, что на свѣтѣ «все къ лучшему». Кто-бы подумалъ, что даже оригинальныя драмы русской сцены послѣднихъ годовъ были къ лучшему? Мы сами, оптимисты ex officio касательно театральныхъ рецензій, волею и не-волею глядѣвшіе и глядящіе на многое въ стекло благоразумнаго одобренія, сами мы никакъ не подозрѣвали, чтобы подобныя произведенія вели «къ лучшему». Вышло напротивъ. Разумѣется, очень-незрѣлый вкусъ публики требовалъ отъ сцены *новаго* и *высокаго*, таково свойство всякой пооражащей публики, которая еще не понимаетъ, что не всегда то́ хорошо, что́ ново, и что высокопарное отнюдь не есть высокое. Разумѣется, что требованіе должно было находить удовлетвореніе, и что наша сцена, наполняясь аляповатыми оригинальными произведеніями, только угождала зрителямъ. Но не могло такое нелѣпое состояніе продлиться долго на Руси, которая ивстари сознаетъ возможность рости не по днямъ, а по часамъ. Очевидно, что прежній восторгъ началъ ослабѣвать съ нимъ нечала ослабѣвать дѣятельность нынѣшнихъ оригинальныхъ авторовъ; сцена принуждена прибѣгнуть къ старому репертуару, который для теперешней публики совершенно-новъ, и поимени, и по-дѣлу; публика увидитъ, что *это* старое несравненно лучше *ея* новаго; выучившись наслаждаться этимъ старымъ, вступитъ въ разумную связь преданія съ общимъ ходомъ русской образованности, мало-по-малу догонитъ въ развитіи образованнѣйшую часть публики, и вкусъ ея сдѣлается требовательнѣе, восторги отчетливѣе, новостъ и высокопарность перестанутъ служить предметами соблазна; театръ нашъ будетъ по-крайней-мѣрѣ не хуже тѣхъ европейскихъ театровъ, которые не похвастаютъ ни много-вѣковымъ происхожденіемъ, ни тѣсной связью съ общественностью народа.

Въ прошломъ мѣсяцѣ привѣтствуя возобновленіе комедіи Крылова «Модная лавка», мы высказали желаніе видѣть на сценѣ разное добро стариннаго репертуара. Наше желаніе пришло очень вопору, совпавъ съ нуждою Дирекціи, уже приготовлявшей многое къ возобновленію. И точно, спектакли истекшаго мѣсяца всѣ состояли изъ старыхъ новостей Съ большимъ удовольствіемъ принимаемся за ихъ обзоръ. Не станемъ говорить о возобновленной не очень-давней піескѣ «Голубой токъ» комедіи въ одномъ актѣ, переведенной съ французскаго, и не отличающейся другими достоинствами, кромѣ небольшаго смысла и до-

вольно-искуснаго хода дѣйствія. Но возобновлены —

1) Свѣтскій случай, *комедія въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ, соч.* Н. И. Хмѣльницкаго.

Въ первый разъ піеса была играна, какъ значится въ собраніи сочиненій автора, на петербургскомъ Большомъ-Театрѣ 2-го ноября 1826 года; но по духу и складу принадлежитъ ко второму десятилѣтію предъидущаго царствованія, куда относится и вообще драматическая дѣятельность Н. И. Хмѣльницкаго. Во-время, когда писалъ авторъ, разрывъ съ преданіемъ прошлаго вѣка едва-едва начинался, въ особенности для нашей драматической литературы. Возобновленная теперь комедія отличается стариннымъ покроемъ относительно дѣйствія и фактуры стиха, который до появленія «Горя отъ ума» былъ строгимъ шестистопнымъ ямбомъ; ея нравы все тоже примѣненіе нравовъ французской комедіи къ русскому быту, слѣдовательно, къ быту высшаго круга общества, за отсутствіемъ тогда даже призрака общественности въ кругѣ собственно-среднемъ. Языкъ болѣе живой и разговорный, нежели бывало въ нашемъ шестистопномъ драматическомъ стихѣ до Хмѣльницкаго — есть настоящее преимущество автора предъ его предшественниками. Но не-смотря на то, что рифма длиннаго ямба при нынѣшней декламаціи невольно стучитъ по ушамъ, не-смотря на полу-русскіе нравы піесы, въ ней есть истина характеровъ, дѣйствіе вытекающее изъ самыхъ характеровъ, а не навязанное этимъ характерамъ извнѣ; есть тонкій, образованный комизмъ, основанный не на фарсѣ, а на разумномъ элементѣ смѣшнаго. О Н. И. Хмѣльницкомъ вообще можно замѣтить, что его драматическія произведенія духомъ и языкомъ живо напоминаютъ комическій талантъ И. И. Дмитріева, какъ баснописца и сатирика, и въ ходѣ нашей драматической литературы занимаютъ тоже мѣсто, какое имѣютъ творенія Дмитріева въ развитіи у насъ упомянутаго дидактическаго рода. Пріятно-бы видѣть всѣ его комедіи возобновленными на современной сценѣ, и, если не ошибаемся, Дирекція сама имѣетъ эту благую цѣль. Пользы отъ возобновленія можно и должно ожидать самой большой, даже для талантовъ нашихъ артистовъ, по-неволѣ гибнувшихъ безъ развитія среди ничтожныхъ ролей современнаго репертуара. — О содержаніи комедіи говорить излишне, какъ о давно извѣстномъ изъ чтенія каждому, кого интересуетъ отечественный театръ. Возобновленіе шло на здѣшней сценѣ довольно-удачно. Роль князя Радугина (Прямикова старинной комедіи) игралъ г-нъ Каратыгинъ 2-й больше нежели хорошо. Столицына (лицо, которое въ старину у насъ называлось Вѣтрогоновымъ и т. п.) исполнилъ весьма-недурно г-нъ Сосницкій, хотя исполненіе могло-бы быть лучше, ибо на этомъ лицѣ сосредоточенъ весь комизмъ піесы. Рамирскаго, влюбленнаго въ дочь князя, игралъ г. Максимовъ 1-й: роль эта не совсѣмъ для его таланта; но дѣло также обошлось порядочно. Лицо княжны Евгеніи занимала г-жа Самойлова 2-я, артистка съ талан-

томъ, но съ талантомъ, неимѣвшимъ никогда ролей, которыя способствовали-бы его развитію: по-этому нѣтъ ничего удивительнаго, что она не была полною хозяйкой своей роли, выразумѣвъ роль не надлежащимъ образомъ и попавъ въ такую утрированную, приторную наивность, какой вовсе не придавалъ княжнѣ авторъ. Лицо горничной, необходимое по преданію классической комедіи, играла г-жа Шемаева, и также довольно сносно. Публика приняла піесу съ удовольствіемъ, и будь игра актеровъ ровнѣе, характеры комедіи для публики были-бъ понятнѣе, и піеса встрѣтила-бъ еще бо́льшее одобреніе. Но на первый разъ, хорошо и то, что̀ было.

2) Молодость Генриха V, *комедія въ трехъ дайствіяхъ, соч.* А. Дюваля, *переведенная съ французскаго* Валберхомъ.

Французская революція, породивъ въ конечныхъ своихъ результатахъ мѣщанскую аристократію, родила съ нею вмѣстѣ ту комедію, которой представителемъ можно назвать Скриба. Между старой французской комедіей, примененіе которой къ нашему быту занимало у насъ драматическую дѣятельность актеровъ отъ Сумарокова до Хмѣльницкаго включительно, и комедіей Скриба, которой примѣненіе быть у насъ покуда не могло за отсутствіемъ почвы, на какой вращается эта комедія, т. е., сформировшагося средняго класса, есть та существенная разница, что старая комедія брала человѣка, какъ человѣка, съ обще-человѣческими добрыми или худыми качествами, а новая комедія видитъ въ своихъ лицахъ членовъ общества и представляетъ ихъ со стороны современныхъ общественныхъ достоинствъ или недостатковъ. Объ этомъ различіи мы будемъ имѣть случай поговорить подробнѣе при обозрѣніи одного изъ нашихъ комическихъ писателей; слѣдовательно, покамѣстъ рѣчь о немъ впереди, а упомянаемъ про него теперь затѣмъ, чтобъ обозначить характеръ комедіи Дюваля, для чего еще лучше приведемъ слово одного изъ даровитыхъ французскихъ драматурговъ-критиковъ именно Ипполита Люка̀. «Театральная публика измѣнилась. Это уже «не былъ блестящій и образованный дворъ, привыкшій къ формамъ искусства, превосходно понимавшій шутку, роскошный безъ заботный, искавшій забавы и веселости; это было мѣщанство, одержимое духомъ реформы, и, подъ нимъ, народъ, начинавшій эманципироваться, народъ, который судитъ сердцемъ и не можетъ равнодушно видѣть картину торжествующаго порока; народъ, идущій прямо къ сущности вещей, находящій дурнымъ, что какой-нибудь Тюркаре́, разбогатѣвъ его по́томъ и кровью, не получаетъ инаго наказанія, кромѣ измѣны любовницы. Комедія почти промѣняла свой знаменитый девизъ: Castigat ridendo mores, на другой: Castigat lugendo mores, стала *исправлять нравы* не *смѣхомъ*, а *слезами*. Только помощію занимательной интриги, обращаясь не столько къ уму, сколько къ сердцу зрителей, могли авторы производить эффектъ. Вслѣдствіе этого, Александръ Дюваль, принялъ за основу своихъ

«комедій *интересъ*, *занимательность*. Но обладая искусствомъ на «подробности, онъ умѣлъ забавно «вышивать эту нѣсколько мрачную «канву: ибо одаренъ былъ инстинктомъ, составляющимъ истиннаго «комическаго поэта». Лучшими изъ піесъ Дюваля были: *Наслѣдники*, *Юность Ришльё*, *Пльяникъ*, *Эдуардъ въ Швейцаріи*, піеса игранная первый разъ въ Петербургѣ, (гдѣ нѣсколько времени жилъ тогда авторъ, убѣгая неудовольствія Перваго Консула, уже протянувшаго руку за императорскимъ вѣнцомъ), *Фрейлина* и *Молодость Генриха V*, которую самый строгій критикъ Жоффруа называлъ *вѣчной молодостью Генриха V*, l'éternelle jeunesse de d'Henri V. Интрига піесы въ томъ, что наслѣдникъ англійскаго престола, проводившій довольно-буйную молодость и страстный охотникъ до тайныхъ приключеній, заманенъ своимъ любимцемъ, лордомъ Рочестеромъ, попировать въ матросскомъ платьѣ ночью у содержателя трактира, въ былыя времена капитана-корсара Коппа. Приманкою послужила пуще всего хорошенькая племянница старика, Бетти. На трактирной пирушкѣ, у принца вынули кошелекъ, а Рочестеръ тайкомъ ушолъ, оставивъ Генриха безъ всякихъ средствъ расплатиться съ хозяиномъ, кромѣ средства отдать ему въ залогъ часы, которые слишкомъ богаты для простаго матроса и заставляютъ честнаго трактирщика считать переодѣтаго принца мошенникомъ. У Рочестера, измѣнившаго на этотъ разъ Генриху, была цѣль отучить принца отъ шаловливыхъ приключеній, цѣль, за достиженіе которой графъ долженъ получить руку леди Клары, любимицы наслѣдной принцессы. Покровительствуемый графомъ пажъ Генриха, Эдуардъ, ходитъ въ домъ стараго Коппа, подъ видомъ музыкальнаго учителя хорошенькой племянницы, синьора Джорджини, и Рочестеръ вздумалъ воспользоваться этимъ случаемъ дать урокъ принцу, который, бывъ принятъ за плута, едва успѣвъ уйти отъ Коппа, пошедшаго за полиціей, пастранствовавшись ночью по лондонскимъ улицамъ въ сопровожденіи двухъ весьма-подозрительныхъ лицъ, даетъ себѣ клятву бросить страсть къ приключеніямъ. Комедія забавна, интересна, щеголяетъ умнымъ и живымъ разговоромъ, полна нравственности и отличается вопіющими анахронизмами. Чтобы оправдать эти анахронизмы, выпишимъ слова самого автора изъ предисловія къ его піесѣ. Замѣтимъ напередъ, что комедія играна въ Парижѣ первый разъ въ 1806 году. Разсказавъ о своихъ литературныхъ завтракахъ въ 1795 и 1796-мъ годахъ, Дюваль продолжаетъ: «На одномъ «изъ нашихъ завтраковъ, подъ ко«нецъ стола, зашла рѣчь объ од«ной безъимянной комедіи, называ«вшейся *Карлъ II въ одномъ мѣсяцѣ*. «(Charles II en certain lieu). Никто «изъ насъ не зналъ этого произведенія, и, какъ названіе его сулило «скромную веселость, бывшую «очень-кстати послѣ шампанска«го, то мы встали изъ-за стола и «разсѣялись ареопагомъ. Одинъ изъ «насъ началъ читать Названіе по«казывало довольно-странный сю«жетъ; въ-самомъ-дѣлѣ, онъ былъ «очень-страненъ. Второе дѣйствіе

«піесы происходитъ въ одномъ изъ «тѣхъ болѣе чѣмъ подозрительных домовъ, которые весьма обыкновенны въ большомъ городѣ. Карлъ II, переодѣтый, пришолъ туда съ Рочестеромъ. Сцена, гдѣ настоятельница заведенія проповѣдуетъ мораль своимъ дѣвицамъ, и сцена, гдѣ Карлъ II, адресуясь къ высокой брюнеткѣ, узнаетъ, что ее зовутъ Юдифью и что она, подобно почтенной настоятельницѣ, сгараетъ желаніемъ погубить тирана, показались намъ исполнены ума и комизма, приличныхъ положенію и характерамъ лицъ этой оригинальной піесы. Между-тѣмъ, какъ товарищи наперерывъ хохотали шуткамъ комедіи, я обдумывалъ внутренно, какъ-бы вывести на сцену *характеръ Карла II*, не лишая его благородства и интереса, а особливо-же не оскорбляя чистоту нравовъ, что́ для автора, уважающаго себя, должно-быть первымъ правиломъ. Прежде чѣмъ кончилось чтеніе, я уже составилъ часть своего плана, изобрѣлъ новыя лица, и средства заставить ихъ дѣйствовать, и съ-этихъ-поръ идея предстала мнѣ такъ ясно, что я не побоялся вызваться пріятелямъ прочесть имъ черезъ двѣ недѣли піесу съ тѣмъ-же сюжетомъ. Они смѣялись надо мною и приняли мой вызовъ за фанфаронаду. Эта піеса, которую, по забавности слога и ѣдкости разговора, мы единогласно приписывали Шамфору, и которая оказалась подражаніемъ одной англійской піесѣ, написанным Мерсьѐ, развила во мнѣ идеи, которыя мнѣ нетерпѣливо хотѣлось вылить на бумагу. Главнымъ даннымъ служило мнѣ переодѣванье Карла II, и урокъ, который королева, сговорясь съ своей любимицею, хочетъ дать королю, чтобъ отвадить его отъ ночныхъ похожденій; но у меня недоставало еще пружинъ для полной комедіи. Изобрѣтеніе лица Коппа, молоденькой Бетти, пажа, и мѣстомъ дѣйствія трактиръ, скоро представило мнѣ способъ обстановить главную интригу, и т. д.». Молодость Карла II автору не позволила назвать піесу строгая цензура Наполеонова времени, опасаясь какихъ-то намѣковъ, и лицо Карла переименовалось въ Генриха. Оттуда разные несообразности и анахронизмы. Тѣмъ не менѣе, піеса прекрасна. У насъ переводъ ея игранъ былъ лѣтъ пятнадцать назадъ или даже слишкомъ. Переводъ весьма-хорошъ относительно живости разговорности языка. Желательно-бы видѣть на сценѣ и другіе такого достоинства переводы піесъ Дюваля или товарища его Пикара и другихъ былаго времени французскихъ драматурговъ.

На сценѣ нашей піеса шла, какъ нельзя лучше желать. Главныя роли принадлежали г-дамъ Максимову 1 (Генрихъ), Сосницкому (Коппъ) и Смирнову 1 (Рочестеръ). изъ нихъ особенно г-нъ Сосницкій исполнилъ свою роль самымъ удовлетворительнымъ образомъ. Игра г-жа Гриневой въ роли Бетти, если не заслуживаетъ большой похвалы, то не стоитъ и особаго порицанія. Роль пажа игралъ г-нъ Аббе́ и съ слишкомъ натянутымъ комизмомъ. Лэди Клару играла г-на Дюръ со всѣми тѣми достоинствами, съ какими

она обыкновенно играетъ королевъ и знатныхъ дамъ....

3) Севильскій цирюльникъ или тщетная предосторожность, *комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ*, *соч* Бомаршѐ, *переводъ* В. А. Ушакова.

Возобновленіе на нашей сценѣ ума Бомаршѐ принадлежитъ г-ну Третьякову, выбравшему комедію для своего бенефиса. Имя переводчика, талантливаго русскаго новеллиста, напоминаетъ то время, когда театру придавалось больше теперешняго важности въ глазахъ нашей образованной публики, когда отъ труда для сцены требовалось больше теперешняго добросовѣстности. Переводъ покойнаго Ушакова очень недуренъ для двадцатыхъ годовъ, но для живости разговора теперь нужны-бы по-крайней-мѣрѣ нѣкоторыя перемѣны и исправленія въ переводѣ, отзывающемся книжностью, всего менѣе идущей къ Бомаршѐ. Что сказать о выполненіи на сценѣ? Мы желали-бы лучшаго, хотя не назовемъ и этого дурнымъ. Артисты наши такъ привыкли играть въ водевильныхъ фарсахъ, что даже и комедіи Бомаршѐ считаютъ нужнымъ придать достоинство фарса. Этотъ небольшой упрекъ, къ сожалѣнію, долженъ простереться даже на г-на Мартынова, занимавшаго роль опекуна Розины. Лучше всѣхъ бы г-нъ Максимовъ 1-й, въ роли Фигаро и бенефиціантъ въ роли дона Базиля. Графа Альмавиву игралъ г-нъ Самойловъ; для тѣхъ, кто знаетъ родъ таланта г-на Самойлова, не нужно ничего прибавлять. Роль Розины отдана была г-жѣ Самойловой 1-й, и неопытная Розина превратилась въ ловкую гризетку, поддѣлывающуюся подъ наивность невинности. Это бросилось въ глаза не однимъ намъ, но всей публикѣ, ибо услужливая аффиша потрудилась для свѣдѣнія публики сказать, что Розина — *молодая дѣвица, благороднаго происхожденія*. Вѣроятно, отъ перевода зависѣло, что маленькая пѣсня Фигаро во 2-мъ явленіи перваго дѣйствія была не пропѣта, а прочтена г-номъ Максимовымъ. Постановка піесы хороша и отчотлива; впрочемъ и немудрено: самъ Бомаршѐ потрудился объяснить всѣ подробности постановки при перечнѣ своихъ персонажей. Публика осталась довольна до-нельзя; взрывы рукоплесканій громкихъ и продолжительныхъ повторялись не разъ. Еслибъ еще игра актеровъ была чужда всякой тѣни фарса.... Вѣдь, если вкусъ публики имѣетъ вліяніе на игру артистовъ, то и артисты имѣютъ вліяніе на вкусъ публики: зачѣмъ вводитъ въ заблужденіе вкусъ многихъ добрыхъ людей?...

Столько-то капитальнаго изъ старыхъ новинокъ показала въ прошедшій мѣсяцъ наша александринская сцена. Въ необходимости прибѣгать къ старинѣ и въ добрыхъ пріемахъ этой старины публикою мы видимъ не только залогъ, но и доказательство начинающагося измѣненія вкуса публики къ лучшему. Слыщно о многихъ другихъ возобновленіяхъ: въ добрый часъ! Дирекція заслу-

* Комедія «Севильскій Цирюльникъ» будетъ напечатана въ «Репертуарѣ «Пантенѣ», въ переводѣ *В. М. Строева*.

житъ этимъ полную признательность со стороны всѣхъ, понимающихъ дѣло. Но иначе нельзя и ожидать отъ ея заботливости. Если-бы можно съ такою-же вѣроятностью ожидать отъ г-дъ авторовъ, трудящихся для сцены, что они занялись бы лучше добросовѣстными переводами стараго и прославленнаго иностраннаго чѣмъ произведеніемъ разной самодѣльщины!... То-то бы можно порадоваться....

Собственно-новаго явились двѣ бездѣлки, игранныя въ тотъ же бенефисъ г-на Третьякова. И ихъ нельзя назвать новыми въ строгомъ смыслѣ слова. Одна извѣстна по Михайловсвому-Театру; другая давалась уже нѣсколько мѣсяцовъ назадъ на московской сценѣ. Французскій фарсъ: «Portier, je veux de tes cheveux» явился подъ слѣдующимъ названіемъ:

4) Война съ дворникомъ или парижскія проказы, *комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи, переведенная съ французскаго.*

Какъ шутка, этотъ пустой водевиль довольно-забавенъ — вотъ все, что можно объ немъ сказать. Дѣло въ томъ, что ватага гризетокъ, переодѣтыхъ въ мужчинъ, дразнитъ лысаго дворника дома, гдѣ квартируетъ студентъ Эдуардъ; потомъ открывается, что безволосый дворникъ, надъ которымъ такъ безжалостно потѣшались студенты и гризетки, былъ нѣкогда сослуживцемъ отца Эдуардова, полковника наполеоновской службы, и за-тѣмъ водевиль кончается полу-сантиментальнымъ образомъ. Наслажденіе записныхъ театраловъ нашего времени — въ созерцаніи актрисъ, переодѣтыхъ мальчиками.... Бываютъ разныя наслажденія!!..

5) Гамлетъ Сидорычъ и Офелія Кузминична, *шутка-водевиль въ одномъ дѣйствіи, передѣланная съ французскаго* Д. Ленскимъ.

Въ піесѣ только два дѣйствующихъ лица: прикащикъ безъ мѣста, Гамлетъ Сидорычъ, и перчаточница, Офелія Кузминична. Дѣйствіе водевиля въ любовныхъ объясненіяхъ сосѣдовъ по каморкамъ. Прикащикъ безъ мѣста и сосѣдка его, перчаточница, были, изволите видѣть, въ маскарадѣ нѣмецкаго клуба и тамъ другъ другу понравились, не подозрѣвая своего домашняго сосѣдства. Жаль, что таланту г-на Ленскаго нѣтъ покамѣстъ достаточной пищи въ нашихъ нравахъ и что всѣ его передѣлки французскихъ піесъ, часто весьма-забавныя и острыя въ родѣ фарсовъ, по-неволѣ сильно отзываются передѣлками. Публика, по-крайней-мѣрѣ значительнѣйшая часть публики, хохочетъ однако на эти фарсы отъ полноты сердца, и мы очень далеки отъ мысли осуждать въ этомъ случаѣ публику или автора. Только ужъ пусть лучше хохочетъ публика вздорному, но забавному фарсу, нежели изощряетъ свою чувствительность на ложномъ родѣ нелѣпыхъ драмъ, одолѣвавшихъ русскій театръ....

Еще въ бенефисъ г-на Третьякова давалась одна піеса: Воскресенье въ Марьиной рощѣ, *интермедія въ одномъ дѣйствіи*, но до того плохая, что была ошикана,

и при повтореніи бенефиснаго спектакля уже не давалась.

=

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Комедія Ал. Дюма «Les Demoiselles de Saint Cyr» переведена на испанскій языкъ, и съ большимъ успѣхомъ дана была на театрѣ де-ла Круца въ Мадритѣ.

— Не только во Франціи, Бельгіи Германіи, но и въ Англіи «Парижскія тайны» Еженя Сю имѣли огромный успѣхъ. Перваго англійскаго перевода, въ 12-ти томахъ, было напечатано и разошлось 50,000 экземпляровъ; теперь тотъ-же издатель объявляетъ изданіе въ одномъ томѣ, которое будетъ стоить только 6-ть шилл. «съ тою цѣлію, чтобы и небогатый классъ читателей могъ пріобрѣсти это знаменитое твореніе.»

— Не-смотря на величину Версальской залы, не возможно было пригласить всѣхъ участвовавшихъ на парижской выставкѣ промышлености, къ королевскому спектаклю. Разсказываютъ, что одинъ изъ нихъ, вѣрный своимъ провинціальнымъ привычкамъ, сказалъ: «Меня не пригласили; но мнѣ все равно, я куплю контрмарку».

— Поговариваютъ о новомъ путешествіи Россини въ Парижъ. Быть-можетъ, онъ хочетъ узнать, гдѣ поставили его статую, да и для чего поставили ее?

— Ковентгарденскій театръ въ Лондонѣ, еще недавно бывшій однимъ изъ первыхъ лондонскихъ театровъ, какъ по своему великолѣпію, такъ и по славѣ появлявшихся на сценѣ его знаменитѣйшихъ артистовъ, скоро, кажется, навсегда затворитъ двери свои Музамъ и Аполлону: компанія фабрикантовъ и негоціантовъ покупаетъ это зданіе у владѣльца и торгъ, вѣроятно, состоится. Нижній этажъ его назначается для базара, а огромная театральная зала будетъ постояннымъ мѣстомъ промышленной выставки.

— Сынъ знаменитаго композитора Вебера въ нынѣшнемъ-же мѣсяцѣ отправляется въ Англію, чтобы сопровождать оттуда въ Германію прахъ своего родителя. Католическое духовенство Мерфильдской-капеллы (Moorfield-Chapel) вызвалось принять на себя всѣ издержки по перевезенію бренныхъ останковъ великаго композитора къ отечеству. Въ Дрезденѣ составится особый комитетъ, для торжественной встрѣчи праха и для торжественнаго погребенія. Позднѣе, безсмертному маэстро будетъ поставленъ памятникъ.

— Іосифъ Донидзетти-Бей, турецкій полковникъ и генералъ-директоръ всей турецкой военной музыки, уже столько лѣтъ проживающій въ Константинополѣ, недавно пріѣхалъ въ Вѣну, навѣстить брата своего, вѣнскаго придворнаго композитора и каммеръ-капельмейстера — Донидзетти; а отсюда оба брата поѣдутъ въ Италію. Бей-Донидзетти, живя постоянно и такъ давно уже въ Турціи, сдѣлался почти совершеннымъ Туркой, и въ глазавъ своихъ земляковъ будетъ настоящій «Турокъ въ Италіи.»

— Вѣнскія газеты сообщаютъ

пріятную для насъ новость, что будто-бы на слѣдующій сезонъ нашей италіянской оперы ангажированъ къ намъ знаменитый пѣвецъ-буффо Новере.

— Вмѣстѣ съ Фанни Эльслеръ, англійскою и американскою Сильфидою, говоритъ «Ungar,» втерлись въ пестскій театръ и англійскіе нравы. А именно: при самомъ первомъ театральномъ представленіи, въ которомъ она участвовала, мы были свидѣтелями настоящаго и по всѣмъ формамъ кулачнаго боя въ партерѣ нашего театра. Одинъ изъ бойцовъ былъ Англичанинъ.

— Изъ Карлскруэ пишутъ: 8 мая н. с. скончалась, послѣ двухъ дневной болѣзни, бывшая придворная актриса Каролина Бенда, дочь придворнаго актера въ Берлинѣ, Бенда, и внучка извѣстнаго композитора. Съ пріятною наружностью и благозвучнымъ органомъ, она соединяла въ себѣ всѣ средства прекрасной артистки. Давно уже удалившаяся отъ театра, и почти ослѣпшая, она съ величайшимъ безкорыстіемъ старалась передать свой талантъ многимъ ученицамъ, и образовала нѣсколько замѣчательныхъ артистокъ. Благодѣтельные люди приняли въ ней участіе и услаждали тяжолую судьбу ея. Она умерла на 54-мъ году отъ роду.

— Берліозъ предложилъ Французскому Министру Внутреннихъ Дѣлъ, чтобы ему, по окончаніи выставки промышленности, позволено была дать *исполинскій* концертъ въ зданіи, построенномъ для этой выставки на Елисейскихъ-Поляхъ. Концертъ этотъ будетъ продолжаться два дни. Въ первомъ должны участвовать всѣ парижскія и иностранныя, находящіся въ эту минуту въ Парижѣ, музыкальныя знаменитости; во второмъ 850 музыкантовъ будутъ играть новѣйшіе танцы и другія легкія произведенія новой музыки. Этотъ концертъ долженъ быть данъ въ концѣ іюля мѣсяца: такъ возвѣщено аффишами, прибитыми на всѣхъ перекресткахъ Парижа. Издержки для этого концерта простираются до 50,000 франковъ.

— Тальйони, по окончаніи представленій своихъ въ Парижѣ, ѣдетъ не на покой, какъ утверждаютъ это нѣкоторыя газеты, но отправляется на два года путешествовать по тѣмъ европейскимъ столицамъ, въ которыхъ благосклонно ее: принимали она хочетъ проститься на-всегда съ почитателями ея таланта и — удалиться на покой. Первое прощанье свое начала она съ Парижа. Есть надежда, стало быть, что Петербургъ снова увидитъ ее на сценѣ Большаго Театра.

— Въ иностранныхъ газетахъ утверждаютъ рѣшительно, что Листъ женится на танцовщицѣ Лолла-Монтесъ.

— Извѣстный композиторъ Аданъ избранъ въ члены Парижской Академіи Изящныхъ-Искусствъ (Académie des Beaux-Arts), на мѣсто умершаго композитора Бертона

— Скрибъ написалъ новую оперу, для которой музыку пишетъ Оберъ.

— Директоръ Гэй-Маркетскаго театра Уибстеръ (Webster) назначилъ премію въ 500 фунтовъ стерлинговъ (12,500 р. асс.), за лучшую комедію, какая будетъ ему доставлена. Изо ста слишкомъ присланныхъ на премію піесъ, преимущество отдано коми-

тетомъ, составленнымъ изъ семи извѣстныхъ своимъ вкусомъ лицъ, комедіи г-жи Горъ (Gore), подъ названіемъ Quiproquo. Комедія эта теперь сыграна и — подивитеть! — упала самымъ торжественнымъ образомъ! Когда въ партерѣ поднялась буря, Директоръ Уибстеръ вышелъ на сцену и обратился къ публикѣ съ-слѣдующимъ, истинно-британскимъ, *спичемъ*: «Милостивыя государыни и милостивые государи! За сочиненія этой піесы дорого заплочено, постановка ея на сцену тоже стоила дорого. Не я выбралъ ее: она заслужила одобреніе цѣлаго комитета, составленнаго изъ отличныхъ литераторовъ Я прошу васъ только объ одномъ: выслушайте ее до конца, а потомъ — противъ суда вашего ни полслова.» — Несмотря на это, безжалостная публика освистала піесу безъ всякой пощады. Удивительно, какъ комитетъ, составленный изъ отличныхъ литераторовъ, могъ до такой степени ошибиться и у вѣнчалъ премiей комедію, которой завязка, при запутанности своей, не имѣетъ никакого интереса, въ которой характеры ложны, пошлы, тривіальны! Каковы же должны быть другія сто піесъ, присланныя на состязаніе? Мудрено-ли послѣ этого, что французскіе водевелисты *царятъ* на англійской сценѣ?...

—

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ РЕДАКЦІИ РЕПЕРТУАРА И ПАНТЕОНА

1. Присланная изъ Астрахани г-мъ *К. П.....о* статья о тамошнемъ театрѣ не можетъ быть напечатана въ «Репертуарѣ и Пантеонѣ», ибо статьи, въ которыхъ изъясняются такъ: «*Какая ужасная скотина актеръ такой-то,*» печати не подлежатъ.

2. Присланная въ Редакцію повѣсть г-мъ Саз — овымъ, подъ названіемъ: *Месть* напечатана быть не можетъ.

3. Статья М. Н. Лихонина *Объ Испанскомъ театрѣ* напечатается въ одной-изъ слѣдующихъ книжекъ.

4. Повѣсти *Месть* и *Добродѣтель свѣтской женщины*, г-на Т—ва, напечатаны быть не могутъ.

—

Къ этой книжкѣ приложенъ портретъ знаменитой пѣвицы парижской Итальянской-Оперы Джюліи Гризи, біографія которой будетъ помѣщена въ слѣдующей книжкѣ «Репертуара и Пантеона».

=

Редакторъ *Межевичъ*.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

1. Иностранные театры.

Стр.

I. Парижскіе театры. Le mari à la campagne ou rien de trop, комедія гг. *Баяра* и *Жюля де-Вальи*. — Antigone, трагедія *Софокла*, перев. г-дъ *Мёриса* и *Вакри*. — La jeunesse de Corneille, комедія г-на *Кокатриса*. — L'Echappé des petites maisons, водевиль г-на *Бонжура*. — Nicaise à Paris, водевиль г-дъ *Баяра* и *Дюманоара*. — Les petits métiers de Paris, водевиль г-дъ *Любиза* и *Годара* ..... 1.

II. Итальянскіе театры. Взглядъ на современное состояніе драматическаго искусства въ Италіи ..... 10.

III. Лондонскіе театры. Венеціянскіе обручонные, лирическая драма *Жюля Бенедикта* ..... 17.

IV. Вѣнскіе театры. Ein Handbillet Friedrich des Zweiten, комедія *Вильгельма Фогеля*. — Wer wird seine Schulden bezahlen? шутка *Карла Блума*. — Luftschlösser, комедія *А. Ф. Вейднера* — Der unschuldige Schuldige oder Sebastian Wutzberger, шутка *г. Хонпа*. — Ernani, опера *Ф. М. Піаве*, музыка *Д. Верди* ..... 18.

2. Русскіе театры.

I. Провинціяльные. (Одесскій театръ, *R.* — Варшавскій театръ, *Эмильскаго*. — Казанскій театръ, *М. М—аго*. — Виленскій театръ.) ..... 21.

II. Петербургскіе. (Свѣтскій случай, комедія въ стихахъ, *Н. И. Хмельницкаго*. — Молодость Генриха V, комедія *Дюваля*, перев. г-на *Вальберха*. — Севильскій цирюльникъ, комедія *Бомарше*, перев. *В. А. Ушакова*. — Война съ дворникомъ, водевиль. — Гамлетъ Сидорычъ и Офелія Кузминична, водевиль г-на *Ленскаго*. — Воскресенье въ Марьиной рощѣ, интермедія.) ..... 38.

III. Разныя извѣстія. — Корреспонденція редакціи «Репертуара и Пантеона» ..... 46.

Подписка на «Репертуаръ и Пантеонъ» принимается: Въ С. Петербургѣ, въ конторахъ изданія, состоящихъ при книжныхъ магазинахъ М. Д. Ольхина, на Невскомъ-Проспектѣ, противъ арсенала Аничковскаго Дворца, въ домѣ Завѣтнаго, и въ Гостиномъ Дворѣ, по Суровской линіи, № 13.

Въ Москвѣ, въ конторахъ изданія: между Дмитровкою и Петровкою на валу въ прежде-бывшей книжной лавкѣ *А. С. Ширяева*, а нынѣ *Свѣшникова* и *Базунова*; въ ихъ-же книжныхъ лавкахъ, на Никольской улицѣ, подлѣ Казанскаго Собора, въ домѣ подъ № 4 и 5; равно въ книжныхъ магазинахъ *О. И. Хрусталева*, *В. В. Логинова*, *А. В. Глазунова* и *К. А. Полеваго*.

Сверхъ-того, въ Газетной Экспедиціи С.-Петербургскаго Почтамта.

Цѣна за годовое изданіе десять рублей серебромъ. За пересылку и доставку на домъ полагается полтора рубля серебр.

Къ этой книжкѣ приложенъ портретъ **ГРИЗИ**, пѣвицы парижской Итальянской Оперы, рисованный и литографированный въ Парижѣ.

Печатать позволяется. 1-го іюля, 1844. *Цензоръ* И. Ивановскій.

ДѢСКІЙ

МИНЕРАЛОГИЧЕСКІЙ КАБИНЕТЪ.

Текстъ заключаетъ въ себѣ описаніе земель, камней, солей, горючихъ веществъ и металловъ, приспособленное къ дѣтскимъ понятіямъ. Спб., 1843 года. Цѣна 3 руб.

КНЯЗЬ КУРБСКІЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

ИЗЪ СОБЫТІЙ XVI ВѢКА.

Сочиненіе Б. Ѳедорова.

4 части. Спб., 1843 года. Цѣна 3 руб. Вѣс. за 3 ф.

Второй выходъ

МОСКВА И МОСКВИЧИ.

ЗАПИСКИ БОГДАНА ИЛЬИЧА БѢЛЬСКАГО.

Издаваемыя

М. Н. Загоскинымъ.

М. 1844 г. Изданіе М. Д. Ольхина. На лучшей веленевой бумагѣ (около 500 стр.). Съ заглавною виньеткою, изображающій Петровскій Дворецъ. Цѣна 1 руб. 50 коп. Вѣс. за 1 ф. — Тоже, Москва и Москвичи, выходъ первый. М. 1843 года. Цѣна 1 руб. 50 коп. Вѣс. за 1 ф.